

ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Комитет по печати и взаимодействию со СМИ Санкт-Петербурга

Государственный Эрмитаж
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Библиотека Академии наук
Российский государственный исторический архив

Институт культурных программ
Фонд имени Д.С. Лихачева

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е.В. Анисимов, научный руководитель Института Петра Великого, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
В.Е. Багно, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа
Д.А. Гранин, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева
Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
А.В. Кобак, заместитель директора Института культурных программ
А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга
Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева
В.П. Леонов, директор Библиотеки Российской академии наук
М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа
В.Н. Плешков, директор Санкт-Петербургского института истории РАН
А.Р. Соколов, директор Российского государственного исторического архива
Ю.К. Чистов, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

ПЕТРОВСКИЕ РЕЛИКВИИ В СОБРАНИЯХ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Материалы
III Международного конгресса
петровских городов

Санкт-Петербург
8–10 июня 2011 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2012

Научные редакторы:
Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова

Составители:
А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская

Редактор
Г.Б. Богуславская

Конгресс петровских городов поддержали:

Международный благотворительный фонд «Константиновский»
Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад»
Газета «Санкт-Петербургские ведомости»
Информационно-издательская фирма «Лики России»
Фонд культуры и искусства «ПРО АРТЕ»
Отель «Амбассадор»

Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. *Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года.* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2012 — 352 стр., илл.

На первой стороне обложки:
Часы астрономические со звездным и земным глобусами.
Государственный Эрмитаж. (Инв. № ЭРТх-1303)

ISBN 978-5-8015-0291-5

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2012
© СПб ГБУК и ДО «Институт культурных программ», 2012
© Издательство «Европейский Дом», 2012

Содержание

Предисловие 9

РЕЛИКВИИ ПЕТРА ПЕРВОГО

С.Р. Долгова (Москва). Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов 11

В.П. Леонов (Санкт-Петербург). Книги как реликвия петровской эпохи: книжное собрание Петра I в Библиотеке Академии наук 25

Н.И. Тарасова (Санкт-Петербург). Коллекция «Гардероб Петра I» в собрании Государственного Эрмитажа 29

Г.Б. Ястребинский (Санкт-Петербург). «То мореплаватель, то плотник...» (мемориальная коллекция приборов и инструментов Петра Великого в Государственном Эрмитаже) 38

Г.И. Сергеева (Санкт-Петербург). Из истории коллекции Летнего дворца Петра I. 1934–1940 годы 47

Т.П. Мазур (Санкт-Петербург). Автографы Петра Великого в собрании Российского государственного архива Военно-морского флота 64

Н.В. Слепкова (Санкт-Петербург). Петровские реликвии в коллекции Зоологического музея Зоологического института РАН 72

Н.Б. Ямщикова (Переславль-Залесский). Переславский бот Петра I: к истории хранения и реставрации 85

А.В. Материкин (Волгоград). Петровские реликвии (картуз и трость) из фондов Волгоградского областного краеведческого музея 90

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА
В МУЗЕЯХ РОССИИ

С.А. Мезин (Саратов). Петровские реликвии в Поволжье 106

Е.С. Щукина (Санкт-Петербург). Памятники первых лет истории Петербурга в собрании медалей Государственного Эрмитажа 119

Е.А. Андреева (Санкт-Петербург). Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге 125

П.П. Вибе, Т.М. Назарцева, Ю.В. Трофимов (Омск). Реликвии петровской эпохив коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея 136

М.Ю. Данков (Петрозаводск). О коллекции предметов петровского времени в собрании Карельского государственного краеведческого музея 140

И.А. Орлова (Александров). Реликвии петровского времени в музее-заповеднике «Александровская слобода» 148

Л.Б. Перепечаева (Азов). Реликвии петровской эпохи в Азовском музее-заповеднике 157

Х. ван Конингсбрюгге (Гронинген). В поисках петровских источников: российские и голландские архивы как центры современного исторического знания 162

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА
В СОБРАНИЯХ ЕВРОПЫ

Э. Кросс (Кембридж). Рассказ о кубке, пистолете и перчатках, а ещё о дереве: история некоторых предметов в Англии, связанных с именем Петра Великого 170

В.А. Писарева (Дрезден). Подарки Петра I в Государственных художественных собраниях Дрездена 177

И. Шварц (Вена). Неизвестный портрет молодого Петра I 187

В.В. Аристов (Будапешт). Петровские реликвии и памятники в Венгрии 195

Э. Вагеманс (Лювен). Царь, которого не было 208

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ КАК РЕЛИКВИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Н.В. Колышницына (Санкт-Петербург). Документы петровского времени в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга 214

В.И.Егоров (Москва). О подмене подлинников именных указов Петра I муляжами в фонде Военной коллегии Российского государственного военно-исторического архива 219

С.А. Корепанова (Екатеринбург). Реликвии петровского времени в фондах Свердловского областного краеведческого музея: Библиотека В.Н. Татищева 222

Е.А. Наймарк (Санкт-Петербург). Сборники эмблем к фейерверкам начала XVIII века в собрании Российской национальной библиотеки 227

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург). «Журналы» петровского времени из коллекции Отдела рукописей Российской национальной библиотеки 231

Т.Ю. Токарева (Сергиев Посад). Малоизвестная указная грамота Петра I о привлечении Троице-Сергиева монастыря к созданию «воронежского» флота из собрания Сергиево-Посадского государственного музея-заповедника 236

А.Н.Трифонова (Великий Новгород). Грамоты царей Иоанна и Петра 1683–1692 годов из фондов Государственного архива Новгородской области 246

Г.А. Фафурин (Санкт-Петербург). Коллекция книг гражданской печати петровской эпохи в Отделе редких книг Российской национальной библиотеки как исторический источник 251

В.Я. Чернышёв (Муром). Рукописный памятник петровской эпохи — копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы 260

СОБИРАТЕЛИ
И КОЛЛЕКЦИИ

Н.П. Копанева (Санкт-Петербург). Первые коллекции Кунсткамеры: собрание Хр. Готтвальда 266

И.Е. Барыкина (Санкт-Петербург). Петровские реликвии в коллекции графа Д.А. Толстого 272

М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург). Реликвии петровской эпохи в Древлехранилище Александро-Невской Лавры ... 281

А.А. Севастьянова (Рязань). Портреты и предметы петровской эпохи из коллекции купца Антонова в музеях Рязани 286

А.Т. Березнев (Липецк). Деятельность М.П. Трунова и его последователей по сбору и сохранению реликвий эпохи Петра Великого 292

Список сокращений 297

Список авторов 299

Предисловие

В сборник включены тексты докладов, заслушанных на пленарном и секционных заседаниях III Международного конгресса петровских городов. Очередной форум, темой которого были «Петровские реликвии в собраниях России и Европы», проходил в Санкт-Петербурге 8–10 июня 2011 года и был приурочен ко Дню рождения Петра Великого.

Задачи конгрессов петровских городов – всестороннее изучение петровской эпохи и ее наследия, культурная интеграция городов и регионов России, расширение и укрепление сотрудничества российских и европейских учреждений науки и культуры.

I Конгресс петровских городов состоялся в Санкт-Петербурге 27–29 мая 2009 года и носил организационный характер. Тема II Конгресса, проходившего в Санкт-Петербурге в 2010 году, была сформулирована следующим образом: «Культурные инициативы Петра Великого и современная Россия».[1]

Организаторами III Конгресса выступили Комитет по культуре и Комитет по печати Санкт-Петербурга; Государственный Эрмитаж; Институт Петра Великого, при поддержке Государственного музея-заповедника «Петергоф», Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербургского института истории РАН, Библиотеки Российской академии наук, Российского государственного исторического архива, Института культурных программ, Фонда имени Д.С. Лихачева.

Торжественное открытие конгресса и его пленарное заседание состоялись 8 июня в Эрмитажном театре. В тот же день в Зале Государственного совета Эрмитажа обсудили возможность и проблемы составления свода петровских реликвий и предметов петровской эпохи, хранящихся в отечественных и зарубежных музеях, архивохранилищах и библиотеках.

На следующий день в рамках расширенного заседания Конгресса в Президентской библиотеке имени Б.Н. Ельцина состоялось торжественное заседание, посвященное Дню рождения Петра и официальному открытию Института Петра Великого, о задачах и программах которого рассказали руководители Института А.В. Кобак и Е.В. Анисимов. Программа заседания включала презентации проектов и книг, посвященных Петру I и Санкт-Петербургу, после чего делегаты конгресса приняли участие в церемонии открытия город-

[1] См.: Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 99-22 июня 2010 года. СПб.: Европейский Дом, 2011. — 294 с.

ского праздника «День рождения Петра Великого», состоявшейся у «Медного всадника».

Третий день работы конгресса был посвящён заседаниям секций («Петровские реликвии», «Петровская эпоха в музеях России и Европы», «Письменные памятники как реликвии петровской эпохи», «Собиратели и коллекции»), работавших в помещениях Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость). Участники обсудили вопросы о том, что́ можно и что́ следует считать «петровской реликвией», возможно ли составление «музейного» свода петровских реликвий (аналогичного своду петровских недвижимых памятников России и Европы, над которыми в Институте Петра Великого уже ведется работа), а также свода письменных памятников, хранящихся в библиотечных и архивных хранилищах. Нужны ли подобные своды? Какого рода сведения они могут включать? И, наконец, кто мог бы принять участие в этой работе?

Отдавая отчёт в сложности (в особенности – организационного характера) и трудоёмкости подготовки сводов, участники конгресса, тем не менее, высказались в их пользу и выразили готовность принять участие в их составлении. Институт Петра Великого в этом случае мог бы взять на себя координацию проекта. Директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский отметил при этом, что в крупнейших российских музеях уже подготовлены и изданы каталоги наиболее значимых петровских памятников.

В III Конгрессе петровских городов приняли участие сотрудники учреждений культуры, образования и науки многих петровских городов России: Петербурга, Москвы, Азова, Александрова, Архангельска, Астрахани, Брянска, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Истры, Калининграда, Кингисеппа, Липецка, Мурома, Омска, Переславля-Залесского, Петрозаводска, Рязани, Саратова, Сергиева Посада, Соловков, Тулы, Углича. На форуме выступили также представители европейских городов, связанных с именем Петра Великого: Будапешта, Вены, Гронингена, Дрездена, Кембриджа, Лювена, Парижа, Таллина.

Всего на конгрессе было заслушано 52 докладчика, представлявших 26 городов России и Европы. В настоящий сборник включены 36 текстов докладов, носящих исследовательский характер. Тексты приветствий, презентаций, выступлений на круглом столе не публикуются.

8–9 июня 2012 года в Санкт-Петербурге пройдёт IV Конгресс петровских городов. Его тема: «Две столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург». Участники из петровских городов России и Европы обсудят широкий спектр проблем, связанных с этим условным «юбилеем», ознакомятся с программами и проектами Института Петра Великого.

РЕЛИКВИИ ПЕТРА ПЕРВОГО

С.Р. Долгова (Москва)

Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов

В Российском государственном архиве древних актов хранится фонд под названием «Кабинет Петра I и его продолжение» (Госархив, разряд IX). В этом фонде собраны документы, отложившиеся в деятельности кабинетов: Петра I (с конца XVII в. до 1725 г.); Екатерины I (с 1725 по 1727 г.) и Елизаветы Петровны (с 1741 по 1762 г.). Документы фонда поступили в РГАДА в составе бывшего Государственного архива Российской империи, где они хранились с 1834 по 1917 г.

Кабинет Петра I как учреждение возник в начале XVIII столетия. Его основание связывают с моментом назначения бывшего подьячего Ижорской канцелярии А.В. Макарова (или Макарьева) 5 октября 1704 г. «к кабинетным делам». «В бытность Петра Великого в Вологде, — сообщает И.И. Голиков, — заметил он одного молодого человека и, с первого взгляда проникнув в его способности, взял к себе, определив писцом в Кабинет свой. Потом мало помалу, возвышая, произвел в достоинство Кабинет-секретаря. С того времени г. Макаров неотлучно находится при монархе»[1]. Он сопровождал Петра I при поездках за рубеж: в Данию, Мекленбург, Голландию (1716), во Францию (1717), в Персию (1722).

Архив Кабинета Петра I имеет свою историю[2]. Первоначально кабинет являлся личной канцелярией царя, в задачу которой в ос-

[1] Цит. по кн.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 3. С. 277.

[2] См.: *Кононов Ю.Ф.* Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 292–297.

новном входило ведение его обширной переписки. При назначении А.В. Макарова на должность кабинет-секретаря Пётр I передал ему всю накопившуюся до 1704 г. переписку. Со временем Кабинет превратился в учреждение, игравшее важную роль в жизни государства. Сюда стекались сведения по всем вопросам внутренней и внешней политики России. Кабинет вёл переписку с государственными учреждениями, в него поступали донесения военачальников, дипломатов и т.д. В функции Кабинета входило заведывание личными суммами царя, подготовка указов Петра I и запись этих указов в специальную книгу, а также составление журнала его деятельности. Через Кабинет из-за границы выписывались в Россию специалисты разных профессий и посылались за рубеж русские ученики. В компетенции Кабинета находились вопросы строительства Петербурга и его окрестностей, постройки казённых заводов, различные судебные дела, рассмотрение челобитных, деятельность Садовой канцелярии и Кунсткамеры.

После смерти Петра I Кабинет просуществовал недолгое время. В начале царствования Петра II в мае 1727 г. он был упразднён. «А ныне указали мы о таковых новых и важных делах тем командующим генералам и из губерний губернаторам писать в наш Верховный тайный совет» [3]. В 1731 г. при Анне Иоанновне был учреждён Кабинет Министров, к которому перешли функции петровского Кабинета. 26 мая 1727 г. Верховный тайный совет указал: «В Кабинете всем обретающимся делам и письмам, которые есть с начала того Кабинета, тайному советнику Алексею Макарову подать немедленно в Верховный тайный совет опись за рукою, расписав секретные и публичные порознь». Ведомость, поданная 1 июля 1727 г. в Верховный тайный совет Алексеем Макаровым, даёт представление не только о документах и книгах, которые принадлежали Петру I, но и характеризует царя как коллекционера старины. Перед каждой записью указано, как они попали к Петру I. В ведомости перечислены старинные русские монеты (новгородские, псковские, «великие деньги» Ивана Калиты), преподнесённые Петру I попом Фёдором из вотчины Воскресенского монастыря, «азиацкие», татарские, присланные из Казанской губернии. В коллекции государя хранились иностранные медали, в том числе шведских королей, французские, «которые присланы из Парижа от Лефорта в 1716 году»[4].

[3] ПСЗ. Т. 7: 1723–1727. [СПб.], 1830. № 5078. С. 794.

[4] РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Оп. 5. Д. 3. Л. 2–11 об.

14 августа 1728 г. было велено «кабинетные дела» отправить из Петербурга в Москву. В 1731 они были переданы Кабинету министров. После отъезда Анны Ивановны из Москвы в Петербург архив оставался в Москве — сначала «при камор-цалмейстерском помощнике» Б. Слизове, а затем в Интендантской конторе «под смотрением» двух майоров[5].

В июне 1742 г. архив был передан в Кабинет Елизаветы Петровны. 14 сундуков с документами разместили в одном из зданий Летнего дворца императрицы в Петербурге. В 1760 г. по представлению назначенного к «кабинетному архиву» коллежского асессора А. Слатина архиву было выделено «четыре тёплые покоя»; специальным распоряжением Кабинета в Главную дворцовую канцелярию было велено отпустить для отопления этих «покоев» «сухих берёзовых дров». Условия хранения документов, очевидно, улучшились, но никаких мер к их разбору и описанию не предпринималось.

Только в 1762 г. по распоряжению Екатерины II статскому советнику П. Аксакову было поручено «порядочно разобрать и описать» архив Кабинета Петра I. Ему было приказано приступить к этой работе немедленно и постоянно доносить в Кабинет императрицы о ходе разбора дел «с показанием того, что знания и любопытства» её «достойно быть может». П. Аксаков с помощниками начал регулярно посылать рапорты о своей работе с приложением многочисленных копий документов петровского времени. Архив же в действительности разбирался очень медленно.

Донесения П. Аксакова дают возможность составить представление о состоянии архива в 60-е гг. XVIII в. «При разборе означенного архива, — писал в Кабинет в начале своей работы П. Аксаков, — оказалось книг <...> императора Петра Великого записных посланным к разным персонам исходящих и писанных собственною его императорского величества рукою с 1704-го по 1725 год <...> осьмнадцать книг. Да входящих писем, челобитен и ведомостей с 1700-го по 1725 год <...> семдесят одна книга. Прочие же дела, которые не в переплете, разбирать буду немедленно». Из этого рапорта видно, что за время, прошедшее после сдачи архива в 1727 г. А.В. Макаровым, до 1762 работа над архивом фактически не проводилась. Большая часть документов — указы Петра I, его записки, журналы, рукописи, относящиеся к истории царствования Петра I, и др. — так и не были разобраны. В связках находилась и вся документация за 1721–1727 гг.

[5] Там же. Д. 3а. Л. 19–22.

По существу разбор и описание документов были начаты только в 1788 г., когда управляющим архивом был назначен известный историограф XVIII в. М.М. Щербатов.

В 80-е гг. XVIII в. архив Кабинета пополнился дополнительными материалами, которые были описаны уже после М.М. Щербатова. Так, в 1783 г. Ф.Г. Орлов передал ряд документов, хранившихся в библиотеке его брата гр. Г.Г. Орлова.

Все эти документы в настоящее время и составляют фонд «Кабинет Петра I и его продолжение», имеющий семь описей. Документы распределяются по описям следующим образом: первая опись включает записные книги указов Петра I; вторая — всю остальную часть I отделения Кабинета; третья и четвёртая описи включают документы II отделения Кабинета; шестая опись — документы Кабинета Елизаветы Петровны; пятая и седьмая — «продолжение» Кабинета Петра I, которое сформировано из входящей документации 1725–1727 гг., поступившей в архив в 1780-е гг.; эти документы фактически являются не продолжением, а дополнением II отделения Кабинета.

Все описи фонда были составлены в последней четверти XVIII в. Они широко использовались историками, шифры документов, закрепленные описями, прочно вошли в научный оборот. Материалы архивного фонда «Кабинет Петра I», сформированные в толстые тома в красивых бордовых кожаных переплетах с императорским орлом на обложке, содержат многочисленные автографы царя, подлинные указы, документы с его правкой, переписку с разными лицами.

Среди материалов Кабинета следует назвать в первую очередь представляющие большую историческую ценность «Тетради Записные» — записные книги именных указов Петра I и Екатерины I 1704–1725 гг., куда вносились копии и отпуски распоряжений и указов Петра I по управлению государством.

Документы Кабинета включают в себя источники, характеризующие деятельность Петра I по самым различным направлениям. Это в первую очередь законодательные акты, касающиеся преобразования гражданского управления, военного и морского дела, организации службы и учебы дворян, реформы церкви, преобразованию судебных учреждений: «Воинский Устав» (1716), «Должность Сената» (1718), «Морской Устав» (1720), «Табель о рангах» (1721), «Указ о суде» (1721), «Генеральный регламент коллегий» (1720) и т.д. Эти документы в большинстве своем являются материалами к составлению знаменитых законодательных памятников петровской

эпохи — проектов, различных вариантов и редакций с собственноручными дополнениями, поправками и отметками Петра I.

Сохранилось несколько экземпляров Морского устава; один из них, сигнальный, дошедший до нас в единственном экземпляре, правил Пётр. Устав неполный, сохранилось всего 15 первых листов, но по ним можно судить, как работал Пётр над первоначальным текстом. Добавления сделаны к заголовкам разделов (пунктов), которые должны быть понятны каждому моряку: капитану, лекарю, боцману, мичману, «матрозу», «доброму плотнику», юнге.

В предисловии к книге был обобщён опыт строительства кораблей в годы Северной войны. Созданию Устава предшествовала длительная работа по собиранию материалов. В указе Петра I о введении Устава говорилось: «того ради сей Морской устав учинили, дабы всякий знал свою должность и неведением никто не отговаривался <...> Ещё еже всё через собственный наш труд ученено и совершено в Санкт-Питербурхе, 1720 году генваря в 13 день»[6].

Центральное место среди документов I отделения Кабинета занимают материалы по военной истории, в частности, по истории Северной, или «шведской», войны. Сюда относятся сочинения, выписки, записки и заметки Петра I по военному и морскому делу: «Правила сражения» (1708), росписи и чертежи кораблей русского, шведского, английского и голландского флота. Здесь же находятся реляции (собственноручные и с поправками Петра I) о взятии Нотебурга (1702), Выборга, Кексгольма, Пернова (1709), Ревеля (1710), Штеттина (1713), о битве при Лесной (1708).

В мае 1708 г. вышла из печати книга «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте». Сохранилась записка Петра I начальнику Монастырского приказа И.А. Мусину-Пушкину: «Сие сигналы вели напечатать новою мелкою печатью, наискорее, а книшки б были таковы величиною, как здесь очерчено, чтоб в кармане было мочно носить».

После отправки «Сигналов» в печать Пётр сделал ещё ряд исправлений и послал их Мусину-Пушкину 8 мая 1708 г. с таким уведомлением: «На прошлой почте с курьером Полонским посланы к вам сигналы, чтобы таковы напечатать, и после той отсылки смотрел я те сигналы сам, в которых много переправил, а в которых статьях переправлено, то расписано на особливом листу».

9 июня Петр получил 30 книжек, вся правка была учтена. Впоследствии Пётр продолжал усовершенствовать это издание: един-

[6] РГАДА. АСРИ. БМСТ/гр. п. № 799; Ф. 381. Д. 814. Л. 2.

ственный сохранившийся экземпляр «Сигналов» 1715 г. сопровождали иллюстрации (Петропавловская крепость, река Нева, церковь Троицы), а позже, когда готовился массовый тираж книги, Пётр предложил сократить её заголовок, и она стала называться «Генеральные сигналы в российском гребном флоте Его величества на российском и итальянском языке»[7].

Мощь России опиралась на созданную Петром I регулярную армию и военно-морской флот. Военным реформам предшествовало Великое посольство Петра I в Европу. Пётр пребывал за пределами России около полутора лет; за это время он побывал в Кёнигсберге, Амстердаме, Лондоне, Вене, что отражено в походных журналах и статейных списках Великого посольства. В промежутках между переговорами, аудиенциями, осмотрами музеев и предприятий Пётр работал на амстердамских верфях плотником и во главе десятков волонтеров соорудил и спустил на воду корабль «Пётр и Павел». В Кабинете Петра I имеются дипломы, выданные царю[8] и его сподвижнику А.Д. Меншикову[9] за проявленное ими отличное мастерство. Миссия Великого посольства позволила России круто изменить направление борьбы за выход к морю: вместо утверждения на южных морях Россия решила добиваться возвращения своих владений на Балтийском море.

В Кабинете Петра I имеется большой комплекс документов, отражающих ход Северной войны. Главным событием явилось Полтавское сражение 27 июня 1709 г., изменившее весь ход войны. В Кабинете в юбилейные дни было обнаружено обращение Петра I к воинам перед боем (до этого оно было известно в изложении Феофана Прокоповича)[10]. Накануне Полтавского сражения Пётр I узнал об измене гетмана Ивана Степановича Мазепы[11]. В архиве имеется печатный план Полтавского сражения и «Юрнал» с подробным сообщением о происшедшем сражении, а также гравюра с изображением Петра, его соратников во время битвы.

Иван Степанович Мазепа первоначально пользовался полным доверием Петра I и его расположением. Он лично участвовал в

---

[7] РГАДА. АСРИ. БМСТ/гр. п. № 799.

[8] РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 38. Л. 24.

[9] Там же. Ф. 198. А.Д. Меншиков. Оп. 1. Д. 12.

[10] Там же. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 273.

[11] Доношения: Б.П. Шереметева 18 марта 1709 года (РГАДА. Отд. II. Кн. 10. Л. 242–244 об.); Г.Ф. Долгорукова 3 марта 1709 г. (Там же. Кн. 9. Л. 247–248 об.).

отражении набегов крымцев, совершал вылазки против них; его казаки проявили отвагу во время второго Азовского похода. В знак полного доверия к гетману царь наградил его в 1700 г. учрежденным орденом св. Андрея Первозванного, а в 1703 г. вотчинами под Курском: «Наше царское величество пожаловали верного нашего подданного Войска Запорожского обеих сторон Днепра гетмана и кавалера Ивана Семеновича Мазепу за многие его к нам, великому государю, к нашему царскому величеству верные и усерднорадетельные службы, повелели ему дать сию нашу царского величества жалованную грамоту для крепчайшего теми слободами, землями и угодьями ему, подданному, впредь владения на покупные и поступные его деревни, которые ему по нашему государеву цареву и великого князя указу»[12].

После измены Мазепа был лишён всех наград и вотчин; выпущенные затем манифесты клеймили предателя и отделяли его от украинского народа.

Во II отделении Кабинета хранятся донесения военачальников Петру I о выполнении его указов, о ходе боевых операций, состоянии русской армии — А.А. Вейде, П. Гордона, Ф.М. Апраксина, Б.П. Шереметева, Н.И. Репнина, К.И. Крюйса, И.А. и Н.А. Сенявиных, Л. Алларта, В.В. Долгорукого др. В 2009 г. в Выборге был открыт памятник устроителю российского флота, герою Северной войны, генерал-адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину. На основании документов РГАДА было подготовлено информационное обеспечение (брошюра) для открытия памятника. В неё включён документ из Кабинета о капитуляции Выборга.

12 июня 1710 г. были подготовлены «Условия сдачи Выборга», составленные совместно Апраксиным и вернувшимся после болезни из Петербурга Петром I. Они помещены в издании «Журнал или Поденная записка Петра I»; в РГАДА в «Кабинете Петра I» и в делах Посольского приказа сохранились списки «Условий» о сдаче города. Приводим их полностью:

«1. Позволяетца сей гварнизон выпустить с верхним и нижним ружьём, без военной музыки, знамён и барабанного бою, купно с их пожитки и фамилиями. И правианту, сколько надлежит на дорогу водяным и сухим путём, дано будет.

2. Купцов, рукомесленных и духовных и протчих будут содержать при их вере в милости и призренье по обычаю.

[12] РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. IV. № 53. Л. 1.

3. Поселяня отпустятца по их землям.

4. О духовных и при полках служащих, яко камисары и протчие, против первого пункта позволяетца.

5. По заключении сего окорта на брешь караул его царского величества поставлен будет.

И дабы на сии пункты было ответствование в семь часов. А ежели сие в те часы не принято будет, то б больше не ответствовали. А мы, во имя божие, свой аванташ будем исправлять.

Писано июня в 13 день 1710-го»[13].

Значительное место в документах Кабинета занимают материалы по истории внешней политики России первой четверти XVIII в. Они характеризуют прежде всего роль Петра I в руководстве внешней политикой страны. Эти документы представлены указами и письмами Петра I канцлеру Г.И. Головкину, П.П. Шафирову, русским послам и дипломатическим представителям — В.Л. Долгорукому, А.А. Матвееву, П.И. Ягужинскому, Б.И. Куракину, Ф.С. Салтыкову и др.

Пётр I собственноручно давал инструкции отъезжавшим за границу послам. 4 января 1701 г. царь дал наказ ближнему стольнику кн. П.А. Голицыну в связи с отправлением его послом в Вену: «Великий государь царь и великий князь Пётр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец велел ехать к цесарскому величеству римскому для своих Великого государя дел инкогнито, а для волного и безопасного теми землями проезду ему дана его Великого государя проезжая, да к цесарскому величеству римскому послана с ним на него верющая грамота за отворчетою большою печатью»[14].

В фонде находятся также письма Петру коронованных особ Европы, иностранных государственных и военных деятелей, дипломатических представителей в России. Ценным источником по истории внешней политики этого периода служат также отложившиеся в Кабинете донесения руководителей и служащих Посольского приказа, Посольской канцелярии и Коллегии иностранных дел в Кабинет, в том числе П.В. Посникова, первого русского врача, посланного Петром I для обучения за границу.

В Кабинете, особенно в первые годы его существования, были сосредоточены и все нити внутреннего управления. Сохранились

---

[13] Там же. Ф. 9. Отд. II. Кн. 12. Л. 354. Опубл.: Письма и бумаги Петра Великого. М., 1956. Т. 10. С. 187–188.

[14] РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией. 1701. Д. 3. Л. 1–5.

указы и письма Петра I Ф.Ю. Ромодановскому, Т.Н. Стрешневу, остававшимся во время отсутствия Петра I во главе управления внутренними делами; его указы Сенату, губернаторам, комендантам крепостей, различным должностным лицам по хозяйственным и финансовым вопросам, вопросам поставки рекрут, подавления внутренних волнений. В Кабинете хранятся и донесения Петру I и в Кабинет Сената, коллегий, канцелярий и других центральных и местных учреждений по делам внутреннего управления.

Целью административных реформ Петра I было достижение максимальной эффективности в управлении, когда решения власти четко и быстро поступали из центра на места и столь же быстро и четко исполнялись. С самого начала губернаторы стали основным звеном в вертикали власти, созданной Петром I в ходе административных реформ: глава государства — Сенат — коллегии — местное управление в губерниях и уездах. Губернская реформа 1708 г. явилась одной из первых на пути модернизации государственного аппарата Российской империи в начале XVIII в. и разрабатывалась на самом сложном этапе Северной войны. А создание новых административно-территориальных единиц произошло вскоре после успешной баталии при Лесной и накануне решающего сражения — Полтавской битвы.

Отличительной чертой управления в первой четверти XVIII в. было активное личное участие Петра I в решении всех вопросов внутренней и внешней политики. Значительная часть документальных материалов Кабинета свидетельствует, что именно через этот орган велась переписка царя с руководителями регионов, здесь же сохранились походные журналы Петра I, в которых содержатся записи об основании Санкт-Петербурга, посещении монархом губернских центров.

Большой интерес представляют также материалы Кабинета, отражающие развитие промышленности и торговли в России начала XVIII в. Это прежде всего дела о казенных заводах, управление которыми всецело было сосредоточено в Кабинете. Во II отделении Кабинета находятся донесения начальника олонецких, уральских и сибирских казенных заводов В.И. Геннина (1701–1727), Г.Д., Н.Г. и А.Г. Строгановых, Н.А. и А.Н. Демидовых (1702–1726) о заводах и соляных промыслах; А.И. Давыдова о Екатерингофском полотняном заводе, И.Ф. Тиммермана, И.П. Тамеса и П.П. Вестова о парусной и полотняной фабриках и сахарном заводе в Москве и т.п. С достаточной полнотой представлены материалы, отражающие развитие внешней торговли, поставки английских и голландских

купцов в Россию, в том числе купцов И. Любса, А.Р. Стейлса, Р. Робинсона.

В фонде Кабинета Петра I нашли отражение и документы политических, гражданских и уголовных процессов, следственных дел петровской эпохи. Они представлены указами и инструкциями Петра I о «розыске» по тому или иному делу и донесениями различных должностных лиц по делам К.А. Нарышкина, А.В. Кикина, кн. А.Д. Меншикова, Я.Н. и В.Н. Римских-Корсаковых (1715), а также донесения по розыскным дела А.Д. Меншикова, А.А. Курбатова и братьев Соловьёвых (1713–1714).

В Кабинете хранятся многочисленные документы, характеризующие развитие культуры, науки, просвещения в начале XVIII в. и личную роль Петра I в широких культурных преобразованиях. Здесь хранятся документы по истории развития школы и просвещения — речь Петра I при посещении патриарха Адриана о необходимости просвещения, целях и способах организации школ, первая азбука гражданского шрифта с исправлениями Петра I, «Пункты» об Академии Наук 1720 г.

В Кабинете есть несколько проектов Академии наук. Наиболее ранним из них является датированный 1718 г. доклад Г. Фика, советника царя по устройству коллегий (министерств). Сбоку на полях документа Пётр I решительно приписал: «Сделать Академию, а ныне приискав из русских, хто учён и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденцию и протчие к тому. Сие учинить сего году начала»[15].

С Академией наук связано имя предка Пушкина Абрама Ганнибала. Во время своего второго путешествия в Европу Пётр I, сопровождаемый Абрамом, тогда уже юношей, оставил его в Париже для обучения военным и фортификационным наукам. Это было в июне 1717 г. В Москву посланец царя вернулся 27 января 1723 г. и привез ценнейшую коллекцию, опись которой сохранилась в фонде Кабинет Петра I (см. приложение).

В фонде хранится подлинный рукописный указ Петра I и корректурные экземпляры, по которым можно проследить, как готовился указ об ассамблеях 1718 г. Сначала предполагалось, что ассамблеи будут проводиться у избранных людей, список которых был приложен в конце первого варианта. В этом списке царь пометил себя под именем вице-адмирала. Однако в дальнейшем Пётр I решил иначе — ассамблеи можно проводить в частных дворянских

[15] РГАДА. Ф. 1451. Именные указы Петра I. Оп. 1. Д. 18. Л. 102.

домах. Царь внёс изменения в заголовок, сделав его кратким и запоминающимся. Указ отличался демократичностью, и в этом отношении важен пункт, где сказано, что на собраниях могут присутствовать не только дворяне, но и «знатные купцы, начальные мастеровые люди, знатные приказные». Здесь же на полях была пометка — «тож разумеется о женском полу, их жён и детей»[16].

Значительное место в деятельности Кабинета уделялось организации строительных работ в России, прежде всего строительству Петербурга, устройству здесь садов и парков, приглашению иностранных архитекторов, о чём свидетельствуют многие документы. В фонде Кабинета Петра I находятся донесения и «пункты» начальников Канцелярии от строений А.М. Черкасского и У.А. Сенявина с резолюциями и поправками Петра I, рисунки и чертежи самого Петра по планировке Петергофа, планы Адмиралтейской крепости, центрального здания Монплезира в Петергофе (1720). В Кабинете представлены донесения иностранных и русских архитекторов Д. Трезини, Ж.-Б. Леблона, Н. Микетти, М.Г. Земцова, П.М. Еропкина о строительстве Петербурга, Петергофа, Стрельны, проекты садов и парков Ж.-Б. Леблона (1716–1719) и, конечно, документы губернатора А.Д. Меншикова — главного руководителя новой столицы.

На основании документов Кабинета издано большое количество монографий и сборников. Здесь прежде всего нужно назвать сборник «Письма и бумаги Петра Великого» (Т. I–XIII. СПб., М.; Л., 1887–2003), издание которого необходимо возродить.

Приложение

Роспись книгам и инструментам, которые приняты у Аврама Арапа.

По сей росписи книги и инструменты принял Иван Орлов.

3 готовальни; инструмент, чем вытаскивать зубы; фут галанский.

Книги. Новый завет; Разговоры на галанском и русском языке; О должности генеральской; Правы французские морские; 3 азбуки русские; Эпофегмата; География; Атлас; Атлас с картами; Атлас карт морских; Гистория Июлия Цезаря, которая подарена в Коле; книга о столбе Батиканском; книга о фортификации; книга механическая; 2 книги Евангелия галанские; карты Венгерской земли, которые чертил Мум; Книжка машин; Книжка машин архитектуры

[16] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 22. Л. 9–10.

Клеркова; 2 книги огородной Кентини; Архитектура Велиерова; Пословицы на галанском языке; Книга о стольном городе; чайник полотняный, что привезен из Везеля.

Опись книгам. Книга описание Дазанвалид, поднёс маршал Вилерс; книга описание Версалии рисована, описание Марли рисована, большой план и одиннатцать листов Триано — поднёс дук Донтен; книга о строении кораблей, книга на оную отповедь или решение — поднёс генерал-майор Рено.

Купленые книги. Фабулы Овидиовы. Описание Версалии в лицах. Описание о одежде турецкой и протчих восточных краев. 3 книги описание Экспериенциа физика. Книга математических инструментов. Книга употребление глобуса. Книга употребление астролябии. Книга фортификацы названа. Книга о слюзах. Книга о фортификации Фрегна. Книга о фортификацы Девина Покана Вибана. К[нига] о фортификации графа Покана. К[нига] употребление Пантомета. К[нига] разговор о зрении человеческом. К[нига] должность афицеров артилерских.

Книги, что привез Сава Рагузинской. Библия в лицах нирнберской печати. Книга о строении Венеции. К[нига] о птицах. К[нига] о римских фонтанах. К[нига] о каминах. К[нига] мармарам, которые посланы штатуи в Питербурх. Персона короля французского нынешнего 15 Людовика чертил Марлинской, что поднес граф Тулус. Книга Геометрия.

Роспись инструментам математицким, которые куплены в Париже.

Имена мастерам	Астреляби
Бион	Астреляб большой з двемя трубки
Макарт	Астреляб малой без трубок
Бутерфиль	Астреляб без трупки
	Ватерпасы
Шапот	Ватерпас с трупкоюВатерпас без трупки
Бион	Ватерпас без трупки
Бион	Ватерпас с трупкою
Бион	Малой ватерпас без трупки
Шапот	Инструмент, чем снимать план
Бион	Компас
Макарт	Часы солнечные 8 угольные
Макарт	Часы солнечные 4 угольные
Биен	Инструмент и полкруга и мера в готовальне
Биен	2 цыркуля в готовальне, одна в том числе ради снимания овалов, а другой разделён на части

Лефеврел	Ватарпас ради метания бомб
Макарт	Ватерпас для стрельбы пушек
Макарт	Трубка для стрелянья ис пушек
	Инструмент ради просечения дырок
Биен	2 чернильницы серебряные с инструментами
Биен	Готовальня с медными инструменты, в которой 7 цыркулов и фут и чернильница
Бутерфил	4 готовальни медные обычайные
Бутерфил	Готовальня такая ж поменьше
Мер	Готовальня обычайная
Макарт	Машина жестяная, што становят у водных ключей
Макарт	Инструмент деревянный ради черчения
	Ноги ис под астролябии Шапот
Макарт	Инструмент чем фонтан меряют Циркуль с карандашем в готовальне Инструмент чем мартиры устанавливают
Шапот	Часы солнечные с указами обычайными
Шапот	Часы солнечные с указами ж обычайными
Шапот	Ватерпат на колотке деревянной
Шапот	Инструмент ради углов
Шапот	Готовальня з большими инструментами солнечными
	Три ящика
Шапот	Ватарпас з двумя трубками

2 часы солнечные, 3 часы солнечные медные с компасами, серебряные часы, трупка большая в три чети, трупка в две чети, трупка обронная стальная, трупка серебряная обронная золоченая, две мотушки черепаховых золотом насечены, трубка карманная, две коробки берестяных, два махала берестяных, трубка в дву штуках из мадона, план дому абта (или архимандрита) Пажета, 10 чертежей машинных, сундук, сфера Коперникова, волынка и книга ее описания.

Принял у Афанасия Татищева: пушка 3-х зарядная с станком, которую поднес маркиз Сентинель, генерал от алтирелии; 2 маленькие пушки, в которых три пули; книга чертежам пушечным, станок пушечный без пушки; ящик для укладки оных пушек; пушка да мортира.

Книги, что подарил вице-адмирал, маршал де Тре.

Книга о сигналах морских.

Книга детовы ордера Святого духа, книга молитвы повсядневная кавалерам — поднёс генеоложист того ордера.

Чертеж галеры о дву сопцах поднёс маршал де Тре.

Еще в Амстердаме инструменты в деревянном ящике; две книги убором садов галанским чердакам; две книги от Веселовского присланы об архитектуре; Мадель о пече и 2 чертежа.

РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 88. Л. 209–212об.

В.П. Леонов (Санкт-Петербург)

Книги как реликвия петровской эпохи: книжное собрание Петра I в Библиотеке Академии наук

Российский гуманитарный энциклопедический словарь определяет реликвию следующим образом: *«памятная вещь, хранимая, оберегаемая и почитаемая»*. Следовательно, через реликвию мы способны видеть и ощутить в предметах ауру их обладателей, присутствие личности. Это означает, что реликвия одновременно существует и в прошлом, и в будущем.

Среди принадлежавших Петру I реликвий особое место занимают книги, хранящиеся в Библиотеке РАН. Они составляют первоначальное ядро её фонда и относятся к числу старейших (Илл. 1).

В собрание Петра I входят рукописи и печатные книги, полученные царём в наследство от отца, братьев и сестёр, а также книги, приобретённые как им лично, так и купленные для него в России и за границей. Кроме того, большое количество книг император получал в дар.

Поступившее в академическую библиотеку в 1725 и 1728–1729 гг. собрание Петра I постигла, к сожалению, участь большинства коллекций XVIII в. — оно растворилось в море всё увеличивающихся фондов БАН.

В конце 1940-х гг. началась работа по воссозданию библиотеки Петра I. Этим занимались сотрудники Отдела рукописной книги Библиотеки Академии наук: Мария Николаевна Мурзанова, Елизавета Ивановна Боброва, Владимир Алексеевич Петров и Ирина Николаевна Лебедева. Они выявляли рукописные издания, когда-либо входившие в состав тех или иных собраний и представлявшие интерес с точки зрения принадлежности их Петру I. Завершилась

эта работа созданием каталога выявленных рукописей. Следует отметить, что эта работа продолжается и в настоящее время, но уже с печатными изданиями.

Петровское собрание условно поделено на три части. Охарактеризую кратко каждую из них.

Первая часть (95 книг) получила название *«Библиотека семьи и родственников Петра I»*. Сюда вошли рукописные книги, принадлежавшие отцу, брату Фёдору и сёстрам Петра, а также лицам, близким к царской семье. Это подносные экземпляры, содержащие панегирические тексты, сборники житий святых, исторические сборники, переводные повести, богослужебные книги (Илл. 2).

Вторая часть — более 150 книг стала называться *«Личная библиотека Петра I»*. Между первым и вторым разделами петровского собрания — огромная разница. Первый раздел связан с образованием будущего царя. Например, Хронографический том Лицевого летописного свода Ивана Грозного. 60–70-е гг. XVI века. Это самый большой по объёму том свода. В XVII в. он принадлежал патриарху Никону, был им вложен в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, из которого и попал к Петру (Илл. 3).

К сказанному добавлю: в начале XVIII в. несколько томов Лицевого летописного свода были доставлены в Петербург в составе библиотеки Петра I и личных собраний; отдельные тома ещё в XVII в. попали в частные руки; часть — осталась в Москве. На 10 тысячах двусторонних листов с более чем 17 тысячами художественных миниатюр представлены события библейской, всемирной и русской истории. В настоящее время три тома свода хранятся в Государственном историческом музее в Москве, четыре — в Российской национальной библиотеке и три — в Библиотеке Российской академии наук (Хронографический и два Остермановские тома). Научное факсимильное издание «Лицевой летописный свод XVI века» осуществлено в России в 2008 г. издательской фирмой «АКТЕОН».

Среди других книг выделим петровскую копию Радзивиловской летописи конца XV в. (древнейшего иллюстрированного летописного памятника). Оригинал с середины XVII в. хранился в Кёнигсбергском университете, откуда его второе название — Кёнигсбергская летопись. Копия изготовлена, скорее всего, в 1711–1712 гг. Над подготовкой издания текста по петровской копии работал М.В. Ломоносов (шифр П.I.Б 77). В настоящее время к 300-летию

рождения М.В. Ломоносова в БАН подготовлено издание его помет на петровской копии Радзивиловской летописи[1].

Рукописи второго раздела личной библиотеки Петра I имеют, как правило, скромное оформление, деловой облик, так как предназначались для повседневного пользования. По содержанию — это совершенно новая рукописная книга: морские и воинские уставы, таможенные тарифы, книги по фортификации и кораблестроению, гидрографические и анатомические атласы, сборники документов, книги по садово-парковому искусству и архитектуре (Илл. 4).

Третья часть библиотеки (более 200 книг) — это, главным образом, иностранные и русские печатные книги, изданные при Петре I и при его непосредственном участии. В перспективе должен появиться каталог выявленных печатных книг.

Главная ценность книг личной библиотеки Петра I состоит в их разнообразии. Помимо отмеченных названий, относящихся к морскому и воинскому делу, артиллерии, фортификации, особое значение имеют книги по архитектуре. Например, книга Саломона де Ко «Причины движущих сил...» (Frankfurt am Main, 1615). Возможно, она принадлежала Ж.-Б. Леблону и была куплена Петром у вдовы архитектора Маргерит Левек. Две гравюры из этого издания с изображением разбивки сада с гротом, потолок которого образует террасу, вполне могли служить Леблону подсобным материалом при проектировании петергофской резиденции царя. Книга поступила в БАН в 1728 г. из Рисовальной конторы Его Величества (Илл. 5).

Особо следует выделить книгу: *Allard C.* Niewe Hollandse Scheeps-Bouw... (Amsterdam, 1705). Титульный лист и гравюры её сделаны на меди и раскрашены вручную (Илл. 6).

Представленный материал, полагаю, даёт основание для первого знакомства с книжными реликвиями Петра I в Библиотеке РАН. Библиотека государственного деятеля, учёного, писателя подобна зеркалу: она комплексно отражает его личность. Каким же предстаёт перед нами сегодня Пётр I через призму своей библиотеки?

Книги Петра I свидетельствуют о том, что царь живо интересовался географией, астрономией, математикой, историей и описа-

[1] Петровская копия Радзивиловской летописи как памятник редакторской и издательской деятельности середины XVIII века: научное исследование / Отв. ред. В.П. Леонов; подгот. текста, вступит. ст., прим. Е.А. Савельева. СПб.: Альфарет, 2011. 342 с.; 56 с. илл. (Серия «Мемориальный проект»).

ниями путешествий. В этой связи особо следует отметить первые издания инструкций, уставов, генеральных сигналов, сочинения по фортификации и артиллерии, градостроительству и садово-парковому хозяйству. Известна также любовь царя к пышным празднествам и торжествам: среди книг есть описания фейерверков, сочинения о символах и эмблемах на русском и иностранных языках. Большое внимание Пётр уделял и вопросам управления церковными делами. Пометы его на книгах единичны, носят практический характер и касаются, в основном, исправления текста или использования его в практических целях.

Вот таким образованным и созидательным государственным деятелем, постоянно стремившимся к пополнению знаний, предстаёт Пётр I через книги своей библиотеки.

Работа по их выявлению и описанию в Библиотеке РАН постоянно продолжается.

Н.И. Тарасова (Санкт-Петербург)

Коллекция «Гардероб Петра I» в собрании Государственного Эрмитажа

Коллекция костюма и тканей в Отделе истории русской культуры ГЭ насчитывает более 22 тысяч единиц хранения. В этом обширном собрании выделяются комплексы одежд, принадлежавших российским монархам. Самым значительным среди них является коллекция «Гардероб Петра I», включающая около 280 предметов.

Известно, что царь Пётр Алексеевич, понимая значимость перемен, происходивших в России в конце XVII – первой четверти XVIII в., первым стал собирать материальные свидетельства своего правления. Эту работу продолжили потомки, благодаря чему «Гардероб Петра I» сохранился до наших дней.

Личные вещи Петра, включая костюмы и аксессуары, поначалу хранились в подмосковном селе Преображенском. В 1705 г. все они с большой осторожностью были перевезены в Московский Кремль, а в 1712 г. Пётр I приказал доставить свои одежды из Москвы в Петербург.

После смерти монарха его костюмы в течение почти 40 лет хранились в больших шкафах и дубовых сундуках дворцовых кладовых; одежду пересматривали, проветривали, пересыпали травами для защиты от насекомых. Некоторые костюмы, имевшие большое значение для истории России, императрица Анна Иоанновна приказала поместить в первый в стране общедоступный музей – Кунсткамеру. Так, музейными экспонатами ещё в 1732 г. стали мундир Петра I по форме полковника Преображенского полка, кожаный колет и штаны для верховой езды, восковая фигура императора с его парадным костюмом, сшитым для церемонии коронации супруги царя Екатерины Алексеевны. Благодаря героизму служащих

Кунсткамеры и солдат эти экспонаты были спасены во время катастрофического для музея пожара 1747 г.

После смерти Анны Иоанновны обер-гофмаршал Двора неоднократно получал распоряжения разобрать дворцовые кладовые, однако в течение последующих 20 лет петровские костюмы оставались на своих местах. В 1765 г. по приказу Екатерины II камер-цалмейстер Иван Морсочников составил подробную опись гардероба Петра I и предложил перевезти его в Москву, аргументируя это тем, что в «Мастерской и оружейной конторе <...> прежних государей и Великих князей одеяния хранятся»[1]. В Московский Кремль гардероб Петра I так и не «попал»: одежду перевезли в загородную императорскую резиденцию – Петергоф и разместили во дворце Марли. Изредка одежды Петра Великого доставали из сундуков и демонстрировали почётным гостям русского Двора. Первую полномасштабную эвакуацию собрание костюмов императора пережило в сентябре 1812 г., когда после вступления армии Наполеона в Москву «Гардероб» вместе с коллекцией «Кабинет Петра Великого» был перевезён в Петрозаводск. В связи с изменением обстановки на театре военных действий уже в середине декабря 1812 г. эвакуированные вещи возвратились в Петербург.

В середине XIX в. император Николай I предпринял попытку сосредоточить все петровские «мемории» (от станков венценосного токаря до вырванных им у покорных подданных зубов) в одном месте. С 1849 по 1910 г. «Гардероб Петра I» находился в Императорском Эрмитаже. Однако условия хранения и экспонирования предметов одежды в восточной галерее здания Малого Эрмитажа не соответствовали необходимым требованиям, и в 1911–1912 гг. костюмы Петра в составе всей петровской коллекции были перемещены из Эрмитажа в Кунсткамеру, в корпус в Таможенном переулке, где был открыт новый Памятный отдел, так называемая «Галерея Петра I».

Самым тяжёлым периодом для коллекции костюмов Петра стала первая половина XX в. Не прекращавший своей работы даже во время Первой мировой войны и первых послереволюционных лет Памятный отдел Кунсткамеры с его блестящим собранием петровских памятников был признан властями «образцом музейного недомыслия»[2] и в 1930 г. закрыт. В это же время советские чиновники

[1] Цит. по: *Моисеенко Е.Ю.* Гардероб Петра I // Основателю Петербурга. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2003. С. 130.

[2] Красная газета. Вечерний выпуск. 1927, 5 июля.

«от культуры» сочли возможным делить коллекции и единые комплексы памятников между Ленинградом и Москвой. Так, в конце 1930-х гг. в Государственный Исторический Музей передаются камзол, штаны и перевязь от «Полтавского» мундира Петра I, хранившегося в Артиллерийском Историческом Музее, несколько петровских костюмов из собрания Историко-бытового отдела.

Экспонаты Галереи Петра I из Кунсткамеры отправили в Историко-бытовой отдел Русского музея. В свою очередь, в 1934 г. коллекции Историко-бытового отдела переместили в Музей Революции, затем, в 1937 г. – в Государственный Музей этнографии народов СССР, который не располагал ни хранилищами, ни экспозиционными залами. Коллекции, оказавшиеся на грани гибели, спасло решение об организации в мае 1941 г. нового отдела Государственного Эрмитажа – Отдела истории русской культуры. С началом Великой Отечественной войны, уже через месяц, «Гардероб Петра I», упакованный в специальные ящики, был отправлен в эвакуацию в Свердловск. В столице Урала ящики с костюмами неоднократно вскрывали, чтобы убедиться в их надлежащей сохранности, а «Полтавский» мундир Петра был представлен на временной выставке «Военная доблесть русского народа», состоявшейся в 1943 г.

Только в 1946 г. уникальное собрание костюмов, аксессуаров и некоторых мемориальных памятников в составе «Гардероба» первого российского императора влилось в Государственный Эрмитаж. К сожалению, «выдачи» музейных памятников из состава коллекции на этом не прекратились. И если перемещение в 1953 г. чучел собак Петра и его лошади Лизетты в Зоологический музей АН СССР в известной степени оправдано, то передача в другие музеи костюмов императора на постоянное хранение представляется ошибкой[3].

Согласно описи, составленной Иваном Морсочниковым в 1765 г., в гардеробе первого российского императора значились

[3] Удручающее впечатление производит состояние редких образцов костюмов Петра, переданных из Эрмитажа в Музей Полтавской битвы (г. Полтава, Украина). В 2008 г. эти костюмы были опубликованы в Одессе в альбоме О. Шаменковой «Военный и гражданский костюм начала XVIII в. в деталях» на русском и английском языках. На фотографиях можно увидеть плохо расправленные кафтаны, камзолы и штаны, которые в течение 50 лет даже не пытались реставрировать. Недоумение и сожаление вызывает тот факт, что костюмы опубликованы надетыми не на манекены, а на современника.

576 предметов (64 кафтана, 75 камзолов, 70 штанов, 10 епанчей плащей, 45 головных уборов, 41 пара обуви и т.д.) [4] До настоящего времени дошло немногим более половины предметов, но количество памятников «Гардероба Петра I», их разнообразие и сохранность и сегодня достойны удивления.

Датировка костюмов коллекции «Гардероб Петра I» приблизительна. Определить имя мастера практически невозможно, а место исполнения одежды определяется в единичных случаях. Ранние костюмы и аксессуары составляют в коллекции незначительную группу. Самая ранняя вещь в коллекции «Гардероба» – детская рубашка царевича Петра Алексеевича, сшитая из тонкого алого шёлка и украшенная узким генуэзским кружевом, сплетённым из посеребрённой нити (Илл. 1).

К ранним костюмам относятся несколько изделий традиционного покроя, исполненных русскими мастерами: кафтан, подобный польскому кунтушу, куртка, штаны и головные уборы – колпаки и шапки-«кораблики». Ранние вещи западноевропейского типа выполнены портными московской Немецкой слободы. И хотя они отличаются по покрою и отделке, в целом являют собой примеры интерпретации французских костюмов как эталонных в моде того времени. Лучший из них – несомненно, кафтан чёрного бархата на белой муаровой подкладке, украшенный широкими полосами генуэзского металлического кружева – аграманта и многочисленными фигурными пуговицами (Илл. 2).

В первое европейское путешествие в составе Великого посольства для Петра взяли как привычные русские платья, так и костюмы европейского покроя. В Голландии царь, как правило, одевался в костюм плотника, либо «ходил в одежде саардамских крестьян»[5]; иностранцы с удивлением отмечали, что даже во время официальных приёмов на нём было платье «простого дворянина», а то и просто саржевый кафтан, красная рубашка и войлочная шляпа[6].

Петру I понравилась простая голландская одежда: широкие, удобные для работы суконные штаны, куртки-бостроги, высокие вязаные шляпы с полями. Не остался он равнодушным и к так называемым «саардамским» камзолам, которые мастерицы из небольшого

---

[4] *Моисеенко Е.Ю.* Гардероб Петра I... С. 128.

[5] *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы для биографии. Т. 2. М., 2007. С. 148.

[6] *Записки Я.К.* Ноомена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697–1698 годы и 1716–1717 годы. Киев, 1904. С. 44.

городка Сардам (Заандам) украшали вышивкой в технике стеганья. В эрмитажной коллекции 29 курток-бострогов, сшитых из парусного полотна, канифаса или сукна. В России, как и в Голландии, бостроги были частью форменной одежды матросов и корабельных мастеров. Пётр I неоднократно заказывал куртки-бостроги в Голландии вплоть до 1724 г. Интересно, что Пётр Алексеевич любил появляться в матросской одежде на маскарадах. Подражая царю, бостроги приобретали его современники из ближайшего окружения, с той лишь разницей, что куртки петербургских щёголей, сшитые из дорогих тканей, использовались в качестве нарядных камзолов.

Первой группой россиян, полностью переодетых в западноевропейское платье уже в 1698 г., были участники Великого посольства. Через несколько лет и Пётр, и его приближённые носили, в основном, европейское платье. Своеобразными «живыми манекенами» были солдаты и офицеры русской армии, форма которых демонстрировала красоту и удобство европейской одежды. Кроме того, для наглядности и правильного понимания царских указов о костюме на городских воротах помещали куклы, одетые в платья модного покроя.

Россия полностью приняла тип мужского костюма, сформировавшийся во Франции при дворе короля Людовика XIV в конце XVII столетия. Модный костюм состоял из кафтана, камзола и штанов. Кафтан был длинный, узкий в талии, с эффектно заложенными складками по бокам, с широкими обшлагами, глубокими прорезными карманами, с фигурными клапанами. Кафтан шили с небольшим воротником или вовсе без него, поскольку плечи были закрыты париком. Из-под не застегнутого, как правило, кафтана виднелся камзол, сшитый из такой же либо контрастной ткани. Плотно облегающий фигуру камзол был несколько короче кафтана, его всегда шили без боковых складок и воротника. В моде были короткие, за колено, штаны, на широком поясе, сильно собранные по спинке и имевшие спереди откидной клапан. Костюм дополняли кружевное жабо и манжеты, кожаные башмаки с пряжками и шёлковые чулки. Из тканей использовались лен, сукно, шёлк, парча, бархат. В качестве декора широко применялись различные виды вышивки, кружева, полосы галуна.

Во Франции образцом для подражания был король, ставший поистине «солнцем» французской моды. В моду немедленно входили его костюмы из шёлка, парчи, бархата, его гладко выбритое лицо с нежным румянцем, его улыбка, походка и жесты, даже содержимое его карманов. Россия не была исключением, и популярные

в Европе новинки костюма становились известными в Петербурге не только благодаря иностранным и российским щёголям, но и благодаря российскому монарху. Сохранившаяся до наших дней одежда Петра Великого свидетельствует о том, что первый российский император уделял своему внешнему виду гораздо больше времени и внимания, чем это было всегда принято считать.

Европейскую одежду для царя приобретали во время его путешествий, заказывали во Франции, Голландии, Пруссии через дипломатов и доверенных лиц, либо дома поручали её изготовление иностранным и русским мастерам, тем более что импорт из Европы вышитых заготовок для светского мужского и женского костюма в XVIII в. был обычным явлением. Портные числились в штате придворных служителей и всюду сопровождали Петра I, следя за сохранностью и пополнением императорского гардероба. Среди них – портной Мастерской палаты Московского Кремля Иван Карпов и придворный портной иностранец Алексей Боран.

Самая значительная группа памятников из коллекции «Гардероба» датируется 1710–1720 гг. Это более 100 вещей, среди которых сохранились 12 комплектов одежды и единичные предметы костюма. В этой группе выделяются парадные одежды Петра I, изучение которых позволяет утверждать, что в парадных платьях царь отдавал предпочтение тканям красных, коричневых и зелёных тонов. Эффектно смотрится на кафтанах, камзолах и штанах изумительная по рисунку и тонкости исполнения вышивка из золотных и серебряных нитей. В других костюмах точность кроя и благородство цвета подчеркивает ажурная тесьма, а многочисленные пуговицы, искусно оплетённые металлической нитью, мерцают на фоне тканей, словно драгоценные украшения. Интересной особенностью одежды Петра I, не любившего носить парики, является то, что большинство кафтанов имеют небольшой воротник (воротники отличают и одежды короля Швеции Карла XII).

Среди костюмов «Гардероба» сохранились несколько экземпляров верхней одежды: плащ, рединготы, тёплые кафтаны. В суровом климате России зимнюю одежду утепляли стёганой подкладкой, «косматым бархатом» (длинноворсовым плюшем), «подбивали» овчиной, мехом рыси, лисы, бобра, соболя, причём дорогим, собольим, отделывали только те детали, где мех «выглядывал» наружу, а на спинку кафтана и рукава шли меха попроще.

В составе коллекции «Гардероб Петра I» находится тринадцать халатов-шлафроков (шлафоров). Это наиболее крупный комплекс домашнего мужского платья, сохранившегося в музейных собрани-

ях. Сшитые из китайских, итальянских или французских тканей и надевавшиеся дома поверх камзола и штанов, длинные халаты располагали к неторопливому разговору или отдыху у камина, за раскуриванием трубки. Редкие образцы одежды и аксессуаров – нижние фуфайки-безрукавки, ночные колпаки, чулки, подвязки также представлены в эрмитажной коллекции. Обувь императора представлена в Эрмитаже лишь двумя парами башмаков.

Большой интерес представляют также разнообразные головные уборы Петра Великого: ранние, исполненные в старинных традициях колпаки, шапки-«кораблики», треухи и более поздние шапки-картузы и треуголка.

Военные костюмы Петра I представлены в «Гардеробе» достаточно скромно, но среди них – национальная реликвия России: мундир по форме полковника лейб-гвардии Преображенского полка, в котором царь командовал войсками в Полтавской битве в июне 1709 г. Мундир включает кафтан, офицерский шарф, шейный знак (горжет) и шляпу-треуголку, пробитую пулей. Следует отметить, что в Эрмитаже также хранится седло, которое было на царской лошади Лизетте в Полтавском сражении (Илл. 3).

Продлить жизнь экспонатам «Гардероба Петра I», а многим из них вернуть экспозиционный вид помогают реставрационные работы, проводимые в Лаборатории научной реставрации тканей Государственного Эрмитажа. Порой только благодаря реставрационным работам появляется возможность ответить на тот или иной вопрос.

Достаточно точную датировку в коллекции «Гардероб Петра I» имеет единственный костюм императора. Это комплект, исполненный, вероятно, в Берлине, для церемонии коронации супруги царя Екатерины Алексеевны, состоявшейся в Москве 7 мая 1724 г. Кафтан, камзол, штаны, пояс с портупеей, сшитые из голубого гродетура, были декорированы вышивкой серебряной нитью в виде мелкого плотного орнамента из переплетающихся веток. На левой стороне кафтана закреплена шитая звезда ордена Святого Андрея Первозванного, через правое плечо к левому бедру перекинута голубая орденская лента. Костюм дополняли кружевные манжеты и галстук, заложенная в мелкую складку «плиссе» манишка из тонкого полотна, шёлковые чулки с вышитыми серебряными стрелками. Костюм отличает стройность силуэта, гармоничное цветовое сочетание голубого гродетура и серебряной нити шитья, изысканность орнамента и высококлассный уровень его исполнения. Всё это позволяет говорить о костюме Петра 1724 г. как о выдающемся памят-

нике декоративно-прикладного искусства первой четверти XVIII в. Коронационное платье Екатерины I по традиции было передано на хранение в Оружейную палату сразу после коронации, а костюм Петра I вернулся на берега Невы (Илл. 4).

Согласно легенде, зафиксированной в рассказах сына А.К. Нартова, костюм вышивала супруга императора Екатерина Алексеевна. Легенда столь прочно вошла в литературу, что её приводят до сих пор крупнейшие европейские и российские историки. Костюм, надетый после смерти императора на его восковую фигуру, был в постоянной экспозиции в течение 260 лет, с 1732 по 1995 г., пережил пожар, наводнения, две полномасштабные эвакуации, поэтому, несмотря на ранние починки в XVIII и XIX вв., профилактические меры и реставрационные работы 1964 и 1975 гг., состояние его сохранности потребовало кардинального вмешательства специалистов эрмитажной Лаборатории научной реставрации тканей. Они поставили цель не только остановить разрушение тканей и сохранить все элементы костюма, но и восстановить подлинные размеры петровской одежды.

В процессе размонтирования кафтана первой от него была отсоединена шитая орденская звезда. На обороте звезды открылась надпись, позволяющая назвать имя вышивальщика: «*Ene Pally Brodeur*». Иностранное происхождение мастера подтверждается тем, что при вышивке девиза ордена «ZA VЪRU I VERNOSTЬ» наряду с русскими использованы латинские буквы «Z», «N», «S».

В процессе очистки камзола, когда его погрузили в воду, сквозь намокшую и ставшую прозрачной ткань подкладки на подоле проступило изображение размером около 7 х 5,5 см. Когда шов по подолу был частично удалён, оказалось, что внутри, на шерстяной ткани между подкладкой и верхней тканью камзола находится вышитая цветными шёлковыми нитками императорская корона. Абрис короны выполнен красными нитями. В центре вверху – вышитый крест. Ободок короны подчёркнут двумя поперечными полосками с белыми и зеленовато-жёлтыми нитями, уложенными в технике «козлик». Корону украшают продольные полоски, повторяющие незамысловатый декор ободка, и вышитые четыре голубых цветка и две стилизованные ромашки. Вокруг короны – многочисленные зеленовато-жёлтые крестики. Справа и слева от короны вышиты красными нитями две латинские буквы «R», вполне вероятно, начальные буквы слов «REX» и «REGINA». Не эта ли вышивка подтверждает легенду о причастности Екатерины к изготовлению костюма Петра I к торжествам коронации 1724 г.?

Вне всякого сомнения, вышивка серебряными нитями, украшающая кафтан, камзол, штаны и портупею, выполнена мастерами высочайшего уровня, и вряд ли будущая императрица владела таким мастерством. Вышить же невидимую никем маленькую корону, трогательно украшенную ромашками, Екатерина Алексеевна могла. Разумеется, только очень близкий царю человек мог внутри его костюма, причём внутри камзола, надеваемого под кафтан, а значит, ближе к телу, оставить подобный «тайный» знак. В Россию из Пруссии были поставлены уже готовые детали костюма с вышивкой, которые «собирали» по фигуре заказчика местные портные. На наш взгляд, вероятность того, что Екатерина Алексеевна вышила корону в процессе «сборки» камзола Петра Алексеевича, очень велика. Реставрированный комплект 1724 г. стал настоящим украшением юбилейной выставки «Основателю Петербурга», проходившей в Государственном Эрмитаже в 2003 г.

Полнота и разнообразие петровских костюмов и аксессуаров, качество исполнения и состояние сохранности предметов вызывают восхищение отечественных и иностранных историков костюма и хранителей музейных коллекций, которые безоговорочно определяют коллекцию Государственного Эрмитажа «Гардероб Петра I» как лучшее в мире собрание мужского костюма первой четверти XVIII в. Состав коллекции «Гардероб Петра I» предоставляет широкие возможности для исследовательской работы, позволяя проследить за кардинальными изменениями в одежде российской знати в первой четверти XVIII в., выявить степень западных и восточных влияний на формирование модного костюма в России, проследить связи между Россией и странами Европы и Азии в деле торговли тканями, наконец, исследовать «личностный» аспект коллекции одежды Петра I, которая отражает особенности его характера, его пристрастия и увлечения.

Г.Б. Ястребинский (Санкт-Петербург)

«То мореплаватель, то плотник…»
(мемориальная коллекция приборов и инструментов Петра Великого в Государственном Эрмитаже)

«То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник», –

– писал А.С. Пушкин в «Стансах» в 1826 г. Однако если «продолжить» и развить мысль поэта об умениях Петра Алексеевича, то царь и великий князь (а с ноября 1721 г. император, Отец Отечества и Великий), кроме входящих в понятие «мореплаватель» должностей и специальностей матроса, шкипера, лоцмана, рулевого, штурмана-навигатора, был также и артиллеристом, и медиком-практиком, и геодезистом-топографом, и астрономом, и чертёжником-геометром. Царь не без успеха работал также на металлургическом заводе. А едва ли не самым известным его занятием, в котором он достиг высочайшего мастерства, являлось «токарное художество». Все эти умения нашли отражение в коллекции приборов и инструментов, хранящейся ныне в Отделе истории русской культуры ГЭ.

Коллекция собиралась на протяжении всей жизни Петра, меняя места хранения и экспонирования. Естественно, при жизни Петра многочисленные приборы и инструменты находились в его личных апартаментах. Практически сразу же после смерти великого преобразователя России «мемории» были, выражаясь современным языком, «музеефицированы»: уже в 1725 и в 1728 гг. около 200 предметов (главным образом – приборов и инструментов) было передано

в Кунсткамеру и вошло в состав созданного там мемориального «Кабинета Петра I». В 1735 г. в Кунсткамеру были переданы токарные станки, токарные инструменты, а также многочисленные рельефы и изделия, «принадлежащие до токарного художества». Эти научно-технические экспонаты продолжили служить науке – все они составили первый инструментарий учёных Академии наук. К сожалению, начиная с первого местопребывания коллекции, происходили потери. Наиболее значительные утраты постигли собрание вследствие пожара Кунсткамеры, произошедшего в декабре 1747 г. Многие инструменты тогда погибли: металлические – полностью или частично расплавились, деревянные сгорели. Токарные станки отрубались от великолепных высокохудожественных резных деревянных станин и спускались через окна. После вступления французов в Москву в 1812 г. весь «Кабинет Петра Великого» был отправлен в глубокий тыл – в Петрозаводск. В 1848 г. мемориальная экспозиция была перенесена в здание Малого Эрмитажа, получив название «Галереи Петра Великого». В 1910 г., в целях устройства мемориального музея Петра I, экспонаты Петровской галереи Императорского Эрмитажа были переданы обратно в здание Кунсткамеры, в Музей антропологии и этнографии (МАЭ). Открытие Петровской галереи в МАЭ состоялось 1912 г. В 1930 г. Петровская галерея в составе МАЭ была ликвидирована и экспонаты распределены по другим музеям. Перед самой Великой Отечественной войной петровская коллекция перешла в образованный в Государственном Эрмитаже Отдел истории русской культуры.

Однако, несмотря на весь этот многотрудный путь и потери, коллекция приборов и инструментов Петра Великого является одной из самых значительных в мире. На сегодняшний день она включает около полутора тысяч экспонатов.

Коллекцию характеризует широкий спектр предметов науки и техники из самых разных областей научно-практических знаний, которые затрагивала деятельность Петра. Коллекцию отличает и разнообразие имён мастеров-инструменталистов, выполнивших эти многочисленные приспособления. Главным образом, это западноевропейские мастера, зачастую самого высокого уровня, носящие звания «королевских механиков и инженеров». Среди авторов-инструменталистов петровской коллекции следует назвать английских мастеров Эдмонда Кальпепера, Джона Селлера, Исаака Карвера, Джона Раули, Джеймса Моксона, Генри Винна, французских – Луи Шапото, Никола Биона, Жана Пижона, Майкла Баттерфилда, немецких – Иоганна Иоахима Шпигеля, Иоганна Эрнста Эс-

линга, Иоганна Георга Гертеля, Иоганнеса Эггериха, аугсбургских – Георга Ролля и Иоганна Рейнгольда, Якоба Эммануэля Ламини, венецианских – Бернарда Фацини и Винченцо Коронелли, голландца Конрада Метца. Наконец, многие приборы и инструменты отличает богатство и изысканность отделки, зачастую имеющей ярко выраженную стилевую составляющую. Коллекция является бесценным материалом для изучения истории наук – астрономии, хронометрии, геодезии, метрологии, начертательной геометрии, медицины, механики.

К собранию приборов и инструментов Петра I обращалось множество исследователей, были изданы многочисленные работы, касающиеся как всей коллекции в целом, так и отдельных предметов и комплексов. Её описание вошло во II том изданного Академией наук в 1741–1742 гг. на латинском языке каталога Кунсткамеры под названием: «Musei Imperialis Petropolitani...»[1]. Большого внимания заслуживает объёмный труд унтер-библиотекаря Академии наук Осипа Беляева «Кабинет Петра Великого»[2], первым изданием вышедший в 1793, а вторым, дополненным второй и третьей частями – в 1800 г. В этом издании достаточно подробно описано содержание всего мемориального собрания, с добавлением исторических легенд и анекдотов, их касающихся. Старший хранитель Императорского Эрмитажа барон Г. Ливен в 1901 г. составил «Путеводитель по Кабинету Петра Великого и Галерее Драгоценностей», отразивший «эрмитажный» период нахождения памятных вещей[3]. Среди исследователей советского времени, обращавшихся к коллекции приборов и инструментов Петра Великого, следует назвать Н.М. Раскина, В.Л. Ченакала (многолетнего директора Музея Ломоносова), Н.И. Архипова и А.Г. Раскина. Большой вклад в изучение коллекции приборов и инструментов сделал В.Ю. Матвеев, нынешний заместитель директора Государственного Эрмитажа.

Пётр Великий – уникальная историческая личность, царь-создатель, «царь-плотник», «царь-мастеровой». Эти эпитеты – сродни мифу, легенде. Пётр представлял собой уникальное сочетание властности и неудержимой воли, умения распоряжаться громадными ресурсами и способности творить своими руками. Курфюрстина Ганноверская София, с которой Пётр I встречался в начале своего

---

[1] Musei Imperialis Petropolitani volumen II. Pars prima. Petropoli, 1741.

[2] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Отделение I. СПб., 1800.

[3] Путеводитель по Кабинету Петра Великого и Галерее драгоценностей [предисл. Г. Ливен]. СПб., 1901.

первого заграничного путешествия, отмечала в своих воспоминаниях, что он знал 14 ремёсел[4].

Тяга к ремёслам и наукам проявилась у Петра с первых лет жизни. Его первые игрушки – пушка, знамёна, топоры, булавы, ножички, барабаны, луки, литавры, деревянная лошадь[5]. Сохранились сведения о том, что для семилетнего Петра живописец написал на листе «12 месяцев и беги небесные», первое наглядное пособие по миру небесных тел[6]. С 1684 г. (то есть с 12 лет) у будущего императора начались «огненные потехи». Их первый руководитель – огнестрельный мастер Симон Зомер, прибывший в Россию из Бранденбурга. Пётр присутствовал и на Пушечном дворе при литье пушек[7]. А «ещё в марте 1683 г. Пётр купил для своего личного употребления, у каменщиков кирки, молотки, лопатки железныя», которые взяты у них в хоромы государевы[8].

Царь Пётр Алексеевич верил в силу личного примера и в самом деле был первым работником в стране. Согласно воспоминаниям ганноверского дипломата Ф.Х. Вебера, он вставал затемно и уже в 4 часа утра присутствовал на совете министров. Обсудив там множество дел, царь отправлялся в Адмиралтейство, где следил за постройкой судов и отдавал распоряжения мастерам. Нередко он сам брался за топор и начинал плотничать. «Сам Пётр в деле мастерства прошёл все степени, начиная с ученика, простого плотника, кузнеца, токаря до звания совершенного в каждом роде мастера, так же, как в военном отношении. Начав свою службу с простого солдата, в 1696 году под Азовом он дослужился до чина капитана, а морскую, начав со шкипера, дошёл до чина господина вице-адмирала (так титуловался Пётр в 1714 году)»[9].

Тяга к овладению ремёслами выразилась у Петра I в страсти к инструментам. Пути пополнения его коллекции были разнообразны: Пётр сам приобретал инструменты во время своих заграничных поездок, поручал покупать их своим приближённым и комиссионе-

---

[4] *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы для биографии. Т. II. М., 1940–1948. С. 118–119.

[5] *Астров Н.* Первоначальное образование Петра Великого. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом // Русский архив. 1875. Кн. 2. С. 90–105, 470–488. С. 98, 485.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 90–105, 470–488. С. 100.

[8] Там же. С. 90–105, 470–488. С. 486.

[9] Там же. С. 90–105, 470–488. С. 103.

рам, наконец, царь получал приборы и инструменты в качестве даров.

Все инструменты петровского собрания наглядно иллюстрируют его умения, «ремёсла», они же представляют развиваемые Петром в России практические направления.

Самой ранней любовью Петра было море, корабли и искусство навигации. Воля царя создать в России мощный флот была неудержима. Памятниками этому служат, во-первых, плотничные и кораблестроительные инструменты, а во-вторых – навигационные и астрономические приборы. В коллекции представлены навигационные приборы – компасы работы лучших лондонских мастеров того времени Эдмонда Кальпепера и Джона Селлера, а также компасной мастерской при Адмиралтейств-коллегии в Петербурге. Одной из жемчужин собрания является универсальный астронавигационный инструмент, изготовленный венецианцами Бернардом Фацини и Винченцо Коронелли, предположительно принадлежавший сподвижнику Петра Феофану Прокоповичу.

Другим легендарным ремеслом Петра было кораблестроение. Его постижению Пётр отдался во время своего первого заграничного путешествия. Работая на верфях Заандама и Амстердама, царь получил аттестат корабельного мастера. Поэтому, естественно, в личной коллекции Петра собралась группа плотничных инструментов – топоров, пил, долот, стругов, рубанков. Сюда же относятся больших размеров механические лекала и циркули-измерители. Одной из самых насущных задач для Петра было создание и поддержание боеспособной армии. Именно поэтому в его коллекции в большом количестве имеются инструменты артиллерийские, фортификационные и военно-топографические.

Пётр с малых лет постигал артиллерийское дело. Во время посещения Кёнигсберга в составе Великого посольства в мае 1697 г. Пётр изучал артиллерийское дело и получил аттестат «совершенного, в метании бомб осторожного и искусного огнестрельного художника»[10]. Для внедрения в военную практику в России Пётр собирал в своей коллекции и инструменты военных наук – артиллерии и фортификации. Это – несомненно самые современные приборы того времени: калибровальные и прицельно-угломерные артиллерийские приборы. Многие из них отличаются подлинной художественностью исполнения.

[10] *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра I. Калининград, 1996. С. 54.

Войны также были «двигателями» и для развития военно-полевой хирургии. Появление в петровском собрании медицинских инструментов не в последнюю очередь обусловлено именно этими задачами. Пётр I приложил немало усилий к развитию в России медицины, понимая её огромное государственное значение. При Петре были основаны сухопутные и морские госпитали, а при них – госпитальные школы, первая из которых была открыта в Москве в 1707 г. Бывая в европейских странах, Пётр встречался с коллекционерами, содержателями «кабинетов редкостей», естествоиспытателями, врачами, анатомами, посещал лекции по медицине, сопровождаемые вскрытиями, а также присутствовал на хирургических операциях. Царь очень интересовался практическим приложением анатомии – хирургией – и приобрёл навык перевязывать раны, вскрывать фурункулы, выдёргивать зубы. «Он приказывал уведомлять себя, есть ли в гошпитале или где нибудь в другом месте надлежало анатомить тело или делать какую-нибудь Хирургическую операцию, и когда только время позволяло, редко пропускал такой случай, чтоб не присутствовать при оном, и часто даже сам помогал операциям. Со временем приобрёл он в том столько навыку, что весьма искусно умел анатомить тело, пускать кровь, вырывать зубы, и делал то с великою охотою»[11]. Пополнялась и коллекция медицинских инструментов Петра. Задачи военно-полевой хирургии обусловили особый интерес к хирургическим инструментам, разнообразным пулеизвлекателям, инструментам для ампутации и трепанации, находящимся сейчас в коллекции Эрмитажа. Помимо этого, в мемориальном собрании русского царя сохранились уникальная походная аптечка, а также глазные, урологические и стоматологические инструменты. Сохранились сведения, что Пётр всегда имел с собой два набора инструментов: «носил он всегда в кармане две готовальни, одну с Математическими инструментами <...>, а другую с Лекарскими инструментами, в которой находились два ланцета и шнипер для кровопускания, Анатомический ножик, пеликан и клещи для вырывания зубов»[12]. В Музее антропологии и этнографии хранится 73 зуба, удалённых лично Петром.

Демонстрировал Пётр и своё умение держать в руках иголку с ниткой. В нашей коллекции имеется сшитый собственноручно царём чехол для защитных очков, используемых при работе на токарных станках.

---

[11] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. Ч. VII. М., 1789. С. 320–321.

[12] Там же. С. 321.

Штурманское дело, разработка проектов кораблей, строений и фортификационных сооружений предполагали умение владеть чертёжными инструментами. В петровской коллекции имеется большой набор разнообразных чертёжных и измерительно-геометрических инструментов: циркули с всевозможными съёмными ножками, рейсфедеры, пантографы, линейки, параллельные линейки, механические лекала, угольники, транспортиры. Есть и инженерно-расчётные инструменты – пропорциональные циркули (или пропорционалы).

Пётр I думал и о развитии российской науки и просвещения, с этой целью была создана Санкт-Петербургская Академия наук и приглашались учёные. Научно-образовательные приборы окружали Петра с самых молодых его лет. И в дальнейшем он постоянно приобретал для себя глобусы, армиллярные сферы, солнечные и звёздные часы, инструменты наблюдательной астрономии – зрительные трубы, астрономические квадранты. Царь живо интересовался астрономическими наблюдениями Я.В. Брюса. В его коллекции представлены разнообразные астрономические инструменты наблюдательной астрономии – квадранты и зрительные трубы английского, французского и немецкого производства. Особо следует отметить трубу, принадлежавшую французскому философу Пьеру Гассенди, бинокулярную трубу «бисног» и трубу для наблюдений из-за препятствий (прообраз перископа). Образовательными наглядными пособиями были глобусы английского мастера Джозефа Моксона (приобретённый в Лондоне Я.В. Брюсом) и французского мастера Жана Пижона (купленный в Париже А.К. Нартовым). Богата и коллекция приборов времени, собранная Петром – солнечных и звёздных часов самых разных типов. Интересны великолепные часы работы одного из лучших английских мастеров – Джона Раули. Ещё одной жемчужиной собрания являются астрономические часы Георга Ролля и Иоганна Рейнгольда, представляющие собой наглядную систему мира.

Большое значение Пётр придавал развитию геодезии и топографии: Россия крайне нуждалась в точных картах. Отсюда – интерес царя к геодезическим инструментам. Они широко представлены в коллекции. Среди геодезических инструментов коллекции – астролябии и буссоли. Интересна полуциркульная астролябия, получившая русское наименование «цыркуль-зем», заказанная Петром (по собственному проекту) у лондонского мастера Эдмонда Кальпепера. Также очень любопытным памятником является подвесной нивелир разработки немецкого учёного Якоба Лойпольда, подарен-

ный им Петру за финансовую поддержку издаваемой учёным многотомной энциклопедии.

Особняком стоит самый значительный комплекс памятников эрмитажной коллекции – так называемая «Токарня» Петра I. Интерес к токарному делу Пётр проявлял с младых лет: 27 июля 1684 г. «привезено из похода из села Воробьёва в Оружейную Палату 6 мест снастей токарных, да доска токарная ж, деревянная <...> и приказано сделать против тех образцов снасти железныя <...>, всего 18 мест, и те снасти сделав, прислать к нему в[еликому] г[осуда]рю в поход в село Воробьёво»[13]. 23 октября 1686 г. сделано «к в[еликому] г[осуда]рю в хоромы ещё 20 мест снастей токарных железных, и к ним выточены ручки»[14]. Здесь речь идёт, в частности, о токарных резцах.

«Токарное художество» Петра послужило созданию целого «культурного пласта». Создавать токарную мастерскую, или «Токарню», русский царь начал в конце XVII столетия в Москве и совершенствовал долгие годы по образцам подобных мастерских, имевшихся при дворах европейских монархов. В «Токарню» приглашались лучшие мастера-механики того времени. Здесь происходило становление «личного токаря Петра Великого» А.К. Нартова. В петровских мастерских создавались и совершенствовались различные типы токарных станков (после смерти Петра I их было около трёх десятков). Конструкции станков позволяли производить копирование рельефа с копира-шаблона на деревянную или костяную заготовку с помощью разнообразных резцов (в собрании их более шести сотен). В «Токарне» создавались и тиражировались рельефы с сюжетными композициями на события Северной войны. Автором-скульптором этих рельефов был Б. Растрелли. По созданным Растрелли рельефам в «Токарне» была начата грандиозная работа по созданию модели «Триумфального Столпа» в честь побед России в Северной войне, к сожалению, не законченная. Многие токарные изделия, среди которых – уникальное паникадило, являются «плодами многотрудных рук его Величества», и с ними связано много легенд и анекдотов. Так царь «развлекался» и работой на токарном станке, изготавливая изящные вещи, служившие затем дипломатическими и «жалованными» подарками. Занимаясь за станком, Пётр и отдыхал, и сосредотачивался на деле: А.К. Нартов писал в своих воспоминаниях, что дела государственной важности решались и в токар-

[13] *Астров Н.* Первоначальное образование Петра Великого. С. 90–105, 470–488. С. 104.

[14] Там же.

ной комнате. Известен также такой исторический анекдот: солдат, охранявший токарную мастерскую царя, не впустил туда даже А.Д. Меншикова, за что был награждён государем.

Кузнечное и железоделательное ремесло тоже интересовало Петра в самом раннем возрасте. 16 сентября 1681 г. дано «комнатному сторожу Мине Кузьмину на покупку всякой кузнечной снасти 5р.; и та кузнечная снасть в[еликому] г[осуда]рю в хоромы»[15]. Пётр проявлял неусыпную заботу о развитии металлургической промышленности, но он не только осуществлял надзор за заводами, приезжая туда, но и неоднократно сам участвовал в процессе производства. В мемориальной коллекции хранятся два железных бруса и полоса, собственными руками протянутые Петром под кузнечным молотом в 1724 г. Сохраняется также кусок железа, отсечённый от крицы на Олонецких заводах в бытность там Петра в 1720 г. Об этих событиях говорят памятные надписи. Об инспектировании царём всевозможных строек и производств повествуют и трости с встроенными зрительными трубами и измерительными инструментами.

Предметом особой заботы царя и императора было книгопечатание. Пётр учился печатному делу с двенадцати лет. Преобразование церковнославянского шрифта в гражданский напрямую связано с тем, что царь знал и саму практику печатного дела. В коллекции хранится печатный стан Петербургской Сенатской типографии, учреждённой Петром в 1721 г. для печатания изданий на иностранных языках.

Пётр Великий смог вывести Россию за короткий период времени в ряд сильных и развитых держав Европы, создал все присущие развитым европейским странам государственные институты. В любом деле, которое он развивал в России, он достиг личного мастерства. В любой области он показывал личную заинтересованность состоянием дел. Пётр Великий мечтал, чтобы Россия вошла в семью европейских народов, и делал для этого всё возможное и невозможное.

Эрмитажная коллекция приборов и инструментов Петра является одним из убедительнейших подтверждений его титанической работы.

---

[15] *Астров Н.* Первоначальное образование Петра Великого. С. 90–105, 470–488. С. 102.

Г.И. Сергеева (Санкт-Петербург)

Из истории коллекции Летнего дворца Петра I. 1934–1940 годы

История коллекции Летнего дворца Петра I в Летнем саду неслучайно вызывает исследовательский интерес. Сооружённый в начале XVIII в. по проекту архитектора Д. Трезини, дворец задумывался как летний дом, предназначенный для отдыха и личных занятий царя и его семьи[1]. И только в советские годы он становится музеем, получив этот статус в 1934 г. В нём складывается полноценное собрание на основе передачи в его фонды значительного количества предметов из других музеев Ленинграда и пригородов, создаётся экспозиция. В 1938 г. в состав музея включается Домик Петра I на Петроградской стороне. Генеральная инвентаризация, проводившаяся в 1938–1940 гг., дала ясную картину состояния музейного фонда перед войной.

Сложившееся в это время собрание отражает тенденции музейного дела середины 1930-х гг. Именно в 1934–1940 гг. было заложено ядро сегодняшней коллекции музея, которая насчитывает (исключая собрание скульптуры) свыше 1300 предметов основного фонда, среди которых есть уникальные свидетельства эпохи.

Дворец, как уже было сказано, не являлся парадным, но его внутреннее убранство было богатым ещё при его создании[2]. После

[1] *Кузнецова О.Н.,* Борзин Б.Ф. Летний сад и Летний Дворец Петра I. Л., 1988. С. 63.

[2] Там же. С. 133.

смерти владельцев он потерял значение царского дома и постепенно утратил значительную часть убранства. До середины XVIII в. он находился в запустении, некоторое время в нём проживала дворцовая прислуга. С середины XVIII в. дворец предоставляли на лето царским сановникам. Въезды и выезды сопровождались разрушением интерьеров и утратой петровской мебели. Проводившиеся ремонты также приводили к невосполнимым утратам. Несмотря на это во дворце сохранились подлинные произведения живописи и декоративно-прикладного искусства первой четверти XVIII в.[3]

С 1820-х гг. дворец больше не сдавали под дачи. Вскоре появляется стремление сохранить его как мемориальный памятник. В 1840-х гг. его наполняют мебелью, переданной из Камерцалмейстерской конторы, а также изготовленной из деревьев, упавших в саду во время бури. В это же время проводят реставрационные работы, в частности меняют обивку мебели[4]. Есть сведения, что в конце 1840-х – начале 1850-х гг. во дворец поступили произведения голландской живописи конца XVII – начала XVIII в., которую предполагалось показывать посетителям.

В 1903 г. во дворце проводится знаменитая выставка, приуроченная к 200-летию Петербурга, оставившая свой след в истории коллекции. Опись 1907 г. свидетельствует, что в это время во дворце находится много предметов, не имеющих никакого отношения к Петру I и его эпохе[5].

Из-за начавшихся революционных событий летом 1917 г. Летний дворец в числе первых был обследован членами Художественно-исторической комиссии (далее – ХИК) при Зимнем дворце. Находившиеся в нём предметы были описаны. Согласно документам, к июлю 1917 г. в Летнем дворце находилось 214 предметов мебели, 36 картин и одни часы[6]. Осенью следующего года на основании декрета Совета народных комиссаров № 73 от 5 октября 1918 г. Дворец был национализирован. Наступает самый сложный и малоисследованный период в истории его коллекции, который продлился до 1934 г. Трудности в его изучении обусловлены малым

[3] Там же. С. 110–111.

[4] *Болотова* Г.Р. Лекция «История музейной коллекции Летнего дворца Петра I». Машинопись. Л., 1985. С. 9 (хранится в научном отделе в Летнем саду).

[5] *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний Дворец Петра I. С. 112.

[6] ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 1.

числом документов, которые зачастую дают противоречивые сведения. Так, в 1924 г. во дворце имелась экспозиция и так называемые «запасные материалы», т.е. фонды, но их состав и количество не известны[7].

Весной 1925 г. дворец входит в Историко-бытовой отдел Русского музея (далее ИБО)[8], в составе которого остаётся до 1934 г. О наличии в это время экспозиции и фондов точных сведений пока не обнаружено. Но известно, что в 1928 г. в ходе кампании по продаже художественных ценностей из ИБО в Госфонд было передано для так называемой реализации 117 числящихся по описи предметов мебели. Судя по описанию, это была типовая мебель либо из комнат, сдававшихся под дачи сановников, либо из кофейни Пьяццо (позднее ресторана Балашова), располагавшейся в Кофейном домике[9].

Н.Е. Лансере в 1929 г. называет следующие предметы: живописные плафоны, сосновые шкафы в коридорах (верхнем и нижнем), Ветровой прибор Динглингера в Кофейной (другие названия «Токарня» или «Кабинет»), «голландский» ореховый шкаф в Спальне Петра, «зеркала Петровского времени в золочёных рамах» в Столовой, большой ореховый шкаф «голландской» работы начала XVIII века, шкаф Петра в Приёмной Екатерины, зеркало в резной ореховой раме (по преданию, «собственноручной работы самого Петра») в Спальне Екатерины, «Петровские зеркала в золочёных рамах» и «стол (венецианской работы) с деревянной золочёной фигурой Атланта» в углу в Зелёном кабинете. В Столовой на стенах висели картины на библейские сюжеты[10], т.е. в 1929 г. картины были на месте, а вот с мебелью пока не всё ясно. В 1917 г. описано 214 предметов мебели, в 1928 г. 117 предметов передали на реализацию, в 1929 г. Н.Е. Лансере называет лишь 2 шкафа и несколько зеркал.

В 1934 г. на основании Приказа Наркомпроса РСФСР от 13 марта 1934 г. ИБО Русского музея прекратил своё существование. Летний дворец получил статус самостоятельного музея и перешёл в ведение Управления Ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета[11]. В договоре о передаче, подписанном в декаб-

[7] *Болотова Г.Р.* Лекция «История музейной коллекции Летнего дворца Петра I». С. 12.

[8] Архив ГРМ (I). Оп. 6. Д. 494. Л. 7 об.

[9] Архив ГЭ. Ф. 1 Оп. V. Д. 743 (74). Л. 116.

[10] *Лансере Н.* Летний дворец Петра Первого. Л., 1929. С. 38, 46, 49.

[11] *Закс А.Б.* Историко-бытовой отдел Русского музея 1918–1941 гг. // Труды НИИ музееведения. Вып. VII. М., 1962. С. 282.

ре 1933 г., говорилось, что «Русский музей одновременно передаёт с помещением Дворца все *принадлежащие этому дворцу экспонаты»* (выделено мной. – *Г.С.*)[12]. Таким образом, в это время во дворце было собрание предметов, которое, по всей вероятности, находилось в нём и в 1925 г., когда Дворец был передан в ведение Русского музея.

К середине 1930-х гг. драматичный процесс реорганизации музейной жизни приобретает новый идеологический смысл. Значительно сокращается группа историко-бытовых и историко-художественных музеев ансамблевого характера. В некоторых ансамблевых музеях исторические экспозиции заменялись выставками, вступающими с ансамблем в резкое противоречие[13]. Уже со второй половины 1920-х гг. в Летнем дворце проводились выставки «Народный костюм в городском быту», «Выставка русских самоваров XVIII–XIX веков». Намечалось проведение выставок «Масонские материалы», «Иноземный материал на русской почве». Курьёзной нелепостью стало устройство летом 1927 г. выставки «Материалы из погребений XVIII века», где демонстрировались мумифицированные трупы и остатки погребений XVIII в., доставленные сотрудниками ИБО из села Мартышкино[14]. Это были три особенно хорошо сохранившихся тела: пастора, вельможи и ребенка, которые показывали в сохранившейся одежде и в подлинных гробах. В витринах были представлены отдельные предметы одежды, найденные в склепе[15]. Позднее мумии были переданы в другие учреждения, но часть предметов (гробы), вероятно, осталась в Летнем дворце[16].

Особенностью этого времени было понимание музеев как политико-просветительных учреждений, экспозиции которых рассматриваются исключительно как основа для массово-просветительной работы. Все направления деятельности – научно-исследовательская, выставочная, экскурсионная – подчиняются задачам пропаганды[17]. Полноценная собирательская работа не ведётся, происходит массовое

[12] Архив ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1026. Л. 3.

[13] *Кузина Г.А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Сб. НИИ культуры. М., 1991. С. 145.

[14] Архив ГРМ (I). Оп. 6. Д. 494. Л. 7 об., 10 об.

[15] *Степанов А.А.* Выставка «Материалы из погребений XVIII в. (Мартышкино)». Л., 1926.

[16] Методика и практика массовой санитарно-культурной работы. Опыт работы Ленинградского Дома санитарной культуры за 1932–34 гг. Л., 1936.

[17] *Кузина Г.А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. С. 147.

перераспределение памятников между музеями и различными организациями, хотя и предпринимаются попытки навести порядок в деле учёта и хранения коллекций. В этих исторических условиях на основании Постановления Президиума Ленсовета от 21 сентября 1937 г. (протокол № 74) началась работа по Генеральной инвентаризации коллекций в музеях Управления Культпросветпредприятий Ленинграда. Инвентаризация объявлялась важнейшей хозяйственно-политической задачей, одним из мероприятий по ликвидации последствий вредительства и борьбе с расхитителями социалистической собственности, которые, как выразился начальник Музейного отдела Управления тов. Легздайн, «орудовали в нашей системе и довольно сильно нагадили в деле учёта и хранения музейных ценностей... во всех наших дворцах и музеях»[18]. В то же время необходимость уделить серьёзное внимание учёту и хранению музейных собраний была очевидна и без идеологических обоснований.

В ходе инвентаризации были составлены стенографические отчёты и инвентарные книги. Эти материалы, в первую очередь отчёт об инвентаризации в Летнем дворце и Домике Петра I, легли в основу изучения фондов музея перед войной. Согласно документам, собрание дворца начинает формироваться в результате поступления в 1934–1935 гг. значительного числа предметов из музеев Ленинграда и пригородных дворцов-музеев. Это была первая и самая большая волна поступлений. Колоссальное перемещение коллекций практически всех музеев страны к середине 1930-х гг. не затихает. В скором времени начнётся новый «передел» коллекций, связанный с инвентаризацией 1938–1940-х гг. Именно она определила вторую волну поступлений памятников в музей.

При проведении инвентаризации Летний дворец (вместе с Екатерининским и Александровским музеями в Пушкине) был избран опытной площадкой. В течение января–февраля 1938 г. основные работы по инвентаризации были закончены. Они шли в несколько приёмов, потому что Дворец систематически пополнялся новыми экспонатами. К лету 1938 г. были составлены описи. В дальнейшем в них были включены вещи Домика и вещи, поступившие из Эрмитажа. Однако предметы продолжали поступать вплоть до окончания работ в феврале 1940 г.[19]

[18] ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–54; Ф. 276. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
[19] ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–13.

Состав сложившейся к 1940 г. коллекции отражен в отчёте об инвентаризации. В нём указано, что во дворце находились главным образом мебель начала XVIII в. и предметы бытового убранства. Среди мебели было большое количество подделок под петровские образцы. Отдельные предметы бытового убранства представляли историческую ценность: зеркало петровского времени, ларцы из моржовой кости, посуда медная, стеклянная и в небольшом количестве фарфоровая. Высокую художественную ценность имели находившиеся во Дворце часы в количестве семи штук. Особую значимость придавали собранию мемориальные вещи — личные костюмы Петра и два одеяла.

Непременный атрибут дворцового интерьера — предметы живописи — также были представлены в собрании. Это были произведения голландской школы — преимущественно пейзажи, картины библейского содержания, в небольшом количестве натюрморты и исторические портреты. В фондах Дворца имелось собрание гравюр, литографий, офортов, относящихся к истории Летнего сада[20].

Летом 1938 г. в состав коллекции вошли вещи из присоединённого к Летнему дворцу Домика Петра I на Петроградской стороне. Поэтому отчёт отражал также состав предметов в Домике, где находилась мебель, предметы бытового убранства и несколько картин. По преданию, бытовавшему среди научных сотрудников и экскурсоводов Музея города[21], ряд вещей в Домике считался сделанными руками Петра. В процессе инвентаризации научный сотрудник Летнего сада Рогачева[22] выяснила, что вещи, сделанные руками Петра I, являются подделками или вещами более поздними. Вызванный из Русского музея консультант установил наличие подлинных вещей и подделок[23].

Зимой 1938–1939 гг. научный сотрудник музея Фёдорова отобрала в музейном фонде Эрмитажа ряд экспонатов, также поступивших в постоянный фонд Летнего дворца. Это была медная и стеклянная посуда, ларцы из моржовой кости, зерцало и два портрета Петра. Они были записаны в инвентарь осенью 1939 г.

Всего в коллекции было зарегистрировано 1470 предметов постоянного фонда. Из них вещевой материал — 578 предметов, плос-

---

[20] Там же.

[21] До 1938 г. Домик находился в ведении Музея города.

[22] В отчётах об инвентаризации часто отсутствуют имена и отчества упоминаемых в них лиц.

[23] ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–13.

костной материал — 135, книги — 57, фото — 700. Самая большая группа памятников поступила в течение 1934–1935 гг. из ИБО Русского музея (около 400). Из Екатерининского музея (Детского Села) — 41 предмет, из Петергофа — 41, из музея Революции — 3, из Музея истории науки и техники Академии Наук — 1, из Музея этнографии – 1. По акту передачи Домика оттуда было передано 52 предмета. Большая группа предметов поступила из Эрмитажа[24].

380 предметов поступили во временное пользование: мебель, гравюры, посуда из Пушкинского дворца-музея; фарфор, портреты, китайские шкафы из Гатчинского; предметы бытового убранства из Петергофа; оружие из Артиллерийского музея; токарные станки, чертёжные инструменты, корабельные инструменты из Академии наук и т.д.[25]

10 предметов, имеющих музейное значение, но не принадлежащих к времени Петра I, было решено передать в другие музеи (кресло конца XVIII в., золочёные часы и т.д.). 11 предметов были признаны ненужными и переданы в Музей некрополя: лоскутки от гроба Меньшикова, позументы, два гроба[26] и т.д. Несколько предметов признали не имеющими музейного значения и подлежащими передаче в хозяйственный инвентарь или уничтожению[27].

Такова далеко не полная картина состояния фонда согласно отчёту. Чтобы её дополнить, обратимся к инвентарным книгам, составленным по итогам инвентаризации. Поступившие предметы можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это **мемориальные вещи Петра Великого.** Среди них знаменитый кроватный убор начала XVIII в., поступивший из Большого Петергофского дворца. Он включал дубовую кровать

---

[24] В лекции Г.Р. Болотовой мы находим иные цифры: из Русского музея — 263 ед. хр., из Екатерининского дворца — 174 пр., «Остальные поступления 30-х гг. в небольших количествах были из Государственного Эрмитажа, Государственного музея истории Ленинграда, Музея Этнографии, Гатчинского дворца-музея, Петергофского дворца-музея, музея Революции». Расхождения объясняются тем, что автор исходил из статистики по новым, послевоенным инвентарным книгам, когда, после возвращения вещей из эвакуации, вновь происходит значительное перемещение памятников — из музея и поступления в него. Общее количество экспонатов — 1282 ед. хр. — автор приводит на 1.12.1985.

[25] ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–13.

[26] Возможно, те, в которых демонстрировались на выставке 1927 г. мумии из Мартышкино.

[27] ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–13.

(ЛС 199) с балдахином на двух дубовых стойках[28]; пуховой тюфяк (ЛС 200); ватное стёганое одеяло (ЛС 201), крытое шёлковой материей с изображениями сцен из китайской жизни; одеяло (ЛС 202) на заячьих шкурках; два валика (ЛС 203).

Эти предметы находятся сегодня в основном фонде музея (за исключением валиков). Их записали в инвентарь в 1938 г., а вот были ли они эвакуированы[29] не вполне ясно – записи об этом в книге нет. В послевоенные описи они не вошли.

Из Гатчинского дворца поступила группа ценных предметов, среди которых шпага Петра I (ЛД 672), переведённая позднее в постоянный фонд с уточнениями в атрибуции[30].

Из Екатерининского музея (Детского Села) поступил ряд предметов, которые определены специалистами как «петровские». В их числе «шкиперский костюм» Петра I — камзол (ЛС 319) и штаны (ЛС 320) из коричневого сукна, пара чулок (ЛС 321) серой шерсти с зелёной каймой[31]. Несколько предметов одежды начала XVIII в., поступившие в этот период, определяются как возможно «петровские»: кафтан (ЛС 315) и штаны (ЛС 316) красного сукна с галуном расшитые шёлком; плащ-пелерина (ЛС 317) синего сукна, с позументом; шинель (ЛС 318) серого сукна с воротником малинового бархата, украшенная позументом.

Во вторую группу мы объединили **предметы, находившиеся в Летнем дворце на момент их регистрации** (т.е. на 1938–1940 гг.). В первую очередь, это часы стенные (ЛС 330) начала XVIII в. в ореховом резном футляре с тремя циферблатами – знаменитый Ветровой прибор из Кабинета Петра I работы ювелира саксонского курфюрста в Дрездене И. Динглингера. Любопытно, что в графе «Сохранность» инвентарной книги говорится, что в трубках барометра ртути нет и что часы исправлены и действуют с 1 февраля 1938 г. Часы эти были куплены в Голландии самим императором. Их третий циферблат «указывал состояние воздуха посред-

---

[28] Все описания даны по инвентарной книге 1938–1940 гг., но в сокращённом виде. Инвентарные номера указаны также по книге 1938 г. Они имеют литеру «ЛС». Литеру «ЛД» музейные предметы получили в 1953 г.

[29] Во время Отечественной войны вещи из дворца были эвакуированы в г. Сарапул.

[30] Старый номер с литерами «ЛС» отсутствует, т.к. предмет находился до войны на временном хранении.

[31] *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний Дворец Петра I. С. 158.

ством одной стрелки, к которой в стене приделан железный станок, а к нему барометр»[32].

Также во Дворце находились 2 статуэтки (ЛС 174, ЛС 175) из обожжённой глины, крашеные под бронзу (по нашему предположению – детали каминного или архитектурного декора), стол дубовый (ЛС 333) с инкрустацией первой половины XVIII века, диван (ЛС409) дубовый типа Чиппендейл.

В разных помещениях Дворца находились живописные плафоны. Это четыре овальных медальона (ЛС 84, 85, 86, 87) в Зелёном кабинете (м.х., неизв. худ. XVIII века), изображающие аллегории частей света — Европу, Азию, Америку и Африку. В описании 1938 г. значится, что на лицевой стороне рам медальонов имеются наклейки с номерами: № 6199 — Америка, № 6198 — Африка, № 6191 — Азия и № 6196 — Европа. Они из «Описи Эрмитажным картинам, находящимся во Дворце Императора Петра I что в Летнем саду»[33].

Четыре овальных медальона (ЛС 384, 385, 386, 387) на потолке в углах в Секретарской (м.х., неизв. худ. начала XVIII в.). В описи Эрмитажа: № 6187 «Купидон со щитом», № 6188 «Купидон со шлемом», № 6189 «Купидон с панцирем» и № 6190 «Купидон с луком».

Ещё семь плафонов на аллегорические сюжеты находились в других помещениях Дворца. В описи Эрмитажа они имели иные номера и иногда другие названия:

- «Минерва или Беллона» (ЛС 376), м.х., неизв. худ. начала XVIII века. Атрибутирован в настоящее время как «Триумф Петра I» (в описи Эрмитажа № 6192 «Благочестие, святость и премудрость»);
- «Торжество Морфея» (ЛС 377), м.х., неизв. худ. начала XVIII века (в описи Эрмитажа № 6191, название не менялось);
- «Торжество Марса» (ЛС 383), м.х., неизв. худ. начала XVIII века. Атрибутирован в настоящее время как «Триумф Минервы» (по описи Эрмитажа № 6186, «Торжество Марса»);
- «Триумф России» (ЛС 397), м.х. Атрибутирован в 1938 г. как работа Поссельта, 1719 г., позднее был определён как работа Г. Гзеля (в описи Эрмитажа под № 6185, «Целомудрие, любовь Государя к народу, власть и верность»);
- «Прославление деяний Петра» (ЛС 89) работы Г. Гзеля (по описи Эрмитажа № 6193, «Добродетель, истина и время»);
- «Мир и спокойствие» (ЛС 193), м.х., неиз. худ. (в описи Эрмитажа № 6194, «Угождение, мир и спокойствие»);

---

[32] *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Л., 1990. Репринт 1889 г. С. 60–61.

[33] Архив ГЭ. Ф. I. Оп. VII В. Д. 2. 1850-е гг. Л. 4 об.

◆ «Триумф Екатерины» (ЛС 275), м.х., неизв., худ. (в описи Эрмитажа № 6195, «Исторические науки, здравие и правда»).

Все живописные плафоны находятся на своих местах и в настоящее время.

В третью группу мы выделили **предметы, которые участвовали в знаменитой Петровской выставке 1903 г.**, проходившей во Дворце и приуроченной к 200-летию основания Петербурга. Об этом свидетельствуют наклейки на вещах и записи в инвентаре.

Известно, что на выставке были представлены разнообразные экспонаты: личные вещи Петра Великого, предметы, связанные с его жизнью и деятельностью, вещи, ранее находившиеся во Дворце, но покинувшие его стены за прошедшие 200 лет и переданные на выставку из разных мест, предметы, записанные в каталоге выставки как вещи Летнего дворца, т.е. находившиеся там на момент её проведения. В 1934–1938 гг. часть из них поступает в музейное собрание.

Прежде всего, это большая группа предметов мебели. Практически у всех имелись наклейки, говорящие об участии в юбилейной выставке. Многие из них теперь утрачены, но записи в инвентарях подтверждают этот факт. Некоторые предметы имеют особое художественное или историческое значение:

◆ Комод (ЛС 205) карамандельского лака с китайскими лаковыми досками с изображением павлинов и драконов. Есть наклейка «Петр. Выст. 208» (по новой атрибуции – французская работа первой пол. XVIII века).

◆ Полушкаф (ЛС 392) в стиле эпохи Возрождения с тиснёной кожей и наклейкой: «Петров. выст. № 202» (по новой атрибуции комод кордовской кожи, позднейшая подделка второй пол. XIX века).

◆ Таган (ЛС 427) медный, кованый, имел утраченную наклейку «Петров. выст. 206».

◆ Кровать (ЛС 430) дубовая на четырёх золочёных ножках с этикетками: «№8 и № 9 Ал. Н. Лавра» и «П.В. 677».

◆ Шкаф берёзовый (ЛС 177). Позднейшая подделка под Данцигские шкафы, наклейка «П.В. 637» и другие.

Были широко представлены кресла и стулья работы как русских, так и иностранных мастеров: кресла морёного дуба, украшенные резьбой и обитые малиновым бархатом с бахромой (начало XVIII в.), стулья простого дерева, украшенные резьбой, с плетёной спинкой и сиденьем (середина XVIII в.).

Дубовые кресла, украшенные резьбой, обитые малиновым бархатом с шёлковой бахромой и бронзовыми навершиями спинок

были изготовленные в Париже в мастерской на бульваре Осман в конце XIX в. по образцу начала XVIII в. Снизу под сиденьем на холсте имеется штамп: «Z. Plaisant Tapissier 48 Boul'd Haussmann Paris». В 1950 г. все они были переданы в Центральное хранилище музейных ценностей[34]. Известно, что в петровских дворцах начала XVIII в. имелось немало французской обитой бархатом мебели. В какой связи и по чьему указанию в конце XIX в. были изготовлены кресла по образцу начала XVIII в. – вопрос открытый. На всех этих креслах и сегодня есть наклейки: «Петровская выставка» и номера, под которыми они выставлялись. Можно предположить, что в числе этих кресел были и те, которые реставрировали для Дворца в 1840 г., о чём свидетельствует находящийся в делах Гофинтендантской конторы «Реестр вещам и драпировкам для первоначального Петра I дворца, что в Летнем саду». Описывая обстановку двух комнат Дворца, автор пишет, что во 2-й комнате находились «12 кресел обиты сиденья и спинки малиновым бархатом и задки малиновою тафтою с обвязкою сиденьем золотою тесьмою»[35].

На выставке был представлен целый ряд предметов декоративно-прикладного искусства, в том числе изделия из стекла – штофы, бокалы, стаканы, рюмки, флаконы. На них и сегодня сохранились этикетки как об участии в юбилейной выставке, так и о принадлежности ранее какому-либо собранию (например, «Долгорукий 69»). Все они датированы XVIII в. и часто имеют характерные для того времени надписи. Например, на стаканах немецкой работы первой половины XVIII в.: «Starck un glauben und der gerechtiteit» — «Сила в Вере и Правосудии (Справедливости)» и «Mann muss der Schwiegen sein» — «Замолчи», «Успокойся» — от старонемецкого «Молчание»; возможно, искажённое переписчиками «im Verschwiegen sein» – «Не проболтайся» (орфография сохранена. – *Г.С.*). Или на бокале русской работы начала XVIII в.: «Что лепно и трудно».

В четвёртую группу памятников мы выделили **предметы, которые имели указания на более раннюю их принадлежность Дворцу** – наклейки с надписью «Дворец Императора Петра I в Летнем саду». В своё время они были записаны в дореволюционные инвентари как принадлежащие дворцовому собранию. Прежде всего, сюда от-

[34] По акту передачи в Центральное хранилище было передано ещё несколько кресел дубового и орехового дерева, с различной обивкой, украшенных резьбой. Многие из них в выставке не принимали участия.

[35] *Болотова Г.Р.* Лекция «История музейной коллекции Летнего дворца Петра I», где она ссылается на ЦГИА, ф. 470, оп. 143/577, 1840.

носятся перечисленные ранее предметы, по разным свидетельствам не покидавшие Дворец — сосновые шкафы в коридорах, расписные плафоны, часы Динглингера и др. Вместе с тем, в этой группе есть и другие памятники. В настоящее время нет документальных подтверждений, что они находились во дворце во время пребывания там императора и его семьи. Но некоторые отметки позволяют отнести их к началу XVIII в. В первую очередь это зеркало-панно (ЛС 161) в деревянной резной раме — подлинная работа 1710–1711 гг. с вырезанными надписями «1710», «1711», «P. I.», «Piter» (так по-голландски всегда подписывался Пётр)[36] (есть наклейка «135. П.В. № 78»). Также это 7 зеркал в раме красного или орехового дерева начала XVIII в. Все они имеют две наклейки: «Петровская выставка» и «Дворец имп. Петра I в Летнем саду».

Помимо перечисленных четырёх групп предметов в коллекции Летнего дворца в исследуемый период находилось немало вещей, в той или иной мере связанных с Дворцом или его владельцами. Их появление в музее было вполне логично, но история их поступления требует дополнительных изысканий.

Так, в 1934 г. из Русского музея поступили три модели Домика Петра I в Саардаме. Одна из них (ЛС 448) имела откидную крышу и стеклянный потолок, сквозь который была видна обстановка трёх комнат. Вторая (ЛС 450) была сделана из картона, на ней имелись этикетки на голландском языке, подпись мастера и дата изготовления — 1866 г., и размер — в 1/50 величины. Обе модели были укреплены на деревянной доске и укрыты стеклянным колпаком. Обе были списаны в 1951 г. Третья (ЛС 449) деревянная модель состояла из двух соединённых вместе построек, одна – в две комнаты, другая — в одну большую комнату с маленькой передней. К домику была присоединена небольшая пристройка, которая имела съёмную крышу и вынимающуюся стенку. Над входной дверью была надпись: «anno 1692». На обратной стороне доски подставки надпись: «Jon Hoogen biest fesit?» (знак вопроса в тексте описания. – *Г.С.*). Модель была укреплена на деревянной подставке и укрыта стеклянным колпаком. В 1947 г. её передали в Эрмитаж.

В ходе инвентаризации 1938–1940 гг. на заседаниях обсуждались вопросы пропажи вещей. Среди примеров была история с моделью Домика Петра I, которую взял на время Петергофский

[36] В инв. книге 1938 г. встречаем запись «Peter», тогда как на предмете написано «Piter». Искажения в иностранных словах часто встречаются в этих книгах.

музей. Шла ли речь об одной из трех перечисленных моделей (найденной впоследствии в ходе инвентаризации), или это была ещё одна модель из текста стенограммы не ясно, но говорилось, что это была «ценнейшая вещь»[37]. Одна из трёх описанных нами моделей подходит под это определение – та, что была передана в Эрмитаж. Известно, что домик в Заандаме (Саардаме), где Пётр I останавливался в марте 1697 г., был построен в 1632 г. Возможно, что дата на модели «anno 1692» это либо дата изготовления самой модели, либо искажённая переписчиком описи дата постройки домика в Заандаме — «1692» вместо «1632». Неизвестно с какой целью были изготовлены эти модели и почему оказались в музейном собрании.

Требует дальнейших исследований ещё один предмет петровской эпохи — двухсторонняя ширма (ЛС 547) из четырёх створок. Каждая створка лицевой стороны — рама из трёх отделений, внутри которых помещены пейзажи марин. В 1938 г. она поступила в Летний дворец из Музея этнографии. Как и откуда она попала в Музей этнографии не установлено. Безусловно, она представляет особую историческую и художественную ценность. Сегодня она датирована как голландская работа начала XVIII в. Но имеет ли она отношение к Дворцу — ещё предстоит выяснить.

Мы упоминали, что в начале XIX в. для дворца были изготовлены предметы из деревьев, упавших в саду во время бури. Это было сделано по указу Николая I[38]. До войны в коллекции находился дубовый экран (ЛС 553) в виде отполированной рамы жёлто-оранжевого цвета. Вероятно, он был в числе той мебели, которую изготовил столярных дел мастер Пётр Исаков. Он обязался сделать «из сломанных бурею в Летнем саду старых деревьев <...> для первоначального дворца имп. Петра I <...> по утверждённым рисункам <...> два кресла, 12 стульев и 1 экран»[39]. На экране имелась этикетка «Дворец Императора Петра I в Летнем саду». Вероятно, она была прикреплена в 1840-х гг., когда появилось стремление сохранить дворец как мемориальный памятник, и в него были перевезены «из камерцалмейстерской должности Зимнего дворца» разные предметы[40]. Тогда же была проведена упоминавшаяся реставрация мебели[41].

---

[37] ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 31. Л. 15.

[38] *Болотова Г.Р.* Лекция «История музейной коллекции Летнего дворца Петра I», где автор ссылается на ЦГИА, ф. 470, оп. 143/577, д. 22, 1840.

[39] Там же.

[40] Там же, где автор ссылается на ЦГИА, ф. 470, оп. 143/577, д. 19, 1836.

[41] Там же, где автор ссылается на ЦГИА, ф. 470, оп. 143/577, д. 20, 1837.

В 1938 г. в музей передаётся значительная группа предметов из Эрмитажа, куда после создания ХИК Зимнего дворца летом 1917 г. перемещали наиболее ценные художественно-исторические памятники из реквизируемых и национализированных собраний. Факт передачи в Летний дворец предметов из Эрмитажа придает особую значимость создававшейся во второй половине 1930-х гг. коллекции. Большая часть из этих вещей имела прямое или опосредованное отношение к Дворцу и его владельцам:

- Две бархатные скрижали (ЛС 554 и ЛС 555) с мантии архимандрита Феодосия[42], украшенные позументом серебряной, золочёной и шёлковой нитями, с аппликацией в виде сложного рисунка, предположительно монограммы Петра I.
- Зеркало (ЛС 548)[43] в форме трёхгранной пирамиды, украшенное фигурой орла с тремя распростёртыми крыльями и тремя головами, держащего скипетр и державу, на гранях пирамиды под стеклом тексты трёх указов Петра I, отпечатанные в Сенатской типографии 27 января 1724 г. (от 17 апреля 1722, от 21 января 1704 и от 27 января 1724).
- Картина «Пётр I» (ЛС 541) работы художника Флери[44].

Судя по дате поступления этих и некоторых других предметов, возможно, их отобрала зимой 1938–1939 гг. научный сотрудник Летнего сада Фёдорова в Музейном фонде Эрмитажа.

Часть предметов, поступивших из Эрмитажа, осталась в музее и заняла достойное место в его собрании. Это вещи петровской эпохи: туалетные ларцы из дерева, украшенные пластинами резной моржовой кости, *посуда* – штофы, бокалы, с различными инициа-

---

[42] Архимандрит Феодосий (в миру Фёдор Михайлович Яновский; 1673–3(14) февраля 1726) — архиепископ Новгородский (Великоновгородский) и Великолукский. Вошёл в доверие к Петру I. Между ними установились дружеские отношения. Быстро набрал значительную власть. Основал Александро-Невскую лавру, был Вице-президентом Святейшего Синода, участвовал в заседаниях Тайной канцелярии. После смерти царя арестован за резкие высказывания в адрес императрицы Екатерины I. Сослан в Николо-Корельский монастырь Архангельской епархии. Умер в заточении. Погребён в Кирилло-Белозерском монастыре.

[43] В инвентарной книге 1938 г. «зеркало»; литера «к» исправлена синим карандашом на «ц», тем же карандашом сделаны пометки слева в графах «старый» и «новый» инвентарные номера.

[44] В инвентарной книге 1938 г. не даны инициалы художника. На картине в левом нижнем углу три даты: 1879, 1880, третья неразборчиво. После войны портрет был передан в Центральное хранилище, его дальнейшая судьба автору не известна.

лами: «Е.А.I», «Е.Р.I», «Р. Е.I», «Е.А.I», «Р.I. Е.I», ковши, кофейник, ендова, тарелки фарфоровые и др.

Другая часть была в 1947 г. возвращена в Эрмитаж. Это упомянутые скрижали и зеркало, портрет Петра I работы Флери, картины голландской школы, художников круга Рембрандта, произведения Бухгольца, Богарта, десять барельефов красной меди в деревянных рамах с изображениями батальных сцен «Осада Нарвы 1704», «Взятие Шлиссельбурга 1702» и др., несколько ценных предметов мебели и декоративно-прикладного искусства.

Особую ценность для собрания Летнего дворца представлял станок железный зуборезный, который привёз из Лондона в 1719 г. механик Петра I Андрей Нартов. Он поступил в Летний дворец в 1931 г. из Музея истории науки и техники Академии наук. Передача в Эрмитаж станка Нартова – несомненная потеря для собрания Летнего дворца.

Требует дальнейших изучений история небольшой (7 предметов), но ценной коллекции часов, находившихся во дворце в довоенные годы. После войны некоторые из них попали в Эрмитаж и были исследованы специалистами. Речь идёт, в частности, о работе С.А. Нилова, изучавшего историю часов известного часовых дел мастера Г. Торнтона. В Летнем дворце до войны находились похожие часы. Они были в деревянном футляре, оформленном слоновой костью, на пластине с гравированным рисунком была надпись: «Henriy Thornton, London». На медной доске с циферблатом имелся миниатюрный портрет Петра I. Часы исполняли музыкальные мелодии. Поступили из ИБО Русского музея в 1934 г.

С.А. Нилов в работе «Часы Г. Торнтона с портретом Петра I. Легенда и быль» исследует историю *напольных* часов с механическим органом в виде архитектурного сооружения с миниатюрным портретом Петра I на кости, выполненным гуашью и акварелью. П.Е. Сорокин в статье «Археологическое изучение Екатерингофского дворца или Неизвестное об известном» ссылается на описи Екатерингофского дворца 1884 г., согласно которым в одной из его комнат «стояли большие *настольные* часы с боем и музыкальным механизмом, исполнявшим двенадцать мелодий» работы Генри Торнтона. Над их циферблатом также имелось миниатюрное изображение Петра I, выполненное на кости гуашью и акварелью[45].

[45] *Сорокин П.Е.* Археологическое изучение Екатерингофского дворца, или Неизвестное об известном // *Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кищук А.А.* Екатерингоф. СПб., 2004. С. 102; Екатерингофский дворец. Опись

Совпадения в описаниях часов в Екатерингофе и в Эрмитаже очевидны. Но и часы из Летнего дворца имеют много совпадений в описании, за исключением определений: «напольные» и «настольные». Размеры «эрмитажных» часов (113,0х55,0х37,0) и часов из Летнего дворца (113,0х30,0х47,0) не сильно разнятся. Если предположить, что отличия в размерах произошли от разного способа измерения, то возможно, нам удаётся проследить один из отрезков жизни «Екатерингофских» часов: до попадания в Эрмитаж они в 1934 г. поступают в Летний дворец из ИБО Русского музея, куда, в свою очередь, могли попасть вскоре после его создания. Известно, что коллекция ИБО создавалась из предметов, находившихся как в Русском музее, так и в кладовых ХИК, куда с лета 1917 г. свозили реквизированные и конфискованные художественные ценности из царских и великокняжеских дворцов, особняков знати и т.д.

Подводя итог, отметим, что во второй половине 1930-х гг. во вновь образованном музее «Летний дворец Петра I» складывается полноценная музейная коллекция. По своему составу коллекция включала как петровские предметы, так и вещи, выдававшиеся за петровские. Особую ценность представляют мемориальные предметы и вещи, связанные с Дворцом и Домиком – живописные плафоны, Ветровой прибор, предметы мебели, атрибутированные как принадлежавшие Дворцу[46]. Не меньший интерес представляют мемориальные предметы, находившиеся ранее в других дворцах – кроватный убор под балдахином, дубовая резная кровать, напольное зеркало в резной ореховой раме, предметы одежды и другие вещи, которые, по преданию, принадлежали Петру I. Совершив определённый круг, эти вещи возвратились на свои прежние места. Сегодня они находятся в основном фонде музея.

Значительную и самобытную часть музейного собрания составляли предметы- участники Петровской выставки 1903 г. Судьба их заслуживает дальнейшего изучения. Численность довоенного собрания —1470 предметов – была довольно внушительной для такого небольшого музея, как Летний дворец.

предметам, имеющим преимущественное художественное значение. СПб., 1884. С. 9; *Нилов С.А.* Часы Г. Торнтона с портретом Петра I. Легенда и быль // Основателю Петербурга: Материалы конференции к 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 12–15.

[46] Из разных источников известно, например, что во времена Петра I во дворце было «множество зеркал». См. «Записки поляка-очевидца» // Русская старина. 1879. Т. XXV. и др.

Особо примечательно, что в середине 1930-х гг. в Советском Союзе появляется музей, увековечивающий память монарха из рода Романовых. В период культа личности создаётся музей, ставший своеобразным гимном Петру Великому. Его коллекция отражала не только личность царя, но и его время, его деяния, включала памятники высокой художественной и исторической значимости. Изучение истории формирования собрания позволило открыть новые страницы в жизни этого уникального памятника петровской эпохи.

Т.П. Мазур (Санкт-Петербург)

Автографы Петра Великого в собрании Российского государственного архива Военно-морского флота

Время правления Петра Великого — яркая страница в истории России и всего мира. Всё, что связано с его жизнью, всегда вызывало и вызывает интерес.

История Российского государственного архива Военно-морского флота неразрывно связана с именем великого преобразователя России. По его «изустному» указу Государственная Адмиралтейств-коллегия на заседании 17 (28) января 1724 г. постановила «для собирания дел в архиву определить архивариуса и к нему копиистов». Именно с этого момента началась деятельность одного из старейших архивов России — хранилища военно-морской истории. В его стенах сосредоточен уникальный комплекс документов, отражающий этапы развития России и её славного военно-морского флота.

В составе богатейшего комплекса документов, хранящихся в архиве, имеются и документы, связанные с именем императора Петра I. Особое место среди них занимает уникальное собрание его автографов. Самый ранний датирован 29 января 1701 г., это именной список 15 мастеров, в том числе «баса» (корабельного мастера) Петра Михайлова, с обозначением суммы жалования, где имеется запись: «Piter Michailof деньги получил». А резолюция на докладе Адмиралтейств-коллегии от 14 января 1725 г. о подготовке корабельных эскадр Балтийского флота к предстоящей морской кампании является одной из последних, вышедших из-под пера Петра Великого всего за несколько дней до его смерти.

Автографы Петра Великого весьма разнообразны и отражают особенности делопроизводства государственных учреждений России первой четверти XVIII в. и личную деятельность царя. Документы можно разделить на две группы. Одна из них — бумаги, собственноручно написанные Петром I, а другая — лично им подписанные документы. Некоторые письма Петра I носят одновременно характер указов или являются инструкциями, обязательными к исполнению. Примером может служить письмо царя к вице-адмиралу Корнелиусу Крюйсу от 3 марта 1717 г. с выражением благодарности за труды в деле организации табачного производства в России, которое приобрело статус указа о заведении табаководства в стране. Подписи-автографы стоят под документами, написанными писарской рукой. В документах фигурируют подписи царя четырёх видов: Пётр, Piter, Пётр Михайлов, Piter Michailof. В автографах имеется 45 оттисков печати шести видов. Пять из них — личные и одна –походная. Особый интерес представляют две трёхгранные печати, на одной из граней которых изображён Пётр I, высекающий статую женщины, символизирующей Россию. Существует предание, что изображение на печати собственноручно вырезано Петром I. Самый ранний оттиск этой стороны печати имеется на подписанном Петром I мнении его и А.Д. Меншикова по делу вице-адмирала К. Крюйса и датирован 19 января 1714 г.

Автографы хранятся в нескольких архивных фондах: В фонде-коллекции «Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета», фондах канцелярий сподвижников царя, вместе с ним стоявших у истоков создания регулярного российского военно-морского флота — первого генерал-адмирала российского флота Ф.М. Апраксина и адмирала К. Крюйса, разделивших с Петром I славу создания отечественного флота и превращения России в морскую державу. Документы названных фондов отражают деятельность правителя России как государственного деятеля и военачальника. Они «представляют действительно драгоценнейшие памятники той беспримерной энергии и заботливости, с которыми для пользы русского флота трудился его великий основатель, действуя, как администратор, адмирал и кораблестроитель», — так охарактеризовал их историограф русского флота Ф.Ф. Веселаго.

Петровские автографы разнообразны по своему содержанию. Это документы, отражающие в первую очередь вопросы создания регулярного военно-морского флота и основ российского морского законодательства, организации управления флотом, строительства кораблей, верфей, гаваней и заводов; комплектования флота лич-

ным составом и найма на русскую службу иностранных морских специалистов, подготовки российских кадров, в том числе и за границей; строительства новой столицы России — Санкт-Петербурга и крепости Кронштадт. Значительная часть автографов Петра I — документы об участии российского флота в военных действиях и его первых победах в период Северной войны (1700–1721). Документы раскрывают вопросы развития торговли России со странами Европы и налаживания крайне необходимых для страны международных контактов с различными государствами Западной Европы, организации первых научных экспедиций по исследованию Мирового океана и неизведанных земель.

Основная часть автографов Петра Великого хранится в фонде-коллекции «Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета» (ф. 223). Документы данной коллекции собирались в разное время и, как отмечал председатель Комиссии по описанию дел архива Морского министерства историограф Ф.Ф. Веселаго, они «отобраны были из архива Морского министерства и присланы из других мест для особого хранения в зале Адмиралтейств-Совета», в так называемом ковчеге. В 1914 г. наиболее ценная часть хранившихся в зале Адмиралтейств-Совета документов была передана в Архив Морского министерства, где и хранится сейчас в составе материалов РГА ВМФ.

В делах коллекции хранятся собственноручные и за подписанием царя указы, инструкции, многочисленные письма генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, адмиралу К. Крюйсу, генерал-майору Г.П. Чернышёву, адмиралтейцу А.В. Кикину, олонецкому коменданту И.Я. Яковлеву, капитану П.-Х. Бредалю и другим по вопросам создания регулярного военно-морского флота, его боевой подготовки, вооружения и снабжения; подготовки кораблей к морским кампаниям, крейсерстве отрядов судов в Балтийском море; организации и деятельности высших органов управления флотом, морского законодательства. Среди них собственноручные указания Петра I на докладе адмиралтейского советника А.В. Кикина, «в каком содержании быть здесь Адмиралтейству» от 21 июня 1708 г.; собственноручный указ от 25 декабря 1708 г. «об определении господину адмиралу из Адмиралтейского приказа, числом против генерал-фельдмаршала», что свидетельствует о назначении Ф.М. Апраксина генерал-адмиралом; указ генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину от 26 января 1721 г. о «праве определения членов в Адмиралтейств-коллегию»; резолюция Петра I о числе кораблей и фрегатов Кронштадтской эскадры, назначенных в плавание, на док-

ладе Адмиралтейств-коллегии от 14 января 1725 г. о вооружении флота в предстоящую кампанию.

Жемчужиной коллекции является «Табель о рангах», подписанная Петром Великим и имеющая резолюцию: «Учинить по сему, февраля в 12 день 1721 года».

В коллекции хранятся собственноручные чертежи, рисунки и записки по судостроению; указы, инструкции, резолюции, записки, росписи и письма о строительстве кораблей, верфей, гаваней, каналов. Среди них — собственноручное письмо Петра I адмиралтейскому советнику А.В. Кикину от 12 августа 1714 г. о постройке кораблей к весне 1715 г., обеспечении строительства мастеровыми и проведении испытания построенных судов; указ комиссару И.С. Потёмкину от 30 мая 1722 г. о постройке на Волге судов нового образца и прочной конструкции и собственноручные резолюции об оснастке по морскому судов, плавающих на Волге, на донесении И.С. Потёмкина от 30 июня 1722 г.; чертёж Толбухина маяка с собственноручными пометками царя о его размерах (1716) и чертёж «модель-каморы» для изготовления чертежей (1715) с собственноручной пояснительной запиской о её постройке и оборудовании, собственноручные наброски чертежей судов с цифровыми расчётами (1715).

Большое внимание Пётр I уделял планировке и застройке Санкт-Петербурга и Кронштадта. Об этом свидетельствуют собственноручные указы о постройках на Галерном дворе, у Адмиралтейства (1715, 1724) и прокладке улиц на острове Котлин (1723); собственноручные указания о постройках верфи на первом плане Санкт-Петербургского Адмиралтейства 1704 г. и резолюции на донесении генерал-майора Г.П. Чернышёва Петру I от 5 декабря 1717 г. по вопросам строительства в Санкт-Петербурге.

О персональном вкладе царя в строительстве военно-морского флота свидетельствуют его расписки в получении жалования как корабельного мастера.

Самая большая группа автографов Петра I, хранящаяся в коллекции, относится к периоду Северной войны, участию армии и флота в военных действиях. Наиболее интересны среди них письма Петра I вице-адмиралу К. Крюйсу от 3 октября 1706 г. о посылке кораблей в море в связи с активизацией действий неприятеля, адмиралтейцу А.В. Кикину от 16 января 1706 г. с распоряжением о немедленном выступлении полков в Смоленск; вице-адмиралу К. Крюйсу от 8 июля 1709 г. с сообщением об одержанной 30 июня А.Д. Меншиковым победе над шведами у Переволочны, бегстве

Карла XII и гетмана И.С. Мазепы; вице-адмиралу К. Крюйсу от 14 июня 1710 г. о взятии Выборга на «окорд» и поздравлением с этим событием вице-адмирала и всего флота; адмиралтейцу А.В. Кикину от 29 июля 1714 г. с известием о победе при Гангуте 27 июля. Особый интерес представляет военно-судное дело вице-адмирала К. Крюйса, капитан-командиров В. Шельтинги, А. Рейса и капитана Ю. Дегрюйтера по обвинению в упущениях в командовании Балтийским флотом в кампаниях 1712 и 1713 гг. против шведов. В нём содержатся пять документов с автографами Петра I, в том числе его подпись на приговоре суда от 19 января 1714 г.

События периода Прутского похода 1711 г. отражены в указе Петра I от 6 мая 1711 г. князю В.В. Долгорукову и фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву о начале военных действий против Турции и собственноручном письме Петра I вице-адмиралу К. Крюйсу от 8 июня 1711 г. из Бреславля о переходе пехоты через Днестр и соединении корпуса Б.П. Шереметева с войсками Волошского господаря Д.К. Кантемира и поздравлением К. Крюйса «с сим добрым началом». События Персидского похода Петра I отразились в письме от 30 августа 1722 г. из Дербента к адмиралу Крюйсу о ходе военных действий сухопутных войск под Баку и битве во владениях султана Мамута.

Среди автографов имеются документы о комплектовании флота личным составом, подготовке кадров для флота и адмиралтейств, организации военно-морского образования. Среди них — указ Петра I об обучении зимой 300–500 «простых ребят» артиллерии, плотницкому и кузнечному делу и другим ремёслам, русской грамоте и цифре, а молодых матросов — вязанию узлов, оснастке и навигации (1717); собственноручные дополнения царя к пунктам указа об учреждении в Санкт-Петербурге Морской академии (1715); письмо от 15 февраля 1717 г. русскому послу в Венеции С.Л. Владиславичу-Рагузинскому о посылке 27 молодых дворян для обучения на венецианский флот.

Подлинные петровские документы затрагивают вопросы развития торговли России с Западной Европой, взаимоотношений с европейскими странами. В письме к вице-адмиралу Крюйсу от 31 июля 1718 г. царь даёт распоряжение об отпуске голландскому купцу Говерсу смолы, пеньки и юфти. А из письма капитану П.-Х. Бредалю в Лондон от 13 мая 1717 г. мы узнаём о закупке товаров в Англии и Голландии. Как весьма гибкого дипломата характеризует Петра I его письмо Крюйсу от 25 июня 1719 г. о посылке в Англию и Голландию декларации о разрешении судам этих государств свободно

плавать к портам Швеции с товарами, не являющимися военной контрабандой.

Заботой великого преобразователя России были вопросы сохранения её богатств, в частности лесов. В коллекции автографов имеется указ Петра I от 9 марта 1717 г. о запрещении рубить лес от Петербурга до реки Славянки по обе стороны Невы, а по реке Неве до Шлиссельбурга на расстоянии тысячи сажен от берегов.

А такие документы, как указ за подписью Петра I от 1 марта 1719 г. олонецкому коменданту В.И. Геннину об открытии целебных Марциальных вод и строгом наблюдении за правилами пользования ими и письмо вице-адмиралу Крюйсу от 3 марта 1717 г. из Амстердама с выражением благодарности за организацию табаководства в России, говорят о широте кругозора царя и многообразии его интересов.

В фонде хранятся интереснейшие документы о снаряжении экспедиций: инструкция вице-адмиралу Д. Вильстеру о проведении экспедиции на о. Мадагаскар, подписанная Петром I5 декабря 1723 г., и собственноручные резолюции о необходимости иметь в экспедиции штурмана и подштурмана, бывших в Северной Америке, а также выделении двойного количества парусов, снастей и блоков на докладе Адмиралтейств-коллегии «о посылке сибирской экспедиции» под руководством Витуса Беринга от 23 декабря 1724 г.

17 собственноручных и за подписью Петра I документов за 1711–1722 гг. по вопросам управления флотом, строительства судов, заготовки различных материалов, снабжении верфей мастеровыми и работными людьми; комплектовании личным составом судов флота; о военных действиях в Балтийском море и на территории Финляндии; крейсерстве наших эскадр у Берёзовых островов и передислокациях флота и сухопутных войск; о Персидском походе Петра Великого находятся в фонде 233 — «Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина». Наиболее интересными из них являются собственноручные приписки царя о запрещении контактов местных жителей с неприятелем и наказании смертью в случае информирования шведов о действиях русских войск на объявлении генерал-адмирала Ф.М. Апраксина от 2 сентября 1713 г. к жителям Або о водворении в крае спокойствия и о возвращении жителей в свои дома; резолюция о закладке новых кораблей в Архангельске, установлении правил салютования между русскими и иностранными военными и купеческими судами (1714); указ князю М.М. Голицыну о передислокации русских войск и флота в Финляндии; отправке судов от Або к Гельсинфорсу (январь 1714); «линия баталии» (1719) за подписью Петра I.

События Персидского похода 1722 г. отражены в резолюциях и распоряжениях императора. В них Пётр I затрагивает вопросы дислокации и расквартирования русских войск в крепостях Дербент, Сулак, Новый Траншмент, провинции Гилянь; об организации управления этими крепостями, производстве суда в соответствии с существующими правилами у каждого из народов; разборе ссор между воинскими чинами и местными жителями.

Три автографа Петра I хранятся в фонде 234 — «Канцелярия адмирала К. Крюйса». Это письмо за подписью царя из Амстердама вице-адмиралу К. Крюйсу от 20 августа 1717 г. с сообщением о найме и отправке в Россию трёх голландских мастеров для производства работ по поднятию затонувшего корабля «Нарва», выделении в помощь людей и припасов и расчётах с ними за работу. Этот документ — свидетельство о начале аварийно-спасательной службы в России. Особый интерес представляют два собственноручных рисунка пером с изображением маяка на Котлинской косе (Толбухин маяк) и о. Котлин с обозначением места расположения маяка.

О многообразных способностях Петра Великого свидетельствует созданный им 5 августа 1724 г. эскиз флага для коммерческих судов, хранящийся в фонде Государственной Адмиралтейств-коллегии (ф. 212). Под этим флагом совершали плавания с товарами российские торговые суда в порты Европы.

Хранящиеся в архиве документы, связанные с именем Петра Великого, — ценнейший источник для изучения истории России и других стран. Насколько велик интерес к фигуре великого преобразователя, свидетельствует тот факт, что издание документов Петра I началось в России ещё в XIX в. В 2003 г. РГА ВМФ совместно с Нидерландско-Российским архивным центром Университета г. Гронингена был издан сборник документов «К викториям готовя флот России. Письма Петра I адмиралу Корнелиусу Крюйсу». Издание осуществлено параллельно на русском и английском языках. О многогранной деятельности Петра Великого можно узнать в справочнике «Жизнь и деятельность адмирала Корнелиуса Крюйса (каталог документов РГА ВМФ)», изданном в 2008 г. в России на русском языке и в 2009 г. в Нидерландах — на английском. Выход в свет этих изданий даёт возможность ознакомиться с документами, связанными с именем Петра I, более широкому кругу исследователей из разных стран.

Справочником о хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота автографах Петра I послужит издание «Автографы Петра Великого. Каталог», вышедшее в свет

в 2002 г. Документы, связанные с именем Петра, написаны скорописью, характерной для начала XVIII в. Весьма своеобразны и почерковые особенности самого царя. Прочтение автографов представляет определенную сложность для исследователей, и без определённых навыков в работе с ними прочитать написанное лично Петром I практически невозможно. В связи с этим при составлении каталога содержание документов было описано с большой тщательностью.

Все три названных издания являются результатом совместной научно-исследовательской работы Российского государственного архива Военно-морского флота и Нидерландско-Российского архивного центра (г. Гронинген), что до некоторой степени символично, ввиду особого отношения российского монарха к Голландии.

Н.В. Слепкова (Санкт-Петербург)

Петровские реликвии в коллекции Зоологического музея Зоологического института РАН

В Зоологическом институте РАН в Санкт-Петербурге и в его музее есть два вида реликвий, которые можно было бы отнести к разряду петровских. Во-первых, это лошадь и две собаки Петра I, составляющие предмет мемориальной экспозиции, расположенной при входе в музей. Во-вторых, это целый ряд зоологических объектов, приобретённых Петром для Кунсткамеры и сохранившихся до настоящего времени.

История мемориальных реликвий — собак и лошади Петра — была впервые описана автором в серии статей, подготовленных для журнала «Лев», который, к сожалению, практически сразу стал библиографической редкостью и не доступен широкому читателю[1]. Петровские реликвии, между тем, привлекают всеобщее внимание. В экспозиции Зоологического музея хранятся чучела двух собак, принадлежавших императору — громадного булленбейсера по кличке Тиран и маленького гладкошерстного терьера по кличке Лизетт, а также чучело лошади Лизетт, служившей Петру в Полтавской битве (Илл.1).

Первое пространное описание любимцев царя находим в путеводителе по Кунсткамере, изданном «трудами и иждивением Надзирателя Императорской Кунсткамеры Осипа Беляева». Первое

[1] *Слепкова Н.В.* Рыжая лошадь государева седла // Лев. 2005. № 2. С. 22–26; *Слепкова Н.В.* Тиран Петра Великого // Лев. 2005. № 1. С. 8–11; Слепкова Н.В. Изменник в покоях императрицы // Лев. 2005. № 4. С. 58–61.

издание этого путеводителя — «Кабинета Петра Великаго»[2] — увидело свет в 1793 г. Лошадь, две собаки и попугай, который, по-видимому, до наших дней не сохранился, значились под отдельными главками второй части книги, где обсуждалась зоологическая часть собрания: «Сверх вышесказанных 18 шкафов, по стенам вокруг средняго зала расположенных, находятся ещё посреди онагож зала 6 больших, в два ряда стоящих стеклянных шкафов, из которых в 2х заключаются крупныя разного рода птицы, как то: Строус, величайшая из всех птица, коего перья употребляются на плюмажи; Казуар или Жар птица; Баба, Стерхи, красные Гуси, и многия породы Цаплей: а в четырёх последних сохраняются чучелы больших четвероногих животных, а именно: Лошадь ПЕТРА Великаго, две собаки ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Тигр, Леопард, белый Медведь, стоящий на задних лапах»[3].

Открывает описание рассказ о Тиране (Илл. 2). У Беляева о нём сообщено следующее (приводится с сохранением орфографии): «В сём же самом шкафе, как выше упомянуто, хранятся две собаки ПЕТРА Великаго, из которых одна, Тиран называемая есть кобель Датской породы[4]. Собака сия длиною в 2 аршина и 2 вершкаа, а вышиною в 1 аршин. Шерсть на ней бурая; голова выключая небольшого у правого уха бураго пятна, вся белая; шея и передние ноги все белые, а задния только до колен. Сказывают, что она была с Государем во многих походах и находясь всегда безотлучно при Государе, знала некоторых вельмож столь твердо, что при отлучке служителей нашивала иногда к ним от Государя письма, и от них обратно приносила на оные ответы»[5]. Вот и всё, что нам известно о верной государственной службе этого замечательного пса.

---

[2] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого, или Подробное и обстоятельное описание воскового Его Величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных Его изделий и прочих достопамятных вещей, лично Великому сему Монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской Императорской Кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. СПб., 1793. Ч. 1. С. 170. Ч. 2. С. 188.

[3] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Ч. 1. С. 60–61.

[4] Датская порода — это так называемый брабантский булленбейсер — «быкодав». Порода возникла тогда, когда на территории современной Европы водились в обилии дикие медведи, волки, кабаны, быки-туры и зубры. Огнестрельным оружием в те времена охотники ещё не располагали. Порода булленбейсеров не сохранилась Их расцвету приходит конец во второй половине XVII в. Считаются родоначальниками боксеров.

[5] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Ч. 2. С. 126–127.

Про меньшую из двух собачек (Илл. 3) Беляев сообщает гораздо больше сведений: «Другая собака, Лизета называемая, есть сучка Аглинской породы[6], длиною около аршина и вышиною в 8 вершков; шерстью, выключая небольшого, на лбу находящегося, белого пятнышка, вся рыжая. На шее у ней надет тёмнозелёной бархатной ошейник, к которому прикреплён медный, шириною в полвершка вызолоченный обручик[7], на коем находится следующая самим ещё государем сделанная ей надпись: За верность не умираю. И поистине, сия любезная Лизета как ради примерной любви и верности к Великому своему хозяину, так наипаче потому, что она некогда спасла от смерти одного из знаменитых Царедворцов, навсегда останется живою в памяти потомков. Она столько была привычна к Государю, что никогда от него не отставала. Когда Государь выходил, она лежала в Его кабинете на софе до самого его возвращения; увидевшиж Его, паки к нему прибегала, ласкалась, прыгала и вокруг ног увивалась. Когда Государь садился, она ложилась против Него, когда Он опочивал, она, яко верный страж, всегда лежала у ног Его»[8].

Далее Беляев повествует об истории, объясняющей происхождение надписи на ошейнике собачки, которую мы здесь полностью воспроизводим. «Сия-то верная собака спасла некогда от смерти одного знатного придворнаго, не известно по какому обвинению впавшаго в немилость у Государя. Император толико прогневался на сего нещастного, что приказал посадить его в крепость и грозил ему яко преступнику примерным наказанием. Государыня и все царедворцы, не столь почитая сего нещастного виновным, каковым он казался разгневанному Монарху, старались всеми силами спасти его от неминуемаго наказания и при первом случае просили Государя о его помиловании. Но Он, ещё более прозьбою их разгневанный, не внимал их словам, и строго запретил, чтобы никто не осмеливался говорить о невинности осужденнаго, и просить ему помилования. Сама Императрица несмела преступить сего запрещения; и по тому думали, что уже не оставалось никакого способа к избавлению нещастного. На другой день поутру Государь, по обыкновению своему, поехал в Адмиралтейство и в Сенат, откуда воз-

[6] Лизетта — гладкошерстный терьер. В старинной кинологической и охотничьей литературе терьерами называли всех британских собак, применявшихся для охоты под землей.

[7] Упомянутый в описании обручик сохранился и входит в собрание Русского отдела Эрмитажа.

[8] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Ч. 2. С. 127–128.

вращался не прежде полудня. Между тем Императрица вздумала необыкновенный способ просить у Государя помилования осуждённому, не преступая Его запрещения. Она приказала написать от имени Лизеты короткую челобитную, в которой сия собака представляла Государю безкорыстную свою верность, описывала некоторые обстоятельства, доказывающие невинность впадшаго в немилость, и просила рассмотреть сие дело, и по сей первой ея прозьбе простить нещастного. Написав сию челобитную, положили её Лизете за ошейник, так, чтобы при первом взгляде можно было её увидеть. Как скоро Государь возвратился во дворец, Лизета к нему подбежала и ласкалась по обыкновению. Государь тотчас приметил за ошейником у ней бумагу, вынял оную и прочитавши засмеялся и сказал: и ты Лизета с челобитными ко мне подбегаешь? — Я исполню твою прозьбу, по тому, что она от тебя ещё первая. Потом Его Величество послал в крепость деньщика с повелением освободить немедленно задержанного под стражею и отпустить его в дом»[9].

Вскоре после первого издания путеводитель Беляева был переиздан. Первый том вышел «с присовокуплением четырёх гравированных фигур»[10]. На одной из них изображены обе собаки Петра. Гравюры, изготовленные у Клаубера по рисунку Мейцера, демонстрируют тех же самых собак, которых мы видим на лестнице при входе в первый зал Зоологического музея (Илл. 4).

Интересные сведения о собачке по кличке Лизет приведены у историка флота Ю.М. Попова. Изучая названия кораблей, заложенных и спущенных на воду в царствование Петра Великого, он обнаружил, что 16-ти пушечная шнява «Лизета» была названа в честь этой любимицы государя[11]. Разбираясь в истории названий кораблей, Ю.М. Попов выяснил, что меньшая из двух собачек — Лизет — была подарена Государю А.Д. Меншиковым. Попов считает, что этого пса Александр Данилович присмотрел для императора в Белоруссии, в Полоцке. Он приводит выдержки из письма от 4 марта 1705 г., которым Александр Данилович сопроводил отсылку некоего щеночка государю, находившемуся в это время в Воронеже: «На место Бурмистра, которого Якимушка[12] убил, посылаю к милости Вашей щеночка такого, который ныне в полтора Тирана

[9] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Ч. 2 . С. 128–131. [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд-ние 1. С. 215. 4 л. ил.; Отд-ние 2. С. 2–287; Отд-ние 3. С. 1–263, С. 266–278 [=276].

[11] *Попов Ю.* Лизет // Нева. № 4. 2000. С. 244–245.

[12] Яким Волков — Прим. Ю.М. Попова

будет, дивен собою, а паче челюстни, и зело глуп, только различие имеет с Тираном тем, что Тиран от стрельбы бегает, а тот на того, который стреляет, бросается»[13]. В письме от 14 марта 1705 г. Пётр выражает Меншикову своё признание. «За присылку собаки благодарствую, за что взаимно посылаю нечто вам своих трудов»[14].

Если действительно речь здесь идёт о Лизете и Тиране, то тогда можно предположить, что и Тиран в те поры только-только начинал свою «собачью карьеру». Однако, даже если в письме упомянута какая-то другая собачка, не вызывает сомнения, что Лизетта подарена царю Меншиковым. Так 24 марта 1706 г., приветствуя Меншикова из Нарвы по случаю встречи Пасхи, Пётр пишет: «<...> веселие без Вас <...> яко брашно без соли»[15] и далее шутливо: «Лизет Даниловна, лапку приложа, челом бьёт»[16]. Приветы от Лизетт не были единичными в переписке Петра и Меншикова.

Обратимся теперь к знаменитому петровскому коню — Лизетт. «Лошадь сия есть жеребец[17] персидской породы[18], на которой Государь был во многих сражениях, а именно: на славной Полтавской брани, на сражении бывшем у Прута, и во всем Персидском походе»[19].

Первое упоминание о чучеле лошади Петра находим в книге Иоганна Бакмейстера «Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-петербургской императорской Академии наук» 1779 г. После рассказа о поступлениях 1735 г. в ней сообщается: «Спустя несколько лет прислана была та самая лошадь, на которой Император разъежжал на Полтавском сражении, и которой имя Лизетта в истории нашего Героя упоминается по равному праву, как и Букефал в повествованиях завоевателя Азии Александра Великого»[20].

---

[13] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. (1704–1705). СПб., 1893: Прим. к № 775. С. 760.

[14] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2 . СПб., 1863. Приложения. № 118. С. 94.

[15] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Приложения. № 147. С. 114.

[16] *Порозовская Б.Д.* Александр Данилович Меншиков. СПб., 1895. С. 35.

[17] Чучело императорского коня, однако, не имеет признаков, по которым можно было бы утверждать, что это — жеребец, и мы должны довольствоваться свидетельством Беляева.

[18] Современные коннозаводчики спорят, к какой породе лошадей можно было бы отнести Лизетт. Некоторые полагают, что это — ахалтекинец.

[19] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Ч. 2. С. 123–124.

[20] *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук / Пер. с фр. В. Костыгова. [СПб.], 1779. С. 122.

Подробное описание лошади приведено в путеводителе по «Кабинету Петра Великого» Осипа Беляева[21]. 1793 г.: «Лошадь Государя ПЕТРА Великаго, называемая Лизеттою, которая, так как и Букефал победителя Асии останется навсегда в незабвенной памяти у потомков, стоит с помянутыми двумя собаками в четвероугольном стеклянном шкафе. Шерсть на ней бурая; станом тонковата и не высока, в прочем окладом своим весьма стройна и уютна. Лошадь сия представлена взнузданною и в том самом уборе и виде, как разъезжал на ней Государь по ратному Полтавскому полю. Хвост у ней обрезан и неболее 10 вершков длиною»[22]. Далее следует подробное описание сбруи, которая хранится в Русском фонде Эрмитажа[23]. Изображение лошади находим во втором издании путеводителя, наряду с собаками (Илл. 5).

Впервые царь увидел этого жеребца в военном лагере под Ригой. «Сказывают, — продолжает Беляев, — что Государь в бытность свою под Ригою, увидел по случаю сию лошадь в курене у маркитантов, и полюбя её отменно по многим причинам, заплатил за неё 100 голландских червонцов, дав в прибавок ещё свою лошадь, которая тогда при нём случилась. — Цена и по тогдашнему времени не с лишком велика! Ибо, ежели верить некоторых преданию, лошадь сия кроме стройнаго и красиваго своего стана, была толико крепкого сложения, что могла в один день перебегать 150 вёрст, без всякаго при том себе вреда и надсады»[24]. Трудно согласиться с Беляевым в смысле цены. Ясно, что Лизетта была лучше, но надо думать, что и та лошадь, которая при Петре «случилась», была из числа отборных.

Беляев не называет точной даты, когда именно Пётр под Ригой нашёл у маркитантов своего коня. Из упомянутых боевых подвигов Лизетт ясно, что Лошадь Петра служила ему 27 июня 1709 г. под Полтавой. Сражение у реки Прут приходятся на июль 1711 г. Каспийский поход Петра и присоединение к России западного и южного побережья Каспийского моря — это 1722–1723 гг. Стало быть, Пётр уже владел лошадью в июне 1709 г. Известно, что Пётр впервые посетил Ригу в составе Великого посольства в 1697 г.

---

[21] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Ч. 1. С. 170. Ч. 2. С. 188.

[22] Там же. Ч. 2. С. 122–123.

[23] Седло с ольстрами, чепраком, подпругой, стременами и уздечкой. Турецкий мастер (?) до 1709. Инв. № ЭРТ-15985. Основателю Петербурга: Кат. выст.: [К 300-летию Санкт-Петербурга / Авт. ст.: Андросов С.О. и др.]. СПб., 2003.

[24] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. Ч. 2. С. 124.

под именем Петра Михайлова. Упоминание о маркитантах заставляет, однако, думать, что речь идёт о периоде военных действий. Вероятнее всего, Пётр познакомился со своей лошадью в первые годы Северной войны, когда русские войска действовали в Лифляндии. Упоминание о пребывании Петра под Ригой есть в двух пространных биографиях Петра, опубликованных в конце XVIII в. Так, в «Журнале или Подённой записке» читаем следующее. «В 11 день [августа 1705. — *Н.С.*] получена ведомость, что неприятельские войска под командою Генерала Левенгоупта пошли к Риге, по которой ведомости Государь с помянутою кавалериею прибыл ко Двине реке, и во 12 день поехал к Рижской фортеции в виде, где были с три часа против Кобор шанца, и тем временем осматривал Государь неприятельских крепостей. Тогда из Кобор шанца стреляли по нашим из пушек»[25]. В биографии Петра, писанной Феофаном (Прокоповичем) в 1773 г. также упоминается в 1705 г. этот эпизод[26].

В завершившейся блестящей победой Полтавской битве Пётр сменил четырёх лошадей[27], подвергая свою жизнь смертельной опасности. В «Подённой записке» упоминается, что на нём не только «шляпа пулею простреляна», но и «в седельном орчаке фузейная пуля найдена»[28]. В этом отношении кажется справедливой мысль Беляева о Лизетте, «что все посещающие Кунсткамеру, как Россияне так и чужестранные народы, <...> воспоминая <...> каковым опасностям с Великим Всадником своим была она подвержена во время Полтавския брани, рассматривают её с крайним вниманием, удовольствием и смею сказать, с некоторым как бы почтением». В этом отношении Лизетт, несомненно, превосходит, например, Стрейффа — верного боевого коня Густава II Адольфа, умершего через несколько месяцев после хозяина — тоже сохранённого в виде чучела до наших дней, — на котором Густав, хоть и одержал победу в 1632 г., но погиб сам[29].

---

[25] Журнал или Подённая записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб., 1770–1772. С. 121–122.

[26] *Феофан (Прокопович)*. История императора Петра Великjго, от рождения его до Полтавской баталии, и взятия в плен осталных шведских войск при Переволочне, включительно. СПб., 1773.

[27] Личное сообщение П.А. Кротова. См. также: *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. СПб., 2009. С. 416.

[28] Журнал или Подённая записка 1770–1772. С. 215.

[29] *Ernstell E.-S.* Streiff — en kunglig häst. Stockholm, 1999. S. 32.

Не все ратные труды государя и его коня ознаменовывались таким успехом, как под Полтавой. Так, в 1711 г., в битве на реке Прут Пётр побывал в весьма затруднительном положении. Вместе с ним трудности Прутского похода претерпевал и его верный конь.

Начиная с 1721 г. Пётр I развернул подготовку другого, Персидского похода, начавшегося летом 1722 г. С подготовкой к Персидскому походу связана история ещё одной реликвии, не дошедшей до нашего времени. Это был, как пишет Беляев, «*небольшой зелёный попугай Гвинейской, который принадлежал Государыне Императрице Екатерине I, и <...> доставлен от Двора в Кунсткамеру Апреля 4 дня 1725 года*». Про попугая известно не много, но история эта весьма выразительна[30]. Беляев описывает эпизод, когда птица запомнила постоянно повторявшуюся в разговоре Петра, Екатерины и Меншикова фразу — «в Персию пойдём» — и разболтала потом эту важную государственную тайну в присутствии денщика[31].

Обратимся теперь к музейной истории петровских реликвий. Точную дату поступления в Кунсткамеру собак назвать трудно, однако, в знаменитом каталоге «Musei Imperialis Petropolitani...»[32] домашние собаки Петра (Canis <...> domesticus Petri Magni) уже упомянуты, правда, без кличек. В каталоге, в перечне представителей рода Caninum, есть три записи, относящиеся к собакам Петра: № 68 (пёс ловкий огромный домашний Петра Великого шкура набитая), № 72 (пёс домашний П.В.) и № 72 (другой того же рода окраски и крупнее, домашний П.В. шкура набитая) (Илл.6). В каталоге отмечены три собаки как принадлежавшие Петру. Из них в Зоологическом музее выставлены две. Третья собака — лежачая — экспонируется в Эрмитаже в Зимнем дворце Петра.

Истории поступления в Кунсткамеру чучела лошади может быть прослежена довольно подробно. При расформировании при Конюшенном дворе собрания исторических реликвий чучело попало в музей Академии. В Материалах для истории Академии наук, воспроизведён эпизод приёмки: «Из Конюшенного двора, где имелись старинные вещи: ружья, сайдаки, латы, палаши, сабли и протчия другия вещи», которые было решено, «куда надлежит разослать», была прислана 21 июля 1741 г. в канцелярию Академии наук «про-

---

[30] *Слепкова Н.В.* Изменник в покоях императрицы // Лев. 2005. № 4. С. 58–61.

[31] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Ч. 1. С. 187–189.

[32] Musei Imperialis Petropolitani volumen I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animali. Petropoli, 1742. P. 341.

мемория», при которой «блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого лошади его Лизетки чючела, со всем к ней прибором, как была под Полтавою» передавалась «в канцелярию академии наук к кунш-каморе, кому тамо принять определено будет»[33]. Приёмку осуществлял унтер-библиотекарь академии Андрей Богданов. Он пишет в Академию наук 14 августа 1741 г. рапорт о принятии «чучелы лошади Лизетки <...> сего августа 8-го дня»[34]. В реестре о приёмке он отметил, что «сама она местами ветхая», «седло ветхое», «намет бархатный красный, ветх»[35]. Из сказанного следует, что чучело было изготовлено до поступления в Кунсткамеру мастерами Конюшенного двора.

Личные вещи царя долгое время хранились в Кунсткамере. Однако в 1848 г. по повелению Николая I для этих вещей была отведена специальная Галерея в Зимнем дворце. В очерке, посвящённом музейной истории петровских вещей, написанном Н.И. Тарасовой[36], говорится, что в новой экспозиции против Восковой персоны была выставлена «большая стеклянная клетка» с чучелами животных. Её частично (уши лошадки) видно на акварели Э.П. Гау из коллекции изображений интерьеров Зимнего дворца.

В год 200-летия со дня основания Санкт-Петербурга в Летнем дворце была развёрнута «Юбилейная выставка в память державного основателя Санкт-Петербурга». Интерес к ней был так велик, что в 1908 г. академик В.В. Радлов предложил устроить в стенах Музея антропологии и этнографии Петра Великого особый отдел в память о первом российском императоре. Собрание было размещено в помещениях надстроенного над зданием по Таможенному переулку третьего этажа. Петровская Галерея в МАЭ была открыта 20 мая 1912 г. Наряду с другими предметами здесь помещались лошадь и три собаки Петра[37]. Чучела собак и лошади в большой стеклянной витрине находились в третьем зале экспозиции, о чем можно судить по каталогу Пекарского 1915 г. В этом каталоге приводится упоминание о реставрации чучела лошади в 1837 г. и ремарка о

---

[33] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4 (1739–1741). СПб., 1887. С. 713.

[34] Там же. С. 721.

[35] Там же. С. 722.

[36] *Тарасова Н.И.* «Сии вещи суть для россиянина драгоценны» // Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 42–71.

[37] *Пекарский Э.К.* Путеводитель по музею антропологии и этнографии им. имп. Петра Великого. Галерея императора Петра I. Пг., 1915. С. 33.

качестве первоначальной работы: «Несоразмерность роста лошади, в сравнении с фигурою Петра Великого, произошла от дурной набивки чучела, при починке его в 1837 году:[38] внутри оказался большой ещё запас кожи, который по ветхости там и оставлен»[39].

Галерея в Кунсткамере прекратила своё существование в 1930 г. Это период коренной реорганизации Академии. В 1929 г. работала знаменитая комиссия Ю.П. Фигатнера, которая производила чистку в Академии. В постановлении Локального бюро Совнаркома при АН СССР по вопросу о современном состоянии и необходимых мероприятиях по реорганизации Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран и МАЭ АН СССР (февраль 1930) в числе прочего записано «4) немедленно приступить к реорганизации экспозиции МАЭ, построив её на основе производственного принципа 5) принять меры к привлечению в музей марксистски подготовленных этнографов и начать перестройку всей экспозиционной, исследовательской и издательской работы на основе марксистской методологии 6) в течение текущего года выделить из состава МАЭ отделы, органически с ним не связанные, как то: Галерею Петра и Турфанские коллекции»[40].

В переписке МАЭ по организационным вопросам от 7 марта 1930 г. указывается: «Ввиду необходимости произвести дополнительную экспозицию в домике Петра I, освобождённом теперь от часовни, а также пополнить экспозицию в Петровском дворце в Летнем саду, управление уполномоченного Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения] просит президиум АН передать Русскому музею, которому поручена эта работа, экспонаты Петровской галереи, крайне необходимые для указанной цели»[41]. В этой же переписке мелькают мысли о необходимости освободить занимаемые означенной Галереей помещения в МАЭ, чтобы выделить место для чтения лекций. Была создана специальная Комиссия по распределению коллекций Петровской галереи. Передача Петровской галереи производилась по постановлению № 1113 Президиума АН СССР от 3 мая 1930 г.

---

[38] Это двоеточие кажется опечаткой.

[39] *Пекарский Э.К.* Путеводитель по музею антропологии и этнографии... С. 33. — Свидетельство не вполне умелого изготовления чучела в петровское время.

[40] СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 17. Л. 136.

[41] Там же. Д. 11.

Благодаря исследованиям Н.И. Тарасовой известно[42], что памятники живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, предметы мемориального характера Галереи были переданы в Историко-бытовой отдел Русского музея, созданный в 1918 г. В начале 1934 г. фонды Историко-бытового отдела были переданы Музею революции, но попытка эта в 1935 г. была признана ошибочной. В 1937 г. коллекционные фонды Историко-бытового отдела помещают в Государственный музей этнографии народов СССР в качестве самостоятельного музейного отдела. В 1938 г. здесь была открыта выставка «История СССР. XVIII век». Этнографический музей, однако, не смог выделить помещения новому Историческому отделу. Значительная часть фондов оставалась в подвалах Русского музея, часть — в Музее революции. В 1937 г. в Эрмитаже лошадь экспонировалась на выставке «Военное прошлое русского народа». С началом войны выставка была демонтирована и эвакуирована в Свердловск. Там в 1943 г. лошадь экспонировалась на выставке «Военная доблесть русского народа», а после возвращения коллекций в Эрмитаж в 1946 г. — на выставке «Героическое военное прошлое русского народа».

В апреле 1941 г. в Государственном Эрмитаже был создан Отдел истории русской культуры. Памятники Галереи Петра Великого вернулись в Зимний дворец. Седло Лизетты попало в Эрмитаж из Государственного музея этнографии в 1941 г. «Собака лежачая» также попала в Эрмитаж из Государственного музея Этнографии, но в 1940 г.[43] В это время в Эрмитаже снова оказалась и лошадь с двумя собаками — Тираном и Лизеттой.

В 1953 г. лошадь Петра I и две собаки были «выданы в Зоологический музей Зоологического института АН СССР. Основание — Приказ Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР № 203 от 23 февраля 1953 года»[44]. Лошадь при этом лишилась седла, а собака — своего замечательного ошейника. Интересно, что реставрация этого ошейника, производившаяся Сергеем Александрови-

---

[42] *Тарасова Н.И.* «Сии вещи суть для россиянина драгоценны». С. 42–71; *Тарасова Н.И.* Полтавские «мемории» Петра I в собрании Государственного Эрмитажа: судьба музейных экспонатов // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 2009. С. 244–251.

[43] Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003.

[44] Государственный Эрмитаж. Отдел истории русской культуры. Фонд тканей. Инвентарная книга. Т. 23. С. 45. — Данные Н.И. Тарасовой.

чем Смирновым в 2005 г., совпала по времени с работой автора над серией статей для журнала «Лев» о реликвиях Петра[45].

Экспозиция, посвящённая животным Петра, была развёрнута в музее при таксидермисте М.А. Заславском несколько десятилетий тому назад. При нём были обследованы чучела животных Петра, оказавшиеся в музее. Вот что он пишет в своей работе «Ландшафтные экспозиции музеев мира»: «В довольно удовлетворительном состоянии находятся чучела животных, принадлежавших Петру I. <...> Все они исключительно массивны, имеют большой вес и сделаны чрезвычайно грубо. <...> При всех своих недостатках чучела всё-таки удивительно хорошо сохранились и почти не тронуты вредителями. У лошади шерсть и сейчас в неплохом состоянии: её не коснулась моль, а мездру не тронули кожееды. Так же хорошо сохранилось чучело левретки. Тиран, к сожалению, имеет гораздо худший вид. Во многих местах шерсть вылезла полностью, видны заплаты, сделанные, очевидно, уже позднее и весьма неискусно. При реставрационных работах над Тираном под искусственным стеклянным (рыбьим) глазом была найдена вложенная туда записка: «поправлял скорняк Мучалов из Сербия Белограда». «Внимательное изучение этих чучел показало, что, <...> шкуры в процессе изготовления были, видимо, хорошо обработаны <...>мышьяком. <...> В основу помещён каркас, сбитый из толстых, плотно пригнанных друг к другу досок. Голова, шея, конечности <...> вырубались из цельных кусков дерева, а потом крепко сколачивались с туловищными досками. Под шкуру поверх деревянного каркаса подкладывалась тонким слоем солома, а поверх неё ещё тряпочная ветошь или шерсть»[46]. В настоящее время экспозиция, посвящённая животным Петра, экспонируется над лестницей слева при входе в музей.

Зоологический музей Академии наук располагает и другими петровскими реликвиями, принадлежавшими когда-то первому музею России — Кунсткамере. Это экспонаты, которые имели другую музейную историю, чем лошадь и собаки, следуя в своих перемещениях за развитием, дроблением и перемещениями зоологических коллекций бывшей Кунсткамеры. История этих экспонатов требует отдельного изложения. Здесь же можем кратко сказать, что в герпетологической коллекции точно датированным оказался чернопо-

[45] *Типикина Е.Н.* Новая жизнь ошейника Лизетты // Лев. №3. 2005. С. 11–13.

[46] *Заславский М.А.* Ландшафтные экспозиции музеев мира. Л., 1979. С. 121–122.

лосый геррозавр (Gerrhosaurus nigrolineatus Hallowell) из Южной Африки с датой на этикетке «3 июня 1699 г.», возможно, побывавший в руках Петра. Из собрания, приобретённого Петром в 1716 г. у голландского аптекаря А. Себы, сохранились выставленное в музее чучело огромной анаконды, а также чучело крупного экземпляра зелёной черепахи[47]. В настоящее время выявлением экземпляров земноводных из собрания А. Себы в фондовой коллекции занимается Константин Дмитриевич Мильто. Он считает, что к собранию Себы относится выставленный в музее экземпляр суринамской пипы и целый ряд объектов фондовой коллекции. Возможно, в руках Петра побывали и резные голландские наутилусы, которые, по нашему предположению, соответствуют упомянутым резным наутилусам каталога Кунсткамеры 1742 г. и происходят из поступлений, попавших в музей до пожара 1747 г.[48]

В 2014 г. Зоологический институт готовится отметить 300-летие своей коллекции и бережно хранит память своего основателя — Петра I.

[47] *Юрьев К.Б.* 1) Исторический очерк // Зоологический институт. 150 лет / Под ред. О.А. Скарлато Л., 1982. С. 13–41; 2) Альберт Себа и его роль в развитии герпетологии // Труды Зоологического института. Л., 1981. С. 101, 109–120.

[48] *Slepkova N.V., Martynov A.V., Dolgolenko M.A.* On a possible origin of three engraved nautiluses from the early collections of the Peter's the Great Kunstkammer in St. Petersburg // Proceedings of the Zoological Institute. Russian Academy of Sciences. 2003. Vol. 299. P. 131–140.

Н.Б. Ямщикова (Переславль-Залесский)

Переславский бот Петра I: к истории хранения и реставрации

Переславский музей-заповедник является хранителем самобытной коллекции,свидетельствующей о первых шагах Петра I по созданию российского военно-морского флота.

Она уникальна своим разнообразием, поскольку включает в себя бытовые вещи конца XVII в., корабельную оснастку потешных судов, петровский указ переславским воеводам, ставший основополагающим документом в вопросе сохранения исторического наследия России.

Один из главных раритетов нашего собрания — бот «Фортуна» — единственное сохранившееся судно из потешной флотилии юного царя, срубленное в 90-е гг. XVII в. Установить более точную дату и конкретное имя мастера, участвовавшего в его строительстве, невозможно из-за отсутствия достоверных документальных источников. Тот факт, что конструкция бота явно голландского типа, даёт нам право предположить, что к изготовлению судна причастны иностранные специалисты, приглашённые Петром на переславскую верфь. Доподлинно известны имена Карстена Бранта, Корта и Класса. Местная легенда, которой вторит ряд историков[1] и краеведов[2], приписывает создание переславского ботика самому «державному плотнику».

Первое упоминание о нахождении бота на территории исторической усадьбы «Ботик Петра I» относится к 1776 г. Местный вое-

[1] *Соловьев Н.* Переславский ботик // Исторический вестник. 1897. С. 248–257.

[2] *Тихонравов К.Н.* Переславский ботик Петра Великого. М., 1872; *Успенский Д.* Ботик Петра Великого // Русская старина. 1907. С. 185–187.

вода В.П. Чичерин в «Ведомостях по Переславлю-Залесскому» писал: «Ныне в Переславле-Залесском имеются под сохранением остатки кораблей, яхт и галеры, которые уже все погнили; да при состоящем при городе Переславле в трёх верстах селе Веськове при бывшем дворце имеется ботик»[3].

До начала XIX в. «петровские достопамятности»[4] хранились в деревянном амбаре, где в 1802 г. их обнаружил владимирский гражданский губернатор князь И.М. Долгоруков.

Увиденное произвело на Ивана Михайловича неизгладимое впечатление: «С каким сокрушением сердца смотрел я на тот ничтожный деревянный анбар, в котором без всякого отличия вывески и признака содержится такая знаменитая редкость, подверженная в означенном строении по веществу своему всякому влиянию воздуха, времени, наконец, гибели»[5]. По его инициативе были собраны средства на постройку специального каменного здания для хранения ботика «и остатков дома Петрова». 1 августа 1803 г. бот торжественно перенесли во вновь построенную «храмину» и открыли один из первых провинциальных музеев России. Первоначально охраняли исторические памятники местные крестьяне, а с 1834 г. надзор был возложен на отставного матроса, присланного морским ведомством.

За все время существования музея бот никогда не покидал своего хранилища. В 1834 г. в Петербурге возникло предложение о перевозке переславского бота в столицу, но по ходатайству дворян Владимирской губернии он был оставлен на прежнем месте.

Когда в 1842 г. встал вопрос о нахождении здания на помещичьей земле, рыбаки бывшей государевой Слободы просили «ощастливить их дозволением поместить этот Ботик в их слободе»[6]. К счастью, вопрос разрешился иначе. Владимирское дворянство, собрав по подписке деньги, приобрело имение в общественную собственность. К середине века на территории исторической усадьбы сформировался мемориальный комплекс, увековечивший пребывание Петра I на переславской земле.

В 1872 г., во время празднования 200-летнего юбилея со дня рождения Петра Великого, бот «Фортуна», как одну из реликвий

---

[3] *Смирнов М.И.* Справка о Переславской флотилии Петра Великого // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 12. 1910. С. 3.

[4] *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни. СПб., 2004. Т. 1. С. 560.

[5] Там же. С. 558.

[6] ГАВО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 946. Л. 72.

эпохи, предполагали экспонировать на Всероссийской политехнической выставке в Москве. Однако после осмотра судна членом морского отдела выставки от этой идеи отказались по причине ветхости бота и невозможности вынести его из здания, не разобрав стену.

Проследить изменения в сохранности этого уникального экспоната в некоторой степени помогают существующие описи петровской коллекции. Самая ранняя из них была составлена по высочайшему повелению в 1787 г. и содержит следующие сведения: «посредине оного ботика прогнило, при нём железных три кольца, вбитых в оный ботик, да прутик поперешный железный»[7].

Первые обмеры судна были выполнены в 1833 г. членом Археографической комиссии Яковом Ивановичем Бередниковым при составлении описи Ботного дома. Не являясь специалистом в области судостроения, он указал только три параметра: длину, ширину и высоту. Те же цифры приводят и другие исследователи XIX в., вероятно, автоматически дублируя размеры, приведенные Бередниковым. Хотя впоследствии было установлено, что они не совсем точны[8].

Данные о состоянии судна в описях XIX в. практически отсутствуют. Единственное более подробное описание находится в реестре от 20 июня 1839 г.: «Ботик Петра Великого у коего дно почти все прогнило, отчего имеется небольшая скважина на одном боку, по концам и на средине дна имеются три кольца с железной посредине оного связью»[9].

Отсутствие в музее специалистов в области судостроения привело к тому, что до середины XX в. сохранности петровского бота давались мало говорящие характеристики. И только в акте передачи исторической усадьбы «Ботик» из ведения Центрального Военно-Морского музея Музею Северного флота в 1952 г. появляется некоторая конкретика. В нём указывается, что «румпель частично повреждён, днище с 6 до 13 шпангоута в килевой части проломано. У рулевого крепления выпала часть в виде треугольника размером 20 на 30 см»[10].

Изучение вопроса о реставрации бота до сих пор не было предметом специального исследования, поскольку он, хотя и является

---

[7] РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. Л. 59–61 (об).

[8] *Чепелев В.Р.* Ботик «Фортуна» я памятник «потешной» флотилии Петра I // Катера и яхты. 2010. № 1 (223).

[9] ГАВО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 93. Л. 162.

[10] Переславский музей-заповедник. Оп. 1. Ед. хр. 7 д.

уникальным памятником петровской эпохи, до последнего времени не подвергался научной реставрации.

Самые ранние упоминания о реставрационных работах относятся к 1913 г. Один из первых сотрудников переславского музея Владимир Евгеньевич Елховский в своих мемуарах писал, что к приезду в историческую усадьбу «Ботик» императора Николая II «самый ботик, у которого уже провалилось дно, заново реставрировали»[11]. К сожалению, документальных источников, содержащих информацию о проведённых работах, пока не обнаружено. Однако, анализируя имеющиеся сведения о подготовке к царскому визиту, возьму на себя смелость предположить, что эта «реставрация» носила чисто декоративный характер.

Так, на бортах бота специалистами Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря была обнаружена белая волна, определённая как элемент поздней реставрационной тонировки. Поскольку никаких специальных действий по сохранению петровского наследия в музее «Ботик Петра I» в советский период не проводилось, то вполне возможно, что выполнена она была в начале XX в.

С 2003 г. сотрудниками предприятия «Реставрация живописи и резьбы» города Ярославля, а с 2008 г. реставраторами центра имени И.Э. Грабаря ведутся поэтапные работы по консервации петровского раритета — бота «Фортуна». Цель, поставленная перед реставраторами, — приведение памятника в экспозиционный вид. Для её достижения специалисты предложили провести ряд мероприятий, предупреждающих дальнейший процесс разрушения и консервирующие данное состояние экспоната.

Предварительно была разработана методика, включающая следующие этапы работы: исследование памятника, удаление поверхностных загрязнений, антисептирование, выборочная обработка разрушенных участков древесины пропитывающим составом, создание защитного слоя.

Процесс консервации осуществлялся в соответствии с технологией, отработанной в лаборатории технических технологий реставрационных процессов Государственного научно-исследовательского института реставрации применительно к данному объекту.

Пробы, взятые на влажность, показали, что древесину можно отнести к категории сухой. Специалисты выполнили фрагментар-

[11] *Елховский Е.А., Елховский В.Е.* Страницы истории России в летописи одного рода 1814–1837 гг. М., 2004. С. 459.

ную расчистку борта с последующей тонировкой акварелью. От предполагаемой изначально вычинки решено было отказаться, поскольку на археологических объектах недопустимы вставки, носящие декоративный характер, а не имеющие конструктивной необходимости слоя.

В 2008 г. бот пережил капитальный ремонт своего хранилища. На время проведения работ уникальный экспонат закрывали деревянным коробом. По окончании реставрации здания петровское судно дополнительно обеспылили и сделали защитный слой восковым покрытием в соотношении 1:10 (воск: пинен). В результате консервации бот приобрёл вид, достойный памятника конца XVII в. и доминирующего экспоната музея.

Одной из проблем, требующих скорейшего решения, является проработка инженерно-технических мер по созданию в Ботном доме соответствующего температурно-влажностного режима. Отсутствие в здании музея отопления приводит к образованию конденсата в осенне-зимний период, что способствует развитию плесени.

Безусловно, главной задачей нашего музея, в соответствии с указом Петра I от

7 февраля 1722 г., является дальнейшее сохранение петровского бота «Фортуна» — уникального памятника истории Российского флота периода его становления.

А.В. Материкин (Волгоград)

Петровские реликвии (картуз и трость) из фондов Волгоградского областного краеведческого музея

Город Волгоград у большинства россиян ассоциируется со Сталинградской битвой, и только небольшая часть соотечественников знает, что до 1925 г. город назывался Царицыным и что в нём трижды побывал Пётр I.

Первый раз царь прибыл в Царицын 6 июня 1695 г. по Волге с караваном судов, направляясь под Азов. Вторым и третьим посещениями Петра I Царицынская крепость была обязана войне России с Персией. 15 июня1722 г. Пётр I с женой Екатериной Алексеевной посетили Царицын, направляясь в Персидский поход. Возвращаясь из похода, Пётр I из-за погодных условий не доплыл до Царицына 113 вёрст. 16 ноября 1722 г. он писал своему денщику Алексею Татищеву: «Понеже мы с галерою, отшед от Черного Яру до Ступина остановилися для того что далее итти лед не допустил, того ради как возможно скорее с лошадьми к нам поспешай, с конвоем и телегами, как тебе приказано»[1].

В Царицын Пётр прибыл 20 ноября. Об этом мы узнаём из его письма генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, написанного в крепости 28 ноября 1722 г.: «Объявляем Вам, что мы замерзли, не дошед Царицына за 113 верст, в 15 день сего месяца. А сюда прибыли 20 дня»[2].

---

[1] *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 13. С. 393.

[2] По другим сведениям, 19 ноября (см.: *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 144, 170).

История оставила нам немного сведений о пребывании Петра I в Царицыне. Так, 24 ноября император и свита праздновали в Царицыне день тезоименитства Екатерины Алексеевны: «Обедали у Их Величеств штаб и обер-офицеры, была стрельба и в вечеру пускали несколько ракет»[3]. Однако некоторые события почти трёхсотлетней давности можно воссоздать по косвенным данным.

В течение своего многодневного пребывания в Царицыне[4] император не только отдыхал, но и продолжал вести большую государственную работу, руководя делами посредством личных указов, распоряжений, писем.

Пётр I интересовался состоянием городских укреплений и Царицынской сторожевой линией. Вместе с комендантом крепости полковником Селивановым император произвёл осмотр крепостных сооружений и пришёл к выводу о необходимости немедленного их ремонта (последовавшего, однако, уже после смерти Петра). Он встречался с местными жителями, и в одну из таких встреч, как утверждали и утверждают исследователи и свидетельствуют немногочисленные архивные документы[5], подарил горожанам свои картуз и трость со словами, ставшими крылатыми: «Как никто не смеет снять картуза с головы моей, так никто не посмеет вынесть его из Царицына» и «Вот вам моя трость! Я управлялся ею с друзьями, а вы обороняйтесь ею от врагов»[6].

Уехал Пётр I со свитой по заснеженной степи в Москву в декабре 1722 г., а подарок остался у коменданта крепости в крепостном цейхгаузе, в воинском складе для хранения обмундирования и снаряжения инвалидной роты. Менялись воеводы, комендантты, шефы полков, командиры роты, а эти вещи по-прежнему находились в ведении военных. И хранились бы они ещё десятки лет (пока моль совсем не уничтожила бы картуз, а палка не была бы выброшена за ненадобностью), если бы не одно событие, в корне изменившее отношение к этим личным вещам Петра I.

---

[3] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 93.

[4] Пётр I покинул Царицын не ранее 4 декабря.

[5] ОР РНБ. FIV-789 (рукопись Петра Лугарева, царицынского протоиерея «О начале заведения города Царицына и о древних случайностях онаго по изустному уверению старожилов, получивших сведения от их отцов и дедов». [1840]). Опубликована: *Горбань О.А., Тюменцев И.О.* Протоиерей Пётр Лугарев и его сочинение о Царицыне // Стрежень: Научный ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2004. С. 461–474.

[6] Статистическое описание Саратовской губернии / Сост. А. Леопольдов. СПб., 1839. С. 57.

В 1807 г. из Астрахани в Саратовскую губернию была завезена чума. В Царицыне также случилась сильная вспышка чумы, однако горожане не растерялись, а «в сие бедственное время показали редкие опыты усердия и самопожертвования к прекращению наносного зла»[7].

За вклад царицынцев в борьбу с чумой городское общество получило именной, собственноручно подписанный 12 июня 1808 г. императором Александром I рескрипт (не сохранился) следующего содержания: «Из донесений тайного советника, сенатора Козодавлева, усмотрел Я ревностное содействие, которое Царицынское Градское Общество оказывало Начальству в прекращении открывшейся в Саратовской губернии заразы. По благополучном ныне миновании сей опасности, Я признал справедливым изъявить Царицынскому Градскому Обществу за его деятельное усердие к общему благу, особенное Моё благоволение»[8].

Так Александр I оценил действия городской думы по учреждению карантина в Царицыне и на трёх ведущих в город дорогах, особых застав по выдаче жалованья и съестных припасов и по выполнению требований правительства. Были награждены золотыми медалями городской голова Мордвинцев и бургомистр Ершов.

По получении высочайшего рескрипта признательные к монаршему вниманию жители «в незабвенную память и славу потомства» решили хранить рескрипт в «доме общества гражданского в приличном ковчеге»[9]. Кто-то из гласных думы вспомнил, что в цейхгаузе инвалидной роты хранятся картуз и трость Петра I, которые вместе с рескриптом составляют «дары, достойные памяти Государя Императора Петра Великого и августейшего монарха Его Императорского Величества Александра Первого»[10] и должны храниться

---

[7] Там же. С. 58.

[8] *Горбань О.А., Тюменцев И.О.* Протоиерей Пётр Лугарев и его сочинение о Царицыне. С. 464. См. также: Саратовский сборник (материалы для изучения Саратовской губернии). Издание Саратовского Статистического Комитета. Т. 1. Отдел второй. Саратов, 1881. С. 69; Статистическое описание Саратовской губернии. С. 58–59; *Терещенко А.В.* Царицын и Дубовский посад. СПб., 1848. С. 10; Историко-географический словарь Саратовской губернии / Сост. А.Н. Минх. Вып. 4. Аткарск, 1902. Т. 1. С. 1327; Весь Царицын на 1902 год: Адрес-календарь. Царицын, 1902. С. 4 и др.

[9] *Горбань О.А., Тюменцев И.О.* Протоиерей Пётр Лугарев и его сочинение о Царицыне. С. 465.

[10] Документы Царицынской городской думы за 1808–1809 гг., из которых берутся выдержки, хранятся в фондах Волгоградского областного краеведческого музея (ВОКМ. Инв. № 4770).

«совокупно в доме градской думы для доказательства дальнейшему потомству того соревнования, за которое город Царицын и гражданство оного щедротами монаршими ощастливлены»[11].

Сложность была в том, что вещи Петра I хранились у военных. 27 августа 1808 г. Царицынская городская дума направила в Саратовское губернское правление представление, чтобы оно своим распоряжением на имя командира Царицынской инвалидной роты подполковника Кадулина разрешило передачу вещей.

После долгих согласований с Министерством внутренних дел в канун нового 1809 г. такое разрешение губернское правление дало. 31 декабря 1808 г. Царицынская городская дума получила из губернского Саратова разрешение на хранение вещей, а командиру инвалидной роты поручалось передать их в торжественной обстановке. К этому времени Кадулин умер, и участвовать в церемонии передачи довелось его преемнику майору Масленикову, который дополнительно получил приказ от командира гарнизонного батальона полковника Обтягинова (в состав которого входила рота) обязательно взять с думы расписку в получении вещей, а саму церемонию «учинить с подобающим уважением».

Хранящиеся в областном краеведческом музее документы городской думы за 1808–1809 гг. о передаче трости и картуза свидетельствуют в пользу того, что эти вещи подлинные, относящиеся к петровскому времени, а не появились, как утверждают некоторые исследователи, в более поздние годы. Иначе зачем бы понадобился такой маскарад спустя 85 лет после последнего посещения Царицына Петром I? Ведь ещё свежи были в памяти того поколения рассказы старожилов о дарении вещей городу и произнесённых при этом императором словах.

Сказанное выше подтверждает и рапорт Царицынской городской думы от 9 мая 1809 г. о церемонии передачи картуза и трости, отправленный Саратовскому губернатору: «По словесным преданиям старожилов города Царицына известно думе, что Его Величество Государь Император Пётр Великий по возвратном высочайшем шествии ис персидского похода, что было 1723 года [правильнее 1722. — *А.М.*] в праведное ознаменование особенного монаршего благоволения Его Величества к Царицынскому дворянству и обывателям, соизволил пожаловать городу Царицыну картуз и трость особое Его Величества употребляемые с изустным изречением о картузе, как никто не смеет тот картус з головы Его

[11] Там же.

Величества снять, так, никто не смеет их (к лицу которых было сие) из Царицына выводить, тросте вот вам трость, как я управлялся ею со друзьями, так вы обороняйтесь ею со врагами»[12].

Ещё более конкретно сказано о старожилах в другом рапорте Царицынской городской думы, отправленном в другой адрес — Саратовскому губернскому правлению, — по тому же вопросу, что и первый, но ранее — 14 апреля 1809 г.: «Приложенные к картузу и трости записки, взятые из журнала Царицынского городского магистрата 14 июня 1805 год, основанного на словесных преданиях старожилов города Царицына объясняют, что соизволил Его Величество оставить в Царицыне картуз и трость»[13], далее в документе приводятся слова Петра I, сказанные жителям Царицына. К ним мы ещё вернёмся, закончив описание самой процедуры передачи вещей.

Ранним воскресным утром 11 апреля 1809 г. собрались у цейхгауза находившиеся в то время в Царицыне артиллеристы, инвалиды, казачья команда, воспитанники военно-сиротского отделения и другие воинские команды. Для того чтобы представить, как происходила церемония передачи и сколько присутствовало при этом войск, укажем количество военных, расквартированных в то время в городе.

Своим письмом от 4 ноября 1806 г. Саратовский губернатор П.У. Беляков сообщал министру внутренних дел В.П. Кочубею следующее: «Справедливо царицынские граждане просьбами своими удостоверяют, что все вообще их дома беспрестанно заняты постоем тамошнего гарнизонного батальона и другими воинскими командами, ибо в 687 их домах непременное квартирование имеют царицынского гарнизонного батальона штаб и обер-офицеров — 42, нижних чинов — 910, разных команд (артиллерийской, инженерной, комиссариатской, провиантской и штатной) городовой, штаб и обер-офицеров — 16, нижних чинов — 204»[14]. Всего же в Царицыне находилось 59 офицеров и 1114 человек нижних чинов. К ним же относились 180 школьников, обучавшихся в военно-сиротском отделении.

В торжественной церемонии участвовали практически все находившиеся в городе войска, за исключением офицеров и солдат, несших в этот час гарнизонную службу. В 10 часов утра «войска сие, предводительствуемые начальником инвалидной роты» при бара-

[12] ВОКМ. Инв. № 4770.

[13] Там же.

[14] РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 250. Л. 10–11.

банном бое двинулись к соборной Троицкой церкви. Картуз нёс плац-майор на приготовленной Думой бархатной подушке, убранной золотой бахромой с кистями. Городовой магистрат выделил 150 рублей для приобретения материалов, необходимых к церемонии переноса и хранения картуза и трости.

Трость несли два обер-офицера. По обеим сторонам от плац-майора и обер-офицеров шли в почётном карауле ещё четыре обер-офицера. Шествие происходило «при многочисленном стечении зрителей обоего пола». Необходимо уточнить, что жителей к этому времени в городе проживало 1117 человек. Гражданское население делилось следующим образом: дворян — 13, купцов — 330, мещан — 422, цеховых — 11, бобылей и крестьян казенных — 181, помещичьих крестьян — 62, отставных солдат и казаков — 98[15]. Церемония передачи личных вещей Петра I городской думе по тем временам была довольно значимым событием в жизни города.

В своём рапорте от 9 мая 1809 г. Саратовскому губернатору А.Д. Панчулидзеву Царицынская городская дума отмечала: «по доведении войск к церкви изъяснённые вещи вышеписанным порядком внесены во оную и положены на приготовленное место, а по ослушании божественной литургии и благодарственного молебствия одинаковым образом в препровождении войск, предшествии икон и духовенства принесены к дому царицынской градской думы»[16].

На этом церемония не окончилась, а приняла ещё более торжественный характер: «при посредстве господина городничего, членов магистрата, думы, и почётного купечества приняты с роспискою картуз на подушке Царицынским градским головою трость обеими бургомистрами и по внесении в дом думы, по отправлении водоосвящения и окроплении освященною водою, положены в приготовленные места совокупно с рескриптом»[17].

Итак, вещи Петра Великого получили новую прописку и показывались как реликвии всем приезжающим в город именитым гостям: в сентябре 1824 г. — герцогу Александру Вюртембергскому[18] «на возвратном сухом пути из города Астрахани, куда он приплыл Волгою на яхте»[19]. «1834 года августа 9 во 2 часу пополудни город

---

[15] Там же. Л. 10.

[16] ВОКМ. Инв. № 4770.

[17] Там же.

[18] *Горбань О.А., Тюменцев И.О.* Протоиерей Пётр Лугарев и его сочинение о Царицыне. С. 465.

[19] Статистическое описание Саратовской губернии. С. 59.

наш был обрадован внезапным посещением Его Светлости Прынца Ольденбурского Петра, остановившегося в доме купца Воронина»[20]. Здесь он был радушно встречен местными чиновниками во главе с городским головой по традиционному русскому обычаю: хлебом и солью. После чего, пообедав, изволил осмотреть местные реликвии: картуз и трость Петра I, а также рескрипт Александра I в доме городского общества и прямо отсюда отправился в Сарепту[21].

Необходимо отметить, что Саратовское губернское правление неоднократно делало попытки заполучить эти драгоценные для города Царицына реликвии для дальнейшего хранения в дворянском собрании или городской думе Саратова с целью показа приезжающим в губернский центр многочисленным гостям. Но царицынцы не уступали, хотя и выдавали их иногда на время в Саратов, например, по случаю прибытия туда великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II в 1837 г.[22]

28 июня 1837 г. наследник российского престола осмотрел выставку изделий местных мастеров Саратовской губернии, в том числе колонии Сарепты. Взору девятнадцатилетнего великого князя Александра Николаевича предстали и царицынские реликвии. Спустя 34 года император Александр II снова увидел картуз и трость, но уже в Царицыне, на постоянном месте их хранения.

В 1863 г. по случаю путешествия сына Александра II наследника российского престола великого князя Александра Александровича петровские реликвии не пришлось везти в Саратов — с ними цесаревич, так же, как и его отец, познакомился в самом Царицыне. В 1872 г. петровские реликвии побывали в Москве на Всероссийской политехнической выставке, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра Великого.

Настало время задаться вопросом: кто же первый описал петровские вещи после официальной их передачи городской думе (то есть после 1809 г.)? Затем сопоставить описание предметов, оставленное современниками, с учётными документами областного краеведческого музея. Такое сопоставление необходимо, чтобы доказать идентичность картуза и трости, переданных из инвалидной роты в городскую думу, с картузом и тростью, хранящимися в обла-

---

[20] *Горбань О.А., Тюменцев И.О.* Протоиерей Пётр Лугарев и его сочинение о Царицыне. С. 465.

[21] Немецкая колония на Волге близ Царицына.

[22] *Попов К.И.* Записки о Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 227.

стном краеведческом музее. Все это могло бы положить конец домыслам и сомнениям, которые сопровождают эти вещи на протяжении всего XX столетия и которые, в свою очередь, провоцировались неоднократными перемещениями реликвий (как внутри нашего города: цейхгауз инвалидной роты, присутственная камера городской думы, небольшая комнатка краеведческого музея в доме науки и искусств, выставочные залы областного краеведческого музея в Преображенской церкви, сельскохозяйственном техникуме и в здании бывшей земской управы, так и вне его: Саратов, Москва — в дореволюционные годы, село Цветочное Гмелинского района Сталинградской области, город Урюпинск, город Камышин — в годы Великой Отечественной войны).

Ответить однозначно на вопрос, кому принадлежит пальма первенства в описании петровских вещей, автор затрудняется, так как не вполне уверен, что смог ознакомиться со всеми имеющимися источниками и исследованиями. (Возможно, в результате дальнейшей работы над этой темой будут выявлены новые архивные документы и встретятся работы, содержащие описания картуза и трости Петра I). В документах Царицынской городской думы 1808–1809 гг. описание самих петровских вещей отсутствует, поэтому первыми в нашем перечне на сегодняшний день стоят «Записки о Саратове» чиновника Саратовской губернской канцелярии К.И. Попова, опубликованные в сборнике «Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы» (Саратов, 1893)[23].

В 1834 г. в России проводилась народная перепись Восьмой ревизии. Для её проверки по распоряжению Саратовского губернатора действительного статского советника Ф.Л. Переверзева в Царицынский уезд был командирован губернский чиновник К.И. Попов. В сентябре 1835 г. он отправился в Царицын к исполнению возложенных на него обязанностей.

После первого знакомства с Царицынским городским головой М.Ф. Белоярцевым, предложившим Попову осмотреть в думе петровские реликвии, чиновник сразу же отправился туда. «Я был в Думе, в присутственной ея камере, — писал в «Записках» К.И. Попов, — содержимой в чистоте и опрятности. В одном углу устроено

[23] Несмотря на то, что «Записки» издавались спустя шесть десятилетий после описываемых Поповым событий (очевидцем которых был их автор), можно выразить уверенность, что издатели не стали бы вносить в текст серьёзные коррективы относительно картуза и трости Петра Великого — слишком известных реликвий, чтобы произвольно обходиться с их описанием.

здесь помещение, где на бархатной малинового цвета подушке, окаймлённой кистью, лежал картуз; на подушке была приколота бумажка с написанными словами, сказанными Петром, когда он отдавал гражданам Царицына картуз: «Как никто не смеет снять картуза с головы моей, так никто не посмеет вынести его из Царицына»[24].

Обратим внимание на несовпадение этих слов с теми, что приведены в двух рапортах — Царицынской городской думы в адрес Саратовского губернского правления и на имя Саратовского губернатора. Оно может объясняться тем, что приписываемые Петру I слова из рапортов были «отредактированы» для придания им логической формы и более современного литературного звучания.

Это единственное разночтение между «Записками» и рапортами, в остальном эти три источника одинаково описывают детали: бархатная малинового цвета подушка, окаймлённая кистью, приколотые к ней записки со словами, относящимися к картузу и трости. Так, в рапорте от 14 апреля 1809 г. читаем: «приложенные к картузу и трости записки, взятые из журнала Царицынского городового магистрата 14 июня 1805 года, основанного на словесных преданиях старожилов города Царицына»[25].

В «Записках» Попов даёт и описание самих вещей: «Картуз из серого толстаго сукна; подкладка в нём шёлковая, дикаго цвета, на вате. У картуза козырёк и заворот. Трость довольно толстая, длиною 1 аршин и 4 вершка, вязовая; на верху ея сук, к низу она тоньше»[26] (правильнее «толще», видимо опечатка издателей. — *А.В.*). Отдавая трость, Пётр I сказал: «Вот моя трость! Я управлялся ею с друзьями и вы обороняйтесь ею от врагов»[27].

Очень похожее описание картуза и трости имеется в «Статистическом описании Саратовской губернии», составленном Андреем Филипповичем Леопольдовым (СПб., 1839): «Картуз из толстого серого сукна, подкладка дикаго цвета, шёлковая на вате, с козырьком и заворотом, в некоторых местах, моль попортила его. В объёме мерою три четверти аршина. Палка вязовая к низу толще, с корью, от времени почернела, с верхняго конца на ней сук, и кожа от руки стерлась. Длина её 1 аршин и 4 вершка. Отдавая жителям картуз, он сказал: “как никто не смеет снять картуза с головы моей, так никто не посмеет вынести его из Царицына”, отдавая трость, сказал: “вот

[24] *Попов К.И.* Записки о Саратове. С. 227.

[25] ВОКМ. Инв. № 4770.

[26] *Попов К.И.* Записки о Саратове. С. 227.

[27] Там же.

вам моя трость! Я управлялся ею с друзьями, а вы обороняйтесь ею от врагов”»[28].

Попов и Леопольдов указывают неверную длину трости в 1 аршин и 4 вершка (88,6 см. — *А.М.*), тогда как на самом деле длина трости составляла 2 аршина и 4 вершка (159,6 см. — *А.М.*). Сейчас определить, кто у кого позаимствовал размер трости, невозможно. Но на то, что заимствование произошло, указывает тот факт, что только у этих двух авторов в их описаниях (у Попова — не ранее 1835 г., у Леопольдова — не позже 1839 г.) встречается такая неточность. Во всех других, без исключения, описаниях размер трости приводится в 2 аршина и 4 вершка.

А вот как описывали петровские вещи известные художники Григорий и Никанор Чернецовы, побывавшие в Царицыне осенью 1838 г.: «отдохнув, поспешили видеть картуз и трость Петра Великого <...> Картуз сшит из сукна бледно-жёлтого цвета с тафтяною тульёю и трость сделана из неизвестного какого-то дерева, простая, длиною в два аршина четыре вершка»[29]. Они же оставили нам первое изображение картуза и трости, а также упоминание о том, что «всё это хранится в доме Градского общества в особом шкафе за стеклом»[30].

В следующем по времени написания труде, уже упоминавшемся ранее, — рукописи царицынского протоиерея и благочинного П. Лугарева «О начале заведения города Царицына...», датированной 1840 г., нет описания вещей Петра I, однако приводятся «изустно» сказанные слова императора: «Как никто не смеет тот картуз с головы Его Величества снять, так никто не смеет и их из Царицына выводить» и «Вот Вам трость, как я управлялся ею с друзьями, так Вы обороняйтесь со врагами»[31].

Более подробное описание картуза и трости оставил нам археолог А.В. Терещенко в работе «Царицын и Дубовский посад»: «Картуз с козырьком и заворотом, он сшит из толстаго сераго сукна, подкладка на нём шёлковая, дикаго цвета; в окружности три четверти аршина, моль повредила его. Палка из персидского вяза и с корою, длина палки 2 аршина 4 вершка и в объёме довольно тол-

---

[28] Статистические описания Саратовской губернии. С. 57.

[29] *Чернецов Г.Г., Чернецов Н.Г.* Путешествие по Волге / Предисл. и примеч. А.И. Коробочко и В.Я. Любовного. Рис. авторов. М., 1970. С. 138.

[30] Там же.

[31] *Горбань О.А., Тюменцев И.О.* Протоиерей Пётр Лугарев и его сочинение о Царицыне. С. 464.

стая, так что более похожа на дубинку, которою легко можно обороняться от врагов»[32]. Любопытно, что Терещенко трость называет палкой. Действительно, несмотря на то, что в архивных документах начала XIX в. мы везде встречаем слово «трость», всё же правильнее будет назвать эту вещь дорожной палкой, исходя из её вида, ведь слово «трость» значит палка для опоры при ходьбе. Возможно, с помощью этой палки Пётр I со свитой добирался с берега Волги к присланным его денщиком Алексеем Татищевым экипажам.

Скептикам, утверждающим, что столь простые вещи (картуз и трость) не могли принадлежать императору, можно ответить, что Пётр I мог ими воспользоваться один (или несколько) раз по дороге в Царицын; мог взять их у слуг или у кого-то из сопровождающих его лиц и вручить горожанам, сказав при этом слова, придавшие церемонии вручения оттенок торжественности.

Заметим, что Попов, Леопольдов, братья Чернецовы, Терещенко указывают только длину трости, не приводя её толщины и веса.

Известный исследователь Саратовского края А.Н. Минх в своём «Историко-географическом словаре Саратовской губернии» приводит следующие размеры трости: «трость длиной 2 аршина 4 вершка, толщиной от до ¾ вершка, весом 7 фунтов»[33]. Переведя дореволюционные меры длины в современные. 1 аршин равен 0,711 м[34], 1 вершок равен 4,4 см[35], следовательно, длина трости, согласно современной метрической системе составляла в то время 159 см 80 мм, толщина от 1,1 см до 3,3 см. Вес трости составлял 2 кг 866,5 г, так как один фунт равен 409, 5 г.

Задумаемся над этими размерами. Если толщина трости колебалась от 1,1 см до 3,3 см, то средняя её величина составляла 2,2 см — это толщина трёх простых карандашей, положенных друг на друга. Если представить трость длиной в 1 м 60 см и весом в 2 кг 866,5 г, то получается не дорожная палка, а полутораметровая, но очень тяжёлая, тросточка. Её вес никак не соответствует её объёму. Каким же невероятно большим должен быть удельный вес того дерева, из которого она сделана, чтобы объяснить такие пропорции[36]!

---

[32] *Терещенко А.В.* Царицын и Дубовский посад. С. 7.

[33] Историко-географический словарь Саратовской губернии. С. 1269.

[34] Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2002. С. 48.

[35] Там же. С. 121.

[36] Проведём некоторые математические расчёты, то есть вычислим удельный вес трости, исчисляемый в граммах на кубический сантиметр. Для того, чтобы первоначально вычислить среднюю площадь сечения

После таких неожиданных открытий пришлось обратиться к основным учётным документам Волгоградского областного краеведческого музея. Согласно научному описанию паспорта памятника, размеры трости Петра I следующие: длина 1 м 60 см, толщина тонкого конца 3 см 36 мм, толстого 5 см 5 мм, вес 1550 г. Эти же параметры зафиксировала специально созданная в январе 2003 г. комиссия из числа сотрудников фондов в результате проведённых замеров и взвешивания трости.

Вычислим плотность трости по имеющимся в паспорте размерам: она составляет 0,73 г на $см^3$, что соответствует удельному весу таких сухих древесных пород, как бук, вяз, ясень. Следовательно, размеры трости, приведённые А.Н. Минхом, являются неточными и не могут приниматься за отправные в нашем исследовании.

Потребовались дополнительные поиски в архивах и библиотеках документов и изданий, в которых бы указывались размеры трости. В адрес-календаре «Весь Царицын на 1902 год» приводятся следующие размеры трости: «Длина ея 2 аршина 4 вершка, толщина $^2/_3$ — ¾ вершка, вес 7 фунт»[37]. Обратим внимание на новый размер толщины трости в $^2/_3$ вершка (2 см 93 мм).

В материалах «Саратовского сборника», изданного в 1881 г. Саратовским статистическим комитетом и хранящегося в библиотеке Областного государственного архива, о петровских вещах сказано: «В настоящее время картуз сильно изъеден молью и порван. Материал, из которого сделан он, — простое, сермяжное, деревенской работы сукно, которое от времени вытерлось и приняло шоколадный цвет. Трость — есть простая вязового дерева палка с сучком,

---

трости, воспользуемся формулой pd^2, где p — постоянная величина, равная 3,14; d — средний диаметр, равный 2,2 см; тогда 3,14х2,22 = 3,799 $см^2$. Чтобы определить объём трости умножаем среднюю площадь сечения (3,799 $см^2$) на длину трости (160 см). Получаем 607,84 $см^3$. Для определения удельного веса (плотности) трости делим её массу (2866,5 г) на объём (607,84 $см^3$). Получаем 4,71 г на $см^3$. Ошеломляющий результат! Удельный вес металла (железа) на 1см3 составляет 8,6 гр., бронзы 7,4–8,9 гр., бетона 1,8–2,45 г. То есть, согласно тем размерам, которые были приведены в «Историко-географическом словаре Саратовской губернии» (1902) трость должна была быть изготовлена из лёгкого металла или из железной трубки, что конечно же является абсурдом, так как в источниках XIX в. указывалось, что она деревянная, а иногда констатировалось, что она из «вязового дерева» (*Попов К.И.* Записки о Саратове. С. 227; Статистическое описание Саратовской губербиии. С. 57; *Терещенко А.В.* Царицын и Дубовский посад. С. 7).

[37] Весь Царицын на 1902 год: Адрес-календарь. Царицын, 1902. С. 3.

покрытая корой; длина ея — два аршина четыре вершка, толщина — от одного с четвертью до трёх четвертей вершка, вес — фунтов семь»[38]. Новые размеры, но на этот раз совпадающие с размерами, указанными в научном описании: от 5,5 до 3,3 см. Всё совпало — и длина и толщина. Однако вес остался прежним — 2 кг 866,5 г, что на 1 кг 316,5 г больше фактического.

После вновь произведённых математических подсчётов удельный вес той, «дореволюционной», трости составил 1,36 г на см^3, что опять же выше всех допустимых величин удельного веса древесной породы. Следовательно, вес в «Саратовском сборнике» указан неверно.[39]

Относительно размеров картуза, скажем, что они даются в «Статистическом описании Саратовской губернии», изданном в 1839 г.: «Картуз, — по утверждению составителя описания А. Леопольдова, — в объёме мерою три четверти аршина»[40]. Столичный археолог А.В. Терещенко размер картуза определяет не по объёму, а по окружности в «три четверти аршина»[41], что составляет 0,531 м и соответствует размеру окружности картуза, хранящегося в краеведческом музее.

До недавнего времени автору не были известны дореволюционные фотографические изображения картуза Петра I. В конце 2000 г. удалось обнаружить в фонде техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел (коллекция фотографий) РГИА уникальную фотографию, аннотация (явно сделанная не царицынцами) к которой гласит: «Шляпа и палка Петра I, пода-

[38] Саратовский сборник. С. 4.

[39] Эта ошибка повторилась в работе А.Н. Минха и в других изданиях конца XIX—начала XX в. Ещё одна ошибка, возможно, опечатка, вкралась в работу Минха: вместо 1¼ вершка толщина указана как ¼ вершка. На наш взгляд, это ошибка издателей, а не автора. Минх наверняка использовал данные «Саратовского сборника» в описании картуза и трости, так как сам являлся автором трёх статей, помещённых в сборнике, и принимал участие в его редактировании и издании. Таким образом, непропечатанная единичка послужила поводом к сомнениям относительно точности замера толщины трости. Что касается адрес-календаря «Весь Царицын на 1902 год», то здесь возможна ошибка наборщика или невнимательность составителей. А вот с весом «дореволюционной» трости придётся ещё разобраться. Возможно, где-то в архивах и существует зафиксированный её вес, но на сегодняшний день этих данных не обнаружено, что обязывает нас к их дальнейшим поискам.

[40] Статистическое описание Саратовской губернии. С. 57.

[41] *Терещенко А.В.* Царицын и Дубовский посад. С. 7.

ренная Царицынскому городскому обществу»[42]. Фотография была сделана в самом начале XX в. и направлена Саратовским губернатором вместе с аннотацией, авторство которой, по-видимому, принадлежит губернским чиновникам, в МВД в числе других фотографий с изображением памятников губернии, воздвигнутых в честь исторических событий. Сделано это было во исполнение циркуляра МВД № 10 от 6 сентября 1901 г.

Внешний вид картуза на фотографии (Илл. 1) совпадает со всеми известными его описаниями XIX в.: толстое серое сукно, козырёк, заворот, сильные повреждения молью. Однако, сравнивая картуз, хранящийся в областном краеведческом музее, с картузом, изображённом на фотографии, находим некоторые различия. Объясняются они тем, что в 1970 г. картуз прошёл реставрацию, проведённую в Загорске реставраторами Государственного исторического музея.

В фондах ВОКМ сохранилась фотография картуза, сделанная в 1960-е гг., то есть до реставрации (Илл. 2). Она донесла до нас промежуточное изображение картуза между дореволюционным его видом и современным. Реставраторам пришлось много потрудиться, прежде чем картуз обрёл настоящий вид. Моль буквально источила каждый сантиметр ткани, поставив под угрозу сохранность всего экспоната. Проведённая консервация и реставрация отдельных участков ткани, а в некоторых случаях и полная её замена, несколько изменили вид картуза, но его размеры остались прежними (Илл. 3).

К сказанному добавим, что в фондах Саратовского областного музея краеведения хранится ещё один фотографический снимок картуза и трости (Илл. 4), сделанный известным фотографом П. Пятницким в конце 1870-х гг.[43]

Теперь уделим внимание словам, якобы, произнесённым Петром I царицынцам в момент передачи картуза и трости. Указывая полностью несколько вариантов этих слов, мы также приводили примеры вольного обращения с ними авторов серьёзных исследований, а также издателей всевозможных словарей и путеводителей XIX–XX вв.

Добавим, что иногда доходило до курьёзов. Так, в четвёртом томе фундаментального труда «Городские поселения в Российской империи» читаем: «в 1722 году, проезжая в Персию, Пётр I подарил

[42] РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 1835.

[43] Он приведён в качестве иллюстрации к книге Е.К. Максимова и С.А. Мезина «Города саратовского Поволжья петровского времени».

Царицын Екатерине, а на следующий год, возвращаясь назад, жителям города оставил на память свой картуз и палку, чтоб они били ею своих врагов так, как он колотил ею своих приятелей»[44]. Текст приводится со ссылкой на «Исторический очерк Саратовского края» А. Леопольдова. Но на указанных страницах (47, 70, 87) приведённые слова отсутствуют, равно как и во всем очерке[45]. Такого рода фантазия дезинформирует людей, вызывая недоумение, а иногда и улыбку.

В одном из путеводителей по Волге указывается, что в Царицыне «никаких достопримечательностей нет, если не считать за таковую одну из бесчисленных палок, которые Пётр I раздавал в дар российским городам»[46]. Это наглядный пример того, как искажались слова Петра I. Сами петровские вещи также назывались поразному: «В городской ратуше Царицына хранятся шляпа и трость Петра Великого, которые государь сей оставил в память городу, в проезд свой с императрицею Екатериною I из Астрахани в Петербург»[47]. Мало того, что здесь картуз назван шляпой[48] (так же как в аннотации к фотографии), но неверно указано и место хранения. К тому же Пётр I из Астрахани возвращался не в Санкт-Петербург, а в Москву.

В годы хранения вещей в городской думе несколько раз менялось их оформление, а вместе с этим редактировались и слова. Первоначально картуз хранился на бархатной с кистями подушке, с приколотыми к ней двумя листами бумаги со словами Петра I. Рядом лежала трость. Такой вариант запечатлён на рисунке А.П. Боголюбова[49]. Другой вариант оформления изображён на рисунке неизвестного художника, помещённом в историко-литературном журнале «Исторический вестник» за 1903 г.[50] На рисунке картуз также лежит на подушке, рядом трость, но аннотации к вещам в виде двух больших листов бумаги помещены в рамки.

Третий вариант оформления мы видим на фотографии из фондов РГИА. Ко второму варианту добавился стеклянный колпак в форме четырёхгранной пирамиды, который накрывал картуз, что-

---

[44] Городские поселения в Российской империи. Т. 4. СПб., 1864. С. 456.

[45] *Леопольдов А.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.

[46] Спутник по реке Волге и её притокам Каме и Оке. Саратов, 1910. С. 95.

[47] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. 4. СПб., 1852. С. 181.

[48] Картуз — мужской головной убор с козырьком.

[49] Волга от Твери до Астрахани / Сост. Н.П. Боголюбов. СПб., 1862. С. 370.

[50] Исторический вестник. 1903 май. С. 563.

бы предохранять его от пыли и моли. Неизвестный фотограф запечатлел предметы на фоне колпака, увенчанного двуглавым орлом. По-прежнему слева и справа от картуза размещены рамки, а в них листы бумаги с текстами.

И, наконец, четвёртый вариант оформления мы видим на фотографии, хранящейся в фондах ВОКМ. Для того чтобы подчеркнуть историческую ценность и значимость петровских вещей, в начале XX в. по заказу городской думы была изготовлена деревянная витрина сложной конструкции в русском стиле. Двухметровую витрину венчал позолоченный двуглавый российский орёл. Эта витрина не сохранилась, однако в канун 400-летия города по заказу музея были изготовлена её копия, в которой в настоящее время в зале дореволюционной истории города экспонируются петровские реликвии: картуз и трость (Илл. 5).

Подводя итог, можно сделать выводы: факт дарения Петром I картуза и трости жителям Царицына удалось подтвердить документами Царицынской городской думы только за 1808–1809 гг. Документов, относящихся к XVIII в., обнаружить в Волгограде не удалось, но их поиск ведется в центральных российских архивах в Москве и Санкт-Петербурге.

На протяжении двух веков картуз и трость демонстрировались как вещи, которые Пётр I собственноручно передал жителям Царицына. Среди многих миллионов видевших реликвии были и представители династии Романовых, в том числе Александр II и Александр III. Трудно поверить, что наши предшественники два века случайные вещи выдавали своим современникам за петровские реликвии.

И, наконец, пока готовилась эта статья, в фондах ВОКМ обнаружен ещё один относящийся к нашей теме документ — отношение Царицынского коменданта полковника Цеддельмана, отправленное в Царицынский городовой магистрат 21 июня 1790 г. во исполнение указаний Саратовского наместнического правления с просьбой дать «выправку не отыщется ль достоверного сведения когда точно по какому случаю оставлены со временем шествия в низовыя города блаженная и вечной славы достойная памяти Государя Императора Петра Первого трость и картуз»[51], посредством опроса «в здешнем городе людей кои хотя по преданию или по народному слуху могли б дать об оном какое либо заслуживающее вероятное известие»[52]. Остальное мы уже знаем.

[51] ВОКМ. Инв. № 4777.

[52] Там же.

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА В МУЗЕЯХ РОССИИ

С.А. Мезин (Саратов)

Петровские реликвии в Поволжье

Латинское слово reliquiae означает «остатки», «останки». В средние века реликвиями называли предметы религиозного поклонения — мощи святых, остатки их одежды, личные вещи, которые наделялись чудодейственной исцеляющей силой. В новое время слово приобрело светский смысл и стало означать мемориальные вещи, оставшиеся после известных людей.

Несмотря на то, что исследователи отмечают «беспрецедентную» сакрализацию личности монарха при Петре I[1], едва ли можно говорить о петровских реликвиях в старом, средневековом смысле слова. И всё-таки они были для современников и потомков больше, чем просто мемориальные вещи, оставшиеся после великого человека. В случае Петра I можно говорить об особом культе, который складывался не внутри христианской традиции, а параллельно с традиционным православием. Это был государственный, гражданский культ. Через год после смерти царя известный проповедник Гавриил Бужинский обращался к Петру как к святому: «Треблаженна тя исповедую, Петре Великий, твоя дела, яже сотворил еси в житии сем, суть безсмертныя славы достойна и вечна. Воинство, флот, возрождение России, сия в следе тебе ходят»[2]. Как видим, отмеченные проповедником подвиги Петра целиком относятся к мирской сфере. Здесь имеет место отмеченный А.М. Панченко фе-

[1] *Мезин С.А.* «Мирская святость» в России XVIII века: случай Петра I // Многообразие религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире: В 2 ч.: Научные доклады. Саратов, 2005. Ч. 2. С. 183–191.

[2] *Бужинский Г.* Полное собрание слов, сказанных в высочайшем присутствии Петра Великого. М., 1784. С. 255.

номен «мирской святости»[3]. В петровское время идея «святой Руси» сменилась идеей «великой России», подвижником и олицетворением которой надолго стал Пётр Великий.

Почитание Петра I как героя «государственного мифа» века Просвещения повлекло за собой стремление увековечить его дела в памятниках, историях, мемориальных вещах (впрочем, такая тенденция проявилась ещё при жизни императора). С установкой памятников и написанием историй вышла некоторая заминка: дело сдвинулось с мёртвой точки только во второй половине XVIII в. С мемориальными вещами дело, кажется, обстояло лучше. Они были сосредоточены в Кунсткамере, где появилась специальная экспозиция — «Императорский кабинет», в Петергофе, в московской Оружейной палате[4]. О.П. Беляев, издавший в 1793 г. описание Кабинета Петра Великого, отмечал, что «любопытная публика с удовольствием и рвением всегда принимала и доселе приемлет всё, касающееся до бессмертных деяний Просветителя Отечества», а изображение Петра называл «священным»[5]. При Николае I петровские вещи были в основном сосредоточены в императорском Эрмитаже, где хранятся до сих пор. Это была вполне осознанная идеологическая акция, призванная оживить «государственный миф» и подчеркнуть преемственность между Петром I и царствующим императором. Николай I считал, что «лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви»[6].

Петровские реликвии в провинции, по крайней мере, в Поволжье, получили известность лишь в XIX в. В их «обретении», как представляется, историческая память народа соединилась с инициативой чиновников и исследователей по изучению местной истории.

Память о первом императоре жила в народе, он стал едва ли не самым популярным героем русского фольклора. При этом со временем забывались тяготы петровского времени, легенды о «подменном царе» и «Петре-антихристе». В этой тенденции проявилось, возможно, стихийное народное осознание правоты петровского дела, а также особенность человеческой психологии, запечатленная в пушкинской строке: «Что пройдет, то будет мило».

---

[3] *Панченко А.М.* Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 303–318.

[4] *Тарасова Н.И.* «Сии вещи суть для россиянина драгоценны» // Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 42–71.

[5] [*Беляев О.П.*] Кабинет Петра Великого. СПб., 1793. Предисловие.

[6] *Фейнберг И.Л.* Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 14.

Уже во второй половине XVIII в. зарождается такое явление, как русская провинциальная историография[7]. В Нижнем Поволжье она проявляет себя с определённым запозданием. В первом «Описании Саратовского наместничества» 1785 г. упоминается канал в районе Камышина, который начали копать во времена Петра Великого для соединения Волги с Доном и который «поныне ещё очень широк и глубок», а также строительство города Петровска «по указу императора Петра Великого во время Азовского похода в Персию (так! — *С.М.*)»[8]. Однако в историко-географических описаниях городов Поволжья, составленных в XVIII в., упоминаний о петровских реликвиях нет. Саратовский губернатор П.У. Беляков в первые годы XIX в. руководил составлением нового Топографического и исторического описания губернии и рекомендовал местным чиновникам записывать народные предания[9]. Позже епископ саратовский Иаков (Вечерков) предписывал духовенству епархии присылать заметки и статьи географического, статистического и исторического характера[10]. Эти попытки пробудить местное историческое сознание дали свои результаты.

Думается, что на стыке народных преданий и первых опытов провинциальной историографии произошло выявление и популяризация петровских реликвий в Поволжье.

Память о преобразованиях Петра I была запечатлена в Поволжье в основанных царём городах, в начатом строительством канале, в церковных постройках и заложенных промышленных предприятиях. Если путь Петра по Волге во время первого Азовского похода почти не оставил воспоминаний у местных жителей, то путешествие царя в 1722 г. (Персидский поход) отозвалось множеством легенд и преданий, нашло своё отражение в целом ряде памятных вещей, принадлежавших (или якобы принадлежавших) царю и оставленных им в волжских городах или специально посланных туда[11].

---

[7] *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998.

[8] Описание Саратовского наместничества И.И. Поливанова / Под ред. Н.Я. Озерецковского // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. VI. С. 41, 44.

[9] *Клейтман А.Л.* П.У. Беляков — военный, политический деятель, ученый конца XVIII–начала XIX века // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Волгоград, 2009. Вып. 1. С. 22–23.

[10] *Майорова А.С.* Научная деятельность епископа Иакова (Вечеркова) (1832–1847) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2011. Вып. 5. С. 123.

Будучи материальным воплощением исторической памяти, реликвии — истинные и мнимые — представляют несомненный научный и познавательный интерес. Они были описаны в трудах местных историков XIX–начала XX в. Впервые о петровских реликвиях Царицына и Петровска и связанных с ними легендах упомянул в печати саратовский краевед А.Ф. Леопольдов[12]. К истории мемориальных вещей Петра I в Поволжье обращались царицынский протоиерей П. Лугарев, саратовский протоиерей Г.И. Чернышевский, Н.И. Костомаров, Н.П. Загоскин, А.Н. Штылько, П.Л. Юдин, С.А. Щеглов и другие. Однако далеко не все царские реликвии пережили революционные потрясения и дошли до нашего времени. В постсоветской России интерес к петровским реликвиям опять возрос, о чём свидетельствуют специальные работы А.С. Маркова, Э.В. Кугрышевой, А.В. Материкина и других исследователей.

Пожалуй, меньше всего сведений до нас дошло о петровских реликвиях Казани. В описаниях города, относящихся к XVIII в., мемориальные вещи царя вовсе не упоминаются. Перечислив церковные достопримечательности, автор описания Казани 1739 г. М.С. Пестриков замечал: «И окромя вышеписанного при оных церквах древности для гистории российской ничего не отыскано»[13].

В Казани самым ярким напоминанием о петровском времени является великолепный Петропавловский собор, построенный купцом И.А. Михляевым в память о пребывании царя в городе 3–6 июня 1722 г. В ризнице собора хранилась серебряная ложечка, о которой в известном путеводителе по Казани конца XIX в. говорилось: «Особенное внимание обращает на себя <...> серебряная лжица с клеймом на обратной стороне её рукоятки, изображающим двуглавого орла, и с надписью латинским алфавитом: “Peter Michlaoff”, которую раньше читали — “Peter magnus”, утверждая, что лжица эта прислана для храма Петром Великим». Вероятнее, судя по надписи, что ложечка эта подарена императором Петром Михляеву, а этим последним уже отдана в созданный им храм, если

[11] *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2011. С. 123–147.

[12] *Леопольдов А.Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. В 2-х ч. СПб., 1839. Ч. 2. С. 56–57, 90.

[13] Описание Казани, составленное в 1739 г. *М.С. Пестриковым*. Казань, 1909. С. 26; см. также: Топографическое описание города Казани и его уезда. Сочинённое Дмитрием Зиновьевым. М., 1788.

только загадочная надпись эта не может найти себе какого-нибудь другого объяснения»[14].

С именем царя также связывалась икона Богоматерь Неопалимая Купина, которая якобы находилась с царём в Персидском походе, а затем была подарена городу Казани. Это был вклад в домовую церковь казанского тюремного замка бывшего губернского прокурора Г.И. Солнцева. «Икона писана весьма своеобразно: на ней изображён двуглавый орёл с образом Неопалимой Купины посередине и с ликами святых по окружности»[15]. Дарение иконы Петром маловероятно, ибо на обратном пути из похода царь в Казани не был. В новейшей литературе эти петровские реликвии не упоминаются. Казанские краеведы предполагают, что обе реликвии могли исчезнуть в период с 1918 (когда закрылась тюремная церковь, а её священник Дмитрий Шишокин был расстрелян) по 1922 г., когда было произведено массовое изъятие церковных ценностей советской властью[16].

На казанской верфи для царя была построена яхта, которая станет главной петровской достопримечательностью в Астрахани, но тоже не сохранится до наших дней.

Больше повезло петровским реликвиям Царицына (Волгограда). Картуз и трость царя фигурируют в местных преданиях, записанных в начале XIX в. Легенда гласит, что «в 1723 году[17], на возвратном пути из сего [Персидского. — *С.М.*] похода, в знак высочайшего благоволения к верности царицынцев, оставил картуз и трость»[18]. Снимая шапку с головы и отдавая «дворянству и жителям», он якобы сказал: «Как никто не смеет тот картуз с головы Его Величества снять, так никто не смеет и их из Царицына выводить». При передаче представителям города трости император добавил: «Вот вам трость, как я управлялся ею со друзьями, так вы обороняйтесь со врагами»[19].

---

[14] Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 1895. С. 193; см. также: Малов П. Казанский Петропавловский собор.

[15] Спутник по Казани. С. 193.

[16] Благодарю профессора Казанского университета Г.В. Ибнееву за помощь в сборе информации о петровских реликвиях.

[17] Дата не соответствует действительности.

[18] Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. № 1909. Л. 4–4 об.

[19] *Горбань О.А., Тюменцев И.О.* Протоиерей Пётр Лугарев и его сочинение о Царицыне // Стрежень: Научный ежегодник. Волгоград, 2004. Вып. 4. С. 464; Текст сочинения Петра Лугарева, опубликованный О.А. Горбань и И.О. Тюменцевым, отличается от рукописного, хранящегося в ГАСО.

Картуз и трость в настоящее время находятся в экспозиции Волгоградского областного краеведческого музея. Первые документальные упоминания о картузе и трости относятся к 1808 г., когда вещи царя были торжественно переданы из цейхгауза инвалидной роты в Царицынскую городскую думу[20]. Подлинность вещей подтверждается в документах лишь «словесными преданиями старожилов города Царицына», а потому ставится под сомнение современными историками, как и сами сюжеты, связанные с пребыванием Петра в Царицыне[21]. Историками было замечено, что картуз из грубого серого сукна и простая вязовая палка с сучком не имеют аналогов среди подлинных царских вещей. Между тем, дарение Петром I своей шапки или одежды — распространённый сюжет в русском фольклоре[22]. Ещё больше сомнений вызывает точность передачи слов Петра I, якобы сказанных при дарении вещей городу. В них, по-видимому, отразились многочисленные предания о царской дубинке, которой Пётр управлялся со своими приближенными[23].

---

[20] *Материкин А.В.* Вопросы культуры и образования в материалах и документах деятельности Царицынской городской думы. Волгоград, 2003. С. 25–51.

[21] *Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И.* Пётр Великий в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 122–126; *Мезин С.А.* Сочинение П.Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье» // Стрежень: Научный ежегодник. Волгоград, 2006. Вып. 5. С. 340. Попытка А.В. Материкина обосновать подлинность вещей и связанных с ними сюжетов не представляется убедительной. *Материкин А.В.* Храм Иоанна Предтечи. Страницы истории города Царицына и его первой церкви. Волгоград, 1999. С. 57, 85–89.

[22] В Карелии рассказывали, как царь подарил жителям Вытегорского погоста свой камзол «на шапки», которые те собирались детям и внукам передать «на память <...> царя-батюшки милости». В другой легенде говорилось о том, как царь подарил находчивому кучеру свой «вышитый серебром колпак». – Народная проза. М., 1992. С. 216–219.

[23] Любопытный эпизод из истории царицынских реликвий содержится в делах Саратовского губернского правления и Саратовской палаты уголовного суда за 1844–1845 гг. (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. № 2238; Ф. 414. Оп. 1. № 364). Секретарь Царицынской городской думы Николай Михайлов обвинялся в похищении для продажи части картуза и в повреждении реликвии. В деле сохранился протокол обследования картуза членами городской думы от 6 сентября 1845 г., подписанный городничим, бургомистром и ратманами: «весь картуз в ветхом состоянии, сделан из белосерого ветхого сукна, с правой стороны козырька сукно сверху и снизу до половины и с левой стоны снизу небольшая часть оного оборвана, поярок [шерстяная ткань. – С.М.], находящийся между сукном и подкладкою картуза, с правой стороны на два вершка обрезан, подкладка шелковой белой материи на хлопчатой бумаге кругом всего оного внутри

Архивные документы сохранили упоминание о карандашном чертеже царицынской цитадели, сделанном царём собственноручно. Он находился в царицынской комендантской канцелярии, но до наших дней не дошёл[24].

Несомненно подлинными были петровские реликвии в Астрахани, где царь провёл в общей сложности два месяца до и после Персидского похода (с 19 июня по 18 июля и с 4 октября по 5 ноября 1722). Здесь, как и в Петербурге, существовал Летний дворец Петра I в Замановском саду на берегу Кутума, который был деревянным и сохранялся до 1770-х гг.[25] В одном из садов показывали грушевое дерево, посаженное царём.

После отъезда царя из Астрахани в местном порту остались плезир-яхта и лодка-верейка. Плезир-яхта (38 футов = 11 м 58 см длины и 5 футов 6 дюймов = 1 м 67 см ширины) имела одну мачту и могла ходить как под парусом, так и на вёслах. По борту она была украшена глубокой деревянной резьбой. В основном это был прихотливый растительный орнамент в духе барокко, но на корме имелся овальный медальон, вокруг которого были изображены нимфы и амуры. На яхте царь ходил в свой Летний дворец на Кутуме, осматривал окрестности Астрахани, устраивал смотр Каспийской флотилии. Пользовался царь и шестивесельной лодкой-верейкой (24 фута 6 дюймов = 7 м 46 см длины и 5 футов 6 дюймов = 1 м 67 см ширины)[26].

к околышу оборвана, на подкладке этой справой стороны видны в некоторых местах обрезы, хлопчатая бумага тоже ощипана, весь оный картуз, как сукно, так и поярок, в молеединах, на которых никакого умышленного расширения не замечено, кроме одной ветхости всего картуза; протчие предметы, хранящиеся в шкафе, как то: Трость государя Императора Петра I, Рескрипт государя Императора Александра I и под оным бархатная подушка с украшением находятся в целости и в том самом виде, как были прежде <...> Титулярный советник Богданов и мещанин Шивенов объявили, что открытых при сём свидетельств повреждений в порезании внутреннего поярка, шёлковой подкладки и хлопчатой бумаги внутри картуза и оборвания сукна с правой стороны козырька прежде не было» (ГАСО. Ф. 414. Оп. 1. № 364. Л. 65–66).

[24] *Мезин С.А.* Сочинение П.Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье». С. 338.

[25] *Гусарова Е.В.* Летний дворец Петра I в Астрахани // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2011. Вып. 3. С. 145–163.

[26] *Мезин С.А.* Сочинение П.Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье». С. 338; см. подробнее: *Марков А.С.* Пётр I и Астрахань. Астрахань, 1994. С. 88–94.

В XVIII в. эти суда числились в составе Каспийской флотилии[27]. В начале XIX столетия они уже воспринимались как петровские реликвии. «Оба судна исправлены в 1824 г. и покрашены точно такими же красками, какими были выкрашены прежде. В настоящее время, — отмечал А.Н. Штылько в конце XIX в., — следы красок едва приметны, тем более что пазы рассохшихся судов приходится заделывать. Корма плезир-яхты и борта украшены замысловатою резьбою. На румпеле находится резное изображение, напоминающее самого Петра Великого. Над украшением плезир-яхты резьбою, по преданию, будто бы трудился сам монарх, но предание это не подтверждается какими либо данными»[28]. После 1824 г. мемориальные суда поставили для хранения в каменном сарае (бывшем провиантском магазине) на территории астраханского порта. Их показывали любознательным путешественникам, каковыми были, например, художники братья Чернецовы в 1838 г., зарисовавшие яхту и лодку[29]. В 1861 г. для петровских судов был построен специальный домик. Решением императора Александра II он был передан в марте 1870 г. в ведение города[30]. В «Петровском домике» к двухсотлетнему юбилею Петра был устроен настоящий музей. Помимо яхты и лодки здесь были выставлены образцы старинного оружия и знамён, макеты кораблей, а также большой хрустальный бокал «вместимостью око 3-х стаканов»[31]. Последний тоже с определённой долей условности мог считаться петровской реликвией: он происходил из специального сервиза, который губернатор А.П. Волынский заказал к приезду царя в Астрахань. (Бокал был случайно разбит посетителем музея).

На первых порах территория старого порта вокруг «Петровского домика» была превращена в благоустроенный тенистый парк, место прогулок городского общества. Однако к началу XX в. всё было «запущено, пруды покрыты тиной, полусгнившие заброшенные

---

[27] Ни о каких петровских реликвиях не упоминается в описании Астрахани второй половины XVIII в. См.: О нынешнем состоянии города Астрахани // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. На 1785 год. СПб., 1791. Ч. VII. С. 1–32.

[28] *Штылько А.Н.* Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896. С. 83.

[29] *Чернецовы Г.Г. и Н.Г.* Путешествие по Волге. М., 1970. С. 151.

[30] *Штылько А.Н.* Астраханская летопись. Астрахань, 1897. С. 57.

[31] В ризнице Успенского собора Астраханского кремля хранился серебряный ковш, пожалованный Петром I астраханскому стрельцу Ивану Фёдорову за успешную питейную продажу. Ковш был изъят из ризницы в 1922 г.

аллеи поредели»[32]. Сам «домик» тоже находился в плачевном состоянии, экспонаты плохо охранялись и расхищались. Непоправимый удар по музею был нанесён в революционном 1919 г.: 10 марта советской властью был расстрелян митинг рабочих-судостроителей, протестовавших против тяжёлого материального положения. Безоружные рабочие ворвались в музей и стали вооружаться старинным оружием и расхищать оставшиеся там экспонаты. Все вещи из музея пропали. Домик разобрали в 1928–1929 гг.[33] От ценных астраханских реликвий до нашего времени сохранилась лишь резная доска, украшавшая когда-то царскую яхту. Впрочем, резные украшения экспонируемой доски совсем не похожи на глубокую барочную резьбу, которая видна на старых фотографиях яхты. Эта доска, а также обрубок старого дуба, якобы посаженного царём, экспонируются сегодня в Астраханском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Основанный в 1698 г. город Петровск (ныне — районный центр Саратовской области) также гордился своими реликвиями, связанными с царём-преобразователем. В Петропавловском соборе города на Медведице хранились семь знамён, алебарда и бердыш, а также дьяконский стихарь и евангелие — все эти вещи предание связывало с основателем города Петром I[34]. Одно из ранних описаний реликвий дано в очерке известного историка Н.И. Костомарова: «Знамёна на деревянных древках, полотняные, три из них почти совершенно сотлели, так что на древках висят теперь небольшие обрывки. Другие несколько целее, хотя тоже повреждены временем, и по сохранившимся остаткам невозможно судить о том состоянии, в каком они находились, когда были целы, с малейшими подробностями. Кажется, они все были белого цвета со вшивками других цветов — трудно теперь различить, каких именно. Они окаймлены широкими узорами из треугольников, обращённых в про-

[32] *Валуева (Мунт) А.П.* По великой русской реке: Очерки и картины Поволжья. СПб., 1903. С. 251.

[33] *Кугрышева Э.В.* Петровские реликвии // Астрахань: Город и будущее. Астрахань, 2003. С. 230.

[34] Первое описание реликвий было опубликовано А.Ф. Леопольдовым. Притом лишь он упоминает «диаконский стихарь, шёлковый малинового цвета, оставленный будто Государем жителям на память; на нём приложена печать с сими словами: Великого Государя и Великого Князя печать». *Леопольдов А.Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. Ч. 2. С. 90. Уже в книге «Исторический очерк Саратовского края» (М., 1848. С. 60) Леопольдов писал об утрате стихаря, «вероятно, изношенного».

тивные стороны. На одном знамени вшивка красного цвета с осмиугольным крестом и двумя звёздочками. На прочих не видно крестов, а только находятся по одной или по две звездочки». По словам Костомарова, реликвии долгое время хранились в сыром чулане и только примерно с 1820-х гг. их стали беречь. «Бердыш в человеческий рост, с широким лезвием, кверху суженным и загнутым назад; алебарда очень высока (саженя полтора или около того) с полумесяцем, обращённым выемкою наружу. Когда и как и по какому случаю положены здесь эти вещи, письменных актов нет. Предание говорит, что их оставил здесь Пётр Великий, когда возвращался из Персидского похода»[35]. В статье П.Л. Юдина 1903 г. также давалось подробное описание реликвий: «Семь знамён в местном Петропавловском соборе, сделанные из разноцветных кусков льняной, довольно толстой материи белого и голубого, а у иных — красного и кофейного цвета. По четырём углам с обеих сторон их были нашиты холщовые звёздочки. Из холста же посредине каждого знамени — осьмиконечный крест. Древки — простые, не окрашенные и даже не совсем округлённые, в руку толщины, длиной 4 с половиной арш.; потом алебарда, представляющая собой длинный обоюдоострый нож, в основании его с одной стороны железный острый рог, а с другой — полукруглое лезвие, в виде полуциркуля, — насаженное на 3 с половиной арш. длины палку, толщиной в руку; и бердыш — из простого железа с двухаршинною вязового дерева рукоятью». Юдин полагал, что «вещи эти были присланы Петром при самом основании города»[36].

Однако Пётр I в Петровске не бывал, а оружие и знамена, вероятно, относившиеся к началу XVIII в., сохранились в арсенале Петровского «кремля». В «Росписном списке» воеводы М. Струйского 1751 г. упоминается много старинного «ветхого», «негодного» ору-

---

[35] *Костомаров Н.И.* Петровск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. С. 26–27. Более раннее описание петровских реликвий (1856) оставил протоиерей Г.И. Чернышевский (отец Н.Г. Чернышевского): «Города Петровска в соборном Петропавловском храме хранятся семь полотняных воинских изветшавших уже знамён, одна алебарда и один бердыш. Когда, кем, и по чьему повелению внесены они в церковь, документов нет. Современные сказания относят сие событие ко временам Государя Императора Петра Великого». – Протоиерей Гавриил Чернышевский. Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии // Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 38. С. 265.

[36] *Мезин С.А.* Сочинение П.Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье». С. 338.

жия, между прочим, и «алебарда одна»[37]. С большой долей вероятности можно утверждать, что в 1820-е гг., когда эти старинные вещи стали «беречь», они обросли легендами и превратились в «петровские реликвии». Старинная запись в церковной книге Петропавловского собора Петровска гласила: «в сём соборе, касательно поступления в оный таковых вещей, никаких документов и удостоверений письменных не имеется, а только по преданиям потомственные жители удостоверяют, что сии вещи точно со времени Петра Великого сохраняются»[38]. В 1872 г. оружие и знамёна отправили в Москву на Всероссийскую политехническую выставку, приуроченную к празднованию 200-летия со дня рождения Петра I. Затем реликвии передали в Артиллерийский музей в Петербурге (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи). В Петровск эти предметы не вернулись, несмотря на хлопоты местных властей[39].

Их дальнейшую судьбу помогает прояснить справка, подготовленная старшим научным сотрудником Военно-исторического музея артиллерии А.Р. Кругловой по запросу Саратовского областного музея краеведения. Происходившие из Петровска знамёна и оружие благополучно пережили эвакуацию музея в 1917–1918 гг. в Ярославль, однако в период между 1932 и 1936 гг. при переходе на новую форму учёта алебарда была утрачена, а бердыш и сегодня находится в музее в составе Отечественного оружейного фонда (инв. № 124/41). В книге учёта советского времени он описан так: «Бердыш русский XVI–XVII столетия, железный. Топор гладкий, вверх уширен и загнут назад. Покрыт раковинами. Косичка имеет кольцо. Бух приклёпан. Ратовище необделанное, без подтока». Что касается знамён, то они были переданы в 1948 г. в Эрмитаж. Остаётся надеяться, что выход в свет книги Г.В. Вилинбахова «Знамёна петровского времени» сможет пролить свет на современное состояние знамён из Петровска.

В Петровском краеведческом музее сохранилось печатное Евангелие конца XVII в., также происходящее из городского Петропавловского собора. Прежде Евангелие имело на верхней

---

[37] История Саратовского края, 1590–1917: Хрестоматия. Саратов, 1983. С. 23.

[38] *Щеглов С.А.* Судьба реликвий императора Петра I, хранившихся до 1872 года в соборной церкви города Петровска // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. 1910. Вып. 26. С. 250.

[39] Там же. С. 247–251.

крышке медный оклад. По углам медной пластины были закреплены серебряные накладки с изображением евангелистов. На средней накладке имелось чеканное распятие Иисуса Христа. Появление этой богослужебной книги в Петровске всегда связывали с Петром I и со старинным обычаем при основании города присылать в его главную церковь Евангелие, а иногда и другую церковную утварь, от правительства[40]. Об этом свидетельствует надпись, сделанная на 13 первых листах книги. К сожалению, в настоящее время книга сильно обветшала, и надпись на первых трёх листах утрачена. В Государственном архиве Саратовской области сохранилась копия с неё, снятая в 1830-е гг.[41] Правда, и тогда первые листы были ветхими, была уже утрачена одна строка. Надпись сделана аккуратным почерком, похожим на скоропись рубежа XVII–XVIII вв.: «207-го [1699. — *С.М.*] августа в <...>[42] д[ень[<...>[43] царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца дана сия книга святое Евангелие ис казны великого государя приказу Казанского дворца в новопостроенои город Петровскои в соборную церковь святых верховных апостолов Петра и Павла». Присылка Евангелия в Петровск в 1699 г. вполне вероятна, ибо к этому времени могли закончить постройку первой городской церкви. Но какую-либо личную причастность царя к посылке Евангелия сохранившаяся надпись не подтверждает.

Вывод, который можно сделать, рассматривая историю петровских реликвий в городах Поволжья, сводится к констатации начала их существования *в качестве реликвий* в первой половине XIX в., в период, когда зарождается провинциальная историография, а с другой стороны, с новой силой насаждается официальный культ Петра I в николаевской России. 200-летний юбилей Петра I способствовал возрастанию общественного интереса к его мемориальным вещам и их частичной музеефикации, что, однако, не избавило описанные и оцененные специалистами реликвии от значительных утрат в годы социальных катаклизмов в России XX в.

---

[40] *Костомаров Н.И.* Петровск. С. 27.

[41] ГАСО. Ф. 12 (Саратовская духовная семинария). Оп. 1. № 506 (а). Л. 17.

[42] Угол первого листа и с ним половина цифры были оторваны. Сохранившаяся часть кириллического обозначения цифры, позволяет предположить, что речь шла о 5 или 9 числе.

[43] Нижний край второго листа отсутствовал уже в первой половине XIX в., но здесь, вероятно, было написано «по указу».

Парадоксальным образом несомненные петровские реликвии (астраханские) были утрачены, а те, подлинность которых вызывает сомнение (царицынские), получили наибольшую известность. Подлинные предметы из города Петровска, условно связанные с первым императором, требуют дальнейшего изучения и разыскания.

Е.С. Щукина (Санкт-Петербург)

Памятники первых лет истории Петербурга в собрании медалей Государственного Эрмитажа

Появление медали в России на рубеже XVII–XVIII вв. связано не только с осознанием её как ценного исторического памятника, но и с началом чеканки крупной монеты европейского образца на Монетном дворе в Кадашёвской слободе Москвы. Здесь с 1701 г. русские мастера, осваивали новое для них художество-ремесло, а вместе с ними трудились медальеры, приглашённые из Европы.

Сознавая немаловажную роль медалей в пропаганде новых идей, Пётр I неоднократно отдавал личные распоряжения о создании медалей в память значительных событий, в первую очередь связанных с Северной войной. Вполне естественно, что тема вновь созданного города — Петербурга заняла среди них заметное место.

Большинство отечественных медалей первой четверти XVIII в. были наградами участникам победоносных сражений. Так, взятие Шлиссельбурга в октябре 1702 г. отмечено золотой офицерской медалью с портретом молодого Петра на лицевой стороне и сценой бомбардировки Шлиссельбурга, восходящей к гравюре А. Шхонебека. Большая памятная медаль на то же событие принадлежит резцу первого русского медальера Фёдора Алексеева. Знаменательна легенда оборотных сторон медалей, отсылающая к истории древнего Орешка — «Был у неприятеля 90 лет»[1].

[1] Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.; М., 1966. № 810; *Спасский И., Щукина Е.* Медали и монеты петровского времени: Альбом. Л., 1974. № 18.

Первые годы существования Петербурга связаны с неоднократными попытками Швеции возвратить себе территории, завоёванные русскими войсками. В водах залива постоянно крейсировали шведские суда, и одна из медалей связана со смелым тактическим приёмом пленения шнявы «Астрильд» и бота «Гедан», оказавшихся на мелководье в устье Невы в мае 1703 г. Посадив в шлюпки пехотинцев, Пётр I и А.Д. Меншиков взяли корабли на абордаж и успешно завершили операцию. В Эрмитажном собрании хранится два экземпляра золотой медали работы Ф. Алексеева — награды для участников сражения (Илл. 1) со знаменательной надписью «Небываемое бывает», почерпнутой из письма Петра Ф.М. Апраксину[2].

Этому соратнику Петра I посвящена медаль, датированная 1708 г. и посвящённая возглавленной им успешной контратаке против шведов, пытавшихся с моря и суши захватить Петербург. Она исполнена французским медальером Соломоном Гуэном и саксонским мастером Георгом Хауптом, работавшими на Кадашёвском монетном дворе немногим более десятилетия в начале XVIII в. Замечательна надпись оборотной стороны медали «Храняй сие не спит лучше смерть а не неверность»[3].

После Полтавы, победоносных сражений 1710 г. и завоевания всей Лифляндии становится очевидным исход всей кампании. О стремлении Петра оповестить Европу о победах русского оружия свидетельствует поручение, данное им в конце 1712 г. находившемуся в Германии Я.В. Брюсу заказать серию медалей на эти события. В Аугсбурге, в мастерской знаменитого немецкого медальера Ф.Г. Мюллера (1654–1719) в течение 1713–1714 гг. были созданы штемпели для чеканки 26 медалей. В конце 1715 г. штемпели были перевезены в Москву, и с начала следующего года началась чеканка медалей из золота и серебра. Уже в 1716–1717 гг., находясь за границей, Пётр щедро раздавал медали серии сопровождавшим его лицам[4].

Мюллер создал три варианта репрезентативного портрета царя для лицевых сторон медалей. В окружающей портрет латинской надписи Пётр I назван императором — так переведено слово «самодержец»[5]. Композиции оборотных сторон насыщены элементами

---

[2] Памятники русской культуры № 823.

[3] *Спасский И., Щукина Е.* Медали и монеты петровского времени. № 37.

[4] *Щукина Е.* Серия медалей Ф.Г. Мюллера на события Северной войны в собрании Эрмитажа. СПб., 2006. С. 16–22.

[5] Там же. С. 18.

иносказаний, реалии (планы и виды крепостей и городов) дополнены фигурами античных богов.

Серия Мюллера имела явную внешнеполитическую направленность, и для надписей медалей использована латынь — язык международного общения Европы. Легенды оборотных сторон чаще всего являются цитатами из древних авторов — Овидия, Вергилия и других. Нередко надписи содержали хронограмму — выделенные крупным планом литеры, обозначающие цифры, при сложении составляли дату. Для усиления эмоционального воздействия использованы дополнительные надписи, нанесённые на гурт — боковое ребро медального кружка.

Первая петербургская медаль серии посвящена взятию Шлиссельбурга в 1702 г. (Илл. 2)[6]. Основой изображения её оборотной стороны является копия гравюры А. Шхонебека, а на первом плане возлежит Нептун с ключом в руке, знаменующим новое название «Ключ-город». Сверху надпись «Нотебург — ныне Шлиссельбург». В эрмитажном собрании два золотых экземпляра шлиссельбургской медали, четыре серебряных и один оловянный.

Вторая петербургская медаль серии посвящена взятию Ниеншанца — шведской крепости, расположенной при впадении в Неву реки Охты. Надписи оборотной стороны «Так уступают сильным. Ниеншанц взят и разрушен 14 мая старого стиля» обрамляют план с течением Невы и крепостью. У края справа фигура воина с ключом и копьём (Илл. 3)[7]. В собрании Эрмитажа три золотых, три серебряных и два оловянных экземпляра этой медали. Известно, что первоначально предполагалось начать строительство Петербурга на территории Ниеншанца, однако от этого намерения отказались «понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры». В наши дни, как известно, территория Ниеншанца стала яблоком раздора при намерении воздвигнуть там огромное высотное здание для «Газпрома».

Особую историю имеет медаль в память основания Петербурга. Её первоначальный дизайн был нарушен во время чеканки серии в Москве. Как свидетельствует нюрнбергское издание 1716 г., лицевой стороной её должна была служить композиция с фигурами Минервы и Меркурия, поддерживающими овальный медальон с портретом Петра, а оборотной — изображение колесницы Нептуна с латинской легендой «Се трезубец, Финляндия! Плавание на Бал-

[6] Там же. Кат. № 1.

[7] Там же. Кат. № 8.

тике установлено» (Илл. 4)[8]. Однако при чеканке медалей в Москве штемпели каждой из сторон сопрягалась с портретным штемпелем, отчего получилось два сюжета: основание Петербурга и установление плавания на Балтике[9]. Петербургская медаль — особенный раритет. При том, что Эрмитаж располагает несколькими комплектами серии в золоте, серебре и олове — 186 экземпляров, медалей этого сюжета всего две — серебряная и оловянная. Как один из важнейших памятников петербургские медали чаще всего служили дипломатическими подарками.

С точки зрения художественного воплощения темы петербургская медаль отличается насыщенностью реального и аллегорического планов. Минерва, касающаяся левой рукой портрета Петра, правой держит модель Кроншлота — крепости на подступах к Петербургу. Под ногами богини и Меркурия намечены изображения первых построек города. Особенно рельефно выделен аксонометрический план Петропавловской крепости. Последний смысловой акцент дают надписи: сверху «Основывает сии крепкие стены (с хронограммой 1703) Петербург крепость и гавань».

Медаль в память строительства Кроншлота — морского форта в южной части Финского залива — также претерпела изменения в ходе чеканки. На лицевой стороне её помещено изображение крепости в сопровождении неточной латинской цитаты из Вергилия, означающей: «Сама Паллада защищает крепость ею основанную». В обрезе — нижнем сегменте медального кружка надпись: «Кроншлот среди зимы российским императором построен» (Илл. 5). Она раскрывает исключительные условия строительства крепости, которое началось в феврале 1704 г. Для фундамента использовали крупные валуны, которые спускали на дно под лёд в специальных деревянных клетях. На гурте — боковом ребре одной из медалей — знаменательная цитата из Проперция: «На море стала громада, побеждай на море, земля уж твоя». На обороте, на фоне широкого морского простора изображена Минерва, опирающаяся на копьё. Перед ней на волнах гнездо зимородка, сверху цитата из Метаморфоз Овидия «На море путь безопасен, когда Альциона в гнезде своём», отсылающая к античному мифу. Узнав о гибели мужа Кеика, царица Альциона бросилась в море. Боги превратили её в птицу — зимородка,

[8] *Negelem I.* Thesaurus numismatum modernorum huius seculi sivi numismata mnemonica et iconica duibus praecipivi eventus et res gestae ab anno 1700. Noribergae, 1716. S. 1035.

[9] Памятники русской культуры первой четверти XVIII века. № 827, 829.

который предсказывал благоприятную для моряков погоду. В обрезе надпись «Безопасность Балтийского моря»[10].

Подобно случаю с петербургской медалью, штемпели обеих сторон кронштадтской медали сочетались с портретными, и в первом случае сюжет назывался «Строительство Кронштлота», во втором — «Безопасность плавания на Балтике». Новый город, волею царя ставший столицей, постепенно становится известным далеко за пределами России. Стремясь войти в число правящих домов Европы, Пётр в 1711 г. женил сына на принцессе Брауншвейг-Люнебурга Шарлотте Софии, которая стала жертвой династической политики. Безрадостная жизнь в чужой стране, равнодушие и неприязнь мужа, постоянная необходимость выпрашивать средства на содержание семьи и двора подкосили здоровье молодой женщины и, родив сына (будущего императора Петра II), она скончалась в возрасте 22-х лет.

На оборотной стороне медали 1715 г., выпущенной на её родине и посвященной её смерти (Илл. 6), помещён условный городской вид на низменном побережье с малоразличимыми строениями, среди которых видны контуры Петропавловской крепости[11].

Наконец, последний раз среди медалей петровского времени образ Петербурга воспроизведён на медалях, отмечающих Ништадский мир 1721 г. Длившуюся двадцать один год Северную войну современники сравнивали с потопом. Не случайно на лицевых сторонах ништадских медалей было помещено изображение Ноева ковчега и летящего над ним голубя с масличной ветвью в клюве. На втором плане силуэты двух городов с надписями под ними СТ.ПЕТЕРБУРХ и СТОКГОЛЬМ. В знак мира они соединены радугой и надписью «Союзом мира связуемы». Оборотная сторона решена чисто эпиграфически и является панегириком Петру: «Великому, благоверному, счастливому государю Петру I именем и делами великому российскому императору и отцу по двадесятолетних триумфов север умирившему сия из злата (или серебра) домашнего медалия усерднейше приносится». Медаль повествует о нескольких событиях — победоносном завершении войны, перенесении столицы России в Петербург, преподнесении Сенатом Петру I титула императора и отца отечества, а также извещает об открытии отечественных месторождений драгоценных металлов[12].

---

[10] Там же. № 831.

[11] *Brockman G.* Die Medaillen der Welfen. Band I. Linie Wolfenbüttel. Köln, 1985. № 443.

[12] *Спасский И., Щукина Е.* Медали и монеты петровского времени. № 55.

Крупные (диаметром 60 мм) золотые и серебряные медали были преподнесены сановникам и военачальникам, медали 40–30 мм — офицерам-участникам сражений, солдатам — серебряные медали размером и весом в рублевик[13]. Иностранные дипломаты получили медали с латинскими легендами, такие же медали рассылали к иностранным дворам вплоть до Ватикана.

Медали, посвящённые Петербургу, всегда вызывали большой интерес историков и коллекционеров. Экземпляры начала XVIII в. по мере износа оригинальных штемпелей многократно копировались и повторялись медальерами последующих поколений, и Петербург времени его основателя занял важное место в медальной истории России.

[13] Там же. № 56–59.

Е.А. Андреева (Санкт-Петербург)

Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге

Преобразования Петра Великого направили вектор развития России в сторону Европы во всех сферах — от государственного устройства до внешнего облика людей и их бытовой жизни, расширив традиционное эстетическое восприятие.

Последующие 300 лет оставили не так уж много архитектурных памятников петровской эпохи. В этой связи уникален дошедший до наших дней дворец ближайшего сподвижника Петра I Александра Даниловича Меншикова в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, сохранивший, помимо архитектурного облика, подлинные интерьеры 1710–1720-х гг. Четыре из них («Спальня Меншикова», «Предспальня», «Кабинет из прихожей» и «Варварин покой») декорированы голландской расписной фаянсовой плиткой — новым для того времени приёмом оформления жилища.

Первые подобные плитки в Нидерландах появились во второй половине XVI в. в провинции Голландия. В 1580–1610-х гг. плиточное производство открылось в Роттердаме (основной центр), Харлеме, Амстердаме, Дельфте и Гауде. Вначале интерьеры своих домов стали отделывать плитками горожане, затем — зажиточные фермеры[1]. Со второй половины XVII в. мода на подобное отделочное решение распространилась из Нидерландов в Германию, Англию, Францию, Испанию, Португалию, Швецию, Польшу и другие страны, причём голландскими плитками украшались не только дома

[1] *Дам Я.Д. ванн.* Голландские изразцы // Пинакотека: Журнал для знатоков и любителей искусства. № 24–25. М., 2007. С. 80.

обывателей, но и королевские дворцы и дворцы знати. Например, Фарфоровый Трианон, выполненный для Людовика XIV Франсуа д'Обреем по проекту Луи Лево в 1670–1672 гг., где плитками облицованы наружные стены и крыша; «Дельфтский кабинет» в Хемптон Корте, созданный для Вильгельма Оранского по проекту Даниэля Маро в 1695 г.; плитковая столовая во дворце «Фаворит» в Раштате (1714). В 1710-е–1720-е гг. для Макса Эммануэля Баварского были отделаны плитками: в Пагоденбурге восьмиугольный чайный интерьер; в Баденбурге — дно и стены бассейна[2]. Плитками, сделанными в Харлингене в начале XVIII в., выложена Парадная лестница дворца Радзивиллов в Неборове (80 км от Варшавы), созданная М.К. Огинским в 1766–1768 гг.[3] Кроме того, 1725–1750 гг. датируется плитковый интерьер дворца Виланов (Варшава)[4].

В России мода на подобный декор была введена Петром I, увидевшим это отделочное решение в нидерландских домах во время путешествия в Европу в составе Великого посольства. Известно, что голландскими плитками были облицованы: в Летнем дворце — четыре помещения (Кабинет Петра I, Приёмная, Нижняя и Верхняя поварни); в Зимнем дворце[5] — одиннадцать (шесть помещений в так называемых Малых палатках[6] и пять дворцовых помещений); в Петергофе во дворце Монплезир — три помещения (Секретарская, Морской кабинет и Поварня), в павильоне Марли — Поварня. В другом меншиковском дворце — Ораниенбаумском — подобным образом были декорированы восемь интерьеров: восточная передняя, четыре палаты, кухня «малая» и два помещения, предназначавшихся для царя — спальня и «передняя палата» перед спальней[7]. Подлинное плитковое уб-

---

[2] *Дорофеева Л.П.* «Музей голландских плиток» во дворце А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / Под ред. Г.В. Вилинбахова, Н.П. Копаневой. СПб., 2003. Вып. 1. С. 115–116.

[3] http://www.nieborow.art.pl/article.php?id=93

[4] *Dam J.D. van, Tichelaar P.J.* Dutch tiles in the Philadelphia Museum of Art // Philadelphia Museum of Art Bulletin: Winter 1984. P. 30. Fig. 9.

[5] Речь идёт о Третьем Зимнем дворце, построенном в 1716–1723 гг. по проекту архитектора Г.И. Маттарнови.

[6] «Малые палатки» — флигель, построенный вдоль Зимней канавки, в котором находились личные покои Петра I.

[7] *Мицкевич Б.А.* Воссоздание художественной архитектурной керамики для реставрации памятников архитектуры начала XVIII века в Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. Вып. 1. С. 323; *Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов // Музей-2. Художественные собрания СССР. М., 1981. С. 67; *Михайлов Г.В.*

ранство сохранилось фрагментарно: в Летнем дворце, в Монплезире (где примерно из пяти тысяч плиток сохранилось около двух десятков) и Марли (в котором осталось пять плиток из двух тысяч)[8]; и полностью утрачено в Зимнем и Большом Ораниенбаумском дворцах[9]. Известно, что помимо царских резиденций и дворцов А.Д. Меншикова плитки были в петербургских домах Ф.М. Апраксина, Я.В. Брюса, П.П. Шафирова, но эти дома утрачены[10].

Для своих дворцов Меншиков заказывал плитки в Голландии через нидерландского купца К. Брантса или через русского посланника в Амстердаме князя Б.И. Куракина[11]. Согласно документам Домовой канцелярии А.Д. Меншикова, интерьеры Василеостровского дворца отделывались плитками с 1717 г., но основной массив работ был выполнен в 1719–1720 гг. Так, в 1719 г. Меншиков просил Брантса прислать к нему в Петербург 50 тысяч «хороших синих

Зимние дворцы Петра I: Исследования и научные реконструкции // Музей: Сб. статей и публикаций. М., 1988. Вып. 9. С. 237, 240; *Павлова М.А.* Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII – середины XIX века. Приложение № 2. Опись Большого Ораниенбаумского дворца 1728 года // Ораниенбаумские чтения. Вып. VI. СПб., 2006. С. 29. С. 190, 194; *Тарасова Н.И.* Зимний дворец Петра I. СПб., 2006. С. 21–22.

[8] В Летнем дворце плитковые панели Кабинета Петра I были частично восполнены переданными из Эрмитажа в 1957 г. 150-ю голландскими плитками первой четверти XVIII в. В 1964–1981 гг. в Летнем дворце, Монплезире и Марли было восстановлено недостающее плитковое убранство плитками, выполненными реставраторами под руководством Б.А. Мицкевича. (*Мицкевич Б.А.* Воссоздание художественной архитектурной керамики С. 322–324, 333–334; *Дорофеева Л.П.* К публикации статьи Б.А. Мицкевича (1925–1993) // Там же. С. 343). В последние годы в Петергофских дворцах сделанные реставраторами плитки были заменены приобретёнными в Нидерландах плитками первой четверти XVIII в. (консультация В.В. Знаменова).

[9] Голландские плитки, а в большинстве случаев их фрагменты, найдены при археологических работах на объектах. (*Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов. С. 66, 70).

[10] *Дорофеева Л.П.* 1) «Музей голландских плиток» С. 117–118; 2) Голландские плитки в интерьерах дворца А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Пинакотека. № 24–25. М., 2007. С. 70, 72.

[11] *Дорофеева Л.П.* 1) Расписные голландские плитки в петербургских дворцах в петровское время // Первоначальные строения Санкт-Петербурга (Итоги, исследования, открытия): Тезисы докладов Второй научн. конф. Летнего сада и Дворца-музея Петра I. СПб., 1999. С. 21; 2) «Музей голландских плиток» С. 117; 3) Голландские плитки в интерьерах дворца А.Д. Меншикова... С. 70.

плиток»[12]. В четырёх сохранившихся интерьерах дворца насчитывается более 24 тысяч плиток. Таким образом, планировалось оформить плитками примерно 8 помещений. За отделку плитковых помещений отвечал служитель двора Меншикова старый подьячий Иван Борисов и находившийся при нём подьячий Наум Вельямин. 1 августа 1720 г. Борисов отчитывался перед светлейшим князем: «Четыре полаты убранством плитками <...> в сих скорых числех в отделке будут»[13].

В тех случаях, когда заказанных из Нидерландов плиток для отделки того или другого помещения не хватало, Меншиков приобретал у царя плитки, заказанные им для своих дворцов. К примеру, в октябре 1717 г. И. Борисов, по распоряжению светлейшего князя, просит царского гоф-интенданта Петра Мошкова отпустить два ящика плиток, записав «на щот его светлости»[14]. Кроме того, как удалось установить, существовал «взаимозачётный» обмен плитками разного типа росписи[15] между царскими резиденциями и дворцами Меншикова. Так, в 1720 г. в меншиковский дворец из царского было взято несколько ящиков плиток, но в царский дворец «взаимно» не поставлено. И поэтому гоф-интендант Мошков в июне следующего года просит доставить в царский дворец означенные ящики плиток, «понеже есть в том нужда»[16].

Как уже отмечалось, во дворце на Васильевском острове сохранилось только четыре плитковых интерьера, а в 1719–1720 гг. отделывались плитками, по всей видимости, восемь. Так сколько же их было при Александре Даниловиче и как они выглядели? Ответы на эти вопросы могли бы дать описания дворца. Однако подобных документов в бытность там хозяина (то есть до 1727 г.) не сохранилось. Вероятно, за ненадобностью они не составлялись. Известная по публикации в Щукинском сборнике[17] краткая опись дворца 1732 г. лишь перечисляет помещения, отмечая, какие из них были отделаны плитками, но не даёт их описания. Вместе с тем, подробное описание интерьеров

---

[12] *Дорофеева Л.П.* 1) «Музей голландских плиток» С. 117; 2) Голландские плитки в интерьерах дворца А.Д. Меншикова... С. 72. (Ссылка Л.П. Дорофеевой на − РГАДА (Ф. 198. Оп. 1. Д. 219. Л. 281) — ошибочна).

[13] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 406. Л. 5. (Цит. также: *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 97).

[14] Архив СПбИИ РАН. Ф. 84 (Меншиковы). № 30. Л. 57 об.–58. (Цит. также: *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 97).

[15] О типах росписи см. ниже.

[16] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 779. Л. 10.

[17] Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова, в С.-Петербурге, 1732 года // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 137–141.

даёт недавно выявленная опись дворца 1735 г.[18], составленная через восемь лет после ссылки семьи Меншиковых и через три года после размещения во дворце Шляхетного кадетского корпуса.

Согласно этой описи, плитковых интерьеров во дворце было тринадцать, находились они на втором этаже дворца, в восточной части. Четыре из них относились к личным покоям самого Меншикова (из них сохранилось три), плитками была выложена также спальня свояченицы светлейшего князя Варвары Михайловны Арсеньевой (сохранилась), в четырёх находились детские покои, в одной располагалась кухня (утрачены). Назначение трёх оставшихся помещений пока не определено: одна «плитковая» находилась между спальней Арсеньевой, кухней и детскими, ещё две — на детской половине за детским залом (тоже утрачены).

В четырёх сохранившихся комнатах плитками отделаны все стены и потолок[19]. Такое же архитектурное решение было использовано ещё в двух несохранившихся плитковых помещениях (по всей видимости, в детских покоях), в остальных — плитками были облицованы только стены. В трёх помещениях керамическое покрытие стен плитками сочеталась с «литьём». Ещё в одной (вероятно, это утраченная парадная приёмная князя) отделка плитками сочеталась с панелями, а потолок украшала живопись по холсту (подобное отделочное решение потолка присутствует в ещё одном сохранившемся подлинном интерьере Меншиковского дворца — знаменитой Ореховой комнате).

Часть плитковых комнат отапливалась печами, облицованными в одной гамме с плитками, бело-синими расписными изразцами. Три печи с подобными изразцами первой четверти XVIII в. находятся во дворце по сей день. Ряд комнат обогревались каминами, обложенными голландскими плитками, или изготовленными путём чугунной отливки (ни один камин не сохранился, они были разобраны и заменены печами ещё в середине XVIII в.)[20]. В четырёх из тринадцати «плитковых» находились и печь, и камин. С бело-

---

[18] Хозяйственные описи резиденции А.Д. Меншикова в Петербурге (1732–1735 гг.) / Автор-сост. Е.А. Андреева. Приложение III. (В печати).

[19] Согласно выявленным Е.М. Баженовой документам, подобным образом были отделаны пять помещений Зимнего дворца, причём гвозди для прибивания плиток к потолку должен был сделать Б. Растрелли (*Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов. С. 68–69).

[20] Рукопись: *А.Н. Петров.* Материалы к научному обоснованию реставрационных работ по Меншиковскому дворцу. Ленинград, 1962. С. 25. – Архив Отдела «Дворец Меншикова» ГЭ.

синей гаммой плитковых интерьеров контрастировало красное сукно, которым были обиты двери семи помещений, в остальных двери были дубовые. В кухне плитками были облицованы только стены, здесь находились также кирпичные очаг и печь на железных ножках, а также шкаф, выполненный из сосны и ореха. В кухню вели две двери, одна из которых, как в большинстве интерьеров, была обита красным сукном, а вторая — дубовая со стеклянными вставками.

Необычно решение одной «плитковой», внутри которой находилась деревянная конторка. Стены конторки были «обиты полотном, а потолок подкрашен живописною работою». Несмотря на то что в «плитковой» был облицованный плитками и зеркалами камин, в конторке находился ещё один — «штукатурной работы». «Шахматного» рисунка пол был выполнен из берёзы и дуба. В конторку вели две дубовые двери. Вероятно, это была спальня одного из детей.

Судя по дошедшим до нашего времени плитковым интерьерам, для отделки дворца Меншикова использовалась квадратная плитка со стороной 5 дюймов (128–130 мм), толщина плитки — 8–10 мм[21]. Плитки выполнены в технике подглазурной росписи, которая наносилась вручную кобальтом (оттенки синего цвета), реже — марганцем (пурпурные оттенки) по непрозрачно-белой свинцовой глазури. Роспись каждой плитки имеет законченный сюжет. Сюжеты многократно повторяются, но ручная роспись придаёт каждой плитке индивидуальность. Установлено, что находящиеся в меншиковском дворце плитки были выполнены в мастерских Амстердама, Утрехта, Харлингена и Маккума[22].

На большинстве плиток присутствует художественное оформление углов, которое при соединении четырёх плиток с одним мотивом вместе создаёт новое графическое изображение, образуя свой особый рисунок. Выявлено четыре угловых мотива: 1) «Паук» («паучья голова» или «маленькая пчела»). Этот мотив стал наиболее

---

[21] Квадрат размером 5 дюймов самый распространённый размер и форма плитки со второй половины XVII в. до 1830-х гг. (*Pluis J.* De Nederlandse Tegel, decors en benamingen, 1570–1930 // The Dutch Tile, designs and names 1570–1930. Leiden, 1997. P. 57; *Broeke J. ten, Sabben A. van, Woudenberg R.* Antieke tegels / Antique tiles / Carreaux anciens. Ooststraat, 2000. P. 36).

[22] Города, в которых изготавливались плитки для дворца Меншикова, сообщены нидерландским специалистом Яном Плюйсом (*Дорофеева Л.П.* «Музей голландских плиток» С. 125, 130 (сноска 39).

частым на голландских плитках с середины XVII в., и во дворце «полудержавного властелина» он присутствует на подавляющем большинстве плиток. 2) «Голова быка» (был наиболее популярен в 1620–1650 гг.). 3) «Гвоздика» (появилась после 1700 г., под влиянием французских декоративных тенденций). 4) «Четвертная роза»[23].

Плитки на стенах и на плафонах каждого из помещений подобраны по композиционным типам заполнения плитки росписью и тематическим сериям сюжетов, на них изображённых, что превращает каждый интерьер в завершённую композицию. Таким образом, каждая плитка является художественным произведением, а каждый «плитковый» интерьер дворца Меншикова представляет собой уникальный художественный ансамбль.

Выделяется десять основных композиционных типов[24]. В приведённом ниже перечне типы росписи плиток расположены в последовательности, исходя из количества плиток того или иного типа, присутствующего в интерьерах дворца Меншикова. Поскольку подавляющее большинство плиток бело-синие (роспись кобальтом по белой основе), то в приведённом ниже перечне отмечены только расписанные марганцем и так называемые трёхцветные плитки (где в росписи присутствует и кобальт, и марганец).

I тип. Заполнение плитки росписью композиционно приближается к треугольнику или прямоугольнику. Эти плитки, составленные в ряды, создают чередующиеся горизонтальные бело-синие полосы. Первый тип составляет более 50% от общего количества плиток и присутствует в основном отделочном решении стен и плафонов «Предспальни», «Кабинета из прихожей», «Варвариного покоя» и плафона «Спальни Меншикова». Первый композиционный тип росписи представлен следующими сюжетными сериями: а) пасторальные сцены («Пастух» и «Пастушка»)[25]; б) ландшафты;

---

[23] *Pluis J.* De Nederlandse Tegel P. 535–571; *Dam J.D. van, Tichelaar P.J.* Dutch tiles in the Philadelphia Museum of Art. P. 174–177; *Klein F.A.* Tegel-ABC: Tile tales. Amsterdam, 2006.

[24] Начало научному изучению плитковых интерьеров Дворца Меншикова было положено Л.П. Дорофеевой, выделившей восемь композиционных типов и основные сюжетные серии. Вместе с тем, Л.П. Дорофеева не ставила своей задачей показать сюжетную вариативность внутри одного типа, дать количественное соотношение плиток того или иного типа, выявить и сопоставить с композиционными типами варианты угловых мотивов. (*Дорофеева Л.П.* «Музей голландских плиток» С. 122–124).

[25] Подробнее о пасторальных сценах см.: *Dam J.D. van, Tichelaar P.J.* Dutch tiles in the Philadelphia Museum of Art. P. 111–113.

в) «Обитатели моря» (150 плиток, составленных в восемь панно плафона «Варвариного покоя»)[26]. На каждой плитке этой серии изображено по одному морскому существу на волнах: кит, дельфин, но в большинстве случаев это вымышленное животное: дельфино-кит (иногда с фонтаном воды), рыба-меч с изогнутым хвостом[27], летучая рыба (Exocoetida), морской окунь, мифологические морские человекоподобные существа, три плитки с изображением моржа (причём на одной — плод фантазии мастера — изображение моржа с причудливо завитым рыбьим хвостом) [28] и одна — гиппокампа (морского коня). Мотив углов плиток у всех сюжетных серий этого типа — «паук».

II тип — «Малый круг». Изображение заключено в медальон диаметром 10,5 см. Плитками этого типа заполняли поверхность стены, или они использовались как обрамление плиток другого типа. Сюжетные серии, присутствующие в этом типе: а) архитектурные ландшафты; б) пасторальные сцены («Пастух», «Пастушка»); в) морские пейзажи с небольшим парусным судном на первом плане. Плитками этого типа облицованы поверхность стен Спальни Меншикова, а также панели и постаменты пилястр в «Варварином покое»; выполнено вертикальное и горизонтальное обрамление панно из плиток первого типа в Предспальне. Мотив углов плиток у всех сюжетных серий этого типа — «паук».

III тип — «Большой круг». Изображение заключено в большой медальон диаметром 12,6 см. На плитках этого типа почти вся поверхность заполнена росписью. Расположенные вместе, такие плитки дают ровный синий тон. Обычно этот тип использовался для оформления архитектурных деталей в интерьере: десюдепортов, пилястр, панно, филёнок.

Выделяются следующие сюжетные серии: а) ландшафты[29]; б) известные сюжеты из Ветхого и Нового Заветов («Изгнание из Рая

---

[26] *Дорофеева Л.П.* 1) Сюжетные серии расписных голландских плиток начала XVIII века // Русское просветительство конца XVII–XVIII веков в контексте европейской культуры: Тезисы докладов научн. конф. СПб., 1997. С. 20; 2) «Музей голландских плиток» С. 123.

[27] Идентичные изображения см.: *Dam J.D. van, Tichelaar P.J.* Dutch tiles in the Philadelphia Museum of Art. P. 149. № 190/A,B,C.

[28] Подобное изображение см.: *Dam J.D. van, Tichelaar P.J.* Dutch tiles in the Philadelphia Museum of Art. P. 149. № 190/D.

[29] Судя по сохранившимся плиткам и фрагментам плиток, вписанные в «большой круг» ландшафты украшали интерьеры Зимнего и Ораниенбаумского дворцов (*Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов. С. 67).

Адама и Евы», «Жертвоприношение Авраама», «Благовещение», «Рождество», «Преображение» и другие); в) мифологические сюжеты, например, «Аполлон и Дафна», известный по «Метаморфозам» Овидия; г) изображение на волнах корабля голландского флота (флейта, шнявы или бота) или парусного рыболовного судна; г) пасторальные сцены: «Пастух», «Пастушка», «Пастух и пастушка», а также сцены из пасторального романа нидерландского поэта П.К. Хофта «Гранида»[30]. Мотивы углового оформления — «голова быка» или «гвоздика».

Плитки этого композиционного типа, как и следующих трёх (IV–VII типов), представлены только в «Варварином покое».

IV тип. Вертикальные фигуры, занимающие всю высоту плитки. Расположенные вместе, плитки этого типа визуально создают последовательное чередование белых и синих вертикальных полос. Выделяются следующие сюжетные серии: а) стоящая спиной фигура; б) фигуры, стоящие в профиль (мужские и женские) с различными предметами в руках (и даже на голове); в) военные (мушкетёр, воин с пикой, барабанщик и т.д.); г) фигура в фас — женщина несущая на коромысле вёдра (одна плитка); д) человек в шляпе сидящий на ящике. Оформление углов — «паук» или «голова быка».

V тип. Изображение размещено по диагонали. Этот тип представлен одним сюжетом — всадники (мушкетёры или рыцари на вздыбленных или несущихся конях). Мотивы оформления углов — «паук» или «голова быка»[31].

VI тип. Небольшое одиночное изображение по центру плитки. Расположенные вместе плитки этого типа создают фактически белый фон стены. Обычно изображались: а) ландшафты — с деревом, домом, башней, мельницей или фигуркой человека (рыбака) в центре; б) предметы быта — подсвечник, кувшин, горшок, котелок, корзина, керамическая чашка с росписью, детская люлька, детские игрушки, ножницы, песочные часы, ступка, деревянная кадка, щётка, совок, скамейка, стул, утюг, металлическая грелка для кровати, китайская фарфоровая расписная ваза с крышкой и т.д.; в) купидон («играющий Амур»); г) играющие дети; д) птицы; е) цветок. На

[30] *Дорофеева Л.П.* 1) Сюжетные серии расписных голландских плиток С. 20–21; 2) «Музей голландских плиток» С. 124; 3) Голландские плитки в интерьерах дворца А.Д. Меншикова... С. 73–74.

[31] Подобные плитки см.: Нидерландский музей плиток (Nederlands Tegelmuseum). Коллекция непромышленной плитки (Nederlandse niet-industrille tegels). № 0229–08631, 0229–08700, 0229–10276 (http://www.collectiegelderland.nl/musea/nederlandstegelmuseum).

большинстве плиток этого типа углы не оформлены, однако на нескольких присутствует угловой мотив «паук»[32].

VII тип. Выполненные марганцем орнаментальные композиции, заполняющие всю плитку[33]. В отличие от типовой росписи плитки, когда фон плитки белый, а роспись синяя или пурпурная, здесь фон сделан пурпурным, а орнаментальное переплетение листьев и сидящая внутри этих листьев птица — белые, прожилки листьев и оперение птицы показано пурпурными штрихами. Оформлен только правый нижний угол — «четвертная роза»[34].

VIII тип. Трёхцветная роспись плитки: орнаментальная композиция, заключенная в ромб, выполнена марганцем, углы плитки расписаны кобальтом. Здесь угловой мотив, в отличие от других типов, занимает значительную часть плитки. Как и в VII типе, марганцем сделан фон, орнаментальная композиция — белая основа, с выписанными пурпурными линиями элементами. Плитки этого композиционного типа используются для обрамления панно из плиток **I типа** элементов плафона в Кабинете из прихожей, и одна плитка является центром плафона Предспальни.

IX тип — «Роза на стебле». Роспись выполнена марганцем. Бутон изображён по центру плитки, стебель с двумя листьями, уходит в один из углов плитки. Четыре плитки, расположенные вместе в виде квадрата таким образом, чтобы стебли сходились в его центр, создают Х-образный рисунок на стене[35]. Этот тип плиток не имеет оформления углов. Подобные плитки представлены только в филёнках на горизонтальных панелях в «Спальне Меншикова».

---

[32] Подобные плитки см.: Нидерландский музей плиток (Nederlands Tegelmuseum). Коллекция непромышленной плитки (Nederlandse niet-industrille tegels). № 0229−10061.1−2, 0229−08656 (http://www.collectiegelderland.nl/musea/nederlandstegelmuseum).

[33] Известно, что плитки этого типа были специально заказаны в Голландии в конце XIX в. при реставрационных работах во дворце. Вместе с тем, все плитки заказывались по образцам старых, а значит, плитки этого типа украшали дворец при Меншикове, поэтому мы включили их в типологизацию.

[34] Плитки этого типа выстроены в ряд и образуют условные панели, отделяя панно из плиток I типа и панно из плиток II типа. Но, поскольку эта отделка была выполнена при реставрационных работах в конце XIX в., остаётся неизвестным, как располагались плитки этого типа во дворце при А.Д. Меншикове.

[35] См. об этом также: *Дорофеева Л.П.* Голландские плитки в интерьерах дворца А.Д. Меншикова... С. 75.

X тип. Трёхцветная роспись плитки. Изображение заключено в восьмиугольную рамку в виде пурпурной заливки. По центру и в углах — роспись кобальтом, практически всё пространство плитки заполнено росписью. Сюжет — архитектурный ландшафт, «пастух». Углы — «гвоздика». Всего шесть плиток этого типа находится в плафоне «Кабинета из прихожей». Подобные плитки с изображением архитектурного ландшафта и оформлением углов «гвоздиками» или «остриём копья» украшали и царский Зимний дворец[36].

Отделка помещений дворца Меншикова расписными фаянсовыми плитками могла быть данью моде, которую внедрял Пётр I. Но, скорее всего, она отображала самого хозяина дворца, поскольку, как показывает опись, на половине светлейшей княгини Д.М. Меншиковой «плитковых» интерьеров не было.

Таким образом, сохранившиеся «плитковые» интерьеры дворца Меншикова на Васильевском острове являются единственным в своём роде памятником петровской эпохи. Декор этих комнат уникален ещё и тем, что здесь плитками выложены все стены и потолок. Подобное отделочное решение в самих Нидерландах не выявлено. Из сохранившихся памятников целиком облицованы только стены и потолок Парадной лестницы дворца Радзивиллов в польском Неборове[37].

[36] *Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов. С. 68.

[37] См.: *Dam J.D. van, Tichelaar P.J.* Dutch tiles in the Philadelphia Museum of Art. P. 162–163.

П.П. Вибе, Т.М. Назарцева, Ю.В. Трофимов (Омск)

Реликвии петровской эпохи в коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея

Омский государственный историко-краеведческий музей основан в 1878 г. при Западно-Сибирском отделе Императорского Русского Географического общества. Его фонды насчитывают более 200 тыс. единиц хранения. Среди этого многообразия музейных предметов встречаются памятники, относящиеся к петровской эпохе или отражающие её. Ниже мы приводим информацию о некоторых из них.

1. Знамя Сибирского казачьего войска. Мастерские Оружейной палаты, Москва. 1690 г.

Знамя 1690 г. — уникальный исторический и художественный памятник России, произведение мастеров Оружейной палаты, единственный сохранившийся в нашей стране образец серии ранних петровских знамён.

Знамя представляет собой полотнище тонкого шёлка площадью 7,54 м[1]. Основную часть занимает герб Государства Российского со скипетром и державой. В самом центре находится изображение Богоматери Знамение. На крыльях орла в десяти медальонах расположены образы святых: пророка Иоанна Предтечи, апостола Петра, Климента папы Римского, святителей Алексия, Петра, Ионы, Филиппа — митрополитов Московских, Николая Мирликийского Чудотворца, преподобных Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского.

[1] Стрелецкое знамя 1690 года из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея / Составитель и ответственный редактор А.В. Силкин. М., 2004. С. 14, 31.

В центре нижней каймы знамени имеется надпись: «Лета 7198 июня в 29 день по указу Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев построено».

Устное предание связывает историю этого знамени с тем, что в конце XVII в. в Сибирь отправились несколько стрелецких полков последнего формирования перед военными преобразованиями Петра Великого. И с одним из них, под командованием полковника Колобова, стало охранять восточные рубежи России и это знамя. Затем, по легенде, знамя хранилось в церкви города Берёзова вместе с уникальной хоругвью. Хоругвь называлась «Ермаковым знаменем» и была перенесена в 1883 г. в Никольский собор Сибирского казачьего войска в Омске.

Как удалось установить в ходе исследований[1], омское знамя 1690 г. никогда не хранилось в берёзовской церкви. Знамя было изготовлено в 1690 г., и в том же году, 29 июня, его отправили в запас. Все стрелецкие полки расформировали в 1700–1703 гг., их перевели в полки «нового строя». В 1712 г. в Сибири были сформированы два гарнизонных полка: Санкт-Петербургский и Московский. Московский полк в 1727 г. переименовали в Енисейский и оставили в Западной Сибири. Позже, по месту дислокации, он был назван Томским казачьим полком. По всей видимости, именно с ним связано появление в Сибири нашего знамени.

В ходе военных реформ XVIII в. неоднократно изменялись и полковые знамёна, но каждый раз разрешалось сохранять несколько старых как символы боевой славы и древности воинского формирования. Так, в Указе государственной военной коллегии от 21 апреля 1802 г. предписывалось всем полкам, чтобы «они оставили из имеющихся ныне в каждом полку знамён на каждый батальон по два знамени, а остальные отдали для хранения в ближайшие арсеналы». Представляемое нами полотнище оказалось не в арсенале. Из документов следует, что в 1787 г. по распоряжению командира Сибирского линейного казачьего войска старое стрелецкое знамя было перевезено из Бийска в Омск и хранилось в зале присутствия войскового хозяйственного правления, считалось памятником воинской доблести сибирского казачества. В 1924 г. оно поступило в Омский краеведческий музей.

Знамя прошло реставрацию во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря. Над ним трудились специалисты двух поколений. Реставрацию 1970-х, начатую реставратором высшей квалификационной

категории М.П. Рябовой, в 1994–1998 гг. завершила группа реставраторов под руководством Е.В. Семечкиной (И.В. Михайлова, С.М. Королькова, А.Г. Лобанова).

2. Фелонь. XVIII в. Верхнее облачение священника — фелонь — была привезена в 1939 г. омским краеведом, сотрудником областного музея Андреем Фёдоровичем Палашенковым из города Берёзова (ныне — посёлок Берёзово) вместе с другими предметами из местного разрушенного Воскресенского собора. На подкладке одеяния сделана надпись: «Пожертвована княжнами Меньшиковыми и Долгоруковами». Этот экспонат датируется 1730 г., относится ко времени ссылки в Берёзов семей влиятельных петровских сподвижников.

Судя по имеющимся данным, история создания предмета выглядит следующим образом.

В 1727 г. А.Д. Меншиков был арестован и вместе с семьёй отправлен в ссылку. Его жена Дарья Михайловна (урождённая Арсеньева) не выдержала тягот и по дороге скончалась. В Берёзов Александр Данилович прибыл с тремя детьми — дочерьми Марией и Александрой и сыном Александром. Первоначально ссыльных поселили в остроге, позднее Александр Данилович собственноручно срубил для семьи добротную избу и поставил деревянную церковь. В 1729 г. старшая дочь — Мария — в возрасте 18 лет скончалась от оспы. В том же году не стало и самого Меншикова.

Его двое детей ещё находились в ссылке, когда в Берёзов прибыла опальная семья Алексея Григорьевича Долгорукова. Семейство оказалось в том же самом остроге, здесь пересеклись судьбы младших детей Меншикова и Долгорукова.

Специальным царским приказом Долгоруким было строго запрещено общаться с местными жителями, иметь бумагу и чернила, выходить куда-либо из острога, церковь они посещали под конвоем солдат. Надзор над ссыльными исполняла специальная команда сибирского гарнизона, присланная из Тобольска. Женщины занимались рукоделием, шили они и дары для церкви. Наталья Долгорукова (урождённая Шереметева), жена Ивана Алексеевича Долгорукова, подружилась с дочерью А.Д. Меншикова Александрой. Вероятнее всего, во время их краткого совместного пребывания в Берёзове была сшита и дарована в храм фелонь. Это могло произойти не ранее, но и не позднее 1730 г. Вскоре императрица Анна Иоанновна вернула из ссылки младших Меншиковых, восстановив во всех правах дворянства. Известно, что сын А.Д. Меншикова Александр возвращался из столицы в Берёзов, и во время

приезда подарил Ивану Долгорукову избу, когда-то построенную его отцом.

Представляется, что надпись на подкладке фелони была сделана много позднее того времени, когда этот дар поступил в храм. Вероятнее всего, первоначально информация об этом церковном вкладе передавалась устно, хотя, возможно, были и записи, которые не сохранились. Этим можно объяснить некоторую неточность записи: «княжнами Меньшиковыми и Долгоруковами», ведь к моменту создания этого предмета в живых была лишь Александра Меншикова. От Долгоруковых в изготовлении фелони могла принимать участие не только Наталья, но и её золовки — Екатерина, Елена, Анна.

3. Полтина — квадратная монета-плата 1726 г. — свидетельство денежных реформ Петра I. Для оздоровления денежного обращения Пётр решился на выпуск полноценных медных монет-плит по 10 рублей из пуда меди. Подготовка к их выпуску велась на Екатеринбургском монетном дворе, но чеканка была начата уже после смерти императора. Выпуск оказался ограниченным, и платы представляют большую нумизматическую ценность.

4. Серебряный ковш фирмы Фаберже. Конец XIX–начало XX в., часть дна ковша сделана из рублёвой монеты времён Петра I.

5. **Походная пушка-фальконет**. Начало XVIII в.

6. Коллекция русских старопечатных книг. Конец XVII–начало XVIII в.

Процесс отбора и атрибуции этих музейных предметов требует самой тщательной проработки, поэтому здесь мы не претендуем ни на полноту перечня, ни на исчерпывающий характер информации об экспонатах, а лишь отмечаем наиболее интересные предметы.

В настоящее время в Омском государственном историко-краеведческом музее готовится к реализации крупный экспозиционный проект «Сибирский град Петров», приуроченный к 300-летию Омска, которое будет праздноваться в 2016 г. В связи с этим дальнейшая работа по выявлению и атрибуции памятников петровской эпохи приобретает особое значение. Определённую перспективу могли бы представлять археологические изыскания на территории первой Омской крепости, которые в значительной степени расширили бы наши представления о первых страницах истории Омска.

М.Ю. Данков (Петрозаводск)

О коллекции предметов петровского времени в собрании Карельского государственного краеведческого музея

В фондах Карельского государственного краеведческого музея (далее — КГКМ) хранится раритетное собрание предметов петровского времени, сформированное главным образом ещё в XIX столетии. Его основу составляет уникальная продукция Шуйского, а с 1713 г. — Петровского завода, связанная с «городом-предприятием» (Петровская слобода, с 1777 г. г. Петрозаводск) и развитием в крае казённой военной металлургии, определившей огневую мощь русской армии в Северной войне. В начале XVIII в. на севере страны за короткое время была сформирована стабильная промышленная база, в полной мере обеспечивающая нужды петровской армии и флота в современном вооружении. Строительству Петровских заводов в Карелии способствовали рудные и лесные богатства, водная энергия, благоприятные коммуникационные пути от металлургических мануфактур к верфям и театру военных действий в Ингрии.

В коллекцию Музея входят стволы чугунных орудий, используемых в крепостной и палубной артиллерии, ядра разного калибра, фрагменты бомб, семилинейные фузеи с удобным прикладом, новым кремневым ударным замком и «багинетом» (род штыка), якоря и цепи. Помимо ствола сигнальной полуфунтовой пушечки отлитой на Петровском заводе[1] и полученной из Каргопольского уезда в конце XIX в., можно отметить 1-фунтовую пушку полевого базирования, обнаруженную в деревне Викшозеро[2]. Заметим, что позже

[1] КГКМ (Карельский государственный краеведческий музей) 39754.
[2] КГКМ 309.

орудие использовалось в качестве перекладины каменки в русской печи. Стоит упомянуть также ствол чугунной пушки 1711 г., поднятый в 1960 г. в прибрежной зоне Онежского озера[3] при углублении фарватера, недалеко от «пробного места», где испытывали орудия на прочность. Сейчас экспонат находится на музейной смотровой площадке в Губернаторском саду.

Представляет интерес штык-багинет с трубкой для прицельной стрельбы. В отличие от ранних образцов, новый штык не закрывал дула фузеи[4]. Производство было освоено на Петровском заводе в начале XVIII в. Конструкция позволяла вести стрельбу, не снимая штыка, что вдвое увеличивало точечную мощь русских атак.

Без сомнения, любопытен недавно атрибутированный и отреставрированный мушкет начала XVIII в. с утраченными деталями замка и гравированными на ложе цифрами «17 х 07», который произведён на одном из заводов в Шведском королевстве[5].

Можно отметить и западноевропейский однодольный палаш[6], который мог являться матрицей для олонецких оружейников. Во всяком случае, известно, что подобные драгунские обоюдоострые клинки изготавливались на Петровском заводе в начале XVIII столетия. На обухе имеется елмань (расширение) с хвостиком для рукояти и небольшим отверстием. В верхней части палаша обнаружен астральный орнамент — изображение солнца и полумесяца, по мотиву схожий с клеймом Питера Мунка фирмы «Золинген». Клинок поступил в фонды музея из собрания Государственного Эрмитажа в 1932 г.

В коллекции КГКМ хочется также отметить четыре чугунных гражданских (мирских) «била», отлитых в 1706 и 1709 гг. на Шуйском заводе[7], которые использовались на Олонецкой верфи, Петровских казенных заводах, а также в каменоломнях. Удары в «музыкальную» доску служили сигналом к началу и завершению работы для «работного люда» и мастеровых. В «било» звонили в экстренных случаях — при пожарах, наводнениях, военной угрозе, а также с целью собрать людей для оповещения о «государевом» наказе или о решении горнозаводской администрации. Тогда в центре слободы собиралось всё население рабочего посада. Самоназвание подвешенной на деревянную рею чугунной пластины возникло на Руси

[3] КГКМ 1623.
[4] КГКМ 6010.
[5] КГКМ 39288.
[6] КГКМ 39298.
[7] КГКМ 41794, 41795, 48426, 53437.

задолго до петровской эпохи. Еще в XII столетии Новгородский архиепископ Антоний, оказавшись в Константинополе, отмечал: «Колокола не держат во святой Софии, бильцо мало в руце держа, клепают, било же держат по ангелову внушению, а в колоколы латыне звонят»[8]. В новгородских монастырях и храмах звонили в «било» до XVI в., однако в провинции традиция сохранялась до петровского времени.

Первоначально «било» отливали из бронзы, и лишь с XVII в. стал использоваться чугун. Особенность этих раритетных предметов из КГКМ состоит в том, что чугунные «било», изготовленные на Шуйском заводе, производят чрезвычайно низкий звук, который длится до полутора-двух минут. Укажем ещё один эффект «олонецких досок» — каждый край «била» имеет свою отличную тональную гамму.

В коллекции Музея также представлены предметы раннего петровского времени — рубежа XVII–XVIII столетий, — которые связаны с крестьянской металлургией и датскими мануфактурами. «Карельский уклад», получаемый через горячую проковку, рано получил высокую оценку в Европе. Из болотной и озёрной руды добываемой в Заонежских и Лопских погостах, кустарным способом выплавляли сыродутное железо (крицу), затем изготавливали сам «уклад» — железо близкое по качеству к современной стали. Олонецкие мастера выковывали в кузницах металлические предметы удивительной красоты.

Во второй половине XVII в. промышленники из Европы Питер и Христиан Марселисы и Генрих (Андрей) Бутенант создали первые частные железоделательные заводы в Фоймогубе и Устьреке, в Лижме и Кедрозере. Помимо раритетных кузнечных инструментов и изделий из металла в собрание Музея входят фрагменты крестьянской домницы, образцы «озерной» гематитовой руды, формовочной глины, древесного угля и кричного (сыродутного) железа[9].

О первом Кижском восстании 1694–1696 гг. приписных черносошных крестьян против заводчика Бутенанта, об участии жителей Олонецкого края в сопротивлении «лазутчицким» отрядам шведского короля Карла XII свидетельствует коллекция подлинных образцов оружия. Это охотничьи рогатины с плоским пером[10], нако-

[8] Цитируется по: http://www.novgorod.ru/read/information/sightseen/valday/bell-museum/bila

[9] КГКМ 342; 264/1-3, 38-41; 362/1-2, 829/1, 16061/3; 829/2.

[10] КГКМ 39279.

нечники копий с «пожилинами»[11], бердыши — уставное оружие стрельцов — откованные в одно остриё[12], топоры[13], охотничьи пищали с кремневыми замками, изготовленными местными оружейниками[14].

Хочется упомянуть и восьмигранный ствол гладкоствольной пищали (ручницы), переданный в музей в 2004 г.[15] Ствол с утолщением в «дульнике» и латунной инкрустацией в виде креста на «казёнке» был обнаружен в начале 1950-х гг. в посёлке Лехта в Беломорской Карелии, на берегу Шуезеро. Любопытно, что долгое время пищаль использовалась как металлический штырь для подпорки ворот хлева.

Среди предметов петровского времени в собрании музея выделяются вериги — чугунный пояс для «умерщвления плоти»[16]. Предмет из старых поступлений не имеет легенды, но есть предположение, что он мог принадлежать Фаддею Блаженному. В Петровскую слободу юродивый Фаддей переселился в 1706 г. из «Нолонца» (Олонца). Он обладал способностями угадывать мысли людей и предсказывать их будущее. По преданию, в 1724 г. Фаддей предсказал скорую кончину императора Петра I. В октябре 2000 г., по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Фаддей Петрозаводский был канонизирован как местночтимый святой.

Значительная часть хранящихся в коллекции музея уникальных предметов рубежа XVII–XVIII вв. относится к памятникам Выговского круга. Старообрядчество на Русском Севере появилось в конце XVII столетия в результате народного протеста на непродуманные и неумело осуществленные церковные реформы патриарха Никона. В октябре 1694 г. в глухих лесах Карелии, в верховьях реки Выг была основана старообрядческая Выговская пустынь, крупнейший центр Поморского согласия. Она включала монастыри, скиты и поселения старообрядцев. В 1706 г. в двадцати верстах к востоку от мужского Даниловского Богоявленского монастыря возникла женская Лексинская Крестная пустынь. Культурные достижения Выга творчески развивали древние традиции и позволяли

[11] КГКМ 7455, 293.
[12] КГКМ 39284, 39286, 39289, 39309.
[13] КГКМ 7456, 41773.
[14] КГКМ 39283, 39287, 39289, 39290, 39295, 39297.
[15] КГКМ 55055.
[16] КГКМ 7250.

выработать собственный художественный стиль во многих видах искусства.

В собрании Музея хранятся удивительные образцы старообрядческой мелкой пластики, медные складни «Деисус с предстоящими»[17], «Двунадесятые праздники»[18], «Богоматерь "Всех скорбящих радости"»[19]. Карельский краеведческий музей гордится редкими памятниками: трёхстворчатым складнем, левая и центральная створки которого изображают Богоматерь и Вседержителя[20]; двухстворчатой «путной» (дорожной) иконой с изображением Троицы и Голгофского креста[21], иконкой «Седмица с припадающими»[22], малыми и большими напрестольными восьмиконечными крестами[23].

Безусловный интерес представляют старообрядческие книги: «История о отцех и страдальцех соловецких» Симеона Денисова[24], Титульные листы рукописи в четверть листа, «Праздники певчие» на «крюковых» нотах[25]. Интересны книги кириллического шрифта: Напрестольное Евангелие, Минеи 1692 г.[26], Триодь цветная и экземпляры Триоди постной, две Псалтыри с восследованием, рукописный и печатный Требники. Книги составляли обязательное ядро церковных библиотек. В коллекции музея сохранилось издание «*Пролога*» 1696 г., своеобразной православной энциклопедии, содержащей жития святых, «слова» и поучения, расположенные по календарному принципу.

Не меньший интерес вызывает уникальный дубовый стол, изготовленный по заказу в Москве и доставленный в Лексу для княгини С.Д. Мышецкой[27], которая, по преданию, являлась сестрой Андрея и Семёна Денисовых, основателей Выгозерской обители.

Однако подлинным украшением музейной коллекции выступают предметы, связанные с открытием в 1719 г. первого в России курорта «Марциальные воды». Целебный источник был обнаружен

---

[17] КГКМ 16550, 20860.

[18] КГКМ 1984, 1990, 24177.

[19] КГКМ 8094.

[20] КГКМ 1988.

[21] КГКМ 7793.

[22] КГКМ 16552.

[23] КГКМ 1999 (В фондах музея имеется аналог в деревянном киотце КГМ 28614), 1993.

[24] КГКМ 8870.

[25] КГКМ 18568/1-3.

[26] КГКМ 1324/2.

[27] КГКМ 10739.

в 1714 г. в 45 верстах от заводской слободы у Равдсуо (железное болото), где добывалась руда для Петровского и Кончезерского заводов. Вода, богатая железом, имеет красный цвет, поэтому источник первооткрыватели назвали в честь бога Марса, покровительствующего железу.

В фондах музея хранятся две памятных чугунных плиты. Первая свидетельствует об открытии полковником артиллерии Геннином лечебного источника[28]. Текст гласит: «Сей источник исцелительной марциальной воды сыскан для пользы его Царского Величества Петра Первого императора всея российского дела протчей всенародной пользы тчанием его искусством его Величества всенижайшего его раба артиллерии полковника и команданта алонецкого господина Георга Вильгельма Генина. 1716». Сейчас памятная плита находится в экспозиции филиала КГКМ «Марциальные воды».

Другая чугунная доска фиксирует постройку зимнего путевого дворца царя Петра в селе Дворцы (ныне село Марциальные Воды)[29]. «Строено радением и трудами артиллерии полковника Олонецкого команданта Георгия Вильгельма Геннина / 1718 году». Стоит отметить, что уникальный исторический предмет был случайно обнаружен в 1984 г. в печи при разборке старого дома в деревне Долгая Ламба Кондопожского района и поступил в фонды музея лишь в 1998 г.

В интерьере церкви ап. Петра, возведенной в 1721 г. в Марциальных водах, сохранились две цилиндрические чугунные печи, «литья» Петровского завода 1718 г.[30] Без сомнения, это редкие образцы художественного литья петровской эпохи. В храме, возведённом по распоряжению Петра I, уцелел также иконостас, который определённо имеет историко-художественную ценность[31].

В «петровское собрание» Музея входит три стула ручной работы для царского путевого дворца, балясины которых по легенде «точены» Петром I[32], пять напольных подсвечников, изготовленных государем для интерьера Петровской церкви[33], а также стол с элементами голландского стиля, имеющий выдвижной ящик[34] (реставрирован в 2002 г.).

---

[28] КГКМ 4928.
[29] КГКМ 39202.
[30] КГКМ 8051, 8052.
[31] КГКМ 5616–5627.
[32] КГКМ 10734, 46276, 52649.
[33] КГКМ 8039–8043.
[34] КГКМ 13292–13293.

Кроме того, сохранились два фрагмента чугунной кухонной плиты из петровского дворца в селе Дворцы[35].

Нумизматическая коллекция медных и серебряных монет петровский эпохи немногочисленна, однако она представляет интерес не только для специалистов. Тем более что в России в начале XVIII столетия крупных серебряных монет из-за дефицита серебра и перехода на машинный чекан выпускалось немного. Во всяком случае, серебряные монеты чеканились нерегулярно. Лишь с 1718 г., в связи со значительным ростом заводской добычи серебра, монеты рублёвого достоинства стали выпускаться ежегодно. В собрании музея сохранилось пять рублей петровского времени из старых поступлений: серебряная монета достоинством 1 рубль**,** выпущенная в 1718 г. на Кадашёвском монетном дворе[36]. На монете выбита надпись «Царь Пётръ Алексеевич. Всея России самодержец / Монета новая цена рубль». Голова государя Петра I маленькая, на лапе орла имеется монограмма «L». Любопытно, что лицевые штемпели монеты, имеющей вес 28,44 г, выполнены резчиком Осипом Калашниковым, который трудился на монетном дворе с 1718 по 1747 г.

В собрании Музея хранится серебряная монета достоинством 1 рубль и весом 27,41 г, выпущенная в 1723 г. «Петръ А. императоръ і самодержецъ всеросиіскиі / Монета новая цена рубль 1723»[37]. Необходимо отметить, что с 1722 г. реверс на петровских рублях был изменён. Вместо орла появились 4 вензеля «П», связанные между собой крестообразно. В вершине каждого креста императорская корона, а в углах буква «і». Желая увязать российскую и европейскую монетные системы, император, тем не менее, отказался от латиницы, превалирующей на Западе.

Несколько серебряных монет достоинством 1 рубль датированы 1725 г. На аверсе и реверсе читаем: «Петръ А. императоръ і самодержецъ всеросиіскиі / Монета новая цена рубль 1725»[38]. Эти монеты диаметром 40 мм и весом 27,64 г отчеканены в новой столице империи на Санкт-Петербургском монетном дворе, который был открыт в 1724 г. Отметим, что петровские монеты, изготовленные в Петербурге, имеют оригинальный вид. На них портрет Петра отличается от московского, где император до 1725 г. изображался молодым человеком. На петербургских рублях видим пожилого, умуд-

[35] КГКМ 8058/3, 4.
[36] КГКМ 21006.
[37] КГКМ 21007.
[38] КГКМ 98/3, 21008.

рённого опытом правителя в роскошном одеянии, не в пример скромному костюму на большинстве московских (кадашевских) монет.

Помимо рублей Петра I, нумизматическое собрание Карельского государственного краеведческого музея содержит три серебряных риксдаальдера (талера) Голландской Республики, отчеканенных в 1694, 1696 и 1699 гг.[39] Подобные монеты во времена молодого царя были достаточно распространены на территории России. Талеры скупались у иностранцев по заниженной цене около 64 копеек и тут же перечеканивались в рубли по выгодной для российской казны цене. Чистый вес риксдаальдера составлял 25,69 г. С XVI в. эти монеты в России получили название «ефимок» — от полного наименования «иоахтимсталер».

Кроме того, в музейную коллекцию западноевропейских монет эпохи Петра I входит серебряный альбертусталер, выпущенный в 1698 г.[40] Это крупная монета, которую в испанских Нидерландах ввёл в обиход наместник испанского короля эрцгерцог Альберт в качестве эквивалента золотому дукату. Монета содержит 24,65 г чистого серебра. Альбертусталер служил сырьём для чеканки русских монет. На аверсе изображён косой бургундский крест св. Андрея, в связи с чем на восточнославянских землях монета называлась «крестовой», на реверсе отчеканен испанский герб. Торговая монета имела широкое распространение в сопредельных России прибалтийских государствах.

В заключение отметим важность значительного археологического материала начала XVIII в., переданного в музей после археологических исследований 1996–2000 гг. в исторической зоне Петровской слободы[41]. Коллекция состоит из фрагментов курительных трубок голландского типа, западноевропейской посуды, керамики, стекла, предметов из кости и скобяных изделий. В собрание входят пуговицы, перстень, обломанные гребни и монеты петровского времени.

Подводя итог, отметим, что артефакты рубежа XVII–XVIII вв. из фондов Карельского государственного краеведческого музея вне зависимости от того, что они порой слабо атрибутированы и не имеют полной легенды, представляют значительный пласт культуры Русского Севера, способный по-новому представить богатый событиями период прорыва России Петра Великого на Запад.

---

[39] КГКМ 9865/3, 4, 5.

[40] КГКМ 9865/2.

[41] КГКМ 36707/1-230; 37888/1-459.

И.А. Орлова (Александров)

Реликвии петровского времени в музее-заповеднике «Александровская слобода»

В 2008 г. в музее-заповеднике «Александровская Слобода» была открыта новая экспозиция «Александрова слобода в XVII–XVIII веках. Успенская обитель», которая стала результатом длительной работы коллектива над этой темой. Большая часть её материалов посвящена истории России конца XVII и начала XVIII в., событиям, непосредственно связанным с Александровой слободой.

В XVII в. Слобода являлась дворцовой вотчиной. В конце этого века и в начале следующего — XVIII — она последовательно принадлежала Петру I, его сестре Наталье Алексеевне, царице Екатерине Алексеевне, дочери Петра I Елизавете Петровне. Управление ею, как и остальными дворцовыми сёлами, осуществлялось через Преображенский приказ, который выполнял функции дворцовой канцелярии[1]. Возник же Преображенский приказ в 1695 г. как результат расширения функций так называемой Потешной избы, ведавшей делами Преображенского полка. Один из первых полков российской гвардии, Преображенский, был сформирован из «потешных» Петра I[2], которые доказали ему свою преданность в августе 1689 г. во время острого периода борьбы за власть между Нарышкиными и Милославскими, показали своё умение при проведении учений под Александровой слободой в сентябре того же года.

---

[1] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 85. № 41741, 41749.

[2] *Дирин П.* Потешные полки Петра Великого // Русский архив. 1888. Кн. 3. Вып. 5.

Записи в Разрядных списках за 1689 г.[3] и в «Дневниках» П. Гордона[4] выявляют те причины, по которым Александрова слобода в сентябре 1689 г. удостоилась царского визита. Историк и краевед Н.С. Стромилов[5] писал по этому поводу: «В половине сентября 1689 года из Троице-Сергиева монастыря он [Пётр I. — *И.О.*] направился с двумя царицами: матерью и женой <...> “походом” в расположенную от лавры [Троице-Сергиева монастыря] в 40 верстах Александрову слободу, куда 15 сентября и прибыл со всем своим двором, потешными полками. Там на обширных полях, прилегавших к Слободе, занимался царь со своими птенцами, будущими сподвижниками, под руководством Патрика Гордона пешим учением с пушечной пальбою и конными экзерциями на лихих конях славного в то время на Руси тамошнего конного завода. Целая неделя неутомимых занятий была посвящена конным экзерциям. Маневры их простирались далеко за Слободу до Лукиановой пустыни».

Важным для музея стало и обнаружение в фондах РГАДА собственноручной записки Петра I, написанной после учений под Слободой. В этой «заметке для памяти» (копия помещена в экспозиции музея-заповедника) он предполагает «сказать» Андрею Михайловичу Черкасскому о необходимости «перевесть некоторые бойницы» и «пистолеты взять»[6]. Упомянутый А.М. Черкасский в 1689 г. был спальником, впоследствии одним из первых русских офицеров лейб-гвардии Преображенского полка. Этот полк оказался в значительной степени связанным с разными персонажами русской истории петровского времени, в том числе и побывавшими в Александровой слободе. Поэтому «общую картину» экспозиции дополняют реплики оружия конца XVII — начала XVIII в.[7], подлинные пушки и ядра[8], копии знамени, барабана[9] и мундира рядового[10] Преображенского

---

[3]Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. IV. СПб., 1855. С. 486.

[4] *Брикнер А.* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 74.

[5] *Стромилов Н.С.* Пётр I в Александровой слободе в 1689 году // Вестник Политехнической выставки. 1872. № 46.

[6] РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. № 12. Л. 42 об; ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 14, 489.

[7] Музей-заповедник «Александровская Слобода». НВФ-5714/1; НВФ-5714/2; НВФ-5715/1−2.

[8] Музей-заповедник «Александровская Слобода». АМ-515 О 53; АМ-517/1; АМ-519 О 61.

[9] НВФ-5713/1−3.

[10] НВФ-5711/1−4; НВФ-5712/1−2.

полка. Картина современного художника Н. Вилкова[11], на которой запечатлена та самая местность, где в сентябре 1689 г. проходили учения «потешных» и стрелецких войск, помогает понять, почему именно эти места избирает царь для своих целей по подготовке будущей регулярной русской армии.

«Устав воинский»[12], составленный Петром I в 1716 г., играл значительную роль в русской армии на протяжении всего XVIII в. и неоднократно переиздавался. В экспозиции представлено издание 1768 г. Из потешных войск, принимавших участие в учениях под Александровой слободой, в дальнейшем выросли первые полки русской регулярной армии — Преображенский и Семёновский, которые не пропустили ни одного значимого военного события русской истории первой четверти XVIII в. В экспозиции находится и отпечатанная в 1709 г. в виде отдельной книги «Служба благодарственная о победе под Полтавою», сочинённая Феофилактом Лопатинским[13], — напоминание о самой важной победе Северной войны, в которой прошла проверку на прочность и воинскую закалку созданная Петром новая русская армия.

В памятном 1689 г. попала в Александрову слободу и «тарель» царевичей Петра и Иоанна из овощной палаты села Измайлова[14] (о чём свидетельствует резная владельческая надпись по её борту). Она представлена в экспозиции не только как «вещественное» подтверждение посещения Слободы Петром I, но и как «документальное» свидетельство времени, когда в русском государстве сложилась и существовала беспрецедентная ситуация: на троне оказались сразу два царя, и регентские функции в связи с их малолетством осуществляла женщина — царевна Софья Алексеевна.

К имевшимся уже в музее документам петровского времени в 2008 г. добавились ещё три. Они позволяют понять сложность периода регентства царевны Софьи Алексеевны, увидеть, как политика высшей власти находила отражение и воплощение в конкретных делах на местах. «Платёжная отпись о принятии в печатном приказе денег на жалование пешим и конным людям с поместий и вотчин

---

[11] НВФ-6.

[12] АМ-2082 КГП/1−7.

[13] АМ-1793/9 КГП/1−30.

[14] АМ-997 М 174; Сидорова Л.А. Оловянная посуда XVII−XVIII веков в собрании музея-заповедника «Александровская Слобода». Научное сообщение. Александров, 2008. С. 6. (ещё упоминается в ссылках 48, 49)

И.П. Оничкова от 1 января 1689»[15] содержит ссылку на указ, данный от имени царей Иоанна и Петра Алексеевичей, а также царевны Софьи Алексеевны, причём все трое именуются самодержцами.

Согласно Разрядным записям за 1689 г., находясь в Александровой слободе, Пётр подписал указ, запрещающий впредь упоминание царевны в официальных государственных документах[16].

В ходе проведения исследовательских работ в архивах удалось выявить документы, которые указывают на посещение Александровой слободы Петром I не только в сентябре 1689 г., но и в 1688 г.[17] На обратном пути в Москву из Переславля Залесского, где шло строительство первых кораблей русского флота, он заехал в Александрову слободу — свою дворцовую вотчину. Взятые им 100 рублей у головы Александровского кружечного двора Петра Яковлева были им впоследствии переданы в Мастерскую палату царицы Натальи Кирилловны. Возможно, именно тогда он и «присмотрел» близ Слободы местность, удобную для проведения военных учений.

Показать на конкретном примере заботу Петра I об экономическом усилении страны, отношение его к развитию предпринимательства помогает указ 1702 г., позволяющий построить мельницу стряпчему Сытного дворца Ивану Сохнову в дворцовой Новой Александровской слободе на реке Нюньге[18].

В экспозиции, посвящённой Успенскому монастырю, очень важна грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей о жаловании монахиням Успенского девичьего монастыря 1683 г.[19], характеризующая его экономическое положение.

А указ 1718 г. Петра I об отправке бывшей игуменьи и старицы Суздальского Покровского монастыря в Слободу и содержании их в монастырской тюрьме — это не только «отголосок» суздальского розыска по делу Евдокии Фёдоровны Лопухиной, но и яркий пример использования ссылки в монастырь как способа наказания в петровское время. Игуменья Покровского монастыря Марфа и старица Капитолина сыграли большую роль в истории знакомства и сближения Евдокии Фёдоровны с майором Степаном Глебовым. В 1706 г. при их

---

[15] АМ-14873 Дк 7–1–285.

[16] Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. IV. СПб., 1855. С. 485.

[17] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 26327.

[18] АМ-9565 Дк 10-1-5.

[19] АМ-2257 Дк 10-1-3.

содействии прошло её тайное свидание с сыном царевичем Алексеем Петровичем. Капитолина и Марфа сопровождали её в поездках по окрестным монастырям, где Евдокию Фёдоровну принимали как царицу, хотя официально выезд из Суздальского монастыря ей был запрещён. «Суздальский розыск» стал частью большого «розыска» по делу царевича Алексея Петровича. 16 марта 1718 г. был вынесен приговор в отношении всех вовлечённых в дело лиц.

Игуменья Успенского монастыря Евсевия получила именной указ Петра I[20], в котором говорилось: «Покровского девича монастыря бывшей игуменье Марфе и старице Каптелине учинить наказание, сослать во Александрову слободу в Успенский девич монастырь и быть им тамо в тюрьме под крепким караулом за их непотребные дела и показанные вины».

Что касается самого царевича Алексея Петровича, то в фондах музея-заповедника хранится книга с вкладной недатированной записью. Это «Минея служебная» на май месяц, изданная в 1705 г.[21] Предположительно, она была дана в качестве вклада в 1706 г., когда через Александрову слободу Алексей Петрович тайно проследовал в Суздаль для встречи с матерью.

Датированные вкладные надписи имеет и хранящийся в фондах «Апостол»[22] (1663), который является вкладом отца Петра I царя Алексея Михайловича, сделанным им при посещении Александровой слободы 4 апреля 1671 г., а также восемь «Миней служебных»[23] — вклад матери царицы Натальи Кирилловны.

Продолжая тему использования Успенского монастыря в Александровой слободе как места ссылки и наказания, следует вспомнить Варвару Михайловну Арсеньеву, свояченицу А.Д. Меншикова. В 1727 г., когда светлейший князь вместе со всей семьёй был отправлен в ссылку, Арсеньеву, отделив от остальных, отправили в монастырь в Слободе[24]. Принадлежавшие ей драгоценные вещи

---

[20] НВФ-1121.

[21] АМ-1793/79 Кст 68; Жилкина Е.В. Книги с вкладными и владельческими записями XVII – начала XVIII в. в собрании музея-заповедника «Александровская Слобода». Научное сообщение. 2005.

[22] АМ-1769/156 Кст-72.

[23] АМ-1793/185, 109, 107, 50, 58, 56, 57, 34.

[24] *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С.105; *Есипов Г.В.* Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. 1875. № 7.; *Орлова И.А.* «Личность приметная и влиятельная»: В.М.Арсеньева и Успенский девичий монастырь в Александровой слободе. Научное сообщение. Александров, 2009.

были частью конфискованы вместе с другими, хранившимися в семье Меншиковых, а те, что ей удалось привезти в монастырь, были у неё отобраны в связи с «розыском» о «подметном письме» в пользу А.Д. Меншикова в 1728 г.[25] Но, по-видимому, ей удалось утаить при обыске чрезвычайно ценную реликвию — крест-мощевик, подаренный Петром I А.Д. Меншикову[26]. Крест украшен филигранью и эмалевыми вставками, он находится в экспозиции музея.

Специально для новой экспозиции музеем-заповедником были приобретены две гравюры из «Исторического атласа» Н. Гудевиля, который впервые был издан в 1714 г. и несколько раз переиздавался вплоть до 1735 г. «Генеральная карта владений царя или императора Московии»[27] позволяет продемонстрировать рост территории и могущества государства в начале XVIII в. в результате петровских реформ, появление новых тенденций в развитии России. Помимо собственно картографической части, она содержит и сведения о наиболее крупных губерниях России, её городах, реках, монетной системе, органах управления.

Гравюра «Описание кавалерских орденов его царского величества»[28] содержит сведения о первом российском ордене Андрея Первозванного, учреждённом Петром I, и о тех, кто им был награждён. В частности, там приводятся сведения о роде Бутурлиных, представителем которого был И.И. Бутурлин, известный сподвижник Петра Великого, ставший первым в роду кавалером этого ордена.

И.И. Бутурлин начинал свою военную карьеру в потешных войсках Петра I, затем служил в Преображенском полку, командовал им, был активным участником Северной войны[29]. После смерти Петра он, как командующий гвардейскими войсками, ока-

---

[25] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 161 («О Варваре Арсеньевой, осуждённой за происки об освобождении князя Меншикова»); *Орлова И.А.* Церковная реформа Петра Великого и использование монастырей как средства наказания (на примере Успенского монастыря Александровой слободы). Научное сообщение. Ковров, 2011.

[26] АМ-101 М 2017.

[27] АМ-14876 Гр 2129.

[28] АМ-14875 Гр 2128.

[29] *Алабин П.В.* Иван Иванович Бутурлин // Русская старина. 1878. № 9–10; *Азанчевский М.П.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1859; *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900; *Погодин М.* Происхождение Преображенского полка и с ним гвардии // Русский вестник. 1875. № 2; *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1994; *Орлова И.А.* Иван Иванович Бутурлин — сподвижник Петра Великого. Научное сообщение. Александров, 2010.

зал помощь А.Д. Меншикову при возведении на престол Екатерины I[30], но вследствие интриг того же Меншикова попал под суд и был сослан в своё имение Крутец близ Александровой слободы[31]. Здесь прошли последние годы его жизни. После смерти он был похоронен в подклете Троицкого собора Успенского монастыря Александровой слободы.

В 1696 г. в качестве вклада в Успенскую обитель сводная сестра Петра I царевна Марфа Алексеевна передала находящуюся ныне в экспозиции музея икону «Второе пришествие Иисуса Христа или Страшный суд»[32], а в ноябре 1698 г. она стала узницей этого монастыря. Предъявленное ей обвинение заключалось в содействии в передаче письма царевны Софьи Алексеевны восставшим стрелецким полкам.

Сестёр Софью и Марфу Пётр I допрашивал лично. 11 октября 1698 г. была проведена «очная ставка» Марфы Алексеевны с постельницей Анной Клушиной. Но, твердо зная, что подлинник письма так и не найден, царевна отрицала факт его получения от Софьи и передачи стрельцам, говоря, что постельница её «поклепала»[33]. В экспозиции можно увидеть копию текста этого допроса и убедиться, что Марфа Алексеевна умела проявить твёрдость. И всё же Пётр счёл вину сестёр доказанной. В ноябре 1698 г. царевна Марфа Алексеевна была отправлена в Успенский монастырь Александровой слободы[34]. В мае 1699 г. она была пострижена в монахини под именем Маргариты, для неё была возведена постройка, примыкавшая к Распятской церкви-колокольне, до сих пор носящая название «Марфины палаты»[35].

Содержание царевне-инокине было установлено такое же, как и её сёстрам, оставшимся на воле. В «Разметной книге» за 1700 г.

---

[30] *Арсеньев К.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856; *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994; *Бойцов М.А.* Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825 гг. М., 1991.

[31] *Стромилов Н.С.* Село Крутец в Александровском уезде // Владимирские губернские вести, 1885. № 21.

[32] АМ-947 Ик-38.

[33] РГАДА. Ф. 6; *Лагодина Е.Н.* Пребывание царевны Марфы Алексеевны в Александровской слободе как отражение политической борьбы за Российский престол в конце XVII–начале XVIII в. Научное сообщение. Александров, 2004.

[34] *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое и археологическое описание первоклассного женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губернии). М., 1891. С. 161.

[35] Там же. С. 163.

список продуктов, которые полагалось отпускать на содержание Марфы Алексеевны, составлял более 70 наименований; всего — на 2649 рублей 7 алтын 21 копейку[36].

Письма инокини Маргариты из монастыря всегда были полны жалоб на то, что продукты поступают в плохом состоянии и есть их невозможно[37]. В 1700 г. Пётр I перевёл всех своих сестёр на денежное содержание. В РГАДА хранится «Книга приходная по отписке боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина с товарищи сбору по 11 алтын 4 деньги на жалование драгунам»[38]. В ней на протяжении 1706 и 1707 гг. производились записи денежных поступлений из определённых для этого монастырских сёл и деревень. Эти средства шли в основном на содержание созданного в 1704 г. драгунского полка, который находился под командой начальника Монастырского приказа И.А Мусина-Пушкина[39]. Но в этой «Книге приходной» регулярно указывалась пересылка из этой суммы по 5 денег (2,5 копейки) сбора с каждого двора в Александрову слободу в Успенский девичий монастырь на содержание «Великой государыни и благоверной царевны и великой княжны инокини Маргариты Алексеевны»

В музее-заповеднике в отдельной экспозиции представлены вещи царевны-инокини[40]: кресло[41], слюдяная ширма-дверь[42], резной столик, стул с кожаной обивкой, ларь[43], зеркало в барочной раме[44]. Уже одно перечисление этих предметов говорит о том, что поселилась в монастыре не простая монахиня, а имевшая царское происхождение. Весьма примечательно расписан огромный ларь: переплетающийся растительный «аспидный» орнамент. Фрагмент такого же орнамента-росписи сохранился и на стене одной из комнат Марфиных палат.

Медный параман царевны-инокини (помещён в киоте)[45] в начале XX в. удостоился публикации в «Древностях Российского Государ-

---

[36] *Стромилов Н.С.* Царевна Марфа — сестра Петра Великого. Инокиня Маргарита. Владимир, 1883. С. 12–15.

[37] *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Историческое и археологическое описание первоклассного женского монастыря... С. 170–172.

[38] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. № 66.

[39] Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 238.

[40] Древности Российского государства. Т. 6. М., 1904. С. 105–110.

[41] АМ-594 Д-63.

[42] НВФ-5710.

[43] АМ-597 Д-64.

[44] АМ-787 Д-69.

[45] АМ-14884 М 2181.

ства» как вещь уникальная. Такие вещи бытовали очень недолгое время во второй половине XVII в. и имелись в основном у представителей царской, княжеских и боярских семей[46].

Сохранились несколько предметов из привезённой ею посуды, в том числе из драгоценных металлов[47]. Среди её вещей были и подаренные сестрой царевной Феодосией Алексеевной оловянные «тарели»[48] и такая же посуда, полученная в наследство после смерти Софьи Алексеевны в 1704 г.[49]

В экспозиции, посвященной Марфе Алексеевне, помещена также икона XVII в. «Избранные святые»[50], на которой представлены святые, соименные представителям семьи царя Алексея Михайловича. В том числе и Марфа, София, Мария, Феодосия — небесные покровители тех сестёр, которые царевне-инокине были наиболее близки.

Инокиня Маргарита Алексеевна прожила в Успенском девичьем монастыре Александровой слободы более восьми лет и скончалась 19 июня 1707 г. Она была погребена в монастырской усыпальнице под Сретенской церковью[51].

Таким образом, имеющиеся в музее-заповеднике «Александровская Слобода» реликвии Петровского времени позволяют раскрыть в экспозиции важный этап в историческом развитии России в конце XVII — начале XVIII в. со всеми сложностями и положительными результатами. Благодаря им можно увидеть, как перемены, происходившие в стране, отражались и воплощались в конкретные дела и в русской провинции, каковой и была царская вотчина дворцовая Александрова слобода.

---

[46] Древности Российского Государства. Т. 6. М., 1904. С. 110; Отдел 17. № 39.

[47] АМ-3; АМ-72, АМ-73, АМ-75, АМ-87, АМ-88, АМ-90, АМ-92; *Рыбакова М.К.* Образцы серебряной посуды XVI–XVII вв. в собрании музея-заповедника «Александровская Слобода» // «Зубовские чтения». Вып. 4., М., 2008.

[48] АМ-6532 М-1080; *Сидорова Л.А.* Оловянная посуда XVII–XVIII веков. С. 2, 5.

[49] АМ-484/2 М-21; *Сидорова Л.А.* Оловянная посуда XVII–XVIII веков. С. 5.

[50] АМ-174 Ик 2

[51] *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Историческое и археологическое описание первоклассного женского монастыря... С. 164; *Стромилов Н.С.* Царевна Марфа С. 69.

Л.Б. Перепечаева (Азов)

Реликвии петровской эпохи в Азовском музее-заповеднике

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (далее — АМЗ) — один из крупнейших музеев Юга России. Приоритетные научно-исследовательские и экспозиционные направления деятельности музея — палеонтология, археология, история азовской крепости. Музей располагает значительными палеонтологическими и археологическими коллекциями, среди которых немало редких и уникальных находок.

Одна из приоритетных и популярных тем АМЗ — «Азовская крепость в петровское время (конец XVII–начало XVIII в.». Этот раздел истории Азова представлен подлинными и уникальными реликвиями петровской эпохи, в том числе и предметами археологии.

Уникальные памятники петровской эпохи — сохранившиеся в Азове сооружения первой в России бастионной земляной крепости конца XVII–начала XVIII в.: Алексеевский гонверк, Большой равелин, Петровский и Полугорный бастионы (1697–1703) и частично сохранившиеся сооружения бастионной крепости Петровской, построенной в 1697–1698 гг. против Азова на другом берегу Дона. (Илл.1).

Сооружения первой в России земляной крепости бастионной системы построены по приказу Петра I после взятия Азова у турок в 1696 г. В результате Азовских походов 1695–1696 гг. крепость переходит к России, её перестраивают по проектам инженеров, сначала Антуана де Лаваля, затем Эрнста фон Боргсдорфа. Придерживаясь старых линий крепости, к турецким валам пристраивали верки новой, бастионной фортификации. Алексеевский гонверк — новое бастионное сооружение, внешняя крепостная постройка.

Гонверк пристроен к крепости с юго-восточной стороны. (Илл 2.). С внешней пристройкой, Алексеевским гонверком, Азовская крепость имела теперь четыре бастионных фронта, обращённых в поле. Южный и западный фронты крепости были усилены равелинами. Со стороны реки крепость защищали невысокие стены ломаного начертания с Надводным и Алексеевским реданами. Эта линия укреплений оставалась неизменной в XVIII–XIX вв.

Сегодня Азовская крепость — памятник федерального значения. В настоящее время Алексеевский гонверк, Большой равелин, Петровский бастион находятся в оперативном управлении АМЗ и являются его музейным объектом. Сохранившаяся линия земляных сооружений соответствует планам Азовской крепости конца XVII—начала XVIII в. (Илл 1.).

На территории Азовской крепости при раскопках обнаружены фундаменты и фрагменты сооружений древних крепостей: итальянской Таны XIII–XV вв.; турецкого Азова XV–XVIII вв. и фрагменты сооружений конца XVII—начала XVIII в. Однако раскопки ограничены плотной застройкой и территориями, принадлежащими порту, речному вокзалу, судостроительной верфи.

Музеем разработана концептуальная программа музеефикации Азовской крепости, которая уже частично осуществлена. В программе — создание музейного комплекса «Крепость Азов конца XVII—начала XVIII века», куда включены музейные объекты: земляные куртины и бастионы Алексеевского гонверка и Большого равелина. На этих памятниках планируется реконструировать бруствер, установить модели пушек, реконструировать сторожевые будки, кордегардию, поворотный мост через ров, поставить шлагбаумы и др.

Сейчас ведутся работы по созданию экспозиции «Азовская крепость от Петра до Барклая де Толли (конца XVII—начала XIX века)» в главном здании Азовского музея-заповедника.

Для представления в экспозиции значимых в истории Азова тем «Азовские походы Петра I» и «Азов в петровское время» музеем с начала 1960-х гг. велось планомерное комплектование экспонатов и документов, связанных с этим временем, событиями и личностью Петра I.

Петровское время в собрании музея представлено коллекциями нумизматики, фалеристики, оружия, а также отдельными предметами. Это знамя 8-й стрелецкой конной сотни, седло-арчак XVII в., печные изразцы конца XVII—начала XVIII в. и их фрагменты, Евангелие 1674 г., гравюра А.Ф. Зубова с изображением ботика Петра I, карты Европейской части России конца XVII в. с обозначением Азовской крепости в устье Дона и другие вещи.

В коллекции нумизматики отдела металлов АМЗ — 28 серебряных предметов: 16 копеек; 1 гривна; 5 полтинников; 6 рублей. Денежных знаков медных — 7 предметов: 1 деньга; копеек — 6.

В коллекции фалеристики — 11 предметов, среди них: «Медаль в память взятия Азова русскими войсками 18 июля 1696 года» работы Яна Боскама (копия XVIII века) — редкий памятник медальерного искусства конца XVII в. На лицевой стороне медали изображён погрудный, обращённый вправо, портрет молодого Петра в лавровом венке, доспехах и плаще. Этот тип портрета Петра I нигде более не встречается. Портрет окружён латинской надписью, которая в русском переводе означает: «Пётр Алексеевич великий царь России», под портретом имя медальера. Аллегорическая композиция оборотной стороны символизирует победу русских войск над турками как торжество христианства над исламом. Вверху по окружности латинская надпись: «Пусть станет негостеприимным для них гостеприимное» (т.е. Чёрное море). Под аллегорическим изображением в образе — «1696» (Азов взят 28 июля 1696 года).

Медаль в память взятия Азова была предназначена для целей представительства, как средство пропаганды военных успехов России. Поэтому большинство экземпляров были подарены за границей, в Россию попали единицы. Штемпель медали также остался в Голландии.

Вернувшись в Россию после Великого посольства, Пётр поспешил создать медаль с русскими надписями, которая стала первым опытом русской памятной медали. В Азовском музее хранится подлинная медаль «В память взятия Азова 28 июля 1696 года». Выполнена она неизвестным русским медальером, отчеканена в серебре небольшим количеством экземпляров. (Илл. 3).

Ещё одна подлинная медаль — «Капитану Симонтову за построение гавани в Таганроге, 1709».

Медаль «В память Константинопольского мирного договора между Россией и Турцией 13 июля 1700 года» посвящена значительному событию, последовавшему за взятием Азова. Медаль выполнена в серебре медальером Георгом Фридрихом Нюрнбергером (копия XVIII в.). На оборотной стороне медали — Пётр I подаёт свиток коленопреклоненной женщине в геральдической башенной «городской» короне, закованной в цепи (олицетворение Азова). Между ними — женская фигура с рогом изобилия, олицетворяющая мир и процветание края. По окружности латинская надпись: «Тою же рукою, которой победил, он защищает побеждённых. Клавдий». В образе латинская надпись: «Азов покорён русскими 1696. Мир заключён и утверждён 1700».

В коллекции оружия — 220 предметов:

- Холодное оружие: алебарды, бердыши, эспантоны, копья, сабли, цеп боевой, протазан, кинжал и др.
- Огнестрельное оружие: мушкет, пистолет кремневый, мушкетон, ружьё, пистолет кавалерийский, картечь, целые ядра (и осколки), найденные в азовской земле.
- Защитное вооружение: кольчуги, кожаные щиты, наруч, мисюрка.

Большинство этих подлинных предметов было передано в 1960-е–1970-е гг. Азовскому музею на постоянное хранение крупнейшими музеями страны: Государственным Эрмитажем, Государственными музеями Московского кремля, Артиллерийским музеем и другими. Некоторые предметы приобретались музеем у коллекционеров или были получены в дар (таких единицы).

Следует также упомянуть о копиях редких гравюр и живописных портретов конца XVII–начала XVIII в., которыми располагает АМЗ. Все они выполнены по заказу художниками Ленинградского и Краснодарского художественных фондов с подлинников, хранящихся в Эрмитаже и Государственном историческом музее (далее — ГИМ).

Это портрет молодого Петра на фоне Азовской крепости, написанный Питером Верфом в Голландии во время заграничного путешествия царя в 1697 г.; «Города Азова описание от взятия...» — первая работа Шхонебека в Москве. Гравюра выполнена Шхонебеком в жанре исторической картины.

Гравюра Готто «Предистинация», изображающая флагманский корабль Азовской флотилии, придворного гравёра Адриана Шхонебека на трёх листах, в трёх ракурсах: с носа, с правого борта и с кормы. Ещё одна графическая работа Шхонебека — «Аллегория на мир с Турцией 1700». Гравюра Нахтгласса «Триумфальная картина на взятие Азова».

Азовские походы нашли отражение и в традиционном для России виде живописи — в иконописи. Сохранились три иконографических памятника — прорись, гравюра «Богоматерь “Знамение”» и икона «Богоматерь “Азовская”» (Илл. 4).

Азовская икона Божией Матери не имеет ни автора, ни даты, её атрибуция спорна. По деталям письма и особенностям иконографии её относят к концу XVIII–началу XIX в. Известно, что в 1848 г. эта икона была подарена Саратовскому губернатору в день храмового праздника. ГИМ приобрёл эту икону на торгах в 1890 г. Копия этой иконы была выполнена по заказу Азовского музея художником ГИМ Виноградовым, хранится и экспонируется в АМЗ.

Уникальная петровская реликвия, которой обладает музей — это маховое колесо от точильного станка Петра I. Колесо было передано в Азовский музей на постоянное хранение в 1976 г. музеями Московского кремля. Оно экспонировалось и экспонируется в Пороховом погребе — памятнике военно-инженерного искусства XVIII в. (федерального значения). Диаметр колеса — 156 см, диаметр ступицы — 21 см, высота колеса на станине — 180 см. (Илл. 5).

Колесо выполнено из высококачественного дерева (дуба). Обод состоит из секций, соединённых вшип. По его торцу углубление для приводного ремня. Обод колеса соединён со ступицей двенадцатью точёными на станке спицами. Ступица выполнена из массива, с торцов обтянута железными обручами. Ось колеса железная, кованая, с обоих концов на ось крепились рукояти (не сохранились) для вращения колеса вдвоём. Станина колеса из бруса.

Ещё один раритет петровского времени — знамя 8-й стрелецкой конной сотни конца XVII в. — передано в АМЗ на постоянное хранение музеями Московского кремля. Знамя также экспонировалось в Пороховом погребе. Оно хранится как особо ценный экспонат и сейчас нуждается в реставрации.

Интересным, на наш взгляд, является портрет Петра I, который был приобретён у частного лица и хранится в АМЗ. Это вышивка размером 95 х 66 см, выполненная на полотне полукрестом, шёлковыми и шерстяными нитками и бисером. Полотно вышивки натянуто на плотик из дощечек толщиной до 10 мм, рама не сохранилась (Илл.6).

Пётр изображён в полный рост, стоящим у покрытого скатертью стола. На столе чернильный прибор, карта, книги. На заднем плане, на стене, размещены различные столярные инструменты и часть модели корабля с килем. Особого внимания заслуживает надпись на обороте: «Шита детьми Олимпиадою, Зинаидою, Глафирою и Александрою Злыготьева (к) 11 октября 1856 года в Риге. Над (кладкою) рамы трудился <...> рижский купец Пётр Кузьмич Панин». Особого внимания заслуживает дата — это 160-летие взятия Азовской крепости Петром I. К сожалению, выяснить историю создания и бытования портрета до сих пор не удалось.

Появление в XIX в. вышитого портрета Петра I, как и иконы «Богоматерь “Азовская”» убеждает в том, что почитание личности Петра и память о взятии Азова российской армией и флотом в 1696 г. были живы во всех слоях российского общества. Они живут по сей день.

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА В СОБРАНИЯХ ЕВРОПЫ

Х. ван Конингсбрюгге (Гронинген)

В поисках петровских источников: российские и голландские архивы как центры современного исторического знания

Архивные документы обычно рассматриваются как носители содержащейся в текстах информации. Однако отложившиеся в архивах материалы в то же время представляют собой огромный массив реликвий и раритетов, не менее важных, чем экспонаты музеев. Поэтому, когда мы говорим о хранилищах петровских реликвий в Европе, мы должны иметь в виду не только музеи, но и архивы. Документы по истории России петровского периода имеются в архивах большинства европейских стран. Мы рассмотрим ситуацию на примере Голландии, владеющей богатейшими коллекциями документов, связанных с Россией и Петром I.

В 1891 г. голландский лингвист д-р К.К. Уленбек (C.C. Uhlenbeck) опубликовал «исследования, проведённые по распоряжению правительства в архивах России, во благо голландской истории»[1]. Этот Уленбек, который в 1892 г. займёт место профессора санскрита в университете Амстердама, а семь лет спустя будет назначен профессором германских языков в университете Лейдена, стал настоящим первопроходцем. Его миссия являлась частью программы архивных исследований в Западной Европе и Скандинавии, инициированных Министерством иностранных дел Нидерландов и имеющих целью обнаружить те архивные коллекции, которые имеют

[1] *Uhlenbec C.C.* Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. ‘s Gravenhage, 1891.

значение для голландской истории. Другими словами, уже тогда голландское правительство беспокоилось о голландском культурном наследии за рубежом.

Всё это происходило на фонде возрождения интереса к изучению голландский истории, которое началось во второй половине XIX в. и сопровождалось появлением националистических настроений. В предисловии к своему докладу Уленбек констатировал, что в Нидерландах ничего не известно о русских публикациях по голландско-русской тематике и что о русском языке знают не больше, чем о тунгусском или якутском. Кроме того, Уленбек утверждал, что в библиотеках Голландии так мало материалов по русской истории и по русскому языку, что эти предметы, собственно говоря, и не могли изучаться в Нидерландах. Короче говоря, согласно Уленбеку, нидерландскому обществу ещё предстояло проделать большую интеллектуальную работу, для того чтобы изменить ситуацию.

Собственный отчёт Уленбека объёмом 279 страниц (включая указатель) был составлен, как, несомненно, считал и он сам, весьма успешно. Интересно проследить за тем, как Уленбек проводил свои исследования.

Он начал с Морского архива в Санкт-Петербурге, где получил полную поддержку и помощь начальника архива В.Г. Чубинского. Так как каталоги этого архива были превосходны, уже через месяц работа была готова. Уленбек полагал, что ему предоставили все наиболее важные материалы. Кто хорошо знаком с петербургским Морским архивом, тот понимает, что это полная чепуха.

После этого Уленбек отправился в Москву в Архив Министерства иностранных дел. Там он работал три месяца и получил большую поддержку со стороны тогдашнего директора барона Ф.А. Бюлера. По словам Уленбека, архив был открыт только пять дней в неделю, поэтому голландцу было разрешено по субботам, воскресеньям и в многочисленные праздники работать в доме барона. Всё это дало определённые результаты.

Уленбек начал своё описание 1600 г. и закончил 1796 — годом смерти императрицы Екатерины II. Периоду истории вплоть до смерти Петра Великого придавалось наибольшее значение. Петровское время (1699–1725), описанное на 165 страницах, составило основную часть работы Уленбека. 1726–1796 гг. описаны всего на 19 страницах, то есть остались практически без внимания.

Для Уленбека смерть Петра I означала по существу конец тесных голландско-русских отношений, которые с таким трудом были

построены в XVII–первой четверти XVII в. Уленбек констатировал: наилучшим для изучения был период до 1725 г., с особым акцентом на петровскую эпоху[2].

К другим московским архивам наш учёный не обращался, так как главный архивариус Министерства иностранных дел В.А. Ульяницкий сообщил ему, что там нечего было искать. Таким образом, наш друг значительно облегчил себе задачу. Проблема была и в том, что Уленбек не был историком и, по сути, имел слишком мало исторических знаний для выполнения своей миссии. Для него был интересен только петровский период, другие эпохи представлялись всего лишь как слабые тени голландско-русской дружбы 1700-х гг.

Понятно, что работа Уленбека не дала голландским историкам большого стимула заниматься изучением голландско-русских отношений. Ведь документы двух российских архивов были, по словам Уленбека, хорошо изучены и в значительной степени переведены — следовательно, зачем пытаться идти дальше? Кроме того, зачем заниматься скучным постпетровским периодом, не говоря уже о XIX в.? К тому же следует принимать во внимание плачевное положение с русским языком и русской историей в бедных голландских библиотеках. Надо было быть сумасшедшим, чтобы заниматься этими темами. И таких сумасшедших было очень мало. Одним словом, антиреклама Уленбека принесла богатые плоды.

Когда в 1917 г. произошла Октябрьская революция и многочисленные мелкие голландские инвесторы потеряли свои сбережения, в научных кругах интерес к изучению русско-голландских отношений стал ничтожно мал. С атеистическим режимом на Востоке нужно было избегать всяческих контактов. Голландские власти, при сдержанной поддержке королевской семьи, не желали иметь никаких дел с новой Россией. Вторая мировая война и последовавшая за ней холодная война тоже давали мало импульсов для изучения голландско-русских связей.

Только в 1990-х гг. в русском обществе появилась некоторая открытость, и вместе с ней «приоткрылись» российские архивы. Это позволило Голландской организации по научным исследованиям в 1992 г. провести обследование огромной коллекции Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве на предмет выявления в ней материалов по истории голландско-рус-

[2] *J.S.A.M. van Koningsbrugge, T. Solovyova*. Documents on the Relations between Russia and the Netherlands in the Russian State Archives of Old Charters (RGADA). Moscow, 1999.

ских связей. В результате было подготовлено и в 1999 г. издано архивное руководство по истории голландско-русских отношений, с большим акцентом на петровскую эпоху.

Следует обратить внимание, что стимулирующим моментом явилось празднование 300-летия появления в Нидерландах Великого посольства. Ведь с этой дипломатической миссией в Нидерландах обнаруживались действительные связи с Россией. А так как Великое посольство было организовано самим Петром I, это, наконец, привлекло к истории голландско-русских отношений подобающее внимание.

В марте 2000 г. на базе Государственного университета Гронингена был открыт Голландско-Российский архивный центр, работающий в тесном сотрудничестве с Католическим университетом Лувена. В 2008 г. он был преобразован в Центр «Нидерланды — Россия». Таким образом, как мы видим, появилась научная организация, а не частное лицо, каким был Уленбек. Создавая этот центр, голландские власти рассчитывали, что этот проект будет длительным. И это оказалось реалистичным подходом.

Власти России также заслуживают похвалы за то, что на протяжении веков хранили многочисленные документы о наших двусторонних отношениях. По моей — весьма грубой — оценке, в российских архивах в настоящее время хранится в 15–20 раз больше материалов о Нидерландах, чем в нидерландских архивах о России. В какой мере изучение нидерландско-русских отношений в Нидерландах отстаёт, понятно из того факта, что даже проекты биографий, которые мы с коллегой Вагемансом представили, должны были быть заново написаны, другими словами, мы должны были начинать почти с нуля[3].

Важно отметить, что архивное дело в России и Нидерландах организовано совершенно по-разному. В Нидерландах есть Национальный архив в Гааге, куда все государственные учреждения должны передавать свои материалы. Там хранятся и документы Министерства иностранных дел за период до 1970 г. В архивном деле существует значительная централизация. Здесь легко найти все материалы. Национальный архив является также хранилищем архивов провинции Голландия, которая во время Петра I была самой сильной из всех голландских провинций.

[3] *Вагеманс Э., Конингсбрюгге Х. ван.* Русская библиография о Голландии и русско-голандских отношениях. 1700–2000 (Russische bibliografie over Nederland en Nederlands-Russische betrekkingen). СПб, 2003.

Для допетровского периода важным является муниципальный архив Амстердама. Это был экономический центр Голландской Республики, поэтому информацию о русско-голландских экономических отношениях следует искать здесь. Инвентарные записи оцифрованы, так что центральные и муниципальные источники могут легко объединяться. Это возможно ещё и благодаря тому, что в большинстве архивохранилищ Нидерландов, даже если это не национальные архивы, документы доступны в цифровом виде из любой точки доступа[4].

В России организация архивов сложнее. Здесь существует не менее 15 федеральных архивов и архивных центров внутри Федерального архивного агентства (Росархив), в то время как архив Министерства иностранных дел выпадает из этой структуры. В российском архивном деле велика раздробленность. Кроме того, существует большая разница в инвентарных записях. Голландские инвентарные записи достаточно подробно детализированы, часто даже на уровне документа. Русские инвентарные записи, наоборот, слишком укрупнены. Это затрудняет работу специалистов. По этой причине Центром «Нидерланды — Россия» в сотрудничестве с Центральным государственным военно-морским архивом в Санкт-Петербурге произведена инвентаризация коллекции Корнелиуса Крюйса (Cornelis Cruys), одного из основателей русского флота. Другими словами, многое может быть достигнуто благодаря улучшению существующих инвентарных записей[5].

Насколько продвинута сейчас совместная нидерландско-российская работа по изучению петровского времени?

1) В целом с голландской стороны мы можем видеть, что официальные российско-голландские дипломатические отношения достаточно изучены, хотя в них существуют и значительные пробелы. Это касается, например, второй половины правления Петра I, после 1710 г. О втором визите Петра в Северную часть Нидерландов в 1716–1717 гг. известно очень мало. То же самое касается вопроса, почему во второй половине правления Петра быстро слабела голландско-русская дружба. Я надеюсь, что осенью этого года будет опубликована моя монография на эту тему.

---

[4] www.nationaalarchief.nl

[5] Preparing the Russian Navy for Victories: Letters of Peter I to admiral Cornelis Cruys (RGA VMF) / Eds.: H. van Koningsbrugge, T.P. Mazur, V.S. Sobolev. St. Petersburg, 2003 (in Russian and English). 176 pp., with illustrations and index.

2) Изучение голландско-русского военного сотрудничества ведётся по-прежнему слабо. Я упоминал уже о коллекции Крюйса. То, что ещё должно быть сделано в этой сфере, показывает, что изучение этого вопроса всё ещё находится в зачаточном состоянии.

3) Голландское влияние в петровской России было весьма разнообразным. С.Б. Горбатенко опубликовал замечательную книгу, посвящённую голландскому влиянию на архитектуру строившегося Санкт-Петербурга. Он смог убедительно показать, каким значительным и глубоким было это влияние. Книга написана на материалах Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге[6].

Голландское влияние сказывалось не только в архитектуре. Нидерланды определённо повлияли на российскую науку. Эта тема изучена лишь частично. Амстердамский исторический музей плодотворно сотрудничает с Кунсткамерой в Санкт-Петербурге. Недавно в Гронингене была опубликована диссертация Игоря Владимирова о голландском влиянии на российскую картографию. Тем не менее, это всего лишь отдельные составляющие части проблемы: детальный и всесторонний анализ по-прежнему отсутствует[7].

4) Ещё одной недостаточно изученной проблемой является развитие голландско-русских экономических связей во времена Петра I. Здесь важно принимать во внимание изменения, связанные преимущественно с предпочтением, оказываемым новому порту Санкт-Петербурга вместо старого Архангельска, что для широкого круга голландских купцов оказалось весьма невыгодным.

В Нидерландах начата работа над уникальным проектом, который имеет отношение к изучению истории России. Национальный архив поручил Центру «Нидерланды — Россия» разработать руководство, где будут представлены результаты систематического обследования всех архивов Нидерландах на наличие в них документов по истории голландско-русских отношений. Эти документы будут максимально полно описаны. Это означает, что с этим руководством исследователь получит отличный обзор того, что голландские архивы могут предложить для изучения голландско-русских отношений. Это могут быть, например, посещения Петром I Нидерландов или деятельность русских в Нидерландах. Хронологические рамки исследования — с 1580 по 1991 г., то есть до конца

[6] *Горбатенко С.Б.* Новый Амстердам. Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. СПб., 2003.

[7] *Wladimiroff I.* De kaart van een verzwegen vriendschap. Nicolaes Witsen en Andrej Winius en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen, 2008.

Советского Союза. Архив голландского посольства в Москве также будет участвовать в этом проекте.

Подготовка подобного реестра могла бы быть предпринята и в России — это хорошая идея, осуществление которой помогло бы продвинуть изучение петровских реликвий в российских архивах. В результате мог бы, наконец, появиться связный обзор того, чем мы располагаем на сегодняшний день. Это плодотворная идея на 2013 г. — год российско-голландской дружбы, «перекрёстный» год России и Нидерландов.

Какие интересные документы по петровской истории хранятся в голландских архивах? Это непростой вопрос. Большая часть документов находится в Государственном архиве в Гааге и представляет собой переписку между голландским и российским правительствами. Официальные письма всегда подписывались самим царём. Зачастую они являются всего лишь выражением вежливости. Но были, однако, и случаи политического напряжения, например, история высылки из России голландского посланника Де Би. Эта переписка показывает, как непросто развивались голландско-российские политические отношения во второй половине правления Петра Великого.

Большой интерес представляют письма из России нидерландских дипломатов, носящие неофициальный характер, например, адресованные лидеру голландской политики, пенсионарию или правителю торгового города Амстердама. В этих письмах часто затрагивается деятельность самого Петра. Интересным, но малоизученным источником являются голландские газеты, которые часто писали о России. Они дают представление об образе России в Голландии, говорят о том, как Голландия воспринимала современную ей Россию.

Ещё одним важным и массовым источником для изучения голландско-русских связей являются письма голландских купцов. Они также хранятся в Государственном архиве в Гааге. В этих письмах содержатся сведения не только по истории голландско-русских экономических отношений, но и о повседневной жизни в России. Интерес представляют также купеческие договоры, заключённые у амстердамских нотариусов. Это важный источник по истории экономических отношений. Но из-за большого объёма этот материал ещё мало изучен и только частично введён в научный оборот благодаря каталогизации.

Надо признать, что в настоящее время изучением петровской эпохи в Голландии занимается небольшое число исследователей.

Петровская история не является самостоятельной научной темой для голландского исследователя, а всегда изучается как часть истории нового времени и/или часть истории Голландии.

На какие успехи можно указать? Мне кажется, голландско-российские политические отношения изучены довольно хорошо. Представляется, тем не менее, что их изучение будет продолжено. При этом необходимо изменить господствующее представление об отличных отношениях между Голландией и Россией на протяжении всего петровского правления и избавить эти представления от излишней романтики. Особенно это касается периода после 1710 г., когда отношения между Республикой и Россией на государственном уровне начали стремительно ухудшаться.

Серьёзным успехом я считаю работу г-жи Йозин Дриссен о роли голландцев в создании Кунсткамеры — образцовый пример анализа научной переписки.

В целом можно сказать, что многое ещё предстоит сделать и подчеркнуть необходимость скорейших публикаций в России достигнутых уже результатов в виде статей и монографий.

Перевод *Marcel Stoeten*

Э. Кросс (Кембридж)

Рассказ о кубке, пистолете и перчатках, а ещё о дереве: история некоторых предметов в Англии, связанных с именем Петра Великого

Для русских, особенно для жителей города, основанного Петром Великим, свято всё, что так или иначе связано с жизнью и деяниями государя. Однако известность Петра I простирается гораздо дальше границ его отечества, и имя его вызывало и до сих пор вызывает живые отклики в странах, которые посетил государь во время двух больших путешествий за границу. Кроме того, было несметное число иноземцев из других стран, которые жили и работали в России при Петре I, и некоторые знали царя лично. Великобритания связана с Россией Петра Великого двойными, мощными узами. Поэтому неудивительно, что в Британии есть и места, и предметы, связанные с государем. Однако, как это часто бывает с реликвиями, подобными частям распятия, крови и мощам святых и великомучеников, легенды и мифы оказываются сильнее реальных фактов.

Мой доклад на конгрессе 2011 г. был посвящён документам, рассказывающим разные истории из позднего периода царствования Петра Великого, собранным доктором Джоном Беллом, шотландцем, работавшим в России при Петре I. Белл познакомился с государем во время поездки Петра I в Дербент в 1722 г.[1] Эта статья, вернее её вступительная часть, также о докторе Белле, который привёз домой из своей поездки в Россию стеклянный кубок и,

[1] *Кросс Э.* «Разнообразные анекдоты о Петре Первом» Джона Белла (1779 год) // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. СПб., 2011. С. 83–92.

предположительно, два бокала. Тем не менее, насколько мне известно, Белл нигде — ни в опубликованных работах, ни в каких-либо других письменных свидетельствах не упоминает о своих приобретениях. В самом деле, об их существовании обмолвился в статье, опубликованной около 30 лет назад, Джон Мейси Стьюарт, мой друг и коллега, известный автор исследований о Сибири. Стьюарт пишет: «Перед отъездом из России Белл получил в подарок от царя великолепный кубок и бокалы, сделанные из гранёного стекла и украшенные царской эмблемой из тонкого листового золота». При этом Стьюарт прилагает иллюстрацию — фотографию, правда, очень плохого качества, кубка с крышечкой и двух бокалов, но не говорит ни о размере этих предметов, ни об их местонахождении[2]. Больше, собственно, об этих предметах нигде не написано и неизвестно было до тех пор, пока я не попытался найти дополнительные сведения в процессе переписки со Стьюартом. В итоге я могу сообщить дополнительные сведения[3].

Случилось так, что Мейси Стьюарт летел из Лондона в Эдинбург. Сидя в кресле самолёта, он читал современное издание путевых записок Белла, которые тот вёл во время поездки в Пекин. Соседка Мейси Стьюарта, увидев обложку книги, завязала с ним разговор, представившись женой человека, который был потомком Белла. Более того, она сообщила ему о том, что в их семье существует передаваемая из поколения в поколение реликвия — кубок и два бокала. Убедиться в их существовании Мейси Стьюарт смог, навестив свою спутницу уже в Лондоне. Позже эти предметы были сфотографированы для выставки, посвящённой англо-российским связям, которую Мейси Стьюарт организовал в Новосибирске в 1974 г. Судя по этой фотографии (она была лучшего качества, чем та, которая прилагалась к опубликованным заметкам Белла), на кубке имелись выгравированные буквы «P» и «E I», то есть латинские инициалы имён государя Петра I и его супруги, а под ними — изображение короны, но на бокалах было выгравировано «F W R» — то есть король Фредерик Вильгельм, Вильгельм I, Прусский монарх. Вполне вероятно, что бокалы вовсе не составляют комплект с кубком. Мейси Стьюарт уверяет меня, что кубок был действительно очень

[2] *Stewart J.M.* Britain's Siberian Connection // *Stewart J.M., Wood A.* Siberia: Two Historical Perspectives. London, 1984. P. 4. Plate 1b.

[3] Основано на информации, сообщённой Джоном Мейси Стьюартом в письмах, посланных автору этой работы 3 и 6 мая 2011 г.

большого размера и его надо называть именно «кубком», а не «бокалом», однако точные размеры его остаются неведомыми. В каталоге выставки «Основатели Петербурга», состоявшейся в 2003 г. в Эрмитаже, есть иллюстрации кубков, аналогичных тем, которые были привезены Беллом, причём слово «тем» — здесь не оговорка, поскольку, как выясняется, кубков была пара.

Впоследствии Мейси Стьюарт выяснил, что Белл получил в подарок два кубка, один из которых он подарил родственнику по материнской линии, Стерлингу из Стерлингшира, а другой — одному из своих друзей, Джону Бьюкенену. Оба кубка сохранились до нашего времени, хотя второй пострадал во время Второй мировой войны — при упаковке повредили крышечку. Происхождение бокалов неизвестно.

В этой истории есть ещё одно невероятное стечение обстоятельств — каким-то образом судьба свела Мейси Стьюарта с владельцем второго, повреждённого, кубка, который поведал ему, что и Бьюкенены, и Стерлинги были близкими соседями Белла в Стерлингшире. Сейчас, насколько мне известно, один кубок находится у своего владельца в Оксфордшире, другой же хранится в Шотландии, вероятно, в музее Глазго.

В английском языке есть слово «serendipity», которое обозначает «интуитивную прозорливость» — своего рода счастливую способность делать неожиданные открытия и находки. Несомненно, Мейси Стьюарт обладал этим свойством — тому свидетельство история с кубками. Мне же повезло в поисках второго предмета. Несколько лет назад мне довелось побывать в знаменитом музее Сэра Джона Сонна в районе Линкольн Инн Филдс в Лондоне, сокровищнице предметов самого разного характера, собранной Сонном в начале XIX в. Поскольку меня всегда интересовало всё связанное с Россией, прохаживаясь по залам музея, я сразу приметил довольно качественную копию картины «Купидон, развязывающий пояс на Венере», написанной Джошуа Рейнолдсом и приобретённой князем Г.А. Потёмкиным. И только под самый конец, уже завершая свою экскурсию, я заметил в столовой у стены витрину, пустую, но с подписью внизу: «Этот пистолет был захвачен Петром Первым у Бей-паши, главнокомандующего турецкой армией, во время сражения на Азовском море в 1696 году. Впоследствии он был подарен русским царём Александром I Наполеону Бонапарту после подписания Тильзитского договора в 1807 году, который в свою очередь подарил его некоему господину

в 1820 году, на острове Святой Елены»[4]. Какие имена! И какая находка! Я, разумеется, тотчас же устремился на поиски смотрителя музея, который был так любезен, что познакомил меня с рядом документов, касающихся пистолета и прискорбной кражи этой реликвии.

Вначале следует рассказать о краже. Пистолет был похищен в ночь с 25 на 26 марта 1969 г., вместе с ним украли картину Ватто. Картину впоследствии нашли, но никаких следов, ведущих к местонахождению пистолета, не было обнаружено. Скорее всего, он хранится сейчас в какой-нибудь частной коллекции, может быть, в Англии, а возможно, его вывезли за границу. Однако у нас есть и информация, и фотографии, которые позволяют нам сделать предположение об отношении этой реликвии к череде власть имущих.

Сонн купил пистолет за 20 фунтов у лондонского серебряных дел мастера 18 марта 1826 г. На квитанции о покупке пистолет называется «серебряным пистолетом, украшенным тонкой выгравированной вставкой», но Сонн знал, а может, просто полагал, что знает больше о происхождении этого предмета. Потому что тремя днями раньше, то есть 15 марта, «Морнинг Геральд» опубликовал статью под заголовком «Наполеон и таинственный пистолет», вызвавшую, судя по всему, интерес Сонна и побудившую его совершить эту покупку. В 1832 г. в описании своего дома и музея, изданном частным образом, Сонн приводит факты, о которых он узнал из газетной статьи. Тогда некая пожилая дама была заподозрена в краже знаменитого оружия и арестована прямо на улице, где она пыталась продать пистолет, но позже была освобождена — никакого обвинения ей не предъявили. На нижней части пистолета имелась табличка с выгравированной на ней надписью «Императору Наполеону», точнее — «Наполеану». Далее объяснялось, что пистолет был подарен французскому императору Александром I во время их встречи на плоту на реке Неман при подписании Тильзитского мира в 1807 г., а также что Наполеон, в свою очередь, подарил пистолет некоему французскому офицеру из своей свиты на острове св. Елены. Позднее офицер приехал в Англию и заложил пистолет серебряных дел мастеру м-ру Драю, у которого Сонн его и купил. Из всего вышесказанного следует, что никакой связи с Петром Великим и ничего, что могло бы пролить свет на происхождение пистолета, здесь не прослеживается.

[4] Этот и другие приведённые ниже документы хранятся в архиве музея Сэра Джона Сонна. Archive: Curatorial papers: Bailey: outsize box 13.

А между тем, пистолет был и в самом деле предметом примечательным. По мнению специалистов Королевской Оружейной палаты, пистолет был отлит в Турции в первых годах XIX в., а затвор произведён в Англии. Заключение экспертов, датированное 1949 г., гласит: «оружие было изготовлено в Турции около 1810–1820 гг. и вскоре после этого было завезено в Англию, где заменили затвор, а ствол закалили до синего цвета, украсили гравировкой и позолотили — в тон затвору, а также добавили шомпол и трубки. Всё это было сделано приблизительно в 1820–1825 гг.». К тому же эта экспертиза наводит на мысль, «что слова “Императору Наполеону”, выгравированные на стволе, вероятно, были добавлены лондонским мастером по просьбе дилера, через руки которого прошёл пистолет, прежде чем он был куплен сэром Джоном Сонном, возможно, для того, чтобы поддержать легенду о том, что когда-то пистолет принадлежал самому Наполеону»[5]. Однако позднее в экспертизу была внесена поправка — пистолет был отлит не в Турции, а в Албании, но датировка осталась прежней[6]. В любом случае, пистолет не имеет никакого отношения ни к битве при Азове, ни к турецкому Бею, ни к Петру Великому. Мы в очередной раз столкнулись с привлекательностью имени русского государя, и хотя связь эта оказалась фиктивной, она говорит о том, насколько притягивала она покупателей — именно она, а также связь оружия с именами Александра I и Наполеона, послужили тем магнитом, который побудил Сонна купить пистолет.

Наконец, настала очередь третьего предмета, который, по всей вероятности, имеет более близкое, нежели кубки и пистолет, отношение к пребыванию царя Петра I в Англии. Около 15 лет назад Национальная Британская библиотека приобрела архив известного мемуариста XVII в. Джона Эвелина, до той поры находившийся в собственности его потомков, в их фамильном особняке Уоттон, (графство Саррей). Архив состоял, разумеется, в основном из бумаг, писем, печатных изданий, но были там и несколько предметов. Сразу после покупки в «Таймс» появилась фотография, на которой

[5] Письмо А. Киннарда, заместителя Управляющего Королевской Оружейной Палатой Джону Саммерсону, директору музея Сэра Джона Сонна, датированное 5 мая 1949 г.

[6] Письмо Кристи, отправленное из Лондона директору музея Джона Сонна и датированное 4 февраля 1999 г. В вопросе об албанском происхождении пистолета с ним согласен Роберт Элгуд: *Elgood R.* The Arms of Greece and Her Balkan Neighbours in the Ottoman Period. London, 2009. P. 242–243.

была запечатлена сотрудница библиотеки, смотрительница архива, разглядывающая какую-то тетрадь[7]. Рядом с ней на столе были ещё какие-то тетради в переплёте, а также пара элегантных замшевых перчаток, которые, судя по подписи под изображением, были подарены Эвелину Петром Первым[8]. Свежо предание, да верится с трудом! Перчатки действительно упоминаются Эвелином в описи предметов обстановки его дома на Дувр-стрит в районе Пикадилли, составленной им в 1703 г. У Эвелина они обозначены всего лишь как «перчатки, украшенные богатой золотой бахромой»[9]. О Петре Первом нет ни слова. Нет и никаких свидетельств того, что Эвелин и русский государь когда-либо встречались. Если бы оно было так, то эта встреча могла бы послужить причиной громкого и неприятного скандала. Вероятно, связь с Петром была придумана гораздо позже, возможно, она родилась в богатом воображении потомка Эвелина.

Наверное, самый печально известный эпизод, имеющий отношение к пребыванию Петра Великого в Англии, относится к началу февраля, когда государь и его свита покинули своё жилище на Норфолк-стрит и поселились в Сейес-Корт, в Дептфорде. Тогда это поместье принадлежало Эвелину. Сам он там не жил, но сдавал его в аренду разным людям (в данном случае, капитану Бенбоу, позднее дослужившемуся до звания адмирала). Русские гости оказались весьма неприятными постояльцами — они учинили разгром в доме, и не только в доме, но и в прилегающем к нему знаменитом саду.

Так вот, что касается дерева. До нашего времени сохранилось лишь одно дерево, шелковица, несомненно, очень старая, которая растёт в трогательно-грустном уголке, когда-то бывшем дальним концом огромного сада Эвелина. Мы знаем, что царь Пётр, принимавший живое участие в планировке не только Петербурга, но и его окрестных садов и парков, велел сажать деревья везде, где возможно: тем более удивительно, что, находясь в Сейес-Корт, он и его спутники катили тачки прямо по живой изгороди из падубов, которой так гордился Эвелин, губя при этом цветы и деревья, которые государь и не подумал возместить, посадив новые, хотя бы из-за угрызений совести, если уж не в порядке компенсации. Трудно сказать, когда

---

[7] Статья «British Library buys record of 17th-century life and times» // The Times. Thursday 9 March 1995.

[8] British Library, Evelyn Papers, vol. CCLXII, item 78429.

[9] Pocket book of John Evelyn, Harvard University, Houghton Library, MS Eng. 992.2., P. [23].

родился миф о том, что это дерево было якобы посажено в Сейес-Корт Петром Великим — вероятно, всё в том же XIX в.

Однако тут в нашем сюжете происходит поворот. В Лондоне, на улице Лоуэр-Теймс, возле большого рыбного рынка стояло прекрасное здание викторианской эпохи, построенное в 1849 г., но, к сожалению разрушенное в 1962, — там находилась Новая Угольная Биржа, где собирались крупнейшие торговцы углём[10]. Пол в этом здании был украшен мозаикой в форме морского компаса, состоящей из 4000 кусочков дерева. В центре его был изображён герб города Лондона — щит, на котором крест Святого Георгия соединялся с обращённым вверх мечом или кинжалом в первой четверти. Известно, что меч символизирует меч Святого Павла[11]. И что особенно примечательно, так это то, что, по мнению современных экспертов, кусочки дерева, из которого выложено лезвие меча, являются той самой шелковицей, которая была «посажена» Петром Великим[12]. Так ли обстояло дело на самом деле — мы не узнаем теперь уж никогда.

Таким образом, кубки, которые, возможно, когда-то поднимала рука великого государя, пистолет, который он, определённо, никогда не держал, пара перчаток, которых он никогда не касался, и дерево, которое он так и не посадил, — составляют печальный итог наших поисков. Однако все эти истории — правдивые и выдуманные — свидетельствуют о том, насколько живучи и привлекательны для британцев легенды, связанные с Петром Великим.

Перевод *Е.В. Приятkиной*

---

[10] *Stamp G.* Lost Victorian Britain: How the Twentieth Century Destroyed the Nineteenth Century's Architectural Masterpieces. London, 2010. P. 21–22, 71–72.

[11] Corporation of London Records Office, Information Sheet 5.

[12] *Cunningham P.* Hand-book of London: Past and Present. London, 1850. P. 130–131; *Dickens C. (jr.)*. Dickens's Dictionary of London: An Unconventional Handbook. London, 1879. P. 73. — Примечательно, что Канингем приводит цифру 40 000 кусочков дерева, в то время как Диккенс даёт другую — 4 000, более близкую к действительности.

В.А. Писарева (Дрезден)

Подарки Петра I в Государственных художественных собраниях Дрездена

Государственные художественные собрания Дрездена, отметившие в 2010 г. свой 450-летний юбилей, объединяют 12 музеев, которые хранят необыкновенно разнообразные свидетельства петровского времени. Среди них — выполненные в различной технике медальоны с портретом Петра I из собрания фарфора и сокровищницы «Зелёные Своды», а также монеты и медали петровской эпохи в Нумизматическом кабинете[1]. Но главные раритеты — это подарки Петра I Августу Сильному, хранящиеся в дрезденской Оружейной палате и сокровищнице «Зелёные Своды», которые впервые будут представлены все вместе в этой публикации.

В 1697 г. саксонский курфюрст Фридрих Август I (1670–1733), прозванный Августом Сильным, становится польским королём Августом II, чьё избрание решительно поддержал русский царь Пётр I. Год спустя, при личной встрече в Раве-Русской, между двумя правителями, объединёнными первоначально общими политическими целями, возникают и личные симпатии. Заключение военного союза, направленного против общего противника — Швеции, и начавшаяся вскоре Северная война ведут к интенсивным

[1] Государственные художественные собрания Дрездена (Staatliche Kunstsammlungen Dresden). Собрание фарфора: рельефный медальон с портретом Петра I, инв. № P.E. 2406. *Pietsch U.* Meißen für die Zaren. Porzellan als Mittel sächsisch-russischer Politik im 18. Jahrhundert. München, 2004. S. 42, Kat.-Nr. 1.; Зелёные Своды: медальоны с портретом Петра I (инв. № III 36, инв. № VI 72 k) и царевича Алексея (инв. № III 35 a). Кабинет драгоценностей Августа Сильного. Из собрания Зелёных Сводов. Дрезден; Москва, 2006. С. 42–43. Кат. № 2; С. 44–45. Кат. № 3.

отношениям Августа II и Петра I на протяжении почти двух десятилетий. В этот период в собрания саксонских курфюрстов передаются на хранение подарки русского царя, которые сохранились до наших дней в Государственных художественных собраниях Дрездена. Оружие, преподнесённое Петром I, поступает в Оружейную палату, история которой берёт своё начало ещё в XVI веке. Доспехи, оружие, конская сбруя распределялись, согласно их назначению, исторической и художественной ценности, по многочисленным кабинетам. Учёт предметов, их состояние и перемещение внутри собрания отмечалось в инвентарных книгах, многие из которых сохранились до наших дней и дают уникальную возможность проследить историю объектов на протяжении нескольких столетий[2].

11 августа 1699 г. в Дрезденскую Оружейную палату поступают два ружья, подаренные Петром I[3]. Ружье с ударно-кремниевым замком англо-голландского типа, украшенное кораллами и серебряной инкрустацией, является работой алжирских оружейников[4]. (Илл. 1). Растительный орнамент в технике серебряной насечки покрывает ствол оружия. Согласно инвентарной записи, это «янычарское» ружьё — подарок татарского хана московскому царю, который в свою очередь преподнёс его королю Польши к коронации в Кракове в 1697 г.[5] Второе ружьё оснащено ударно-кремниевым замком французского типа. Ствол из дамасской стали украшен золотой насечкой и рубинами различной величины. В 1740 г. оригинальная ложа с камнями голубого цвета заменяется на новую. Также не сохранилась вышивка по бархату, прикрывавшая замок ру-

[2] В Общем инвентаре 1719 г. перечисляются более 28 так называемых камер, которые, в свою очередь, могли состоять из нескольких помещений. Самый ранний инвентарь собрания датировался 1567 г. (утерян с 1945). *Bäumel J.* Rüstkammer. Führer durch die ständige Ausstellung im Semperbau. München; Berlin, 2004. S. 13.

[3] *Schuckelt H.* Die Türkische Cammer. Sammlung orientalischer Kunst in der kurfürstlich-sächsischen Rüstkammer Dresden. Dresden, 2010. S. 258–259, Kat. Nr. 231; *Schuckelt H.* Türckische Cammer. Orientalische Pracht in der Rüstkammer Dresden / The Turkish Chamber Oriental Splendor in the Dresden Armoury. Dresden, 2010. P. 90–91.

[4] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № Y 341. Первое упоминание (далее: «п. уп.»): Inventar Rüstkammer, № 163, 3. Büchsenkammer 1683, S. 517, № 380.

[5] О приёме русских послов в Кракове в 1697 г. и о встрече в Раве-Русской в 1698 г.: *Bäumel J.* Auf dem Weg zum Thron. Die Krönungsreise Augusts des Starken. Dresden, 1997, S. 54–56, 206–210.

жья. Инвентарная запись о потере аметиста на этой вышивке свидетельствует об использовании ружья в 1709 г. во время торжеств в связи с приездом в Дрезден датского короля Фредерика IV. Это ружьё было первоначально подарено русскому царю «турецким императором в Константинополе» и было также послано в дар Августу Сильному Петром I[6]. Хотя в этом случае не указана дата дарения, это, вероятно, также подарок к коронации. В этом случае подношение оружия крымского хана и турецкого султана, общих противников Саксонии, Польши и России, придаёт подарку особый символический смысл.

В Дрезденской Оружейной палате также были зарегистрированы две шпаги, подаренные Петром I. В августе 1698 г. состоялась первая личная встреча Петра I и Августа II в Раве-Русской. Два молодых амбициозных правителя договорились о своих дальнейших политических действиях, заложив основу для оформления Северного Союза в 1699 г. Они также обменялись ценными подарками и в знак дружбы — шляпами и шпагами. По распоряжению Августа II гарнитур Петра I посылается из Польши на хранение в Дрезденскую Оружейную палату[7]. (Илл. 2).

Пётр I, отправившийся в марте 1697 г. в своё первое путешествие по странам Западной Европы, уже в первые месяцы поездки меняет свой русский костюм на западноевропейский, соответствующий последней французской придворной моде. На пополнение гардероба и приобретение соответствующих аксессуаров тратились значительные средства. Шпага и шляпа Петра I, являющиеся знаками высшего отличия в придворном этикете, выполнены как гарнитур и свидетельствуют о быстром восприятии новой моды русским царём.

Особенностью в оформлении позолоченных гарды шпаги и застёжки шляпы является отделка из стальных шариков, огранённых «розой». На изящном клинке протравлен растительный орнамент с

---

[6] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № G 1172. П. уп.: Inventar Rüstkammer, [1] 163, 3. Büchsenkammer 1683, Nachtrag, S. 516, № 379. Schuckelt 2010, Kat. № 232; Schuckelt 2010 a, S. 90–91.

[7] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № XIV 5, зарегистрирована в собрании 22 марта 1699 г. Чёрные кожаные ножны с латунным наконечником и крючком для крепления к портупее не сохранились. П. уп.: Inventar Rüstkammer, № 130, Kurkammer 1683, Nachtrag, S. 294. № 205. Onder den Oranje boom. Niederländische Kunst und Kultur im 17. und 18. Jahrhundert an deutschen Fürstenhöfen. München, 1999. S. 129. Kat. № 5/27; «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения. СПб., 2009. С. 382. Кат. № 343 (Ютта Шарлотта фон Бло).

медальоном наместника Нидерландов Фридриха Генриха Оранского (1584–1647). Это шпага могла быть приобретена в Голландии или в Англии. Сохранились сведения о покупке шпаг для Петра I в Лондоне в апреле 1698 г. Не исключено, что она могла быть в их числе[8]. Шпага, похожая на петровский подарок, изображена на парадном портрете Августа Сильного, написанном Луи де Сильвестром в 1723 г.[9]

Чёрная треугольная шляпа была сделана из бобрового фетра. Основание тульи опоясывал золотой галун с пряжкой[10]. Несмотря на значительные повреждения, отмеченные в инвентарях XIX века, она постоянно демонстрировалась в собрании. После 1945 г. шляпа считается утерянной.

Вторая шпага Петра I поступила в Оружейную палату 7 апреля 1707 г.[11] По какому случаю она была подарена польскому королю, не сообщается. Это офицерская пехотная шпага шведского типа с шестигранным в сечении клинком. (Илл. 3). На золочёной пяте, имитирующей рисунок дамасской стали, находится медальон с изображением папы Римского и надписью «ROMA». Защитная чаша прорезана мелкими сквозными отверстиями и украшена стилизованным растительным орнаментом. Хотя обе шпаги Петра I экспонировались в музее вместе, следы этой шпаги позже теряются. Благодаря инвентарным описаниям, петровский подарок удалось вновь отыскать в фондах музея.

В Оружейной палате Дрездена хранятся также кортик, шпага и трость японской работы, появление которых в собрании могло быть связано с Петром I. Эти предметы, украшенные птицами, цветущими ветками и горными пейзажами на золотом фоне, изготовлены по европейскому образцу из особого сплава меди, золота, серебра и

---

[8] *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698, СПб., 2008. С. 285.

[9] Картинная галерея Старых мастеров (Gemäldegalerie Alte Meister), Gal. № 3944. *Marx H.*: Louis de Silvestre. Die Gemälde in der Dresdener Gemäldegalerie. Dresden, 1975. S. 58–59. Kat. № 15

[10] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № i. 90 (утеряна с 1945). Поступает на хранение 22 августа 1699. П. уп.: Inventar Rüstkammer, № 115, Paillenkammer 1688, Nachtrag, S. 196. Vermisste Kunstwerke des Historischen Museums Dresden. Dresden, 1990. S. 66. № 161.

[11] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № VII 32. П. уп.: Inventar Rüstkammer, № 130, Kurkammer 1683, fol. 301, № 205. В инвентаре 1821 г. (Inventar Rüstkammer, № 128, Kurkammer 1821, S. 74, № 128) последний раз упоминаются коричневые кожаные ножны с латунным наконечником и крючком для крепления к портупее.

мышьяка, именуемого «шакудо». Ножны и трость покрыты акульей кожей. Такие изделия привозилось в Европу голландской Ост-Индской компанией. Первым в собрании появляется охотничий кортик, который в инвентаре называется «московской сабелькой». (Илл. 4). Шесть лет спустя принимаются на хранение шпага и трость[12]. Эти экзотические декоративные изделия вполне могли быть дипломатическим подарком Петра I. Подобное оружие хранится также в Оружейной палате Московского Кремля и в Государственном Эрмитаже[13].

И в заключение рассказа об оружии Петра I, хотелось бы остановиться на известной истории о дважды подаренной шпаге, которая встречается в разных источниках[14]. Пётр I подарил Августу Сильному шпагу в знак дружбы. Заключив мир со Швецией, Август II преподнёс её в подарок Карлу XII. После победы под Полтавой эта же шпага была найдена в шведском стане. При следующей личной встрече с Августом Сильным Пётр I вновь дарит её своему изменчивому союзнику в назидание. При этом речь, как правило, идёт о личном оружии, которым оба правителя раннее обменялись. Нам известно об обмене шпагами и шляпами в Раве-Русской в 1698 г. Поскольку эта шпага Петра I до сих пор хранится в Оружейной палате, было интересно проверить, имеет ли эта легенда историческое подтверждение.

О чём же свидетельствуют инвентари собрания? После победы под Полтавой Пётр I встречается с Августом Сильным в Торне в октябре 1709 г. Согласно инвентарю Куркамеры, где хранились предметы особой исторической и художественной ценности, шпага

---

[12] Кортик, Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № X 438. П. уп.: Inventar Rüstkammer, № 246, Türkenkammer 1716, S. 95, № 169; переведён из хранилища огнестрельного оружия (Büchsenkammer, 1695) 8 января 1704; шпага и трость (Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № VI 447, инв. № i. 505) поступают 24 января 1711 г. П. уп.: Inventar Rüstkammer, № 130, Kurkammer 1683, Nachtrag, № 330.

[13] Государственный Эрмитаж, инв. № З.О. 2815; З.О. 1344, З.О.1374. Sawasa: Japanese Export Art in Black and Gold, 1650–1800, Rijksmuseum Amsterdam, Zwolle 1998, илл. на с. 24–25; *Тихомирова Е.В., Мартынова Т.В.* Оружие и конское убранство. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1989.

[14] Только несколько подобных примеров, где упоминается петровский подарок, который Август Сильный преподнёс Карлу XII: *Пушкин А.С.* История Петра. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 10. М., 1995. С. 122; *Massie R.K.* Peter the Great. His Life and World. New York, 1980. P. 519–520; *Гранин Д.* Вечера с Петром Великим. М., 2002. Глава 31. С. 350–353.

Петра I не покидала Дрезденскую оружейную палату в данный период и, соответственно, не могла быть подарена Карлу XII. Вместе с тем, в этом же инвентаре, действительно, упоминается подарок шведскому королю — клинок испанской работы без эфеса[15]. Он был подарен Карлу XII 28 декабря 1706 г., как раз накануне подписания Августом II мирного договора со Швецией, заключённого в Альтранштедте ещё в сентябре этого года. Но к шпаге Петра I этот клинок отношения не имеет.

Эта легенда, в которой реальные события переплетаются с домыслами, являются свидетельством неослабевающего интереса многих поколений к незаурядной личности Петра I.

Особую группу составляют предметы, поступившие на хранение в Дрезденскую Кунсткамеру. В июне 1698 г. русский царь, путешествующий с Великим посольством, впервые посещает знаменитое собрание саксонских курфюрстов, основанное в 1560 г. Каждый раз, попадая в Дрезден, Пётр I непременно бывает в Кунсткамере. Именно сюда поступают некоторые его подарки.

В инвентаре Кунсткамеры 1732 г. среди часовых механизмов значились английские золотые карманные часы с русским гербом на искусно украшенном корпусе. Они поступили 28 января 1704 г. как подарок Петра I[16]. Судя по заметке на полях, в своё время они исправно шли. При ревизии 1831 г. было установлено, что часы были изъяты из Кунсткамеры майором Шмидтом, который являлся главным инспектором этого собрания и Физико-математического салона, и не были возвращены им обратно. Дальнейшая судьба этого подарка неизвестна.

Пять предметов были сделаны самим царём, проявлявшим большой интерес к токарному ремеслу. Он постоянно интересуется техническими новинками, закупает необходимый материал для работы и дарит свои изделия не только своим подданным, но и суверенам других государств.

Чарка из бразильского дерева находится в Дрездене с 1707 г.[17] (Илл. 5). Надпись на ней гласит, что она сделана Петром I 12 ноября 1705 г. Спустя ровно сто лет — 12 ноября 1805 г. — русскому

[15] Inventar Rüstkammer, № 130, Kurkammer 1683, Nachtrag, S. 274.

[16] Inventar Kunstkammer, № 10, Inventar nach 1732, fol. 223 v.

[17] Вероятно, это дерево джакаранды. П. уп.: Inventar Kunstkammer, № 10, Inventar nach 1732, fol. 63. — Первоначально чарка находилась в деревянном футляре с красной обивкой. В инвентаре 1838 г. (Inventar Rüstkammer, № 82, Paradesaal 1838, S. 776, № 870) последний раз упоминается повреждённый футляр, который до наших дней не сохранился.

императору Александру I, побывавшему в Дрездене незадолго до битвы под Аустерлицем, была показана эта чарка. Это удивительное совпадение послужило поводом для нанесения на ней также имени императора и даты его посещения Кунсткамеры.

12 июля 1711 г. в собрание поступают сразу четыре предмета, выточенные русским царём: компас, две табакерки и набалдашник для трости[18]. Осенью того же года Пётр I дважды побывал в Дрездене: отправляясь на лечение в Карлсбад и на обратном пути, следуя в Торгау на свадьбу царевича Алексея и принцессы Софии Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской[19]. Возможно, ему довелось увидеть творения своих рук в знаменитом собрании.

Круглая коробка с компасной картушкой вносится в инвентарь Кунсткамеры как «морской компас с розами и маленьким портретом на крышке». (Илл. 6). Согласно аббревиатуре над мужским портретом, — это изображение Петра I в лавровом венке и доспехах[20]. На внутренней стороне крышки, под «1709» — изображение знаменательной победы с элементами геральдики: российский орёл настигает убегающего шведского льва. Этот мотив использовал ранее Христиан Вермут на медали в честь взятия Нарвы русскими войсками в 1704 г.[21]

Сохранились также две овальные табакерки: одна из слоновой, вторая — из моржовой кости[22]. (Илл. 7, 8). Четвёртым предметом числился набалдашник для трости с розой. После расформирования Кунсткамеры в 1832 г. все пять предметов поступают в Оружейную палату, переименованную в Королевский исторический музей. Все они, за исключением набалдашника для трости, который считался пропавшим в послевоенное время, хранятся в собрании до сих пор. Утерянный набалдашник удалось опознать на основании

---

[18] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № Р 125. П. уп.: Inventar Kunstkammer, № 10, Inventar nach 1732, fol. 84 v.

[19] Пётр I посещает Дрезден четыре раза. Впервые − в составе Великого посольства в 1698 г. по пути в Вену, дважды в 1711 и в 1712 г., возвращаясь из Карлсбада. *Syndram D.* Peter und August — eine «Entente cordiale» zwischen Rußland und Sachsen // Dresdner Hefte, 1. Jahrgang, Heft 74, № 2, 2003. S. 4−11.

[20] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № Р 122. Надпись над медальоном: Ц. П. А. ВС. Р. ПОВЕЛІТ: [Царь Пётр Алексеевич Всея Руси Повелитель]. П. уп.: см. сноску 18.

[21] *Diakov M.E.* Medals of the Russian Empire. Part 1. 1672−1725. Moscow, 2004. P. 77. Cat. 21.21.

[22] Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № Р 123 (табакерка из слоновой кости); инв. № Р 124 (табакерка из моржовой кости). П. уп.: см. сноску 18.

инвентарных записей и сведений о его размере в собрании «Зелёных Сводов»[23]. Он состоит из двух раскручивающихся частей, выточенных, вероятно, из моржового бивня. Сверху вставлен медальон из слоновой кости. Он украшен не розой, а звездой и является, очевидно, заменой утерянному медальону с розой[24]. (Илл. 9).

На встрече в Раве-Русской будущие союзники обмениваются не только шляпами и шпагами, но и ценными подарками. Пётр I получает на прощание в подарок трость, украшенную алмазами, Август Сильный — крупный сапфир необычной формы, напоминающий нос[25]. (Илл. 10). Не исключено, что он был слегка обработан и отполирован, чтобы подчеркнуть его необыкновенную форму. Камни такого необычайно большого размера пользовались особым спросом и были ценным дипломатическим подарком.

В Тайном хранилище Дрезденского дворца, известном сегодня как сокровищница «Зелёные Своды», находились государственные бумаги, драгоценности и деньги. Сюда поступает и «московский сапфир». Самое раннее упоминание о нём в сокровищнице относится к декабрю 1705 г., когда для получения кредита более ста ювелирных изделий и драгоценных камней, а вместе с ними и этот сапфир, вносятся в залоговый список[26]. Согласно первой инвентарной записи 1719 г., он был оценён в 3000 имперских талеров. Он никогда не использовался как украшение и сохранился до наших дней в дрезденских «Зелёных Сводах» как память об исторической встрече Петра I и Августа II.

С именем Петра I связывают также появление в «Зелёных Сводах» шкатулки-сейфа Пьера Фромери, считающейся ранней работой берлинского мастера[27]. Искусно сделанные шкатулки были ос-

---

[23] Зелёные Своды (Grünes Gewölbe), без инв. №. П. уп. см. сноску 18.

[24] Это подтверждает инвентарная запись: Inventar Rüstkammer, № 82, Paradesaal 1838, S. 776, № 869.

[25] Зелёные Своды (Grünes Gewölbe), инв. № VIII 162; 547, 71 карат. П. уп.: в первом инвентаре драгоценностей, Inventar Grünes Gewölbe, № 12, Inventarium der Königl[ichen] Juwelen 1719–1722, S. 32–33; «Совершенная виктория». S. 376. № 337 (Дирк Зюндрам).

[26] С 1706 по 1714 г. эти драгоценности находились в Гамбурге. *Syndram D.* Die Schatzkammer Augusts des Starken. Leipzig, 1999. S. 82.

[27] Зелёные Своды (Grünes Gewölbe), инв. № IV 312 a. П. уп.: Inventar Grünes Gewölbe, Nr. 24, Inventar Silbervergoldetes Zimmer 1733, S. 230–232. № 321. Вензель расшифровывается здесь как F. A. C. [Friedrich August Kurfürst]. Preußen 1701: Eine europäische Geschichte. Berlin, 2001. Bd 1, S. 76. Kat. № IV. 2; Zuwanderungsland Deutschland. Die Hugenotten. Berlin, 2005. S. 318–319, Kat. № 6/49.

нащены внутри сложными замками. Отверстие для ключа скрыто под короной на крышке. Медальон с вензелем «РА», изображённый в прямом и в зеркальном отображении, трактуется как «Пётр Алексеевич»[28]. Дата поступления шкатулки в собрание неизвестна.

Согласно инвентарным записям, самое позднее поступление подарков Петра I в дрезденские собрания датируется 1711 г. Последняя личная встреча русского царя и польского короля состоялась в Данциге в 1716 г.[29]

Драматическое развитие Северной войны подвергает отношения союзников серьёзным испытаниям. Заметное усиление позиции России ведёт к перераспределению сил внутри военного союза и к новым политическим целям его участников. Хорошо осознавая важность этих исторических событий и свою роль в истории, Август II передаёт на хранение в дрезденские собрания подарки и личные вещи своих выдающихся современников, определивших историю Северной войны. Кроме того, в дрезденской Оружейной палате устанавливаются фигуры его союзника Петра I и противника Карла XII, созданные ещё при их жизни[30]. Обе фигуры, состоящие из серебряных доспехов 1590 г. и восковых масок, хранились позже вместе с коронационной фигурой самого Августа II[31]. Последнее упоминание о них относится к 1821 г.[32]

С 1832 г. Оружейная палата, переименованная в Королевский исторический музей, разместилась в галереях и павильонах Цвингера. Здесь были выставлены шпаги Петра I и Карла XII, а в отдельной небольшой витрине — шляпа русского царя и предметы, сделанные им самим. О подарках Петра I также сообщали и путеводители музея. Эти экспонаты демонстрировались и в новой экспозиции музея, находившегося с 1877 по 1945 г. в здании в Иоганнеума.

---

[28] Подобная шкатулка Петра I хранится в Государственном Эрмитаже. Инв. № ЭРМ-5054. «Основателю Петербурга»: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2003. Кат. № 331. илл. на с. 58.

[29] См. сноску № 17. *Syndram D.* Peter und August... S. 11.

[30] Эмануэль Бениш создаёт восковую маску Петра, во время его посещения Дрездена в 1712 г. *Bäumel J.* Die polnische Krönungsfigur Augusts II, des Starken, in der Dresdner Rüstkammer // Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden, Beiträge, Berichte 1998/1999. S. 49–68.

[31] Ещё в 1697 г. по указанию Августа II, первого курфюрста из рода Веттинов, получившего королевский титул, в Дрезденской Оружейной палате была создана его коронационная фигура с восковой маской.

[32] Inventar Rüstkammer, №156, Jägerkammer 1821. S. 217, № 348. Восковые маски в собрании не сохранились.

После возращения собрания из Советского Союза в 1958 г. в здании галереи Земпера открывается постоянная экспозиция музея, носящего с 1992 г. своё историческое название Оружейной палаты (Rüstkammer).

Вместе с личным оружием Августа Сильного и Карла XII в экспозиции музея можно увидеть шпагу Петра I, подаренную им польскому королю в Раве-Русской, а также кортик, шпагу и трость японской работы, привезённые из Голландии. В витрине, где выставлены предметы, поступившие из Кунсткамеры, находятся две табакерки и деревянная чарка, выточенные русским царём. Сапфир в форме носа хранится в Новых Зелёных Сводах (Neues Grünes Gewölbe), а шкатулка-сейф в Исторических Зелёных Сводах (Historisches Grünes Gewölbe).

С 2006 г. оба ружья, подаренные русским царём, демонстрируются в Турецкой палате (Türckische Cammer) — собрании восточного оружия Дрезденской Оружейной палаты, — открывшемся во Дворце-резиденции. В ближайшем будущем здесь будет также открыта постоянная экспозиции Оружейной палаты, где подарки Петра I займут своё достойное место.

И. Шварц (Вена)

Неизвестный портрет молодого Петра I

В собраниях архивов, музеев и библиотек Европы хранятся исторические реликвии Петровской эпохи разного характера — документы, грамоты, письма и наказы Петра Великого, книги, газеты, коллекции медалей, произведения искусства. Особое место занимают экспонаты, которые находятся в частных собраниях и коллекциях, но многие из них, к сожалению, являются недоступными для специалистов. Я хочу обратить внимание на портрет молодого аристократа известного словацкого художника Яна Купецкого[1]. Эта работа находится в частной коллекции и несколько лет тому назад была выставлена в Художественном музее Зюрмонда-Людвига (Suermondt-Ludwig-Museum) в городе Аахене (Северная Вестфалия), на выставке, посвящённой творчеству Купецкого[2]. На выставке портрет был атрибутирован как портрет молодого Петра I. К сожалению, нам не удалось узнать имя владельца и местонахождение картины. При написании этой статьи использовались в основном материалы из каталога выставки[3].

Как известно, в петровскую эпоху особое место занимали станковая живопись и портретный жанр. Именно в портретах нашёл отражение ярко вспыхнувший интерес к человеку и характерные для эпохи представления о значимости человеческой личности.

[1] Есть разные варианты и формы написания имени Купецкого: Ján Kupecký, Johann Kupetzky, Johann Kupezky. В русских публикациях встречается Ян Купецкий и альтернативная форма — Иоганн Купецкий.

[2] Выставка проходила с 10 ноября 2001 по 3 февраля 2002 г.

[3] *Safarik E.A.* Johann Kupezky (1666–1740). Ein Meister des Barockporträts. Roma, 2001. S. 122–125.

Пётр I уделял исключительное внимание портретированию. В начале XVIII в. изображения Петра строго регламентировались, разрешались в основном портреты с оригиналов европейских живописцев Г. Кнеллера, Л. Каравакка, К. Моора, Ж.М. Натье и И. Таннауэра, которые писали его с натуры за границей или вызывались для этого в Россию. Особую группу составляют портреты русских живописцев, прежде всего Ивана Никитина и Андрея Матвеева[4].

К портретам иностранных художников относятся и работы Яна Купецкого, выдающегося портретиста эпохи барокко. Искусствоведы выделяют среди множества изображений Петра I так называемый «тип Купецкого»[5]. Купецкий был первым художником, написавшим Петра с натуры после Полтавского сражения. Этот портрет неоднократно гравировался и был использован в иллюстрациях, заставках и других украшениях книг. В России упомянутый портрет стал известен в 1712 г. благодаря гравюрам А.Ф. Зубова к «Марсовой книге», а за границей он получил известность по гравюре, опубликованной в книге «Преображённая Россия» ганноверского резидента при русском дворе Фридриха-Христиана Вебера[6].

Исследователь творчества Купецкого Эдуард Шафарик перечисляет несколько портретов Петра I, хранящихся в музеях и в частных коллекциях Западной Европы[7]. Франтишек Дворжак утверждает, что Купецкий написал только один портрет Петра, но сделал с него множество копий, так как был исключительным мастером в изготовлении копий собственных работ[8]. Однако, как справедливо указывает Е.П. Подъяпольская, Дворжак совершенно не коснулся вопроса о профильном портрете Петра Великого, написанном также Купецким и известным по гравюре Росбаха «Портрет Давида Гойера»[9]. Новые исследования показывают, что автором гравюры являлся не Мартин Россбах, как считали ранее, а Иоганн Фридрих Росбах, который с 1720 по 1728 г. работал в Лейпциге и, вероятно, получил доступ к оригиналу картины[10]. Итак, мы имеем

---

[4] *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. С. 116–118.

[5] *Подъяпольская Е.П.* Пётр и художник Ян Купецкий // Полтавская победа: Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 245.

[6] *Подъяпольская Е.П.* Пётр и художник Ян Купецкий... С. 245–246.

[7] *Šafařík E.* Johannes Kupezky. 1667–1740. Prag, 1928. S. 80, 81, 106, 107, 108, 111.

[8] *Dvořák F.* Kupecký, der grosse Porträtmaler des Barocks. Prag, 1956. S. 36f.

[9] *Подъяпольская Е.П.* Пётр и художник Ян Купецкий. С. 248.

[10] *Safarik E.A.* Johann Kupezky (1666–1740). S. 79.

дело с несколькими портретами Петра кисти Купецкого. Можно ли к этой группе отнести изображение молодого человека, которое посетители увидели на выставке в Аахене?

Прежде чем приступить к анализу портрета молодого аристократа, необходимо сказать несколько слов о художнике. Ян Купецкий родился в 1666 г. в семье протестантов в небольшом поселке Пезинок (Pesinok, немецкий Бёзинг — Bösing) в 20 км от Братиславы[11]. Более 200 лет искусствоведы спорят, кем он был — чехом, венгром, словаком, австрийцем или немцем — ведь город Братислава/Pozon/Pressburg в те годы являлся столицей Венгерского королевства, а императоры Священной Римской империи были венгерскими королями и носителями венгерской короны. Купецкий сам называл себя «уроженцем Богемии», на гравюрах его автопортретов часто встречаются надписи «pictor boemus» или «natione Boemie», а в его брачном свидетельстве (1710 г.), как место рождения указана Прага, хотя это не соответствует действительности[12].

Семья Купецких занималась ткацким делом, но, видимо, профессия ткача не привлекала молодого Яна. Когда ему исполнились 15 лет, он ушёл из дома и поступил учеником к швейцарскому художнику Бенедикту Клаусу. После трёхлетнего обучения Купецкий для совершенствования своих знаний уезжает в Италию — сначала в Венецию, а потом в Рим, где остаётся на 22 года. Сохранилась только одна датированная картина этого периода. Это портрет 1700 г. домашнего учителя князя Адама Лихтенштейна Михаэля Крайсингера фон Екерсфельд (Michael Kreisinger von Eckersfeld)[13]. Интересно, что 30 лет спустя Купецкий опять возвращается к своей модели и пишет портрет уже пожилого фон Екерсфельда[14]. Желание, с одной стороны, уловить момент, а с другой, показать течение времени является одной из характерных черт творчества Купецкого. Он не раз писал портреты одного и того же человека — сначала в молодости, а потом в пожилом возрасте.

В конце 1708–начале 1709 г. Купецкий по приглашению князя Адама Лихтенштейна возвратился жить и работать в Вену, где год спустя женился на Сузанне Клаус, дочери своего покойного учите-

[11] Ibid. S. 21.

[12] *Šafařík E.* Johannes Kupezky. S. 243 «ein Mahler zu Prag in Böhmen gebürtig».

[13] Портрет находится сегодня в Пражской национальной галерее. См.: *Safarik E.A.* Johann Kupezky (1666–1740). S. 54–55. Ср.: S. 56–58.

[14] Оба портрета были выставлены в Аахене.

ля Бенедикта Клауса. Брак не был счастливым. Их дочь умерла в раннем возрасте, талантливый сын, на которого отец возлагал большие надежды, скончался в семнадцать лет. Благодаря протекции Адама Лихтенштейна Купецкий вошёл в венское высшее общество и скоро стал любимым художником императора Иосифа I, а впоследствии и его брата — императора Карла VI. Среди известных работ этого периода — портреты принца Евгения Савойского и императора Карла VI. Некоторые авторы с 1714 г. представляют Купецкого как придворного художника Карла VI, однако официально он не был художником императорского двора. Скорее всего, он работал как ассоциированный художник в Венской художественной академии Петра Штруделя (Peter Strudel, 1660–1714)[15]. Его успехи, независимый, своенравный характер и религиозные взгляды (принадлежность к обществу моравских братьев) создали ему немало противников — как среди коллег, так и в католических кругах. Поэтому Купецкий решает уехать из столицы Габсбургской монархии. В 1723 г. он переселяется в Нюрнберг. Если до этого в творчестве художника преобладали портреты императоров и аристократов, то теперь социальная среда меняется, и появляются портреты зажиточных горожан, ремесленников и представителей художественного мира — живописцев, скульпторов, ювелиров, гравёров, музыкантов, играющих на разных инструментах — скрипке, флейте, лютне, кларнете[16]. Купецкий умер в Нюрнберге в 1740 г. Год спустя его жена вышла замуж за проповедника Ефраима Шликейзена, который больше 20 лет был её любовником[17].

Установлено, что Купецкий написал более 1000 портретов, из которых сохранились около 200[18]. Они отличаются тонким колоритом, исполнены с большим вкусом, всегда изысканным и аристократичным. Виртуозное мастерство в светотеневых нюансах сочетается с отсутствием ложной театральности при передаче позы и черт лица портретируемого. Хотя Купецкий является представителем

[15] *Safarik E.A.* Johann Kupezky (1666–1740). S. 23.

[16] Ibid. S. 148–163.

[17] *Šafařík E.* Johannes Kupezky. S. 31.

[18] *Подъяпольская Е.П.* К вопросу о русско-чешских культурных связях в первой четверти XVIII в. (Автограф чешского художника Яна Купецкого в советском архиве) // Проблема общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1962. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/XVIII/1700-1720/Johann_Kupecky/raspiska_200_gulden_02_10_1711.phtml?id=4914 (20.01.2012)

позднего барокко, в его работах нет барочного пафоса, духа и глубины, характерных для католического мира, но нет и строгого, прагматичного, трезвого мира протестантов. Как писал о художнике Иоганн Фюссли: «Собраны в одном сила Рубенса, нежность и духовность Ван Дейка и волшебство Рембранда»[19].

К работам венского периода относятся и портреты Петра Великого. Осенью 1711 г. художник был приглашён в Карловы Вары писать портреты русского царя. Сохранились два. Сегодня они находятся в Брауншвейгском музее герцога Антона Ульриха и в ганноверском замке Мариенбург, в частной коллекции принца Эрнста-Августа. Оба портрета известны главным образом по гравюрам А. Зубова, Б. Фогеля и И. Росбаха.

Встреча Купецкого с Петром I овеяна легендами. Ученик Купецкого художник Иоганн-Каспар Фюссли (1706–1782) относит эту встречу к 1716 г.[20] Эдуард Шафарик и Франтишек Дворжак датируют портреты 1711–1712 гг. В 1942 г. вышла публикация Николая Еленева, где высказано мнение, что Купецкий и Пётр I вовсе не встречались друг с другом, а портрет Петра, приписываемый Купецкому, является видоизменённым вариантом портрета голландского художника Питера ван дер Верфа[21]. Разыскания Е.П. Подъяпольской и опубликованные ею документы подтверждают гипотезу, что Купецкий в сентябре–октябре 1711 г. общался с Петром I — как на курорте в Карловых Варах, так и в Торгау, где состоялось бракосочетание Алексея Петровича с принцессой Шарлоттой Кристиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской[22].

Вероятно, Купецкий был с Петром и в Дрездене, где царь провёл пять дней после отъезда из Карловых Вар в Торгау. В Дрездене Пётр останавливался в доме ювелира Иоганна Мельхиора Динглингера. Известно, что Купецкий написал портреты Динглигера и его жены, но мы не знаем, в каком году это было — в 1711 или несколько лет спустя[23]. Вполне возможно, что Пётр мог встречаться с Купецким и

---

[19] Цитата: «Um sich eine gründliche Einbindung von Kupetzky's Köpfe zu machen, muß man die Stärke von Rubens, das Zarte und Geistige von Vandyck und den Schatten und die Zauberei von Rembrand sich vorstellen» в: http://de.wikisource.org/wiki/ADB:Kupezky,_Johann (20.01.2012)

[20] *Füssli J.-C.* Leben Georg Philipp Rugendas, und Jahannes Kupezki. Zürich, 1758. S. 25.

[21] *Jelenew N.* Peter der Große und Johann Kupetzky // Abhandlungen der russischen Forschungsgesellschaft in Prag. Bd XI (XVI). Praha, 1942. S. 244, 249–250.

[22] *Подъяпольская Е.П.* К вопросу о русско-чешских культурных связях...

[23] *Подъяпольская Е.П.* Пётр и художник Ян Купецкий. С. 263.

во время поездки в Дрезден в 1712 г., когда, по всей вероятности, брат И. Динглингера — Георг Динглингер работал над миниатюрными портретами Петра и царевича Алексея. Эти великолепные миниатюры на эмали сохранились и сегодня находятся в собрании Дрезденской галереи[24].

Переписка Петра I с сыном в 1712 г. красноречиво свидетельствует о портретах, «писанных в Торгау». Так, 25 января 1712 г. царь требует от сына: «Персоны мои писанные в Торгоу, пришли немедленно»[25]. В том же году он дважды напоминает сыну о портретах. 14 февраля добавляет в конце письма: «Персоны мои пришли!» 10 марта спрашивает: «Писал я давно о портретах своих. Для чего по ся поры не пришлёте?»[26] В письмах не указано, сколько портретов было, но каждый раз Пётр пишет во множественном числе. Вероятно, речь идёт не только о портрете, известном по гравюре Зубова и хранящимся сегодня в Брауншвейгском музее Антона Ульриха, но и о профильном портрете, известном по гравюре Росбаха, чей оригинал хранится в Ганноверском замке в Мариенбурге. И.И. Голиков описывает в «Деяниях Петра Великого» этот второй портрет как профильный, на котором Пётр изображён в лавровом венке с Андреевской лентой. Этот портрет был отправлен на монетный двор для вырезки по его образцу матриц для монет и медалей[27]. Купецкий действительно писал портрет Петра в профиль, но на гравюре Росбаха видно, что Пётр изображён без лаврового венка. Небольшие, закрученные кверху усы и довольно длинные завитые волосы несколько напоминают гравюру С.А. Панина из описания Д.А. Ровинского под номером 373, но плоский лоб и длинный нос придают лицу Петра совершенно особое выражение, которое не встречается в других профильных портретах. Больше всего портрет Купецкого походит на профиль Петра на медали, выбитой по случаю сражения при Гренгаме в 1720 г.[28]

Можно ли к этой группе портретов Петра отнести изображение молодого человека, представленное на выставке в Аахене[29]? Получил ли Купецкий во время встречи с Петром I ещё один заказ

[24] *Donnert E.* Russland im Zeitalter der Aufklärung. Wien; Köln; Graz, 1984. S. 44.

[25] *Подъяпольская Е.П.* Пётр и художник Ян Купецкий. С. 259.

[26] Там же.

[27] *Подъяпольская Е.П.* Пётр и художник Ян Купецкий. С. 251–252.

[28] *Щукина Е.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962. С. 36.

[29] *Safarik E.A.* Johann Kupezky (1666–1740). S. 122–125. «Bildnis eines Edelmannes im Schürrock (Peter der Große?)».

написать его — не только с натуры, но и молодым? Мы уже упомянули, что Купецкий иногда писал портреты одних и тех же людей в молодости и в пожилом возрасте. Имеем ли мы здесь дело с портретом, отражающим представления художника о том, как Пётр I выглядел в молодости? Трудно сказать.

Портрет имеет размеры 112x90 см. По стилю он отличается от других портретов художника. Это не парадный портрет. Перед нами молодой мужчина аристократического происхождения, одетый в венгерскую одежду. Кафтан бархатный, тёмно-красный, узкий в талии, без рукавов, дорогой и очень элегантный. Рубашка шёлковая, с небольшим белым воротником. Лицо повернуто в три четверти, направленный в сторону задумчивый взгляд кажется устремлённым за пределы полотна. В композиционном плане бросаются в глаза удлинённые пропорции фигуры и на переднем плане выразительно протянутая правая рука. Надо отметить, что такой жест встречается и в других произведениях Купецкого, например, на портрете его друга молодого художника Николауса Бука (Nikolaus Buck)[30]. Условная символика жеста, с одной стороны, выражает определённые эмоции, а с другой — показывает, что мы имеем дело с человеком, у которого есть власть. Как известно, в древнееврейском языке слово «jad» означало и «рука», и «власть», а в художественном мире жест руки является одним из самых старых и распространённых форм изображения символики власти — власти Бога, власти короля[31].

Что известно об этой картине? После смерти Купецкого его ученик И. Фюссли в 1758 г. опубликовал перечень произведений художника[32], который был составлен как приложение к завещанию Купецкого. Под номером 6 упомянут портрет сидящего в кресле человека с маленькой белой собакой[33]. Под номером 12 — стоящий человек в венгерском платье[34]. Первая картина имела

---

[30] *Safarik E.A.* Johann Kupezky (1666–1740). S. 89.

[31] Kretschmer Hildegard Lexikon der Symbole und Attribute in der Kunst. Stuttgart, 2008. S. 177: «Da im Hebräischen das Wort "„jad" gleichzeitig „"Hand" und „"Macht" bedeutet entwickelte sich die Hand zum wichtigsten und ältesten sprachlichen und bildlichen Symbol für die Macht — Macht Gottes — Macht des Königs...».

[32] *Füssli J.-C.* Leben Georg Philipp Rugendas, und Jahannes Kupezki. S. 43–47.

[33] Ibid. S. 44–45. «No. 6 Stellet einen in einem Sessel sizenden Mann, mit beyden Händen, und einem kleinen weissen Hund, vor.».

[34] *Füssli J.-C.* Leben Georg Philipp Rugendas, und Jahannes Kupezki. S. 45. «No.12. Eine stehende Manns-Person in Ungarischen Kleidern».

размеры 3 ½ арш. вышины и 3 арш. ширины, а вторая 3 11/16 арш. вышины и 3 арш. ширины[35]. Исследователи творчества художника считают, что обе работы были созданы в одно и то же время и их связывает какая-то общая история. О судьбе этих картин после смерти художника известно мало.

Много лет спустя Эдуард Шафарик увидел в частном собрании графа Замойского в его замке Курник, недалеко от города Познань, два портрета — Петра Великого и его друга, литовского гетмана Людвига Поциея (Ludwik Pociej). Последний изображён сидящим в кресле, с белой собакой — символом верности — на переднем плане. Эти картины опубликованы им в списке произведений Купецкого под номерами 174 и 175[36]. По свидетельству составителей каталога выставки в Аахене, на обратной стороне портрета молодого аристократа приклеена этикетка с номером 5 и имя царя Петра, что даёт основание предполагать, что мы имеем дело с одним из этих двух портретов, хотя не известно — копия это или оригинал[37].

Удлинённое лицо молодого человека поразительно напоминает лицо царевича Алексея. Купецкий не встречался с молодым Петром, но в Торгау у него была возможность увидеть молодого царевича Алексея Петровича. Взгляд портретируемого, обращённый не к зрителям, а за пределы полотна, в прошлое, создаёт ощущение хроникальной отстранённости. Будто он идёт к нам из прошлого. Бесспорно одно — исключительно тонкое мастерство художника.

В заключение можно сказать, что портрет молодого аристократа кисти Купецкого ставит много вопросов, которые ещё ждут ответа.

---

[35] Ibid.

[36] *Šafařík E.* Johannes Kupezky S. 106.

[37] *Safarik E.A.* Johann Kupezky (1666–1740). S. 123.

В.В. Аристов (Будапешт)

Петровские реликвии и памятники в Венгрии

Пётр I никогда не был в Венгрии. Однако теме «Пётр Великий и Венгрия» можно посвятить отдельную книгу, тем более что об отношениях царя с этой европейской страной в современной России знают мало[1]. В многочисленных исследованиях, посвящённых Петру Великому, о его связях с Венгрией либо ничего не говорится, либо упоминается мимоходом. Это относится и к работам, специально посвящённым истории дипломатии, в том числе петровской[2].

Между тем, в 1707–1711 гг. для самого Петра Великого «венгерский вопрос» имел немаловажное значение[3]. Свидетельством тому служат многочисленные письма царя и его сподвижников, хранящиеся в Венгерском государственном архиве (Magyar Országos Levéltár) в Будапеште. Они адресованы трансильванскому князю Ференцу II Ракоци[4] (II Rákyczi Ferenc,1676–1735). В Венгрии этот

[1] Автор настоящей статьи давно занимается историей русско-венгерских отношений, которым посвятил исследование «Русский мир Будапешта и Венгрии: Очерки и статьи по истории и современности» (Будапешт, 2003).

[2] См., например: История дипломатии: В 3 т. / Ред. В.П. Потёмкин. Т. I. М., 1941; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984; Всеобщая история дипломатии. М., 2009.

[3] Это хорошо прослеживается в фундаментальном сочинении С.М. Соловьёва «История России с древнейших времён».

[4] Следует заметить, что в научной литературе встречаются различные варианты его фамилии: Рагоци, Ракочи, Ракоши. В документах петровской эпохи Ференца II Ракоци величали Семиградским, или Седмиградским, князем (Трансильванию называли Семиградьем) и именовали также «Рагоций» и «Ракоцый», искажая венгерское имя Ференц на французский и польский лады (Франциск и Францышек).

человек является одним из самых почитаемых национальных героев и считается символом борьбы венгерского народа за национальное освобождение от власти Габсбургов — правящей династии Священной Римской империи германской нации, как до 1804 г. официально называлась Австрийская империя. Западная и северная части Венгрии были включены в её состав в начальный период борьбы с турками-османами.

Ракоци происходил из старинной княжеской семьи с традиционно антигабсбургской ориентацией. Его отец Ференц I Ракоци был участником заговора 1670–1671 гг. против Габсбургов. Мать Илона Зриньи принимала участие в антигабсбургском движении в 1677–1688 гг., которым руководил её второй муж, Имре Тёкёли. Сам Ференц II Ракоци в 1703 г. возглавил восстание в северо-восточных комитатах Венгерского королевства. Оно переросло в антигабсбургскую, или антикоролевскую (как её называют современные венгерские исследователи) войну 1703–1711 гг. В рядах армии Ракоци сражались небольшие отряды украинских казаков, поляков и валахов (предков современных румын)[5].

В марте 1704 г. Ракоци и его соратники опубликовали манифест «Ко всем христианским государям и державам мира», в котором подчёркивалось, что Габсбурги становились венгерскими королями только после избрания их государственным собранием Венгрии[6], давая при этом клятву соблюдать законы и обычаи этой страны. Однако императоры нарушали клятву, в частности, были отменены закон о выборности короля и 31-й параграф «Золотой буллы»[7], дававший венгерским дворянам право вооружённого сопротивления королю[8].

На первом этапе антикоролевской войны Ференц II Ракоци достиг больших успехов. Он вытеснил австрийские войска из северо-восточной части Венгрии, в состав которой входила нынешняя Закарпатская область Украины[9], где до сего дня стоит Мукачевский

---

[5] История Венгрии: В 3 т. М., 1971. Т. I. С. 430.

[6] Венгры вели свою «нумерацию» королей, даже находясь в составе Священной Римской империи. Например, император Карл VI Габсбург (1711–1740) в Венгрии был королём Карлом III.

[7] Грамота венгерского короля Эндре II Арпада, известная под названием Золотой буллы 1222 г., повторённая в основных своих положениях в 1231 г., на несколько столетий закрепила права и привилегии различных слоёв господствующего класса Венгрии. См.: История Венгрии. Т. I. С. 125–130.

[8] Там же. С. 440.

[9] В Венгрии её называют Подкарпатьем, или Подкарпатской (Угорской) Русью.

замок — родовое гнездо семьи Ракоци. В 1705 г. на сейме в городе Сечень сословное государственное собрание Венгрии решило не признавать вступившего на императорский трон Иосифа I венгерским королём и фактически лишить Габсбургов венгерской короны. При этом была провозглашена «Конфедерация венгерских сословий для завоевания свободы», а Ференц II Ракоци был избран «князем-предводителем» и стал фактическим правителем Венгерского королевства[10].

Ракоци искал поддержки в борьбе против Австрии, воевавшей с Францией и её союзниками в войне за испанское наследство (1701–1714), и установил дипломатические связи с Парижем. Ему покровительствовал Людовик XIV. Одно время Ракоци предлагал союз шведскому королю и просил его посредничества в достижении соглашения с австрийцами. Он готов был поддержать Карла XII в его войне с Россией и даже предложил турецкому султану план совместных со шведами действий против русских. В Константинополе план понравился, однако Карл XII, считая Ракоци бунтовщиком, иметь с ним дело отказался. По той же причине не получила поддержки и идея Ракоци о создании венгерско-шведско-прусского союза, которую он выдвинул в 1704 г.[11] Поэтому лидер венгерского восстания и его окружение стали искать союзников в другом лагере и обратили взоры в сторону России[12].

В это время Пётр I сам искал союзников. Он пытался заключить союз с Австрией, обещая Вене поддержку против восставших венгров. Однако, как писал С.М. Соловьёв, «в первые годы Северной войны царь испытывал только холодность и даже презрение со стороны венского кабинета. Это, разумеется, доставляло Петру полную свободу действия»[13]. В конце 1706 г. Пётр I пытался заключить союз с Англией, которая поддерживала Австрию в войне за испанское наследство и выступала против Франции. Однако и эта попытка найти союзников среди великих европейских держав, оказалась неудачной.

В сентябре 1706 г. Карл XII вынудил польского короля Августа II подписать Альтранштадтский договор и отречься от польского пре-

---

[10] История Венгрии. Т. I. С. 125–130; *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 319.

[11] История Венгрии. Т. I. С. 447.

[12] См.: *Jonasson G.* XII. Károly svéd király és Rákóczi // Európa és a Rákóczi-szabadságharc. Szerk. Benda Kálmán. Budapest, 1980. P. 61–64.

[13] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. М., 1993. Кн. IX. Т. 17. С. 81.

стола, посадив на его место Станислава Лещинского. 19 марта 1707 г. русский посол в Вене барон Генрих Гюйсен сообщал: «Цесарь признал Станислава королем, и думаю, что никогда не будет просить царское величество о посылке в Венгрию московских войск. Когда была здесь речь, что царское величество согласится, по цесаревой просьбе, послать несколько тысяч московских Козаков в Седмиградскую землю для склонения венгров к миру, то цесарские министры, склонные к шведской стороне, рассуждали, что никак нельзя на это согласиться: царь может утвердиться в Венгрии, опершись на живущих здесь сербов греческой веры»[14].

Из-за замены Августа II Станиславом Лещинским Пётр I начал искать своего ставленника на польский трон. Он предлагал польскую корону трём сыновьям популярного среди поляков Яна Собесского, но те отказались. В качестве кандидата на корону Польши рассматривался знаменитый полководец принц Евгений Савойский. Он соглашался её принять, но только после войны и с согласия австрийского императора[15]. В конечном итоге, при поддержке польских сторонников, недовольных Лещинским, Пётр I решил содействовать вступлению на польский престол Ференца II Ракоци.

Рассмотрение кандидатуры трансильванского князя в качестве нового короля Польши в тех условиях было вполне логичным и соответствовало исторической традиции.[16]. Но ещё более важной для Петра I была конкретная политическая ситуация и реальная сила, которую представлял воевавший против Вены Ференц II Ракоци. В конце 1706 г. посол России в Османской империи П.А. Толстой сообщал Петру: «Идут слухи, что венгры усиливаются против цесаря»[17].

21 апреля 1707 г. в польском городе Жолкиеве (в русской литературе — «Жолкве») царь подписал письмо Ракоци, начертанное ру-

---

[14] Там же.

[15] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. С. 202.

[16] В 1576–1586 гг. польским королём был трансильванский князь венгр Иштван Батори, известный в России как Стефан Баторий (1533–1586). Дед Ференца II Ракоци, также будучи трансильванским князем (1648–1660), стремился овладеть польским троном, полагая, что это упрочит позиции Трансильвании. В борьбе за польскую корону Дьёрдь II Ракоци даже заключил в 1656 г. союз с Богданом Хмельницким (см.: История Венгрии. Т. I. С. 398, 524).

[17] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. VIII. Т. 15. С. 160. – В то время армия куруцев насчитывала 100 тысяч человек. Она «состояла из 52 конных, 91 пехотного полка и нескольких рот артиллерии (см.: История Венгрии. Т. I. С. 441).

кой П.П. Шафирова. Это письмо является первым (по хронологии) посланием Петра I, хранящимся в Венгерском государственном архиве. Оно не включено ни в одно из изданий его документов, и осталось неизвестным для составителей пятого и шестого томов «Писем и бумаг Петра Великого», в которых собраны материалы за 1707 г. Впервые это письмо было опубликовано советским историком венгерского происхождения Яношем Варади-Штернбергом в 1958 г. в журнале «Исторический архив» [18]. Приведём его текст:

«Светлейший князь! Понеже мы потребно быти разсудили нашего надворного советника Давыда Корбе к вашей светлости ради некоторых потребных дел послать, того ради требуем да благоволит ваша светлость одного немедленно на секретную аудиенцию допустить. И не токмо наказных ему от нас дел с полною верою выслушать, но и немедленно намерение свое оному объявя с таковым решением к нам вскоре отпустить. Каково мы по доброжелательству нашему к вашему сиятельству уповаем.

В протчем же ссылаясь на его изустное доношение пребываем вашей светлости склонный приятель.

Дан в Жолкве апреля 21 дня 1707 г.

Пётр
Пётр Шафиров»

Поездка в Венгрию русского дипломатического представителя Давида Корбе в апреле–мае 1707 г. и его второй приезд туда в июле того же года были связаны как раз с решением Петра I сделать Ференца II Ракоци своим союзником. Вместе с письмом Корбе должен был передать венгерскому князю предложение стать польским королём. Кроме того, дипломату поручалось обсудить с Ракоци широкий круг вопросов международной политики.

Пётр решал двойную задачу. С одной стороны, он хотел иметь на польском троне зависимого от него и дружественного ему правителя. С другой, — стремился наладить через Ракоци отношения с Францией и тем самым вывести Россию из внешнеполитической изоляции[19]. Венгерский князь должен был попытаться договориться о мире России со Швецией через посредничество Франции и Баварии. Ещё весной 1707 г. через находившегося при дворе Рако-

[18] *Штернберг Я.И.* Письмо Петра I к Ференцу Ракоци II // Исторический архив. 1958. № 2. С. 214–215.

[19] Там же. С. 214; *Váradi-Sternberg J.* Rákóczi és I. Péter diplomáciai kapcsolatai a szatmári béke után // Európa és a Rákóczi-szabadságharc. Budapest, 1980. P. 77–82.

ции маркиза Дезальера (des Alleurs) Пётр I предложил Людовику XIV роль посредника при заключении мира с Карлом XII, за что «обещал Людовику свои войска, которые король мог употребить по своему желанию. Переговоры начались, но Карл XII отвечал, что согласится на мир только тогда, когда царь возвратит всё завоёванное без исключения и вознаградит за военные издержки»[20]. Несмотря на эту неудачу, в своей польской политике Пётр решил сделать ставку на Ракоци.

Вопреки утверждению Н.Н. Молчанова, что «переговоры русских представителей» с князем Ракоци «окончились неудачей»[21], миссия Корбе в Венгрии имела очевидный успех. По словам самого Ракоци, он согласился «при определённых статьях и ниже обозначенных условиях принять предложенную ... Провидением корону Польши»[22]. В результате переговоров 4(15) сентября 1707 г. был заключён договор, подписанный в Варшаве представителями Петра I и Ференца II Ракоци[23]. Это был первый русско-венгерский договор Нового времени. В нём царь гарантировал князю Ракоци, что «от намерения своего, к персоне его княжеской объявленного, отступать не имеет и к народу Венгерскому приятство являть обещает»[24].

В ответ на согласие Ракоци стать королём Польши и заключение союза с Россией Пётр I обещал предоставить венгерскому правителю 20 тыс. русских солдат для борьбы за освобождение Венгрии от австрийцев, а также оказать финансовую помощь. В случае же, если «светлейшему князю с престола Полского изгнану быть случилось», царь готов был дать Ракоци «на пропитание в государстве Российском некоторую провинцию»[25].

После подписания Варшавского договора между дворами Петра I и Ракоци устанавливались дипломатические отношения, наладилась переписка, осуществлялся обмен информацией[26]. Материалы, относящиеся к дипломатическим отношениям венгерского правительства с русским двором, опубликованы в сборниках документов

---

[20] *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. В 2 т. Т. II. М., 1996. С. 63; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. VIII. Т. 15. С. 156.

[21] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. С. 202–203.

[22] *Nedeczky G.* A Nedeczky csal□d. Budapest, 1891. P. 261.

[23] Текст договора см.: ПСЗ. Т. 4: 1700–1712. [СПб.], 1830. № 2156. С. 385–387.

[24] ПиБ. Т. 6 (Июль–декабрь 1707). СПб., 1912. С. 75.

[25] Там же. С. 77.

[26] История Венгрии. Т. I. С. 446; Краткая история Венгрии: С древнейших времён до наших дней. М., 1991. С. 140.

Пала Радаи, руководителя дворцовой канцелярии Ракоци[27]. Радаи отвечал за внешнюю политику восставших венгров. Это он готовил и вместе с другими приближёнными Ракоци подписывал договор с представителями Петра I. Он же составлял манифест «Ко всем христианским государям и державам мира»[28].

Ещё до установления связей с Ракоци в Венгрии побывало русское посольство во главе с Прокопием Возницыным. В составе Великого посольства Возницын считался третьим «великим послом», но после внезапного отъезда в Москву царя и Лефорта с Головиным, был оставлен за старшего, получив при этом взамен чина думного дьяка «вновь изобретённый и небывалый до той поры в Московском государстве чин „думного советника”»[29]. 24 сентября 1698 г., вместе с 62-мя членами посольства различных должностей, Возницын прибыл на девяти судах по Дунаю из Вены в Буду. «А как приезжал к городу, — сообщает отчёт о первом прибытии посла Петра I в венгерскую столицу, — стреляно из города из пушек многажды»[30]. Держа дорогу на Карловицкий конгресс, Возницын на несколько дней остановился в Буде. Как следует из русских документов, он «стал на самом берегу в гостином дому»[31]. Ни один из домов конца XVII века вблизи Дуная на Будайской стороне Будапешта не сохранился. Поэтому о месте остановки Возницына можно лишь гадать, обращаясь к планам и гравюрам Буды того времени.

Возницын оставил описание Буды, Пешта и пустынных берегов Дуная на территории Венгрии, разорённой турками. Он сообщил в своих записках, что в Буде в то время были четыре турецких бани, стоящие на горячих источниках с минеральной водой, которые он

---

[27] См.: Rádai Pál iratai. 1707–1708. K. II. Budapest, 1961.

[28] В центральной части Будапешта находится библиотека Пала Радаи, в основе которой лежит собрание его книг. Среди них есть и книги о России, изданные в Европе в XVI–XVIII веках. Вероятно, именно по этим книгам ближайший помощник Ференца II Ракоци получал свои первые представления о русских и Московии. Среди книг есть одна из самых известных и популярных в Европе работ о России — книга Сигизмунда Герберштейна, изданная в 1571 г. в Базеле и сохранившаяся наших дней в отличном состоянии. Имеется в библиотеке Радаи и книга о Петре Великом, напечатанная в 1728 г. на французском языке

[29] *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы к биографии. М., 1946. Т. I. С. 345.

[30] Памятники дипломатических отношений с Римскою империею. Т. IX (с 1698 по 1699 год). СПб., 1868. Ст. 134.

[31] Там же.

посетил[32]. О каких-либо петровских реликвиях и предметах, оставшихся после первого русского посла в Венгрии, пока неизвестно.

В Венгерском государственном архиве (Magyar Országos Levéltár) автором данной статьи обнаружено 11 писем Петра I, адресованных Ракоци. Сравнивая их с документами, опубликованными в «Письмах и бумагах Петра Великого», можно прийти к выводу, что, вероятно, неопубликованным остаётся письмо Петра от 22 июня 1707 г., которое было написано в Люблине. В нём Пётр просит Ракоци как можно скорее дать ответ о деле, которое уже ранее было ими оговорено и рассматривалось «Конфедерацией Генеральной», то есть сеймом Речи Посполитой. Это дело, по словам Петра, необходимо «привести к совершенному благому и неотложному исполнению, как состояние времени того требует»[33]. По-видимому, в письме речь идёт о необходимости скорейшего получения официального согласия Ракоци стать новым польским королём.

Наибольшее количество писем Ференцу II Ракоци Пётр отправил в 1707 г. В фонде G. 15 Венгерского государственного архива их удалось найти девять. Ещё по одному письму царя приходится на 1708 и 1710 гг. Письма Петра в основном написаны по-русски, полууставом с достаточно чётким начертанием букв, но есть письма и на латыни. Под текстом каждого стоит личная подпись царя. Перед ней обязательная фраза: *«<...> вашей светлости склонный приятель»*.

Вместе с царскими письмами в архиве хранятся их переводы на латинский и французский языки. Сохранилась и часть конвертов с русскими надписями: «Светлейшему князю Семиградскому Рагоцию». Конверты имеют сургучные печати с российским гербом, некоторые из которых находятся в отличном состоянии.

Интерес представляет и присланная Ракоци роспись всех полков армии Петра I с указанием их общей численности — 99 984 человека. Цель отправки в Венгрию этого документа очевидна. Он должен был убедить Ракоци, что царь обладает действительно большой армией, способной противостоять шведам и помочь венграм в их борьбе с австрийцами. Эту роспись, или «табель», в Венгрию доставил Давид Корбе в свой первый приезд[34].

---

[32] См.: *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы к биографии. С. 362. — Три купальни (Святого Луки, «Рудаш» и «Кирайя») сохранились до настоящего времени.

[33] Magyar Országos Levéltár. G. 15. Caps. F. Fasc. 149. № 29.

[34] См.: ПиБ. Т. 6 (Июль–декабрь 1707). С. 593.

Подтвердить же права России на Украину (как минимум, Левобережную), за которую велась долгая борьба с Польшей и на территории которой развернулись события Северной войны, должна была грамота царя Алексея Михайловича о решении Переяславской рады 1654 г., с упоминанием, что «гетман Богдан Хмельницкий со всем войском запорожским з городами» вошёл в вечное подданство русского царя. Она также хранится в Венгерском государственном архиве[35].

Кроме царя, письма Ференцу II Ракоци направляли руководитель русской внешней политики граф Г.И. Головкин, занимавшийся польскими делами князь Г.Ф. Долгорукий, князь А.Д. Меншиков, петровские генералы и некоторые другие лица, подписи которых неразборчивы. Больше всего (пятнадцать) писем от Головкина. Следует заметить, что Головкин был в курсе «венгерских дел»: ещё в 1707 г. он вместе с Долгоруким и Шафировым подписал от имени царя Варшавский договор, о котором уже говорилось.

Всего же писем сподвижников Петра в указанном фонде Венгерского государственного архива два с половиной десятка. Некоторые письма написаны «цыфирью» (то есть шифрованы). Часть писем Головкина написана скорописью на латыни. Адресант ряда писем, написанных по-русски скорописью, пока не определён. В том же фонде отложились многочисленные отчёты о «московитских делах», отправленные Ференцу II Ракоци его дипломатическими представителями при дворе Петра I — Матэ Талабой и Александром Недецки (Недецким).

Письма Петра Великого и его ближайших помощников к Ференцу II Ракоци представляют собой ценные реликвии и являются важным источником для изучения внешней политики Петра Великого и истории российско-венгерских отношений.

Необходимо добавить, что подписание Варшавского договора положило начало и русско-венгерским торгово-экономическим отношениям. Они в первую очередь были связаны с поставками ко двору Петра I знаменитого токайского вина. «До сих пор меня не одолел никто и ничто, но вчера ночью меня осилило токайское вино», — признавался царь в 1711 г. Ракоци после встречи с ним в Рославле[36].

---

[35] Magyar Országos Levéltár. G. 15. Caps. F. Fasc. 156. № 152.

[36] Цит. по: *Молнар В. Ласло.* Токайские вина на царских столах // Место России в Европе: Материалы международной конференции. Budapest, 1999. С. 227–235.

Поначалу Пётр вино получал от Ракоци в подарок. Однако после поражения в войне с австрийцами и подписания Сатмарского мира (1711), который Ракоци отказался признать и навсегда покинул Венгрию, Пётр I направил туда для закупок вина капитана Параскевича и унтер-офицера Ермолая Корсакова. Они должны были приобрести 300 бочек токайского по 150 литров каждая и доставить их в Россию. Царь вручил им пушной товар, приказав продать его и на вырученные деньги купить венгерское вино. Цена отправленных в Венгрию мехов составляла 10 тысяч рублей. Для охраны товара Пётр послал в Венгрию отряд вооружённых солдат и драгун[37].

Затем последовали приезды других государственных закупщиков, которых называли комиссарами. Они также прибывали вместе с небольшими военными отрядами. Российский императорский двор настолько пристрастился к венгерскому вину, что в 1733 г. в Токае начала работать постоянная комиссия по закупке вин. Она просуществовала до 1798 г.[38]

Сегодня в музее Токая хранятся русские иконы и богослужебные книги. Возможно, часть их принадлежала членам комиссии, работавшей в Токае уже после Петра Великого. Однако не исключено, что среди них могут быть и предметы, попавшие в Венгрию ещё при жизни Петра и даже по его личному распоряжению, например, некоторые иконы начала XVIII века и три Библии, изданные во Львове в 1680 и 1690 гг. Известно, что в начале 1700-х гг. Пётр приказал отправить церковные книги и иконы сербам, жившим на территории Венгрии[39]. Но пока вопрос о предметах петровской эпохи, оказавшихся в Венгрии, остаётся открытым и требует дальнейших исследований.

В Токае существуют и интересные мемориальные памятники, связанные с присутствием здесь русских в XVIII столетии, начиная

---

[37] *Рачинский А.* Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. По документам московского главного архива министерства иностранных дел // Русский вестник. 1875. Сентябрь. См. сайт «Библиотека Адъютанта» (http://www.adjudant.ru/lib/rus_vestnik_xx_1875.htm).

[38] Историю работы этой комиссии см.: *Tardy L.* A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története (1733–1798). Fejezetek a magyar-orosz gazdasági kapcsolatok történetébõl (A sárospataki Rákóczi Múzeum füzetei). Sárospatak, 1963. 176 ð.; *Молнар В.* Ласло. Токайские вина на царских столах. С. 227–235.

[39] См.: *Hodinka A.* Muszka könyvárusok hazánkban, 1711–1771. Könyv és Könyvtár (A Debreceni gr. Tisza István Tudományegyetem Könyvtárának Évkönyve), 1925. P. 47–62; *Аристов В.В.* Русский мир Будапешта и Венгрии. Будапешт, 2003. С. 50–51.

с петровской эпохи. Один такой памятник — винный погреб «Подвал Елизаветы», по-венгерски «Эржебет пинце» (Erzsébet-pince). Он находится на улице Йожефа Бема (Bem Jyzsef utca) в составе перестроенного дома № 16. Как утверждают жители Токая и сотрудники местного музея, этот дом построен на месте одного из тех погребов, которые арендовали русские в XVIII веке, и назван в честь императрицы Елизаветы Петровны. Именно при ней закупки токайского вина для русского двора достигли максимальных размеров. Русские закупали в Токае столько вина, что его не хватало для двора австрийских императоров. Вино, закупленное русскими комиссарами, хранилось, вероятно, как раз в этом подвале. По данным токайского историка Иштвана Зеленака, на этом месте стоял один из домов, в котором жили члены Токайской комиссии. Нельзя исключать, что в действительности подвал не связан с именем русской императрицы. Однако бытующая в Токае легенда интересна как народная память венгров о русских винных закупках, начатых здесь ещё во времена Петра Великого.

Другим памятником в Токае является каменная православная церковь свт. Николая на улице Габора Бетлена (Bethlen Gábor utca), подчинённая Московской патриархии. Она построена в 1790 г. греками при помощи русских — членов Токайской комиссии по закупке вин на месте деревянной церкви. На стене храма Обществом украинской культуры в Венгрии установлена доска в память просветителя, философа и поэта Григория Сковороды (1722–1794). Текст доски гласит, что в 1745–1753 гг. в старой деревянной церкви он исполнял должность певчего. О том, что Сковорода служил в это время в русской Токайской комиссии по закупке вин, не сообщается. При этом историк Токая Иштван Зеленак утверждает, что эта доска должна висеть на другом храме, также освящённом во имя свт. Николая, но стоящем на соседней улице Вашвари Пала (Vasvári Pál utca).

Второй каменный Никольский храм Токая можно считать ещё одним памятником, связанным с русскими. Этот храм принадлежит греко-католической церкви. По-видимому, изначально именно в нём проводили свои богослужения члены Токайской комиссии, а возможно, и первые закупщики, посланные в Токай ещё Петром Великим. Храм на улице Вашвари Пала более ранней постройки. К тому же он выходит своей задней стороной на параллельную улицу, которая до середины 1890-х гг. называлась Орос утца (Orosz utca), что в переводе с венгерского означает Русская.

Название Орос утца присутствует на старинной карте Токая. В настоящее время улица носит название Сепши Ласло (Szepsi László utca).

Однако даже спустя более ста лет после переименования, прежнее название всё ещё бытует среди старшего поколения жителей города. Таким образом, можно говорить о наличии в Токае топонимического памятника, связанного с долголетним присутствием здесь русских, начало которому было положено ещё царём Петром.

К петровским памятникам в Венгрии можно отнести и три мемориальных доски. Две из них посвящены проезду через Венгрию в ноябре 1714 г. шведского короля Карла XII. Одна установлена в городе Дебрецене, на улице Сечени (Széchenyi utca 6), на здании бывшей почтовой станции (Régi posta). Другая — в Будапеште, на жилом доме № 43 по улице Ваци (Váci utca), что на Пештской стороне столицы, вблизи Дуная.

История появления Карла XII в 1714 г. в Венгрии связана с победой Петра I 27 июня/8 июля 1709 г. в Полтавской битве. После поражения шведский король укрылся в Бендерах на территории Османской империи, где находился в течение пяти лет. Поначалу он надеялся, что турецкий султан выступит его союзником и даст ему часть своего войска для продолжения войны с Россией. Когда эти надежды развеялись, а само турецкое правительство стало тяготиться пребыванием на его территории шведского короля, Карл XII со своим окружением выехал из Бендер в Штральзунд. Его путь пролегал через Валахию, венгерскую землю Эрдей, или Трансильванию[40], непосредственно Венгрию, Моравию, Австрию, Баварию, Вюртемберг, Пфальц (Палатинат), Вестфалию и Мекленбург. Это удлинило путь к Штральзунду почти вдвое, но позволило Карлу избежать встречи с тайными и явными врагами, в первую очередь с русскими, стоявшими в Польше.Вплоть до прекращения в 1711 г. Освободительной войны под руководством Ракоци у Петра I оставалась надежда на пленение Карла XII, если тот попытается вернуться в Европу через Венгрию. Ракоци «разместил в Венгрии русские войска, готовые схватить Карла, как только он пересечёт турецкую границу»[41]. К этому следует добавить, что само присутствие русских войск в Венгрии было следствием дружественного договора Петра и Ракоци, начало которому было положено теми письмами царя, которые теперь хранятся в Венгерском государственном архиве. Результатом же присутствия русских войск стало пленение ими шведского генерала Акселя Юлленкрука[42].

---

[40] Часть современной Румынии (*нем.* Зибенбюрген; *русс.* Семиградье).

[41] *Григорьев Б.* Карл XII. М., 2006. С. 398.

[42] Там же. С. 398–399.

Третья мемориальная доска, напрямую относящаяся к петровской эпохе, установлена на стене сербской православной церкви свт. Николая в венгерском городе Эгере. Она посвящена видному русскому дипломату Емельяну Игнатьевичу Украинцеву. Он умер в Эгере в сентябре 1708 г. во время переговоров с князем Ракоци, которому привёз от Петра I согласие быть посредником в переговорах между венграми и австрийцами, а также условия, на которых мог быть заключён мир[43]. Украинцев был похоронен в старой сербской церкви Эгера, стоявшей на месте современного храма. В результате перестроек здания могила петровского дипломата была утрачена. Мемориальная доска в память Е.И. Украинцева была установлена в 2002 г. посольством России в Венгрии с помощью венгерского историка Шандора Гебеи[44].

Поиски на территории современной Венгрии петровских реликвий, так же как и исторические исследования русско-венгерских связей в эпоху Петра Великого, продолжаются.

---

[43] Более подробно о миссии Украинцева к Ференцу II Ракоци см.: *Váradi-Sternberg J.* Ukraincev, Péter cár követe Magyarországon 1708-ban // Századok. 1959. № 2–4. P. 233–251; *Gebei S.* Nagy Péter orosz cár diplomatája II. Rákóczi Ferencnél Egerben (1708) // Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Sectio Historiae. Tom. XXVIII. Az Eszterházy Károly Fõiskola Tudományos Közleményei. Párhuzamos történelmi évfordulók (1703/1803–2003). Szerk. Gebei Sándor. Eger, 2004. P. 51–61.

[44] Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Шандору Гебеи и историку Ласло В. Молнару за ценные замечания, рекомендации и указание на ряд материалов, использованных мной в работе над данной статьёй. Отдельная благодарность историку-краеведу Иштвану Зеленаку за консультации и предоставленные материалы по истории Токая.

Э. Вагеманс (Лювен)

Царь, которого не было

Обычно мы говорим о том, что знаем. Сегодня мне хотелось бы говорить о том, чего я не знаю, о том, что по-английски называется *negative research*, то есть о нулевых результатах исследований. Каждый, кто работал в архивах, знает, что очень часто он возвращался домой без результатов, не нашёл того, что искал. Вот этим горьким опытом я хотел бы поделиться.

В прошлом году мне удалось найти хвалебную оду одной голландской поэтессы, которую она прочитала в присутствии Петра I на даче своего богатого мужа, купца из Харлема, на которую царь был приглашён[1]. Это была находка, это — результат. А теперь — об отсутствии результатов.

Весной 1717 г., как хорошо известно, Пётр I прибыл в Голландию в ходе своего второго заграничного путешествия. Из Голландии он поехал в соседнюю Бельгию, а оттуда — во Францию. В Антверпене он остановился в аббатстве св. Михаила, роскошной резиденции для высоких гостей. Уже одно это обстоятельство должно было порадовать царя, потому что это свидетельствовало о признании его высокого ранга местными властями, то есть императором Карлом VI. И действительно, Петру I оказали всяческие почести: его встречал имперский губернатор, весь магистрат Антверпена (включая бюргеров-купцов) приветствовал «московского великого князя» (как его тогда величали).

Но тут возникло первое осложнение. Пётр не любил церемониал, длинные, скучные приёмы, и поэтому заранее дал знать через

[1] *Вагеманс Э.* Голландская ода о Петре Великом, или О плодах культурной стратегии русского царя на Западе // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 98–106.

своего посла князя Б.И. Куракина, что хотел бы путешествовать по Бельгии инкогнито. Ничего необычного в этом не было бы, если бы царь в то же время не желал, чтобы его везде встречали с подобающей ему честью — пушечными выстрелами. Но как может человек оставаться инкогнито, если его везде при въезде и выезде из города должны были встречать? Неразрешимое противоречие...

Бельгийцы же придумали потрясающий компромисс: стреляли из пушек, когда царь уже находился в своей резиденции или когда он уже выехал за пределы города. Этот дипломатичный вариант вполне устраивал местные власти, но очень разочаровал тогдашних папарацци, жаждавших интересных, пикантных новостей от московского великана.

В архивах Антверпена я нашёл документы, подтверждающие, что царь действительно ночевал в аббатстве св. Михаила[2]. Этот монастырь был разрушен во время Французской революции, которая свирепствовала и в нашей стране. А в 1830 г., уже во время нашей революции (восстания против голландцев), от великолепного здания, одного из красивейших монастырей южных и северных Нидерландов, ничего не осталось.

В русских архивах я нашёл, что вторую ночь царь провёл не в монастыре, а в доме антверпенского бургомистра. Наши поиски дома бургомистра ни к чему пока не привели. К тому же нас беспокоит вопрос: почему Пётр оставил великолепную резиденцию ради ночлега в частном доме? Когда я обсуждал этот вопрос с русским коллегой, он был удивлён моей наивностью. Конечно же, говорил, пропадал он с девками... Не мог ведь он привести женщин в монастырь! Наши поиски — теперь и поиски потомков, в чьих жилах течёт царская кровь, — продолжаются...

Жители Антверпена часто спрашивают меня, почему памятник Петру Великому был поставлен напротив аббатства св. Михаила? На это я вынужден откровенно отвечать: за то, что он изволил там провести одну ночь. Кому в мире ещё поставили памятник за такие заслуги[3]?

Далее следуют сплошные загадки. Никто не знал, каковы были планы царя после посещения Антверпена. Куда он поедет и каким путём? Недавно я изучал дипломатическую переписку между Брюсселем и Парижем — депеши французского поверенного в делах (chargé d'affaires) маркиза де Росси, адресованные французскому двору, — в надежде наконец что-нибудь узнать о дипломатических

[2] *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 85–124.

[3] О памятнике см.: De Dagen van Peter de Grote [Дни Петра Великого]. Антверпен, 1998.

переговорах между царём и французским представителем[4]. Из этой переписки явствует, что французский дипломат, который находился в Брюсселе, не знал, что́ сделает русский царь после посещения Антверпена: поедет ли он по суше через Мехелен в Брюссель или предпочтёт водный путь — по каналу. В конце концов, Пётр избрал воду, что нас ничуть не удивляет, тем более что на пути между двумя городами находится Виллебрук с его шлюзами, которыми, как известно, очень интересовался царь.

Пётр переночевал в местечке Виллебрук, где не только изучал местные шлюзы, но и посетил пивоварню, что также никого не удивит. Затем начинается самое интересное: на другой день Пётр отправился в Брюссель, столичный град австрийских Нидерландов. Туда дошли новости о приезде русского царя, который ростом выше двух метров, так что тысячи любопытных столичных жителей собрались на пристани, куда он должен был прибыть. Узнав об этом, царь решил оставаться на борту яхты до восьми часов вечера, пока не стемнело, оставив местных зевак в дураках. Секретарь царя, небезызвестный Алексей Васильевич Макаров, писал в своем отчёте: «И был Его Величество в брусселе до 7 числа и смотрел всех вещей и строений також как в Антверпене»[5].

Почему ни один из русских документов не содержит упоминаний о том, что Пётр в Брюсселе посещал и кого встречал, — объяснить трудно. Ведь этот город называли тогда «украшением, увеселением и усладой Брабанта». Лишь И.И. Голиков отмечает, что «Великий Государь» в Брюсселе осматривал не только достопримечательности, но и мануфактуры: «Здесь Монарх препровёл в осмотрении города и всех достопамятных и примечание заслуживающих мест, а паче манифактур онаго, четверы сутки»[6].

Один местный священник в своём обзоре истории города отмечает: «Год 1717. 11 апреля. Пётр I, император всея Руси, прибыл в Брюссель и изучил всё, что в сем городе есть любопытного»[7]. Маловато...

---

[4] Paris. Ministère des Affaires étrangères et européennes. Archives. Correspondance politique. Pays-Bas Espagnols et Autrichiens. Vol. 74–77.

[5] [*Макаров А.В.*] Обстоятельный журнал о вояже или о путешествии Его Царскаго Величества, как из Копенгагена поехал, и был в Голландии, во Франции и в прочих тамошних местах, и что там чинилось // Журнал, или Подённая записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя имп. Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб., 1771–1772. Ч. II. 2 отдел. С. 406.

[6] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великаго мудраго преобразителя России. Часть V. М., 1788. С. 308.

[7] *Mann (abbé)*. Abrégé de l'histoire ecclésiastique, civile et naturelle de la ville de Bruxelles, et de ses environs. Bruxelles, 1785. T. I. P. 213.

Из дипломатической переписки между маркизом де Росси и французским двором явствует, что французский поверенный в делах нанимал шпиона, которого он из Брюсселя посылал в Антверпен следить за каждым шагом московского царя и немедленно сообщать о них. Из этих шпионских отчётов мы узнаём, что французский посол не имел ни малейшего представления о том, какие планы вынашивал высокий гость из России. Шпион, например, сообщал, что пока ещё неизвестно, поедет ли царь после Антверпена в Брюссель или отправится в Гент. А ещё из депеш наушника мы узнаём, что царь «хорошо знает фламандский и голландский, а также немецкий языки, но редко когда говорит по-французски, которым владеет очень мало»[8]. Дальше шпион отмечает, что касательно планов путешествия «il en fait toujours un mistere» (то есть «он всегда держит в тайне»)[9]. Де Росси писал в Париж: «tout restera incertain a ce sujet jusques a ce que l'on soit instruit des volontez du Czar» (в этом вопросе не будет ясности, пока мы не узнаем о желаниях царя)[10].

Маркиз де Прие, который принимал и сопровождал Петра, пока тот находился на бельгийской территории, написал императору в Вену: «Сегодня утром он [царь] отбыл в Гент, откуда проследует в Брюгге, а затем в Ниупорт и Дюнкерк, ибо ему любопытно посмотреть работы на Мардикском канале. Все полагают, что, посетив важнейшие пограничные места, он вернётся сюда» (т.е. в Брюссель)[11]. Как раз это утверждение или, точнее, это предположение, представляет собой самую большую загадку всего второго заграничного путешествия Петра. Когда у него возник план посетить не только любимую Голландию, но и Францию? Бельгийцы прекрасно понимают, что Пётр покинул Россию не для того чтобы посетить Бельгию. В нашу страну царь приехал только потому, что, если я хорошо разбираюсь в географии, она находится между Голландией и Францией. Из всех имеющихся документов явствует, что никто не знал, каковы были планы у Петра Алексеевича.

Итак, царь приплывает в Антверпен. Хочет быть принят со всеми почестями, то есть с подобающим его титулу числом выстрелов из гарнизонных пушек, но в то же время хочет оставаться инкогни-

---

[8] Paris. Ministère des Affaires étrangères et européennes. Archives. Correspondance politique. Pays-Bas Espagnols et Autrichiens. Vol. 74. P. 190.

[9] Ibid. P. 201.

[10] Ibid. P. 160.

[11] *Gachard [L.R.].* Etudes et notices historiques concernant l'Histoire des Pays-Bas. Bruxelles, 1890. P. 511–516.

то. В Антверпене он на ночь пропадает из великолепного аббатства и гуляет с бургомистром. После Антверпена он едет дальше, но за несколько часов до его отъезда никто не знает, куда он направится и как: в Брюссель или в Гент? по воде или по суше? В Брюсселе царь со свитой — 61 человек — не останавливается в приготовленном для него помещении, а предпочитает другое, так что в самый последний момент хозяевам пришлось всё изменить.

Представьте себе, чтобы в Санкт-Петербург с официальным визитом прибыл президент США. Для него и свиты приготовлена резиденция в Стрельне. Но за день до приезда гость выражает желание остановиться в гостинице «Астория». После посещения Петербурга президент решает ехать не в Москву, а в Выборг. Ужас! Подобное произошло в Бельгии. К моему великому удивлению, местные власти спокойно относились к прихотям московского гостя, по крайней мере, если судить по оставшимся документам.

Самый шокирующий инцидент случился в Генте. Власти гордого города Гента основательно подготовились к приезду Петра. Царя предстояло приветствовать троекратными «королевскими залпами» пушек «под звон больших городских колоколов с игрой карийона». Затем августейшему гостю в его резиденции должны были поднести «городское вино», состоявшее из двух частей бургундского и одной части испанского вина. Бюргерская гвардия выстроилась живой изгородью от городских ворот до отведённой царю резиденции. Члены городского управления готовили торжественную процессию под звуки труб и литавр[12]. Все эти приготовления не понадобились, потому что царь за несколько километров до въезда в город решил объехать его и отправиться прямо на реку, где ждала его баржа (корабль), которая должна была доставить его в Брюгге. Великолепный ужин, которым гентский магистрат хотел угостить царя, решили перенести на баржу. Нужно ли говорить, что жители Гента были не только глубоко разочарованы, но и обижены? В архиве гентского бургомистра — а это 4 толстых тома — мы не нашли следов пребывания Петра I в славном городе Генте. Обиженный бургомистр отомстил. О Петре нет ни слова в его объёмистых воспоминаниях.

Почему Пётр держал в тайне свой маршрут? Почему никто не должен был знать, что он хочет поехать в Париж?

Позволю себе напомнить расстановку сил на политической арене в то время. Россия была союзником Пруссии. В качестве союз-

[12] *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. С. 151–155.

ника Россия также имела Австрию, которая являлась врагом Франции. Поэтому Пётр I старался не обидеть императора Карла VI, который, к тому же, приходился свояком его сыну[13]. Царевич Алексей Петрович к этому времени прятался где-то во владениях Габсбургов, что весьма осложняло отношения между Россией и Австрией. Было много препятствий на пути сближения между Францией и Россией: из-за союза с Австрией, из-за Швеции, которой Франция обещала платить субсидии до 1718 г., и ещё из-за Польши[14]. По всем этим причинам Франция не желала настоящего договора с Россией, а также не хотела, чтобы стало известно о приезде царя в Париж. Наверное, для того, чтобы не беспокоить европейских партнёров (шведского, австрийского, польского, турецкого, а может быть, и голландского) Франция представляла дело так, будто Пётр — прихотливый, капризный, непредсказуемый — лишь в последнюю минуту решил, что, раз уж он находится так близко от Парижа, следует заехать и туда. Другими словами, и Пётр, и Франция сознательно вели игру и водили за нос весь мир.

Если это так, а многое говорит в пользу этой гипотезы, то остаётся загадкой, почему французский посол вёл ту же самую игру в сугубо секретной переписке со своим двором в Париже. Я надеялся найти ответ и на этот вопрос, и с этой целью отправился в Париж, в архив французского МИДа. Там я изучал дипломатическую переписку между Брюсселем и Парижем, но ответа пока не нашёл. Это очередной нулевой результат...

Правда, в дипломатической корреспонденции один раз упоминается, что царь сообщил барону де Вигурону (de Vigouron), представителю французского короля, о своём намерении посетить также Париж после осмотра пограничного города Дюнкерк. Поверенный в делах маркиз де Росси пишет, что царь сообщил об этом «совершенно секретно», а ещё, что «le plaisir n'est pas le seul objet de ce voyage» (т.е. что удовольствие — не единственная цель этого путешествия)[15]. Другими словами, в Брюсселе были переговоры между царём и представителем французского короля. Этот вопрос предстоит ещё прояснить. Пока же я хотел поведать о своей досаде по поводу вечно пропадающего царя. Поиски продолжаются...

---

[13] Карл VI был женат на сестре покойной жены царевича Алексея Петровича.

[14] См. *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 345–356.

[15] Paris. Ministère des Affaires étrangères et européennes. Archives. Correspondance politique. Pays-Bas Espagnols et Autrichiens. Vol. 74. P. 212.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ КАК РЕЛИКВИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Н.В. Колышницына (Санкт-Петербург)

Документы петровского времени в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга хранит документы учреждений, организаций и предприятий Санкт-Петербурга и Петербургской губернии с XVIII в. до 1917 г. В первую очередь это материалы по истории городских и общественных учреждений Петербурга — Петрограда. Время Петра I, а для Петербурга это 1703–1725 гг., по сути, время зарождения и формирования всех городских институтов. Кроме того, как отмечал ещё Ю.В. Готье, «в нарождавшейся новой столице дело [управления] тормозилось присутствием высших государственных учреждений, вмешивавшихся по старому русскому обычаю, и в дела местные»[1]. В результате, документов первой четверти XVIII в. в ЦГИА СПб крайне мало, в основном они сосредоточены в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном архиве военно-морского флота. Тем не менее, некоторые свидетельства петровской эпохи сохранились и в фондах других архивов, в том числе и ЦГИА СПб. Условно их можно разделить на две группы: во-первых, это документы Петербургской духовной консистории, а также отдельных церквей и монастырей, в основном связанные с церковным делопроизводством; во-вторых, материалы некоторых граж-

[1] *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. СПб., 1866. С. 44.

данских учреждений, например, Охтинской пригородной управы, Новоладожской воеводской канцелярии и Управления петроградского удельного округа.

Большая часть документов первой четверти XVIII в. представлена указами и манифестами, метрическими книгами, исповедными росписями и книгами брачных документов различных городских и губернских церквей. Однако надо помнить, что до 1721 г. Санкт-Петербург и его окрестности входили в состав Новгородской епархии и только после учреждения Святейшего Синода вошли в его непосредственное ведение. Тогда же была образована так называемая Синодальная область, в которую вошли города Санкт-Петербург, Ямбург, Копорье, Шлиссельбург и Нарва.

Все указы и манифесты представлены копиями, многие экземпляры отпечатаны типографским способом. К числу их следует отнести указ о праздновании дня коронования Петра I, о «превознесении» во время церковных служб имени Святейшего Синода вместо имени патриарха, о сборе податей, о рубке леса, о смерти Петра I и другие[2].

В подлинниках сохранились рапорты священников различных церквей Петербурга и губернии Синоду. Так, в фонде церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы сохранилось донесение попов Ивана Панова и Ивана Иванова, в котором они указывают, что «церковь велико обветшала, мокроты беспрестанная теча бывает» и просят существующую церковь разобрать и выстроить новую[3]. Также сохранились списки прихожан и приносимых ими пожертвований[4] и «реестры повешенных» с указанием их преступлений[5].

Самые ранние метрические книги, хранящиеся в ЦГИА СПб, относятся к 1722 г. Это книги церквей Николая Чудотворца в селе Скворицы, Покрова Пресвятой Богородицы в селе Назия, Николая Чудотворца в селе Никольском при Тосненских каменоломных заводах (все находились в Софийском уезде) и собора Благовещенья Пресвятой Богородицы на Посаде в городе Шлиссельбурге. Всего за 1722–1725 гг. имеются метрические книги 14 православных церквей Лужского, Софийского, Шлиссельбургского, Ораниенбумского уездов и Финляндии. Кроме того, указом Синода от 29 октября 1723 г. было разрешено «знатным персонам по желанию их, в домо-

[2] ЦГИА СПб. Ф. 645. Оп. 1. Д. 1.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 859. Оп. 1. Д. 30. Л. 17.

[4] Там же. Л. 34.

[5] Там же. Л. 20 об.–21.

вых своих палатах иметь для помощи их подвижные антиминсы, но без особых причтов». Существование домовой церкви допускалось «только до кончины лица, для которой учреждение оной дозволено, а после кончины его, если не последует разрешения на продолжение существования церкви, всю принадлежность церкви, по распоряжению епархиального начальства обращать в собственность церкви приходской»[6]. Несмотря на то, что домовые церкви имелись во многих домах петербургской знати, в архиве хранятся метрические книги только домовой церкви графа Апраксина за 1724 г.

В ЦГИА СПб имеются книги брачных документов с так называемыми венечными памятями[7]. Они призваны были удостоверять, что требуемые законом условия для заключения брака полностью соблюдены, т.е. между женихом и невестой отсутствует кровное и церковное родство, и нет иных препятствий к браку. Надо иметь в виду, что с XVIII в. Синод назначил предельный возраст, ранее которого не разрешалось вступать в брак: для жениха — 15 лет, для невесты — 13 лет, кроме того, запрещалось вступать в брак более трёх раз.

Есть в ЦГИА СПб и отдельные документы монастырской отчётности. Так, в отдельное дело объединены грамоты за 1703–1706 гг. митрополита Иова игумену Николаевского монастыря, которые касаются по большей части вкладов в монастыри имущества[8]. За отдельные годы по монастырям имеются списки забранных в рекруты и умерших. Сохранились и некоторые копии выписей из писцовых книг на вотчины монастырей, сделанные в 1720-е гг.[9], финансовые документы монастырей[10]. В фонде Троице-Сергиевой пустыни имеется опись делам, доставленным в Стрельнинскую Спасопреображенскую церковь, за 1721–1784 гг., среди которых есть дела об определении священников за 1721–1725 гг.

Петербург всегда был многонациональным городом, где уживалось множество конфессий. Поэтому и инославные церкви стали появляться здесь довольно рано. Так, в фондах архива имеется переписка с Женевской церковью и Академией об основании в Петербурге Французской реформатской церкви и ведомость о числе родившихся, бракосочетавшихся и умерших прихожан этой церкви с 1721 г.[11] В фонде

---

[6] Устав Духовной консистории, с разъяснениями святейшего Синода. М., 1912. С. 94.

[7] ЦГИА СПб. Ф. 859. Оп. 1. Д. 118.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 857. Оп. 1. Д. 5.

[9] ЦГИА СПб. Ф. 857. Оп. 1. Д. 10; Ф. 2280. Оп. 1. Д. 3.

[10] ЦГИА СПб. Ф. 857. Оп. 2. Д. 4 а–43.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 1. Д. 63.

Голландской реформатской церкви сохранились метрические книги, книги прихода и расхода денежных средств, протоколы заседаний совета церкви[12]. В фонде римско-католической духовной академии хранятся протоколы ревизий церквей Виленской епархии за 1719 г.[13]

Документов гражданского характера в архиве существенно меньше. Больше всего их в фонде Охтинской пригородной управы. Как известно, в 1715 г. Пётр I приказал устроить на реках Большой и Малой Охте пороховые мельницы, а также выделить место для строительства домов и под огороды. На Охту стали переселять «вольных», т.е. государственных, крестьян из Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Ярославской и других губерний. В фондах ЦГИА СПб сохранились указы о переселении с пофамильными списками переселяемых[14]. В 1720 г. был издан указ о строительстве «500 изб с сеньми» для безвозмездного размещения «вольных» плотников, о чём имеются соответствующие распоряжения, также с именными списками[15]. Кроме того, сохранились распоряжения о переводе некоторых жителей Охты, занимающихся плотничьим ремеслом, на работы в Партикулярную верфь и во вновь стоящиеся слободы Петербурга на определённый срок. В каждом таком распоряжении перечисляются конкретные граждане, отправляющиеся на работы, сроки этих работ, их место и указывается, что в случае неповиновения рабочих ожидают штраф и телесное наказание[16]. Имеются и рапорты о выезде поселян в другие города[17], списки с наказаниями поселян за разные проступки[18] и сведения о призрении малолетних и престарелых охтинских поселян[19]. Все вышеперечисленные документы являются подлинниками.

В фонде Новоладожской воеводской канцелярии сохранился в подлиннике рапорт города Новой Ладоги о приходе крепостного сбора денежной казны за июль месяц 1721 г., в котором указаны: даты внесения подати, кто вносил и за что, сумма внесённой подати. Расходные статьи по Новой Ладоге отсутствуют[20].

---

[12] ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 26, 37.
[13] ЦГИА СПб. Ф. 46. Оп. 4. Д. 27.
[14] ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 3.
[15] Там же. Д. 4.
[16] Там же. Д. 1.
[17] Там же.
[18] Там же. Д. 7.
[19] Там же. Д. 9.
[20] ЦГИА СПб. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 36.

Управление Петроградского удельного округа было создано в 1892 г., но в его фонде сохранились документы предшественников, в том числе Тверской удельной конторы. К интересующему нас периоду относится только одно дело — «Копия с описных межевых книг Прудовской волости Тверской удельной конторы»[21]. Здесь среди документов 1730-х гг. сохранился один, датированный 1716 г., о принадлежности разным лицам земель Медвежегорской волости Городецкого уезда[22].

В заключение следует отметить, что среди документов, хранящихся в ЦГИА СПб, имеются выполненные на рубеже XIX–XX вв. копии различных петровских указов и исторических актов Староладожского Никольского монастыря, материалов по истории строительства Петербурга и другие[23]. Кроме того, сохранилось значительное количество материалов, не относящихся к петровскому времени, но отражающих петровскую эпоху. Это статьи, диссертации, доклады, рассматривающие разные стороны жизни страны в целом и Петербурга в частности в первой четверти XVIII в., сведения о праздновании годовщин главных событий петровской эпохи и чествований памяти самого Петра Великого и многое другое.

[21] ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Д. 5620.

[22] Там же. Л. 7–128.

[23] ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 53. Д. 307; Ф. 857. Оп. 1. Д. 3.

В.И.Егоров (Москва)

О подмене подлинников именных указов Петра I муляжами в фонде Военной коллегии Российского государственного военно-исторического архива

Документальные материалы Государственной военной коллегии, которая начала свою работу в 1718–1719 гг., в настоящее время хранятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА). Из них опись № 13 фонда № 2 отнесена к категории особо ценных, так как в ней сосредоточены именные указы российских императоров и императриц, данные Военной коллегии за весь период её существования (то есть до начала XIX в.). Отношение к этой описи всегда было особенно трепетным: начиная с переплётов из красного сафьяна с золотым тиснением и заканчивая строгим учётом количества дел и созданием оптимальных условий хранения.

Поэтому можно представить шок, вызванный появлением на антикварном рынке документа, внешние признаки которого точь-в-точь совпадали с манерой оформления дел из описи № 13. Это был указ Петра I генерал-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну об отправке флота к Кронштадту от 13 октября 1721 г. Данный инцидент стал поводом критически взглянуть на состояние особо ценного документального комплекса. На первом этапе самое пристальное внимание было уделено единице хранения № 1, содержащей подлинные указы и письма Петра I генерал-фельдмаршалам графу Б.П. Шереметеву и князю М.М. Голицыну за 1710–1723 гг. (именно к ней относился проданный на антикварном рынке документ). Трудоёмкая работа, которую оказалось возможным проводить только при естественном дневном свете, включала в себя полистную проверку дела, сличение состава документов с внутренней описью,

анализ их палеографических особенностей. По итогам проверки выявлены следующие факты:

1) 24 документа, обозначенных во внутренней описи, отсутствуют, судя по отметкам «нетъ», уже в течение длительного времени. По большей части это указы и письма Петра I о значительных или любопытных с исторической точки зрения событиях («О бытии полковнику Лафорту у полку Лафортовского», «О пожаловании орденом Святого Андрея генерала Рена», «Об отдаче Азова туркам», «О счастливом взятье от неприятеля славной Штетинской крепости», «О одержанной над шведским войском виктории», «О рождении Его Царского Высочества Петра Второго» и т.д.).

2) 25 документов отсутствуют, однако по внутренней описи числятся в наличии. Один из них – документ, выявленный на антикварном рынке; другие также связаны с примечательными историческими событиями (морская победа под Гангутом, смерть английской королевы, «конпас, рисован и писан собственною Его Императорского Величества рукою», размен пленных шведских генералов на российских и т.д.).

3) Листы 214 и 550, 575 и 566 на первый взгляд представляют собой две пары одинаковых документов (собственноручные письма Петра I). При ближайшем рассмотрении оказалось, что в каждой паре документов один является подлинником, а другой – муляжом (с повторением нумерации, нарисованными карандашом сгибами на бумаге, чернилами неестественного розоватого оттенка). Следует подчеркнуть, что вторые документы являются именно муляжами (подделками), а не дубликатами или трипликатами подлинника, которые составлялись одновременно с ним.

4) При тщательном изучении всего дела выявлено ещё около 50 подобных муляжей, но уже без подлинников. Их характерными признаками являются:

- тряпичная бумага иного цвета и качества по сравнению с подлинниками (в ряде случаев это чистые оборотные листы документов, со следами от переплёта и даже с делопроизводственными пометами);
- несоответствие цвета чернил нумерации по сравнению с предыдущими и последующими листами (каждый документ в деле неоднократно пронумерован чернилами разных цветов, что существенно затрудняло подделку);
- неровный, как бы «нарисованный» текст, воспроизведённый на просвет или поверх предварительной карандашной разметки;
- сгибы и загрязнения на бумаге, имитированные карандашом или разведёнными водой чернилами;

◆ остатки печатей на конвертах, имитированные капельками сургуча и красными чернилами (наиболее существенной в этом отношении является подделка печати со шнуром на муляже именного указа от 25 июня 1722 г., вместо которой сейчас в архивном деле находится слепок из красноватой массы на белой, возможно, парафиновой основе, без шнура, с невнятным оттиском, по размеру напоминающем монету).

5) Всего из 297 номеров (групп документов) дела № 1 описи № 13 фонда № 2, зафиксированных во внутренней описи, отсутствуют полностью или частично 52 номера, подменены муляжами – 49, то есть почти треть от общего числа.

После выяснения данных фактов, все 64 коробки, в которых хранятся дела описи № 13 фонда № 2, были распечатаны (опись, как особо ценная, хранится в сейфах либо в опечатанных коробках). Выборочная проверка нескольких дел показала, что в них также имеются документы с указанными выше признаками муляжей: тексты, написанные поверх карандашной разметки, чернила специфического оттенка и т.д. Некоторые муляжи выполнены на листах, с оборотной стороны которых можно видеть старую нумерацию (то есть для их изготовления использовались изъятые из дел пронумерованные чистые листы). Как правило, объектом копирования становились документы с текстом и хорошо читаемым автографом («Петръ», «Piter», «Екатерина»). Резолюции на докладах, собственноручные записки без автографов и другие «не видовые» документы оставлены без внимания и, несомненно, являются подлинными.

Таким образом, налицо массовая подделка особо ценных документов, которая проводилась, судя по всему, во второй половине XIX–начале XX в. Невысокое качество «работы», вероятно, объясняется тем, что вплоть до 1940-х гг. в Лефортовском дворце, где размещается архив, не было электропроводки и муляжи изготавливались при плохом освещении. Никаких сведений, которые могли бы прояснить обстоятельства этой истории, пока обнаружить не удалось, однако её криминальный характер, можно сказать, не вызывает сомнения. По одной из версий, подделка осуществлена в «смутный» период 1917–1920 гг., при ликвидации прежних и создании новых архивных структур, кем-то из старых сотрудников архива, имевших доступ к разбору и переплёту документов.

К сегодняшнему дню на антикварном рынке продано ещё два подлинных именных указа Петра I, представленных в делах описи № 13 муляжами.

С.А. Корепанова (Екатеринбург)

Реликвии петровского времени в фондах Свердловского областного краеведческого музея: Библиотека В.Н. Татищева

Свердловский областной краеведческий музей (далее — СОКМ), ведущий свою историю от Уральского общества любителей естествознания, в 2011 г. отметил 140-летие. Формирование коллекций музея, отражающих период промышленного освоения Урала при Петре I, началось ещё в конце XIX в., однако памятники петровской поры в составе музейного собрания немногочисленны.

Говорить о петровских реликвиях в музейном собрании вообще не приходится, так как напрямую связанных с Петром Великим предметов в музее попросту нет. К легендарным памятникам может быть отнесена берестяная шкатулка с портретом императора — экспонат Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г., которая в каталоге обозначалась как работа Петра I, правда, с вопросительным знаком.

Гораздо шире круг тех предметов, которые можно условно отнести к петровской эпохе. В основном, это типологические памятники рубежа XVII–XVIII вв.: монеты, рукописные и старопечатные книги, культовые памятники, оружие, бытовые и другие предметы. Однако, на наш взгляд, как петровские памятники следует рассматривать не просто предметы, хронологически относящиеся к периоду царствования Петра I. Это должны быть памятники, тематически близкие к Петру I, его сподвижникам, его преобразованиям. Для Урала — это прежде всего памятники, связанные с промышленным освоением края.

Так, в разделе «Горный мир» стационарной исторической экспозиции СОКМ можно сегодня увидеть чугунную пушку Каменского завода 1703 г., чугунный колокол Невьянского завода Никиты Демидова 1702 г., памятную чугунную плиту, отлитую 1 января 1725 г. на его же заводах, деталь заводского механизма казённого Екатеринбургского завода («зубчатое колесо»).

В фондах музея есть и другие предметы петровского времени, например, серебряные и медные монеты периода царствования Петра I, иконы и культовые предметы рубежа XVII–XVIII вв., печные изразцы и стеклянные штофы. Некоторые предметы, тематически относящиеся к истории петровского времени, являются новоделами или копиями, выполненными позднее. Так, в нумизматической коллекции СОКМ хранятся новоделы бородовых знаков 1705 и 1725 гг., изготовленные по заказу известного екатеринбургского коллекционера П.И. Тарасова, копии архивных планов первых заводов, а также портреты отцов-основателей Екатеринбурга и других уральских городов-заводов В.Н. Татищева и В.И. Геннина, выполненные в XIX в.

Наиболее значительным комплексом, восходящим по времени формирования к первой трети XVIII в., является библиотека видного государственного деятеля, первого российского историографа, человека энциклопедических познаний и широчайших научных интересов Василия Никитича Татищева (1686–1750). Отметим, что в апреле 2011 г. исполнилось 325 лет со дня его рождения. Именно эта личная библиотека одного из ярких деятелей XVIII в. может быть с полным правом отнесена к реликвиям петровского времени.

Зафиксированная на сегодняшний день в фондах СОКМ часть когда-то богатейшей библиотеки В.Н. Татищева (более 1000 книг) пережила в начале 2000-х гг. своё третье «обретение».

Поисками библиотеки Татищева первым занялся известный уральский историк и краевед Н.К. Чупин, который в ходе разбора книг Екатеринбургской казенной горной библиотеки в 1859 г. выделил 120 книг с вензелем «ВТ»[1]. После чего более чем на сто лет след библиотеки Татищева теряется, и второе «обретение» происходит только в 1961 г. при переезде библиотеки СОКМ. Выделением книг В.Н. Татищева в иностранном фонде музея активно занимался исследователь В.Г. Фёдоров при участии сотрудников музея Е.И. Реутовой, А.Г. Калетиной, А.М. Мазилкиной[2].

---

[1] *Фёдоров В.Г.* К истории Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева // Доклады на Учёном совете СОКМ. Свердловск, 1964. С. 78–79.

[2] Книги В.Н. Татищева в фондах краеведческого музея (предварительная информация). Свердловск, 1962.

В 1990-е гг. хранителем фонда редких книг СОКМ Валентиной Николаевной Оносовой было выполнено научное описание книг, отнесённых в тот период к библиотеке В.Н. Татищева. Для хранения 95 томов был выделен специальный сейф.

В 1997 г. по инициативе членов Общества уральских краеведов и сотрудников СОКМ В.В. Дубленных и Л.И. Зориной в Екатеринбурге прошли Первые Татищевские чтения. В ходе работы чтений в здании Уральского государственного университета им. А.М. Горького (далее — УрГУ) была развёрнута уникальная выставка, где экспонировалось несколько десятков книг из библиотеки В.Н. Татищева.

В начале 2000-х гг. с инициативой окончательно выделить из книжного собрания и описать библиотеку В.Н. Татищева и первую Екатеринбургскую казённую библиотеку к руководству музея обратилась доцент кафедры архивоведения и истории государственного управления исторического факультета УрГУ им. А.М. Горького Алевтина Михайловна Сафронова.

Итогом пяти лет напряжённой работы старшего научного сотрудника отдела фондов СОКМ В.Н. Оносовой и доцента А.М. Сафроновой стала публикация «Каталога книг В.Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея»[3]. Рецензентами каталога выступили доктор филологических наук, заведующий отделом редких книг Российской национальной библиотеки Н.В. Николаев и кандидат исторических наук, заведующая отделом истории книги Уральского отделения РАН Н.А. Мудрова.

Всего в каталог включено 236 (181 том) хранящихся в СОКМ книг В.Н. Татищева, из которых более 70% изданы на немецком языке (180 книг), 7 — на латинском, 4 — на русском, 2 — на польском, 2 — на французском, 1 — на голландском. Несколько десятков книг имеют текст на 2 и 4 языках. По оценкам А.М. Сафроновой, как минимум 70 изданий были привезены Татищевым из Западной Европы. Например, в ходе поездки для изучения инженерного дела, математики и артиллерии в 1713–1715 гг. Татищев приобретал книги в Берлине (Пруссия), Дрездене (Саксония), вольном городе Гамбурге; в 1718–1719 гг., во время работы Аландского конгресса, где Татищев выполнял роль связного между руководителем русской делегации Я.В. Брюсом и Петром I, Василий Никитич

[3] Каталог книг В.Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург, 2005. С. 358.

приобрёл около 2 десятков книг, в том числе — работы по истории, географии, риторике.

По указу Петра I в 1724–1726 гг. Татищев находился в Швеции, где изучал состояние горной промышленности и должен был найти специалистов для приглашения на русскую службу. Сегодня в собрании нашего музея хранится 16 книг, привезённых из этой поездки, в том числе — труды римского историка Корнелия Тацита.

Как отмечают составители, большую часть книг из библиотеки В.Н. Татищева, хранящихся в СОКМ, составляют труды по истории, в том числе — о событиях Северной войны, а также Персидском походе Петра I 1722–1723 гг., в результате которого к России было присоединено западное побережье Каспия.

Непосредственно о жизни и деяниях Петра Великого повествует издание на немецком языке «**Der curieusen Eva <...>**» («Любопытная Ева <...> историко-политическая государственная ассамблея в царстве мёртвых 8 февр. 1725 в Петербурге покойный <...> царь <...> Пётр Алексеевич обстоятельно рассказывает свою примечательную жизнь; причём одновременно это краткое известие о нынешнем государстве Российском <...>». Лейпциг, 1725. Инв. № ПИ 3848).

Ещё одна книга на немецком языке посвящена Санкт-Петербургу — **«Описание Балтийского моря, ново-построенной российской столицы Санкт-Петербурга <...>»** Франкфурт; Лейпциг, 1718.

Кроме трудов по истории, библиотека Татищева содержит издания по географии, языкознанию, генеалогии, философии, этике, праву, архитектуре, фортификации, артиллерии и др.

По времени издания книги библиотеки Татищева распределены следующим образом: 16 — издания XVI в., 70 — XVII в., 150 книг относятся к первой трети XVIII в., в основном, до начала 1720-х гг.[4]

Среди обнаруженных книг — труды Архимеда, Геродота, Тацита, Цицерона, Самуэля Лютера, а также Марцина Кромера, Христиана Вольфа, Вильяма Винстона, Самуэля Пуфендорфа и многих других учёных.

Подготовку рассматриваемого каталога, наверное, следует назвать научным подвигом, поскольку обе его составительницы не владеют немецким языком! При содействии доцента исторического факультета УрГУ А.А. Сафронова была проведена перекрёстная сверка заголовков книг с печатными и электронными каталогами Англии, Германии (библиотеки Баварии, Бранденбурга, Пруссии, Саксонии и других земель), Франции, Швеции, Финляндии,

[4] Там же. С. 31.

Польши. К презентации каталога в 2005 г. в музее была открыта небольшая выставка книг из библиотеки В.Н. Татищева. В 2006 г. авторы этого научного издания стали лауреатами Областной музейной премии имени О.Е. Клера, учреждённой в 1991 г. в память об известном уральском учёном — краеведе, музейщике, общественном деятеле.

Авторы-составители каталога отмечают, что на сегодняшний день книги из библиотеки В.Н. Татищева, кроме СОКМ, хранятся в библиотеках Санкт-Петербургского горного института (64), университета Хельсинки (8), УрГУ (2). На наш взгляд, это делает актуальной подготовку сводного электронного каталога для объединения информации о книгах Татищева, хранящихся в разных местах.

В 2009 г. в рамках проекта «Путь Петра Великого» в музее работала выставка «Универсальная мудрость», где были представлены книги Татищева и первой горной библиотеки Екатеринбурга.

К сожалению, на сегодняшний день значительная часть книг находится в неудовлетворительном состоянии. У музея нет специалистов и необходимых средств для проведения реставрации и консервации книг. Более того, специалистов такой квалификации нет во всем Урало-Сибирском регионе.

В 2009 г. сотрудниками СОКМ была подана заявка в Федеральную целевую программу «Культура России» на проведение обследования и оценки состояния библиотеки Татищева для проведения в будущем реставрационных работ. Эта заявка не получила финансирования в 2010 г. На 2011 г. такая заявка подавалась музеем в Областную целевую программу, но средств пока тоже не выделено. Возможно, работы по реставрации книг удалось бы сдвинуть с мёртвой точки в рамках деятельности Эрмитажной школы реставрации, которая действует на базе Реставрационных мастерских СОКМ, но проблемы финансирования это не отменяет.

Е.А. Наймарк (Санкт-Петербург)

Сборники эмблем к фейерверкам начала XVIII века в собрании Российской национальной библиотеки

В Отделах редкой книги и полиграфии Российской национальной библиотеки (далее – РНБ) хранятся многочисленные сборники эмблем, которые Пётр Великий использовал во время подготовки декоративных картин фейерверочных показов. Символы этих альбомов с первой четверти XVIII в. положили начало традиции античной стилизации российских «огненных зрелищ». Их анализу посвящается данная работа.

В Западной Европе данные сборники с конца XVI в.[1] входили в состав самых богатых книжных собраний. В России значение этой литературы впервые высоко оценено и показано на практике Петром Великим. В собрании РНБ можно найти сборники А. Альчиато, Ч. Рипа, Ф. Пичинелли. Важность большинства из этих средневековых сборников признаётся современными историками и искусствоведами[2].

В РНБ находятся собрания книг, связанных с оформлением фейерверков первой четверти XVIII в., хранящиеся в двух крупных

[1] *Быкова Т.А.* Петербургское издание книги «Символы и эмблемата» // *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание издания гражданской печати. М.; Л., 1955. С. 528.

[2] *Махов А.Е.* «Печать недвижимых дум». Изначальная двойственность: эмблема в жизни и в книге // Эмблемы и символы. М., 1995; *Дедова Е.Б.* Аллегорические образы в искусстве фейерверков и иллюминаций в России середины XVIII века. К проблеме панегирического направления в художественной культуре Елизаветинского времени. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. искусств. М., 2011. С. 9.

подразделениях-отделах: Полиграфии и Редкой книги. Сохранились несколько достаточно редких изданий, которые представляют большой интерес для историографов и библиографов.

В иконологии фейерверков Западной Европы играли значительную роль книги Ч. Риппа и Ф. Пичинелли. Они хранятся в Отделе полиграфии. Пётр I держал их в руках. Однако наибольшее влияние на эмблематику российских «огненных зрелищ» оказали следующие сборники: «Symbola et emblemata» (Символы и Эмблемы. Амстердам, 1705) и «Девизы и Эмблемы» Даниэля де Ла Фея (1697). В качестве исторического контекста, в котором проектировались эмблемы к фейерверкам, отметим печатание в 1713 г. «Книги Марсовой» М.П. Абрамова. Широко известные в историографии и библиографии 11 разных корректурных оттисков «Книги» представляют собой самую большую редкость из всех изданий, проанализированных в данной статье. Сборники эмблем являются меньшей книжной редкостью, они сохранились в значительно более удовлетворительном состоянии, так как выпускались большим тиражом. Так, в 1721 г. в Москву на продажу привезли, по меньшей мере, 800 экземпляров сборника «Символы и эмблемата». Они попадали в богатые аристократические дома, в которых умели обращаться с книгой. Популярными трудами стали также «Овидиевые фигуры» и «Ифика иерополитика», символы которых также будут сравнены с декорациями фейерверков. Упоминавшиеся издания поступили в Отдел редкой книги и Отдел полиграфии РНБ в процессе формирования коллекции редких книг, который начался в XIX в.

Исходя из определения словаря Д.Н. Ушакова, реликвия – во-первых, «вещь, являющаяся предметом религиозного поклонения и представляющая верующим чудодейственной (церк.)»; во-вторых, «особо чтимая, дорогая по воспоминаниям или по традициям вещь»[3]. Библиографическая редкость, согласно определению словаря, – это книга, которую трудно найти. Как отмечалось, историко-культурным феноменом является лишь «Книга Марсова», она же содержит аллегории, мотивы которых использовались при проектировании фейерверков.

Предметом данной статьи является исследование, в каких редких изданиях, сохранившихся в РНБ, в наибольшей степени отразились имперские символы власти Петра Великого, показывавшиеся в фейерверках. Под имперскими символами здесь понимаются

[3] *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007. С. 900.

светские аллегории, стилизованные под античность. Они стали памятниками «новой культуры» первой четверти XVIII в.

В наибольшей степени Пётр I прославляется как император-победитель в «Книги Марсовой» – в издании, наиболее близком к определению «реликвии». На аллегориях в виньеточных рамках изображались Триумфы и Славы. Баталии восхвалялись. Однако напрямую символы фейерверков прослеживаются в сборнике «Символы и эмблемата», в котором изображались имперские доспехи и дымящиеся сосуды – символы жертвенности и пользы. Следует отметить, что в традиции западноевропейского этикета Пётр I назывался императором уже в 1705 г.

Если сравнить сборники, которые хранились в собраниях у государственных вельмож и образованных монахов в первой четверти XVIII в., в частности «Девизы и эмблемы» де Ла Фея[4], издания «Символы и эмблемата»[5], «Ифика иерополитика»[6], «Овидиевы фигуры в 226 изображениях»[7], то возможно установить, что их символы и идеи прямо или косвенно повлияли на содержание картин фейерверков первой половины XVIII в. Эти издания являлись источниками эмблем для академиков, их образы заимствовались для инвенций представителями отечественного просвещённого общества: художниками, поэтами, священнослужителями. Кроме того, их символика стала немаловажной частью культурного пространства первой половины XVIII в. На содержание этой символики повлияли социальные взгляды просвещённого общества. Сложно проследить использование главными гравёрами, академиками, инвенторами, пиротехниками названных эмблематических сборников как прямых источников для декораций идеологических фейерверков абсолютизма. Однако эти издания сохранились во многих частных книгохранилищах, в частности, в библиотеке Петра Великого, распределённой после его смерти в разные книгохранилища, в том числе и в Отдел редкой книги РНБ. Они оказывали большое влияние на развитие орнаментальной символики абсолютизма.

При сопоставлении четырёх эмблематических сборников как возможных и реальных источников фейерверочных эмблем можно

---

[4] *La Feuille D. de.* Devises et emblemes anciennes et modernes tirées des plus celebres auteurs avec plussieures autres. Amsterdam, 1697.

[5] Нами использовался экземпляр издания, хранящийся в Отделе редкой книги РНБ: Символы и емблемата. СПб., 1719.

[6] Ифика иерополитика. СПб., 1718.

[7] Овидиевы фигуры в 226 изображениях. СПб., 1722.

установить, что «Девизы», «Символы» и в определённой степени «Овидиевы фигуры» служили основой для светских модернизированных праздников абсолютной власти. Не случайно А. Шхонебек и Д. де Ла Фей являлись представителями одной школы голландского гравирования. Таким образом, «Девизы» и «Символы» явились первыми источниками для символики представлений абсолютизма. Эмблемы из этих сборников лаконичны, имеют более прогосударственную основу, чем художественные иллюстрации с более сложными сюжетами из «Овидиевых фигур».

Абсолютная власть популяризировала в России имперские символы и сентенции эмблем Де ла Фея[8], так как их политические, нравственно-духовные и идеологические смыслы помогали обосновывать сверхъестественные возможности личности, восхвалять гражданскую и военную службу «по чину» и на «благо Отечества». Ранее отмечались важнейшие светские декорации из сборника «Символы и эмблемата». При их сопоставлении с «Девизами» можно установить, что эмблемы сборника 1705 г. заимствованы почти полностью из альбома 1697 г. Западноевропейские и российские королевские и императорские дворы использовали для своего прославления изящные эмблемы с изображением природы, античной мифологии, а также идеи героизма. Мотивы изображений из «Девизов» и «Символов» вошли в «Книгу Марсову» – памятник гражданской печати первой четверти XVIII в.

[8] *Быкова Т.А.* Петербургское издание книги «Символы и эмблемата». С. 528.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

«Журналы» петровского времени из коллекции Отдела рукописей Российской национальной библиотеки

В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки сохранилось два интересных «журнала», попавшие туда в составе коллекции купца 2-й гильдии Н.Я. Колобова.

В первую очередь следует отметить «Журнал боевых действий российских войск, главным образом флота, в царствование Петра Великого»[1]. Его хронологические рамки – вся жизнь Петра I, но основное внимание уделяется событиям Северной войны, хотя составители (а «журнал» написан несколькими почерками) обращают внимание и на внутреннюю жизнь страны[2]. Подробно описываются поездки царя, фиксируется каждый город, который он посещал; но при этом много места занимает и описание военных действий, в которых Пётр I лично не участвовал. Интересно, что многие описания военных событий в «журнале» текстологически совпадают с описанием этих же событий в «Гистории Свейской войны»[3], составлявшейся под непосредственным руководством монарха. Совпадения, на наш взгляд, связаны с тем, что большинство описаний

[1] ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н.Я. № 655. — составители назвали «журнал» «Российская история. Житие и дела великого Государя императора Петра Великого» (далее — «Житие и дела великого Государя...»).

[2] Житие и дела великого Государя Л. 18.

[3] Впервые «Гистория» была опубликована под названием: «Журнал или подённая записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадского мира». (Ч. I–II. СПб., 1770–1772). Новое издание: Гистория Свейской войны. М., 2004.

основано на одних и тех же источниках – реляциях, составлявшихся сразу после той или иной военной операции (эти реляции опубликованы в «Письмах отличается и бумагах императора Петра Великого»).

При этом довольно сильно описание первой осады Нарвы, в том числе и поведения Петра I. В «журнале» ограничились краткой записью: «Против 18 числа его царское величество и генерал фельдмаршал граф Головин оттуду поехали в Новгород а команда над войском его величества поручена герцогу Фон Крою да генералу кригс камисару князю Я.Ф. Долгорукову»[4]. В то же время, в отечественной и зарубежной историографии неоднократно обращалось внимание на то, что отъезд царя произошёл накануне сражения, и высказывались различные версии причин этих действий. Разбор этих точек зрения несколько выходит за рамки настоящего исследования, поэтому отметим только, что в «Гистории Свейской войны» об этом сказано: «против 18 числа Государь пошёл от армии в Новгород, для того, чтобы идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо иметь свидание с королём Польским»[5]. То есть в рассматриваемом «журнале» приведена более краткая версия, нежели в «Гистории Свейской войны».

Есть и весьма любопытные записи: «Генералу князю Репнину с новыми его полками велено зимовать в Новегороде и был он там некоторое время губернатором»[6]. Здесь следует отметить, что А.И. Репнин назван губернатором. Сообщается также о назначении А.Д. Меншикова губернатором и о его «поиске» в Карелию: «Декабрь 1702. А губернатор князь Меншиков поехал на Олонецкую верфь для закладу некоторых судов морских также и при Шлютелбурхе велено ему зделать несколько барок для воски и артиллерии и провианту х Канцам также несколько мелких карбусов. Он же по некоторым ведомостям ходил Ладожским образом х Кореле чая оную незапно взять но сия экспедиция не удалась понеже неприятель сведал и возвратились без воинского действа»[7].

Как известно, губернии в России были учреждены только в 1708 г.[8], однако А.Д. Меншиков был назначен губернатором новозавоеванной территории сразу после взятия Нотебурга (отметим,

[4] Житие и дела великого Государя Л. 22.

[5] Журнал или подённая записка Ч. I. СПб., 1770. С. 19.

[6] Житие и дела великого Государя Л. 24.

[7] Там же. Л. 34.

[8] Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830. № 2218. Т. 4. С. 436.

что впервые должность губернатора встречается в документах ещё в 1701 г., когда Я.В. Брюс был назначен новгородским губернатором). Данные записи «журнала» подтверждают, что должность губернатора появилась в первые годы Северной войны и до образования губерний.

Другой памятник, хранящийся в Отделе рукописей, – «Журнал походов Петра I», описывающий события 1700–1704 гг.[9] Изложение событий в нём начинается с первой осады Нарвы, а заканчивается её взятием. Скорее всего, рукопись составлена при дворе новгородского архиерея Иова, которому уделяется повышенное внимание: отмечается, что он поддержал Петра после нарвского поражения (причём приводится его пространная речь)[10], а изложение событий 1704 г. начинается с приезда Петра в Новгород и его визита к Иову[11]. Установить точное время составления «Журнала походов...» не удалось; но можно предположить, что это произошло в 1721–1725 гг.: при описании основания Санкт-Петербурга Пётр I назван «великим государем и императором»[12], а в другом месте встречается такая запись: «<...> сохрани его царского величества дражайший живот», то есть журнал составлен после принятия Петром I императорского титула, но ещё при его жизни. Однако следует отметить, что рукопись порой грешит неточностями (например, при описании второй осады Нарвы Огильви назван Фон Кроем)[13], в ней также встречаются уникальные известия, которых нет в других источниках.

Так, при упоминании об орудиях, взятых в Нотебурге, составителем допущены неточности. В «журнале» указано: «во оной крепости взято пушек обеих металов 129 дробовиков 75, мартир 12, гоубиц 25 пороху 270 бочек бомб гранат ядер свинцу <...> многое число[14]. На деле же в крепости было взято 138 пушек (медных – 21, причём среди них были и две русские пушки, чугунных – 107), мортир медных – 1, мортир чугунных – 7, гаубиц чугунных – 2[15].

---

[9] ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н.Я. № 362.

[10] Там же. Л. 16–19.

[11] Там же. Л. 99.

[12] Там же. Л. 75.

[13] Там же. Л. 123.

[14] Там же. Л. 60.

[15] *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 126.

В «Журнале походов...» изложена несколько забавная (с позиций наших сегодняшних знаний) версия неудачи осады Нарвы в 1700 г.: от русской стрельбы жителям Нарвы «учинилась великая теснота и неудобное пребывание». Вскоре капитан бомбардирской роты Преображенского полка Гумерт отправил им тайное письмо, требуя 20000 ефимков, «ежели обещают дать, то он метание бомб <...> и разрушение града удержит». Жители, доведённые до крайности, согласились на это, после чего Гумерт убедил Петра I не разрушать столь красивого града, дождаться тёмных ночей и взять его приступом. Царь согласился с ним и велел прекратить метание бомб, а вскоре после этого Гумерт перебежал в Нарву и выдал неприятелю все секреты[16]. Версия довольно интересная, но маловероятная. Капитан Гумерт – лицо действительно реальное, он в самом деле перебежал к шведам 10 ноября 1700 г.[17]; однако, на наш взгляд, не следует делать из него главного виновника неудачи. Вряд ли он мог убедить Петра не разрушать города, тем более что по договору с Августом II Лифляндия должна была перейти к Польше, и царь в тот момент абсолютно не был заинтересован в сохранении красоты Нарвы.

Из числа уникальных известий в первую очередь следует отметить количество бомб, выпущенных из мортир в ходе обстрела Ниеншанца (в ночь с 30 апреля на 1 мая 1703 г.). В «журнале» сообщается, что из мортир за ночь было выпушено 700 бомб[18]. Ни в каких других источниках число выпущенных бомб не указывается.

В «Журнале походов...» сохранилось и описание укреплений Ниеншанца: «город Канцы весь земляной <...> величина валу 9, ширина 6 сажен, около его ров глубокой и в него из рек пущена вода с дву сторон реки Невы и Охты»[19].

Кроме того, приведены более подробные сведения (нежели в других «журналах») о событиях, предшествовавших второй осаде Нарвы: «26 апреля 1704 П.М. Апраксин с корпусом войска на устье реки Наровы к морю пришёл а до приходу его за день пришли ко оному устью швецких военных кораблей 9 шкутов 7 и тоя ж ночи и в следующий день зделаны 2 батареи и поставлены 24 пушки и 6 мартир»[20].

---

[16] Журнал походов Петра I... Л. 1–2.

[17] Житие и дела великого Государя... Л. 22.

[18] Журнал походов Петра I... Л. 67.

[19] Там же Л. 72.

[20] Там же. Л. 102.

Эти сведения в целом совпадают с известными нам сегодня фактами. 28 апреля 1704 г. П.М. Апраксин писал А.Д. Меншикову: «на реку Нарову пришёл я сего апреля 27 дня шёл с конницею сколь имел при себе от Ругодива верстах в трёх а пехотных три полка Шеховской, Титов, Билс шли по левую сторону той дороги близ реки Росони и стали на реке Нарове близ устья росонского слава богу по повелению его государеву в удобном месте и за день до приходу моего к наровскому устью пришли 5 кораблей и стояли из них против самого устья росонского три а другие два стояли на взморье подале тех, ещё 4 корабля стояли в море всего 9 кораблей да шкут запасных 4 простых и сего числа ис тех два корабля боевых по 18 пушек входили в устье наровское и рекою Наровою ко обозу нашему в два часа пополудни в малой ветр и из пушек они по нас также и от нас по них стрельбы было много и несколько у нас раненых есть и те корабли з божьей помощью и его государевым счастием из Наровы реки и из наровского и от росонского устья отбили и один корабль во многих местах из пушек разбили и отошли в море со многим страхом и отшед три корабля остановились в море от наровского устья не в дальности а 6 отошли в море вдаль и в Ругодев им тех кораблей ничего выгрузить они не успели и которые с кладью стоят иные зело грузно, а с пушками от милости вашей ещё ко мне не бывали толко у меня, что взял с собою три 6-фунтовые да шесть 3-фунтовых чугунных из Ямбурха и те 3-фунтовые плохи в нынешнем бою разорвало одну а под Ругодив государь посылал я малых людей для известия подъезжали под Ивангород никто не выезжал толко за Наровою конница их»[21] (выделено мной. – *Н.С.*).

То есть в деталях снова выявлены расхождения – если число шведских кораблей указано точно, то сведения о пушках, установленных против Нарвы, даны неверные. Возможно, у составителя журнала были сведения о том, что позднее к П.М. Апраксину были доставлены ещё пушки (и он их указал), однако в переписке П.М. Апраксина с А.Д. Меншиковым таких сведений нет.

В целом указанные «журналы» являются интересными источниками по истории Северной войны, однако в первом из них («Журнал боевых действий российских войск...») сведения по большей части совпадают с уже известными «журналами» того времени, а во втором («Журнал походов Петра I...») встречается довольно большое количество неверных данных, хотя сам «журнал» является очень интересным памятником.

[21] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 14–17.

Т.Ю. Токарева (Сергиев Посад)

Малоизвестная указная грамота Петра I о привлечении Троице-Сергиева монастыря к созданию «воронежского» флота из собрания Сергиево-Посадского государственного музея-заповедника

Решение о создании флота было принято боярской думой в октябре-ноябре 1696 г. Первый период его создания получил название «кумпанский» [1].

Согласно широко растиражированной версии, изложенной в популярных изданиях, Троице-Сергиев монастырь по грамоте царя Петра I 1698 г. должен был построить 3 корабля и 3 военные галеры со всем снаряжением[2].

Однако в авторитетных изданиях по истории русского флота, в частности, у Н.Г. Устрялова и С.И. Елагина, за Троицкой обителью по первому указу 1696 г. было закреплено строительство двух «ших-бомбардиров» и одной галеры[3]. 3 декабря 1697 г. царь распорядился построить ещё и «добавочные» суда. Для Троицы это будет бомбардирский корабль и половина галеры, «складная» с Ново-

[1] История отечественного судостроения. СПб., 1994. С.65.; *Петрухинцев Н.Н.* Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 117.

[2] Музей-заповедник в Загорске. Путеводитель. М., 1975. С. 83; Загорский музей-заповедник. Путеводитель. М., 1990. С.22.

[3] *Устрялов Н.Г.* Истории царствования Петра Великого. Потешные и азовские походы. Т. 2. СПб., 1858. С. 528–531; *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 51–72. Приложения. Ч. III. С. 164, 177–178, 278, 311, 337–338.

девичьим. Таким образом, по указам царя 1696 и 1697 гг. обитель Сергия Радонежского обязывается сооружением 3 ших-бомбардиров, одной целой и одной половинной галеры со всем снаряжением[4].

Затеянный Петром «**великий препороториум**» уже в декабре 1697 г. беспокоил его «**мраком сумнения**» по поводу качества возводимых кораблей. Волнуясь за начатое дело, Пётр издал несколько указов, корректирующих требования к строительству и оснастке кумпанских кораблей. Все эти меры, к сожалению, негативно скажутся на всём воронежском флоте, в том числе и на «троицких» кораблях.

Бомбардирские корабли, построенные Троицей, получили громкие имена и эффектные девизы, но никогда не участвовали в сражениях[5]. После их передачи в 1701 г. в адмиралтейство их решено сделать запасными, провиантскими[6].

---

[4] **Бомбардирский корабль** – «парусный 2–3-х мачтовый корабль, вооружённый пушками крупного калибра, предназначенный для обстрела береговых укреплений <...> Обладал повышенной устойчивостью, прочностью корпуса и имел небольшую осадку». «**Галера** — боевой гребной корабль с одним рядом вёсел»; История российского флота. Современная версия. М., 2006. С. 660–661.

[5] Один «бомбардир» именовался «Бомба» с девизом: «Горе тому, кому достанусь». Его длина была 92 футов 9 дюймов, интерюйм в 11 футов 10 дюймов. Мастера — «венециане» Яков Моро и Ян Вентуини. 23 марта 1703 г. она была переведена из Воронежа на Устье. В 1710 г. находилась в Таврове на блоках. Другой корабль назывался «Агнец» (Ламготес), его размеры были: длина 87 футов, ширина 28 футов, интерюйм 10 футов 8 дюймов. Мастер Ян Вентуини. Третий, новоуказной, т.е. добавочный, заложенный в 1698 г., назывался «Страх» (Сшхрек). Его длина 90 футов, ширина 28 футов, интерюйм 11 футов 4 дюйма. Строил его Яков Моро. И «Агнец», и «Страх» в марте 1703 г. были переведены из Воронежа на Устье, а в 1710 г. они числились в Таврове на блоках. *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. Приложение I. Список судов азовского флота 1692–1712. С. 24–31.

[6] *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. Приложение III. № 76 С. 333; № 79. С. 500. Из письма Апраксина Головину из Воронежа от 2 мая 1702 г.: «О троицких кораблях посылал я Терплия [корабельного мастера. — *Т.Т.*], чтобы он их обряжал бомбардирскими кораблями, и, смотря их, (он) сказал, что никакими делы быть им кроме провиантских нельзя; сильных крепостей в них положить не мочно». Ср. с мнением царя Петра о воронежских кораблях (1699, до 22 сентября) в: ПиБ. Т. 1. 1688–1701. СПб., 1887. С. 325. № 287. «<...> 3 бомбардир-шхип, казною троицкаго монастыря строенные, размером же итальянским единым всетри, из которых один мало лучше пропорциею, нежели прочие».

О «троицких» галерах известно очень мало. Только одна из них, заложенная по указу 1696 г., была под Азовом. В 1711 г. при сдаче Азова переведена в Черкасск. «Складная» же троицкая галера никогда не была спущена на воду. Её «престранная препорция» составляла в длину 140 английских футов, ширину 12 футов 7 дюймов, «интерюйм» 6 футов 2 дюйма В 1704 г. она находилась на месте постройки, а после 1709, как сгнившая, разобрана.

Грамота, хранящаяся в Музее, относится ко времени строительства флота «на Воронеже» после второго указа 1697 г.[7] Она неразрывно связана с двумя другими грамотами, относящимися к той же теме, но хранящимися в РО РГБ[8]. Все эти грамоты являются единственными сохранившимися источниками по истории строительства Троицей кораблей «на Воронеже», отложившимися в архиве Лавры. Ни одна из них не опубликована ни в одном из авторитетных изданий по истории флота.

Они упоминаются в описях казны монастыря второй четверти XVIII в.[9] и сохранились (Илл. 1) благодаря особым условиям их хранения в ризнице, отдельно от сгоревшего в 1746 г. архива. После создания музея в 1920 г. две грамоты были переданы в филиал Румянцевского музея.

Итак, первая грамота, относящаяся к **4 апреля 1698 г.,** называется «***Приговором властей монастыря»*** и имеет на обороте скрепы соборных старцев, упоминаемых в преамбуле[10]. В Описи казны 1724 г. она названа так: «*Властин приговор о держании на новоуказные морские суды в расход монастырских из сбору оброчных денег 7206-го году за их руками*». В описи РГБ она названа иначе: «*Приговор властей и соборных старцев Троице-Сергиева монастыря о невозможности собрать деньги по указу царя Петра Алексеевича на кора-*

[7] СПМЗ. Инв. 200-рук.

[8] РО РГБ. Ф. 303 (1) Грамоты. № 863, 890.

[9] Описи казны ТСМ 1724, 1727., 1734, 1742, 1744, 1745, 1749 и 1756. СПМЗ. Инв. 59–66 рук. *Токарева Т.Ю.* Описи казны первой четверти XVIII в. в собрании СПМЗ. 2011.

[10] Подлинники в настоящее время не выдаются исследователям, поэтому описание даю по карточкам учёта, приложенным к цифровым копиям: «Скоропись 73х16 см. Л. 1. 1 скл. (разделён), без печати». Филиграни не отмечены, нет описания сохранности. На обороте грамота имеет пометы с номерами учёта. Они поддаются расшифровке. «№ 20» — это её номер по Описи казны 1756 г., «№ 17» по реестру 1770 г., когда грамоты были переведены из казны в архив. Слева сбоку квадратная наклейка с надписью чернилами «№ 70» — это её номер по Копийной книге древних актов. СПМЗ. 179-рук. № 70. Л. 124 об.–125 об.

бельное строение для хлебного недороду и крестьянской великой скудости 4 апреля 1698 г.»[11]

Грамота содержит сведения по истории строительства как прежних, так и «новоуказных» кораблей. Она свидетельствует о сложностях монастыря, связанных со сбором средств на строительство. Из текста приговора ясно, что монастырь, выполняя первый указ 1696 г., уже собрал с населения троицких вотчин за год по рублю на корабельное строение. Власти монастыря, опасаясь крестьянского разорения, решают внести вновь запрашиваемую государством сумму по новому указу от 1697 г. из собственных сборов. При этом в тексте отмечено, что заплаченные вперёд деньги будут собраны с них же, крестьян и бобылей Троицы, в следующем году.

Значение «Приговора» и последовавшие в связи с ним действия монастыря становятся ясны из ***другой грамоты***, которая относится к **12 мая 1698 г.**[12] Троицкие «архивисты» почти 300 лет назад назвали

---

[11] Текст № 890 передаю в сокращении: «206-го [1698] года, апреля в 4 день <...>Троицы Сергиева монастыря власти <> архимандрит Евфимий, келарь старец Мисаил, казначей старец Пахомий и соборные старцы Антоний Апрелев, Авраамий Яковлев, Иннокентий Замятнин приговорили соборне, что в нынешнем 206 году декабря в 30 день по указу великого государя <...> и по письму из Судного Володимерского приказу <...>, велено нам <...> на нынешней 206 год делать другие карабли из пильного лесу со всякими припасы с шестнадцати тысяч (16000) дворов <...> И нам по Переписным книгам 186-го году с шестнадцати тысяч дворов довелось построить морское судно ших-бонбодер со всякими припасы, да складчиками, которые приписаны в складной росписи иных монастырей, которые поданы будут в Судном Володимерском приказе, что на Троицкой монастырь з достальных дворов достанетца. И ныне мы на то карабельное строение для хлебного недороду и для нынешней крестьянской великой скудости, потому что крестьяня и бобыли вельми оскудали, а иные покиня дворы свои и жеребьи побрели в рознь, и таких денег ныне вскоре с крестьян взять невозможно, да и потому, что в прошлом, в 205-м году и в нынешнем 06-м [1697/8] годех с наличных крестьян и бобылей на прежнее карабельное строение взято з двора по рублю, а с ных бедных и скудных и не взято, и на те новоуказные морские суды деньги в росход держать из монастырской казны из збору нынешняго 206 году из денежных оброчных денег, которые ныне в сборе в монастырской казне, чтоб от того крестьяном великие тягости не учинилось и из вотчин бы крестьяня врозь не побрели. И те издержанные деньги збирать со крестьян впредь в 207-м году».

[12] РО РГБ. Ф. 303 (1) № 863. Л. 1–2. Описание грамоты по учетной карточке РГБ: «Грамота написана скорописью, почерком XVII в. на бумаге с водяным знаком «шут», размером 97x16,5 см, бумага помята, порвана, с пятнами, печать не сохранилась». На грамоте много помет.

её так: «Грамота из Приказу Большаго Дворца о держании на корабельное строение денег и о присылке приходных и расходных в тот Приказ книг за приписью дьяка Григория Посникова, за справою Ивана Яковлева»[13]. Важно отметить, что и в описи фонда 303, и в описании, приложенном к цифровой копии грамоты, она датирована неверно. В них указан 1699 г., тогда как она создана в 1698.

Грамота иллюстрирует отдельные события, связанные со строительством флота на Воронеже, сообщая интересные сведения о несохранившейся переписке монастыря с царём по этому вопросу[14]. Из

Внизу на оригинале «№ 43»; вверху тот же номер, слева квадратная наклейка с номером почерком XIX века 42(2), зачёркнута и сверху «43», «По Риз. Реэ. № 21»; «№ 25»; «№ 17». Все надписи и пометы расшифровываются по монастырскому архиву.

[13] Современное её название по Описи РО РГБ: «Грамота ц[аря] и в[еликого] кн[язя] Петра Алексеевича Троице-Сергиева монастыря архимандриту Евфимию с братиею о присылке монастырских приходо-расходных книг в Приказ Большого дворца к боярину Тихону Никитичю Стрешневу в связи с отказом монастыря строить новые корабли и всякое ружье за отсутствием денежной казны 12 мая 1699 года».

[14] Грамота была сложена пакетом, на обороте в три строки указан адресат: «В Троицкой Сергиев монастырь богомольцом нашим архимандриту Евфимию, келарю старцу Мисаилу, казначею старцу Пахомию» Ниже надпись столбиком почерком XVIII века: «206 г. майя в 28 день / подал стряпчей / Семен Брехов». Приводим её текст в сокращении: «От великого государя <...> Петра Алексеевича <...> в Троицкой Сергиев монастырь богомольцом нашим архимандриту Евфимию, келарю старцу Мисаилу, казначею старцу Пахомию з братьею. В нынешнем 7206 году, февраля в 16-м, да апреля в 5-м числех, писали вы к нам, великому государю, что по нашему великого государя указу, велено вам на морские суды построить парусы, конаты, якори, пушки и иное всякое ружье, также и всякие прилежащие припасы, и что было у вас в зборе денег, и те все в росходе на Воронеже, на корабел(ь)ное строение, а крестьяня де от хлебного недороду оскудали <...>, и многие разбрелись врознь, и монастырских оброчных денег за крестьянскою скудостию взять вам стало невозможно, и указного ружья и иных карабельных всяких прилежащих припасов купить вам стало не на что. А которая де наличная описная монастырская казна в Троецком Сергиеве монастыре есть, и той казны на покупку того ружья и на всякие прилежащие корабельные припасы и на строение [новоуказных судов без нашего]* великого государя указу и без грамоты держать вы не смеете, и за тем де тому ружью и всяким морским прилежащим припасом покупка остановилась. А на тое де покупку, на пример надобно бол(ь)ши 10000 рублев, да в карабельное ж строение, для росходов всяких припасов, которые припасы подряжены были в прошлом 205-м году, и для строения нынешних новоуказных 2 караблей, и на те карабли всяких припасов с тех монастырских наших вотчин со крестьян

текста видно, что после вынесения соборного приговора от 4 апреля власти монастыря на следующий день отправили царю отписку, очевидно, того же содержания. Грамота от 12 мая свидетельствует, что власти, прося царя решить вопрос о способе финансирования строительства кораблей, ссылаются не только на обнищание крестьян, как это было в приговоре от 4 апреля, но и прибавляют рассказ о понесённых затратах на покупку рыбы для обихода обители и «для пришествия государя».

Важным для данной темы является сообщение об указанной властями стоимости работ по сооружению и оснастке как прежних, так и новоуказных кораблей в 10000 рублей. Эту сумму царь сокращает до 7000 рублей, считаясь с жалобами властей на понесённые затраты.

Текст документа насыщен и другими подробностями взаимоотношений обители с царём. Особое значение в этой связи приобретает распоряжение царя о присылке в Приказ Большого Дворца приходо-расходных книг. Требование к прозрачности денежной казны монастырей не ново для того времени. Царское распоряже-

---

и с бобылей, против прошлого 205 году сбираны с двора по полтине. И тех денег в монастырскую казну недобрано многова числа, а которые де и собраны были, и те деньги для нашего пришествия, и про всякой монастырской обиход, посланы на покупку рыбы в Астрахань, а достальных де денег за многою крестьянскою скудостию и за хлебным недородом, взять вам стало не на ком, потому что изо многих монастырских ваших вотчин многие крестьяне, покиня домы свои и тяглые жеребьи бежали, а иные розбрелись в мир и кормятца христовым имянем. А ныне де вышеявленные новые прибылые морские суды, о которых состоялся наш великого государя указ в нынешнем в 206-м году, что велено вам зделать ис пильного леса, за оскудением монастырские казны остановились, и на росплату б подрядного ружья, и всяких монастырских припасов, и на строение новоприбылых указных судов казну держать из наличной монастырской описной казны, а чтоб вам наш, великого государя, указ учинить. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б из наличной монастырской казны к строению карабельному, и к новым судам на всякие покупки велели издержать семь тысяч рублев. А что к тому строению впредь понадобитца, и на какие припасы, о том вы к нам великому государю писали. А сколько в нынешнем в 206-м году в Троецком монастыре с монастырских ваших вотчин на нынешней на 206 год по окладу взято, и с того числа издержано, и на какие росходы, и за росходом на лицо, и тому учиня приходные и росходные книги прислали к Москве, да о том писали, а отписку и книги велели подать в Приказе Большого Дворца боярину нашему Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи. Писана на Москве лета 7206 майя в 12 день».

ние о запрете тратить деньги без указа и о присылке приходо-расходных книг, общее для всех монастырей, было дано ещё в 1697 г.[15] Однако повторение требования в грамоте от 12 мая 1698 г. подтверждает стремление государя держать под контролем доходы обители.

В дальнейшем крестьяне и бобыли по-прежнему выплачивали свои денежные долги и на корабельное строение (за 1700–1701 гг.), и на корабельную починку (за 1700–1702 гг.), и за плотников (за период с сентября 1702 по сентябрь 1703 г.). Эти «доимки», названные по-разному, возникали и в дальнейшем, в соответствии с менявшимся корабельным законодательством. Администрация обители аккуратно взыскивала их со своих людей, что устанавливается только за 1700–1703 гг. благодаря сохранившейся приходо-расходной книге Троице-Сергиева монастыря 1703 г.[16]

В грамоте упоминаются несохранившиеся ныне «отписки» властей к царю от 16 февраля и 5 апреля 1698 г. Ответом, вероятно, стала грамота от 12 мая, иначе по тексту мелькали бы, в соответствии с делопроизводственной традицией эпохи, и другие документы с указанием даты. По поводу «отписки» царю от 5 апреля можно сказать, что она повторяла «властин приговор» от 4 апреля, так как грамота от 12 мая повторяет всё его содержание с добавлением жалобы на затраты обители на пришествие государя и покупку рыбы. Относительно грамоты от 16 февраля можно лишь предположить, что в ней шла речь о необходимых для корабельного строения припасах: парусах, канатах, якорях, пушках и прочем, которые по указу государя должен был поставить монастырь, но о которых в соборном приговоре речь не шла.

Третья грамота (указная), относится к 24 августа 1698 г.[17] В XVIII в. она называлась: «грамота из Приказу Большаго Дворца о держании из

---

[15] ПСЗ. Т. 3: 1689–1699. [СПб.], 1830. № 1613. С. 425. — См. указ «О недержании в расход без указа денег Митрополитам, Епископам и Архиепископам, и о присылке приходных и расходных книг в Москву». 7206 (1697) г.

[16] Приходо-расходная книга Троице-Сергиева монастыря 1703 года. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2 Д. 911. — Вопрос о корпусе троицких приходо-расходных книгах в настоящее время не исследован. От петровского времени известна лишь книга 1703 г. Поэтому нельзя утверждать, сколько именно лет троицкие крестьяне выплачивали свои долги за корабельное строение.

[17] Грамота очень хрупкая. В 1963 г. она реставрирована. См.: Акт на выдачу из реставрации из московских Государственных центральных

монастырских из отписных денег на покупку морских припасов 7 тысяч рублев, за приписью дьяка Григория Посникова, за справою Ивана Яковлева 206 году»[18]. Приводим её текст полностью[19]: «О*т* великого г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого /кн(я)зя Петра Алексеевича всеа великия /и малыя и белыя Росии самодержца, в Тро/ицко*й* Сергиев м(о)н(а)*с*т(ы)рь б(о)*г*омольцом /нашим архима*н*дриту Евфимию, келарю /старцу Миса*и*лу, казначею старцу Пахомию /з братьею.

В н(ы)нешнем в 206-*м* году, /августа в 19-*м* числе, писали вы к на*м* /великому государю, что по н(а)шей великого /государя грамоте на строение пре*ж*них /указных морских судов и на стро/ение новоуказного судна и на скла*д*ное /судно по*д*рятчику и на всякие припасы /издержали вы из отписных дене*г* семь /тысяч руб*л*ев. А на какие ро*с*ходы те /деньги и*з*держаны и тем деньгам ро*с*хо*д*/ные книги к нам великому г(осу)д(а)рю в Приказ Большого Дворца вы пришлете. /А на те *ж* де морские суды велено вам /готовить мо*з*жеры медные, и бо*м*бы, /и ядра, и дроби, и на покупку всяких / припасов деньги надобны *ж*, а бе*з* нашего /великого г(осу)д(а)ря указ*у*, из отписного числа /дене*г* держать вы опасны, и о то*м* бы вам н(а)шъ великого г(осу)д(а)ря ука*з* учини*ть*./

И как к вам ся н(а)ша великого /г(осу)д(а)ря грамота придет, и вы бъ /богомол(ь)цы н(а)ши х к*а*рабел(ь)ному строе/нию на припасы на самые нужные, /бес чего быть невозможно, деньги /велели держать. А что на кара/бе*л*(ь)ное строение и на припасы дене*г*/

художественно-реставрационных мастерских от 28 января 1963 г. Архив ОХ СПМЗ. Оп. 2. Д. 254. Л. 20–21. — В 1963 г. были проведены: «механическая и химическая обработка, дублировка, прессовка, монтировка». В настоящее время грамота имеет много утрат. Бумажное тесто просвечивает в виде волокнистых пятен в проклеенном и продублированном бумажном основании документа. Филиграни вообще не видны. В одном-двух местах видны следы проволочной сетки (вероятно, понтюзо). Весь документ имеет волнообразную поверхность.

[18] Дата её создания так и не была проставлена во всех описях казны ТСМ. В реестре грамот и расписок, хранившимся в казне до их передачи в архив по указу от 29 сентября 1770 г., указан только год «7206», без числа и месяца. РО РГБ. Ф. 303 (1). № 517. Л. 1 об.

[19] Текст передаётся современным шрифтом с сохранением орфографии подлинника. Вышедшие из употребления буквы заменяются их современными эквивалентами. Буквы «ер» и «ерь» не сохраняются. Титла раскрываются, выпущенные буквы помещаются в круглые скобки (), выносные буквы отмечены курсивом. Цифры, обозначенные в тексте кириллическими буквами, заменяются на арабские, конец строки отмечается одинарной косой чертой /. Текст разделяется на абзацы и предложения в соответствии с современной грамматикой русского языка.

в прихо*де* и в рос*х*оде, и те прихо*д*ные /и росхо*д*ные книги присылали к нам /великому г(осу)д(а)рю, да о том писали, /а о*т*писку и книги велели подать /в Приказе Большого Дворца боярину /н(а)шему Тихону Никитичю Стрешне/ву с товарыщи. Писан на Москве/ лета 7206 *го*, августа 24». *(*Илл. 2).

Итак, эта грамота сообщает, что ТСМ к 19 августа 1698 г. истратил по указу 7000 рублей на постройку и оснастку кораблей и что монастырю вновь требуется позволение царя оплачивать расходы на оснащение кораблей из собранной казны.

Известно, что к 1704 г. обитель истратила на постройку и оснащение кораблей 23602 рубля, а всего должна была заплатить 44253 рубля[20]. Подробности затрат на корабельное строение после грамоты от 26 августа 1698 г. известны только за период с 1 сентября 1702 по 1 сентября 1703 г. Например, о выплатах посланным в Воронеж для корабельного дела «со всеми снастями» троицким плотникам, токарям, кузнецам, а также стрельцам, охранявших двор с корабельными припасами, о закупках смолы «кораблям в плавной ход» узнаём из приходо-расходной книги 1703 г.[21]

Уже после смерти Петра ТСМ будет жаловаться правительству на понесённые затраты, прикладывая соответствующие «реестры», не упоминая, однако, о тех пожалованиях и привилегиях, которые были даны монастырю Петром. Льготы, данные царём, «не в пример» остальным кумпанщикам, позволили ему частично компенсировать денежные потери. В частности, правительство Петра разрешило монастырю произвести выгодный обмен землями с помещиками Елецкого уезда в 1698 г. «для их монастырских денежных и хлебных платежей в его великого государя казну для корабельного строения»[22]. Кроме того, царь пожаловал Троице три монастыря. В 1699 г. Белопесоцкий на Кашире, а в 1700 г. два: Николо-Песношский в Дмитровском уезде и Астраханский со всем имуществом, включая земли и угодья с населением[23].

Изучение грамоты связано с некоторыми затруднениями. Оборотная сторона почти не читается. Только часть подписей удаётся

---

[20] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Потешные и азовские походы. Т. 2. С. 528–531.

[21] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 911. Л. 205–209, 226, 232 об.

[22] Данная мена впоследствии так и осталась за монастырём. ПСЗ. Т. 17: 1765–1766. № 12659. Гл. XI. Ст. 4.

[23] Однако почти все воронежские корабли, с таким трудом и напряжением сил построенные, оказались не годны к боевым действиям из-за своих «престранных препорций» и малой «крепости».

расшифровать, а именно указание адресата и скрепы дьяков, которые можно «прочитать» только с помощью казначейских описей и Копийных книг[24]. (Илл. 3). Однако одна фраза, а именно подпись лица, подавшего документ властям, вообще не читается, а переписчики XIX в. записи такого рода не копировали. Автору удалось разобрать лишь обрывки имени и даты: «206 г. августа <...> подал подъячей <...>.фонасей <...>».

Подводя итог рассказу о трёх ныне известных грамотах, отложившихся в архиве Троице-Сергиевой Лавры, повествующих об участии монастыря в строительстве флота «на Воронеже», отметим, что, кроме деталей собственно кораблестроительной истории, все эти документы содержат и ценную информацию по истории взаимоотношений государя и монастыря. Главной мыслью всех грамот, основным их мотивом был вопрос о способе финансирования «троицких» кораблей, на которое власти запрашивают разрешение, причем с обязательством высылать приходно-расходные книги[25]. Грамоты сообщают и о том, как администрация обители пыталась уберечь своих людей от тяжёлых затрат по причине «хлебного недороду» и «великой крестьянской скудости».

В целом же значение публикаций неизвестных ранее документов остро актуально, потому что работа над систематическим исследованием многих вопросов истории троицкой корпорации ещё далека от завершения, в том числе и потому, что еще не все её документы введены в научный оборот.

---

[24] Грамота была сложена пакетом, о чём свидетельствуют следы адресной подписи на обороте. Из неё видны только обрывки букв, но текст, вероятно, был такой: «В Троицкой Сергиев монастырь богомольцом нашим архимандриту старцу Евфимию, келарю (старцу) Мисаилу, (казначею) старцу Па (хомию)».

[25] В письме Протасьеве к Петру от того же 24 августа 1698 г. о степени готовности кораблей на Воронеже узнаём конкретные детали о новоуказном Троицком ших-бомбардире, у которого «уже нижние кривули обивать начали».

А.Н.Трифонова (Великий Новгород)

Грамоты царей Иоанна и Петра 1683–1692 годов из фондов Государственного архива Новгородской области

Основная масса документов по истории Новгородской земли вплоть до конца XVII в. происходит из монастырских архивов. В Государственном архиве Новгородской области (далее — ГАНО) в фонде 513 «Вяжищский Николаевский монастырь» (опись 1) хранятся указные грамоты царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, адресованные новгородским и олонецким воеводам. 13 грамот за 1683–1692 гг. являются делопроизводственными копиями (списками), которые имеют статус подлинников. В четырёх из них (за 1686–1687 гг.), кроме Иоанна и Петра, титулована царица София Алексеевна.

Все документы представляют собой свитки, склеенные из нескольких листов бумаги, со скрепами дьяков на «мостах» (склейках). Тексты написаны в виде столбцов чёрными чернилами, скорописью XVII в. На некоторых указах сохранились воскомастичные оттиски печатей с изображениями двуглавого орла и всадника.

Документы находились в Вяжищском монастыре до 1926 г., когда в составе монастырского архива они были переданы в архивное бюро при Новгородском губисполкоме. Их тексты до сих пор не опубликованы. Заголовки документов включены в перечень древнерусских рукописей фонда Вяжищского монастыря Новгородского областного архива, изданного в 1958 г. С.Н. Азбелевым[1]. Насто-

[1] *Азбелев С.Н.* Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива // ТОДРЛ. Т. XV. М.; Л., 1958. С. 418–423. См. также: Государственный архив Новгородской области. Путеводитель. Л., 1972. С. 87–88.

ящее обращение к документам из Вяжищского монастыря связано с подготовкой в ГАНО документальной выставки, посвящённой 600-летию монастыря.

Николаевский Вяжищский монастырь, расположенный в северо-западных окрестностях Новгорода в верхнем течении реки Веряжи, был основан в начале XV в. и до закрытия в 1920 г. был мужским (в 1988 был вновь открыт, но уже как женский монастырь; в 1995 г. получил статус ставропигиального). В XVI–XVII вв. это была одна из наиболее влиятельных и экономически сильных новгородских обителей, входившая в число 12 крупных местных монастырей-вотчинников. Такое положение монастыря объяснялось тем, что великие московские князья и цари щедро наделяли его различными привилегиями и земельными владениями в Водской, Шелонской, Деревской и Обонежской пятинах Новгородской земли[2].

Одна из древнейших вотчин Вяжищского монастыря находилась в Егорьевском Толвуйском погосте Обонежской пятины. По монастырскому преданию, она была получена во владение от новгородского архиепископа Евфимия II (1429–1458), принявшего постриг в монастыре при первом игумене Пимине[3]. Известна грамота середины XV в., по которой неким иноком Алексеем в монастырь были вложены толвуйские земли[4].

Монастырские власти нещадно эксплуатировали крестьян своих вотчин. С 1610-х гг. появляются сведения о толвуянах-«бунтовщиках» и «ворах», «отложившихся от монастыря» и «учавших жить в самовольстве». Между тем, царь Михаил Фёдорович подтвердил права монастыря на земельные владения в Толвуйской волости. Впоследствии особое покровительство обители оказывал новгородский митрополит, а затем патриарх Московский Никон (1649–1652, 1652–1658), который в 1651 г. учредил в монастыре архимандритию и который неоднократно обращался к властям по вопросу о принуждении крестьян Толвуйского погоста к повиновению архимандриту и братии Вяжищского монастыря. Однако, несмотря на карательные меры, предпринимавшиеся правительством против заонежских крестьян, их «прожиточные» и «середние» люди продол-

---

[2] *Амвросий (Орнатский).* История Российской иерархии. Ч. 3. М., 1811. С. 635–674; Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 301–302.

[3] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 3. СПб., 1884. С. 330.

[4] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 314.

жали борьбу за освобождение из-под власти монастыря. В своих челобитных царю они жаловались на «обиды и разорения» от монастырской братии и ратовали за перевод их земель в разряд «черносошных». В результате в 1671 г. вотчина Вяжищского монастыря в Толвуйском погосте была «отписана на великого государя» . Но продолжалось это недолго, так как не позднее чем через 7 лет монастырь добился новой царской грамоты, по которой ему была возвращена его «исконная» вотчина[5].

Это нашло отражение в олонецких Переписных книгах 1678 и 1679 гг., ссылки на которые имеются в указной грамоте царей Иоанна и Петра и соправительницы Софии от 28 февраля 1687 г. олонецкому воеводе князю Василию Фёдоровичу Долгорукову и дьяку Ивану Уланову (дело 27). Грамота содержит указание об освобождении 26 крестьянских дворов Толвуйского погоста от служб и податей в Олонецкий посад, «для того, что тот Толвуйский погост и те крестьяне отданы Вяжищскому монастырю».

Многолетняя борьба монастыря с «отбившимися» от него «ворами и бунтовщиками» носила драматический характер. В правление Фёдора Алексеевича она приняла особенно острые формы, когда крестьяне неоднократно оказывали вооруженное сопротивление отрядам стрельцов во главе с олонецкими воеводами и келарем Вяжищского монастыря старцем Боголепом Саблиным. В ответ на это монастырские власти добились указа о поимке и наказании кнутом с последующей ссылкой зачинщиков бунтарей. Карательные экспедиции и сыск предпринимались в течение нескольких лет. Об этом свидетельствуют тексты указных грамот Иоанна и Петра с запрещением давать суд в Олонце на крестьян Вяжищского монастыря по заёмным кабалам и записям «бунтовщиков» и предписанием судить тех крестьян в Новгороде. Грамота от 25 июня 1684 г. была дана олонецкому воеводе думному дворянину Ивану Ивановичу Панину и дьяку Алексею Мискову (дело 23); указы от 30 и 31 августа 1686 г. — олонецкому воеводе стольнику Никите Даниловичу Глебову, новгородскому воеводе боярину Петру Васильевичу Шереметеву и дьяку

[5] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 3. СПб., 1841. С. 143–147. Ст. 104; Очерки истории Карелии. Т. 1. Петрозаводск, 1957. С. 142–153; *Старостина Т.В.* Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII веке (до конца 60-х годов) // Вопросы истории. Вып. 1. М., 1961. С. 128–145; Великий Новгород: История в документах: Выставка, посвящённая 1150-летию города. 18 сентября–19 октября 2009 года / Отв. ред. А.Н. Трифонова; авторы текста И.Ю. Анкудинов, А.Н. Трифонова. Великий Новгород, 2009. С. 23–27.

Гавриле Фёдорову (дела 30 и 31). Ещё одна грамота была послана 1 марта 1687 г. олонецкому воеводе князю Василию Фёдоровичу Долгорукову и дьяку Ивану Уланову (дело 32). Она также содержала предписание об учинении в Новгороде суда и расправы над отложившимися от податей крестьянами Вяжищского монастыря в Толвуйском погосте Обонежской пятины, согласно царским указам и Уложению. Правомочность этих документов была подтверждена в указе от 8 октября 1689 г. новгородскому воеводе боярину князю Петру Семёновичу Прозоровскому (дело 33) о том, чтобы на Олонце крестьян Вяжищского монастыря судом не ведать, «а подати всякие платить им на Олонце по-прежнему».

Таким образом, борьба монастырских крестьян за перевод их в разряд черносошных была вызвана тяжестью их положения, при котором, кроме повинностей в пользу монастыря, они несли на себе бремя правительственных налогов и повинностей, возлагавшихся как на них самих, так и на владевшее ими духовенство. К примеру, с постройкой в середине XVII в. крепости Олонец к прочим натуральным налогам, взимавшихся с местных крестьян, прибавился «стрелецкий хлеб», а после переписи населения, которая проводилась с 1678 г., была введена общая стрелецкая подать, взимаемая по числу дворов деньгами и частично хлебом. Своего хлеба на Олонце для этого не хватало, и потому крестьяне его покупали. В периоды недорода производилась замена натурального налога платежом деньгами, как это явствует из грамоты от 26 марта 1683 г. олонецкому воеводе И.И. Панину и дьяку А. Мискову о невзимании с крестьян Толвуйской вотчины Вяжищского монастыря «стрелецкого хлеба» за прошедший год, когда «от морозов всякой хлеб посяб» (дело 22).

Поступательное увеличение налогового бремени приводило к окончательному обнищанию бобылей и «молодших» крестьян, о чём свидетельствует грамота от 28 марта 1691 г. олонецкому воеводе стольнику Леонтию Афанасьевичу Стрешневу и дьяку Леонтию Уланову о сложении с десяти нищенских дворов вотчины Вяжищского монастыря в Толвуйском погосте платежей ратным людям на жалованье (дело 36). Злоупотреблениями местных властей, заставлявших крестьян исполнять дополнительные повинности по собственному усмотрению и для собственных нужд, отрывая их от полевых работ, было вызвано появление указа от 21 марта 1695 г. новгородскому воеводе Б.И. Прозоровскому (дело 38) о невзимании подвод с крестьян вотчин Вяжищского монастыря без особой надобности.

В указах царей Иоанна и Петра новгородским воеводам из архива Вяжищского монастыря содержатся также сведения об имуще-

стве монастыря и его спорных делах. По грамоте от 25 сентября 1689 г. (дело 34) Вяжищскому монастырю возвращались пятьсот рублей, доправленных с него в пользу Хутынского монастыря. Грамота от 8 октября 1692 г. (дело 37) передавала в вечное безоброчное владенье монастырю две вежи рыбной ловли в озере Ильмень, взамен монастырских дворов в Старой Руссе, отписанных к посаду.

В связи с потребностью Вяжищского монастыря в дополнительных средствах «на церковное строение» по грамоте от 18 марта 1683 г. (дело 24) олонецкому воеводе И.И. Панину и дьяку А. Мискову монастырю передавались на оброк пустоши Повщина, Колуговящина, Курявинщина, Гиж-гора и Авдеевщина, а также рыбные ловли в Челможском погосте Обонежской пятины, которые ранее были на оброке за Палеостровским монастырем. «Церковное строение», о котором идёт речь в этом указе, — это возведение на месте древнего соборного храма XV в. нового Никольского собора, продолжавшееся с 1681 по 1685 г. 14 марта 1688 г. в монастыре произошёл грандиозный пожар, в котором погорели и были разобраны впоследствии надвратная церковь, трапезная палата с храмом, колокольня, хлебня, поварня, ограда, а также кровля и главы Никольского собора. Подробные сведения об этом пожаре содержатся в указе от 25 февраля 1692 г. олонецкому воеводе Л.А. Стрешневу и дьяку Ивану Иванову (дело 35) о зачёте в оброчные деньги двухсот рублей, ушедших на постройку сгоревших монастырских строений. В момент составления грамоты в монастыре велись восстановительные работы, которые включали строительство новых братских келий, квасоварни и трапезной церкви Иоанна Богослова (была освящена в 1698 г.)[6]

Появление перечисленных грамот царей Иоанна и Петра было связано с челобитьями архимандрита Вяжищского монастыря Боголепа Саблина, о котором шла речь выше. Боголеп правил монастырём в течение пятнадцати лет до 1697 г. и, благодаря своей энергии и связям в столице, сумел упрочить экономическое положение обители и развернуть в ней грандиозное храмовое строительство. В заключение хочу отметить, что ансамбль Вяжищского монастыря — единственный уцелевший значительный архитектурный комплекс петровского времени в Великом Новгороде и его окрестностях.

---

[6] ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 913. Л. 78 об–82 об., 91, 120–120 об.; *Макарий, архимандрит*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860. С. 595–603; Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / Сост. и науч. ред. М.И. Мильчик. СПб., 2008. С. 327–338.

Г.А. Фафурин (Санкт-Петербург)

Коллекция книг гражданской печати петровской эпохи в Отделе редких книг Российской национальной библиотеки как исторический источник

В Отделе редких книг Российской национальной библиотеки находится крупнейшая в настоящее время коллекция изданий петровской эпохи, напечатанных гражданским шрифтом со времени его введения в 1708 г. до дня смерти Петра I 28 января 1725 г. Она была образована в Императорской Публичной библиотеке (далее — ИПБ) в 1854 г. и поначалу располагалась в Рукописном отделе. Первенцы гражданской печати первой четверти XVIII в. приобретались в ИПБ уже в самые первые десятилетия XIX в.

С введением с 1 января 1708 г. указом Петра I печатания книг гражданским шрифтом резко изменилась тематика книг. Книгопечатание перестало служить интересам церкви, оно тесно связано с потребностями изменяющейся жизни, проводимыми реформами. Тематика изданий была чрезвычайно разнообразной: математика, фортификация, артиллерия, архитектура, военное и военно-морское законодательство, исторические книги, издания, носящие политический характер, учебники по географии, механике. На рубеже 1702–1703 гг. возникает первая русская газета «Ведомости о военных и иных делах». Большое место в печатной продукции петровского времени занимают указы, доводившие распоряжения правительства до населения.

К концу царствования Петра I в России было шесть типографий. Помимо Печатного Двора в Москве в 1705 г. была образована гражданская типография В.А. Киприанова. В 1711 г. начала работать Санкт-Петербургская типография, в 1721 — Сенатская, в 1722 г.

была образована типография при Морской Академии. В Александро-Невском монастыре, где с 1720 г. была своя типография, книги печатались только кириллическим шрифтом.

В коллекции представлена продукция всех пяти типографий петровского времени самой разной тематики. Из 598 изданий (книг, манифестов, указов и других правительственных распоряжений), напечатанных гражданским шрифтом при жизни Петра I и известных de visu, в коллекции имеется 437, из них 222 имеются только в РНБ. Общее число томов вместе с дублетами составляет 791 единиц хранения. Следует отметить, что дублеты не всегда идентичны, некоторые имеют разночтения, а какие-то являются первоначальными корректурными оттисками, показывающими историю издания книги или работу над созданием окончательного текста.

Многие книги хранят на своих страницах следы эпохи — экслибрисы и суперэкслибрисы, читательские пометы, владельческие надписи, среди которых встречаются имена известных в истории персонажей, наклейки книготорговцев и антикваров, штампы библиотек и т.п.

Так, например, экземпляр книги «Приклады како комплименты пишутся»[1] с надписью: «*Принесена в дар Императорской Публичной Библиотеке от его Высокопрев-ва Алексея Николаевича Оленина. Ноябрь 1834*». (Илл. 1). Ряд изданий поступил из известных коллекций: в 1817 г. из собрания П.К. Фролова[2], в 1830 г. — Ф.А. Толстого, в 1852 — из Древлехранилища М.П. Погодина. Встречаются экземпляры из библиотеки П.К. Сухтелена[3]. К моменту организации коллекции в 1854 г. в ней находилось 117 изданий. Самое значительное пополнение состоялось в 1862, когда ИПБ купила собрание И.П. Каратаева[4], содержавшее 142 издания петровского времени,

[1] Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Ред. и вступ. ст. проф. П.Н. Берков; сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1955. № 7.

[2] См. о нём: *Шилов Л.А.* Фролов Пётр Козьмич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. Императорская Публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С. 553–554.

[3] См. о его книжном собрании: Сапожников А.И. Книги из библиотеки графа П.К. Сухтелена в коллекции «Россика» // Коллекция «Россика» в Российской национальной библиотеке: вопросы раскрытия. Научные чтения, посвященные 150-летию создания отделения «Россика». Санкт-Петербург, РНБ, 20 сентября 2000 года. СПб., 2002. С. 38–48.

[4] Об Иване Прокофьевиче Каратаеве (1817–1886) см.: *Глухов А.Г.* Забытый книжник-энтузиаст // Библиография. 1997. № 6. С. 93–95.

без учёта календарей. В 1869 г. было куплено собрание Ф.Е. Сокурова, где был ряд книг гражданского шрифта первой четверти XVIII в. В том же году было приобретено от С.Л. Полторацкого[5] сто номеров газеты «Ведомости». Кроме крупных частных собраний, библиотека пополнялась отдельными экземплярами, получаемыми в дар или покупаемыми. Книги описаны в хронологическом порядке кириллического и гражданского шрифта. К некоторым изданиям даны пространные аннотации. В конце каждого года раскрыто содержание отдельных номеров газет «Ведомости» о событиях, касающихся России, и дано перечисление изданий, известных лишь по библиографии. Имеются ссылки и указания на экземпляры РНБ[6].

Каталог расположен в хронологическом порядке выхода изданий, даны полные библиографические описания, во многих случаях для переводных сочинений приведены заглавия подлинников, иногда образцы перевода, в некоторых случаях кратко изложена история.

Новый импульс к изучению первенцев гражданской печати дал трёхсотлетний юбилей (2008 г.) введения гражданского шрифта в России. Это была одна из основополагающих реформ Петра I в сфере культуры, позволившая в прямом смысле зримо и понятно отделить издание светских книг от издания книг духовных, продолжавших печататься кириллическим шрифтом. Сейчас в рамках федеральной программы по составлению электронной базы данных «Общероссийский свод книжных памятников» в Российской национальной библиотеке ведётся уточнение описаний книг гражданской печати петровской эпохи и введение полученных данных в электронный каталог, что позволит сделать эту книжную коллекцию доступной не только исследователям, специально занимающимся историей первой четверти XVIII в., но и широкому кругу читателей.

Помимо указанных уникальных и редких экземпляров в Отделе редких книг хранится единственный полный, со всеми гравюрами, экземпляр первой книги гражданской печати «**Геометрия, словен-**

---

[5] Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803–1884) – русский библиограф, библиофил, популяризатор и историк русской литературы. О нём: Большая российская энциклопедия / Гл. ред. В.М. Жарков. М., 1999. С. 501–502.

[6] Подробнее об истории формирования коллекции см.: *Фафурин Г.А.* Книги гражданской печати петровского времени в РНБ: история формирования и изучения коллекции / Сост. А.Ю. Самарин // Три столетия русского гражданского шрифта (1708–2008): Материалы науч. конф. «Иныя гражданския книги печатать темиж новыми азбуками». Москва, РГБ, 3 июня 2008 года. М., 2008. С. 72–84.

ски землемерие» (М., 1708). На припереплётном листе у нижней крышки переплёта владельческая надпись: «Сия книга лейб-гвардии Семёновского полку каптенармуса Аполлона Хомутова. Подписал собственной рукой 1745 году ноября 5 дня»[7]. На соседнем листе содержатся рукописные пометы другим почерком о взятии русской армией турецких крепостей в 1737–1738 годах, перечислены Азов, Перекоп, Бахчисарай, Козлов, Очаков. Далее надпись: «1-я акция Главной российской армии против турок и татар при реке Кодим. Миних, июня 31. 2-я: июля 8 при реке Савран».

Укажем здесь и некоторые другие книги этого времени, представляющие интерес какими-либо особенностями бытования, наличием маргиналий и т.п.

«Книга Устав воинский о должности генералов...» (СПб., 1719). Один из экземпляров — (П-388д) в коричневом кожаном переплёте, с экслибрисом и суперэкслибрисом графа Э. Гуттен-Чапского[8], ко-

---

[7] О Хомутовых упоминание см.: *Болтунова Е.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011. С. 127; см. также: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1 Д. 92. Список офицеров и других чинов из дворян с указанием где находятся и чему учатся их дети (1724). Л. 1–27.

[8] Эмерик Карлович Гуттен-Чапский (18.11.1828–4.07.1896) — граф, участвовал в Крымской войне 1854 г., с 1863 г. был Новгородским вице-губернатором, с 1865 г. Санкт-Петербургским вице-губернатором, камергером императорского двора. Министр. Возвёл основные застройки дворцового комплекса в Станьково. Известный коллекционер, нумизмат, автор типологического каталога польских и литовских монет. Родился 18 ноября 1896 г. в имении Станьково Столбцовского повета (сегодня Дзержинский район) Минской губернии. Закончил Виленскую гимназию. Образование получил в Москве, Санкт-Петербурге и Берлине. Принимал участие в Крымской войне 1854 г. С 1863 г. был вице-губернатором Новгорода, с 1865 — вице-губернатор Санкт-Петербурга, камергер императорского двора, председатель Тюремного комитета и Лесного комитета Министерства государственных имуществ Российской империи при Александре II. Из-за разногласий с императором по поводу дарения лесных угодий ушёл в отставку и обосновался в родовом имении в Станьково, где собрал огромную коллекцию предметов искусства, часть которой сегодня составляет филиал Национального музея Польши – Музей имени Эмерика Гуттен-Чапского в Кракове. Библиотека состояла из собрания старопечатных польских изданий, библиографических редкостей, автографов и гравюр. Его экслибрис представлял собой гравированные на меди в двойной линейной и фигурной рамке три сходящихся кольца, перевитые лентой с надписью: «Comitis Emerici Hutteni Czapski», в центре щит с гербом владельца – на треугольном щите шестиконечная звезда над поверженным полумесяцем (см.: *Богомолов С.И.* Российский книжный знак. 1700–1918. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 249. № 4579).

торый приобрёл эту книгу 5 апреля 1871 г. (Илл. 2). Судя по бело-голубой марке-наклейке в верхнем левом углу форзаца, книга находилась в XVIII в. в библиотеке Морского шляхетного корпуса. К «Уставу» приплетены «Артикулы воинские и процессы», а в дополнение к последним двум листам в конце книжного блока и одном листе, приклеенном к нахзацу, помещены от руки переписанные «Присяга судейская» и «Присяга свидетельская» (по-русски и по-немецки), артикул «О доказательстве челобитчиков», а также петровский «Указ о беглых рекрутах».

Перевод на немецкий язык государственных документов был выполнен с русского оригинала, в отдельных случаях опубликованных в этой же книге, — так, например, судейская присяга помещена в главе I «Артикулов воинских и процессов», носящей название «О суде и судиях» (С. 58–59). Немецкий вариант присяги, по-видимому, понадобился потому, что какая-то часть судейских чиновников были иностранцами, плохо владевшими русским языком, или, возможно, хуже, чем немецким (не обязательно природными немцами). Очевидно, присягу в таких случаях судьи иностранного происхождения принимали на немецком языке и она имела законную силу. Приведём здесь заключительную часть из рукописной копии «Указа о беглых рекрутах», вплетённой в рассматриваемый экземпляр: «Ежели рекрут, прежде года своей службы в полку побежит, то онаго за первой побег бить шпицрут, чрез полк, по три дня по разу (об). Когда в другой ряд побежит или более года кто в службе, оных вместо смерти бить кнутом и, вырезав ноздри, перед полком, сослать в вечную работу на галеры».

При изучении индивидуальных особенностей экземпляров петровской коллекции учитываются и включаются в описание экслибрисы и наклейки, владельческие надписи, читательские пометы и другие маргиналии. Нередко на титульных и припереплётных листах, форзацах и нахзацах встречаются бытовые и хронологические записи, данные о цене и месте приобретения книги, данные о социальном или общественном положении владельца, погодные заметки, календарные памятки о датах рождения и смерти близких и т.п. Все это погружает в изучаемую эпоху, даёт возможность проследить движение экземпляра, а в отдельных случаях и карьеру владельца, даёт ценные исторические сведения, которые было бы сложно, а подчас и невозможно, получить другим путём. Так, в книге «Новое галанское карабелное строение» (М., 1709)[9] на припереплётном

[9] Описание изданий гражданской печати. 1708–январь 1725 г. № 28

листе имеются рукописные пометы — расчёт материалов на шитье мундира и полукафтана: (Илл. 5).

«Сукно на мундир и шаравары
3Ç арш. по 42 р. за арш. — 147
Голубова сукна — 31-50
Ливаньтину[10] *— 3½ по 5-50 — 18–75*
Пуговицы — 10
За шитво — 20
За погоны — 2
За подкладку
---
230 — 75

На полукавтаны [так в тексте. — *Г.Ф.*] *3½ по 42 — 147*
Сукна голубова 10–50
Ливаньтину(!)–7 по 5–50 — 38–50
За шитво воротника и обш[*лага. — Г.Ф.*]*-50*
За шитво — 15

261=»

Иногда такое изучение позволяет существенно уточнить родословную не слишком известных персонажей или расширить уже известные представления об исторических событиях не только петровской эпохи, но и на протяжении иных отрезков времени бытования книги. «Разсуждения какие законные причины его величество Пётр великий <...> к началу войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел» (СПб., 1722)[11]. Этот экземпляр был подарен в ИПБ в октябре 1853 г. статским советником Тимофеем Соколовым, старшим ординатором 1-го военно-сухопутного госпиталя. В сопроводительном письме к директору ИПБ барону М.А. Корфу он писал, что решил подарить библиотеке «хранящиеся у меня типографские достопамятности, кои, по давности их, заслуживают, по мнению моему, быть вписаны в каталог и хранимы в Государственной сокровищнице»[12]. Описывая обстоятельства, при которых ему досталась эта книга даритель отметил, что она попала ему в руки «6 числа октября [1812. — *Г.Ф.*] тотчас после

[10] Левантин — старинная одноцветная шёлковая ткань.

[11] Описание изданий гражданской печати. 1708–январь 1725 г. № 719н. С. 398–399.

[12] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 6. Л. 153.

сражения в авангарде при д. Винковой на месте неприятельских бивуак»[13]. Как видим, данный экземпляр петровского издания, прежде чем занять своё место в библиотеке, был свидетелем весьма драматических событий. С ним связана и ещё одна загадка. Дело в том, что на последней странице имеется владельческая надпись «Сия книга города Елабуги мещанина Василия Шишкина», к сожалению, не датированная. Известно, что великий русский художник Иван Иванович Шишкин родился в Елабуге в семье купца Ивана Васильевича Шишкина (1792–1872), автора книги «История города Елабуги» (М., 1871). Таким образом, принимая во внимание, что Елабуга был городом небольшим и все носители известной фамилии были между собой в родственных отношениях, можно с большой долей уверенности утверждать, что, по-видимому, «Разсуждения ...» принадлежали деду художника, Василию Афанасьевичу Шишкину[14].

Например, если рассмотреть экземпляры второго издания книги Эрнста Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии» (М., 1710), (шифр П-42), то один из экземпляров РНБ (шифр П-42а) переплетённый в коричневый кожаный переплёт петровского времени, имеет владельческую помету: «Сия книга артиллерия артиллерийской науки ученика Фёдора Евсеева сына Пущина 1719 года майя 20 куплена в Москве. Дана 1 рубль 6 алтын 4 деньги или 120 копеек». Весь следующий за форзацем лист густо исписан владельцем книги — здесь им приводятся сведения о своём продвиже-

[13] Там же. Л. 154. В деревне Винково (ныне д. Чернишня Подольского р-на Московской области) к концу сентября 1812 г. по берегу речки Чернички стали лагерем крупные силы французов под командованием Мюрата. Атака русских войск Кутузовым назначена была на 6 октября (ст. ст.) 1812 г. В ночь на 6 октября русские войска четырьмя колоннами выдвинулись в сторону противника. Первая колонна выступила по старой Калужской дороге, на север в сторону д. Винково, возле которой ко второй половине дня русскими войсками была одержана победа. Во французской военной истории это сражение именуется как «битва при Винкове». В мемуарах фельдмаршала М.И. Кутузова это событие именуется как «сражение на речке Черничке» (http://rubezh.lopasnya.ru/17).

[14] Шишкин Василий Афанасьевич (1764–1828) — елабужский купец, занимался хлебной торговлей. Два раза избирался на пост городского головы Елабуги (1799–1802; 1811–1813), имел от общества похвальные грамоты за безупречную службу. Из дневника И.В. Шишкина известно, что его родитель был человеком предприимчивым, одним из первых в городе записался в купечество. В 1792 г. отлил для Спасского собора в Елабуге самый большой колокол — в 300 пудов. (http://elabuga.com/shishk/drevo/drevo_03.html).

нии по службе за период с 1720 г., когда он был капралом, до 1734, когда был получен капитанский чин. Приведём запись полностью:

«*1720 год декабря месяца 8 день. Был на смотре Фёдор Пущин у г-на генерала Ивана Яковлевича Гинтера*[15]. *Приказано капральство сего ж числа и челобитная написана об определении в полке. Сего ж декабря 11 дня подписано достоинство. Подписались офицеры артиллерийские подпоручик бомбардирской роты князь Дадирин, порутчик пятой роты Макарий Полотинкин, капитан — порутчик Иван Уньковской, третьей роты капитан Фухс. Подал челобитные и чертежи писарю Лепёшкину.*

1721 году февраля в 29 день сказан приказ — которые пожалованы вновь в обер- и унтер-офицеры. Марта м.(-ца) 2 день объявлен при строе и написан в пятую роту капралом.

1723 году генваря м(-ца) 5 день. Подана челобитная о перемене чину в сержанты, а на челобитной подписались артиллерийские офицеры г-н капитан Фухс, порутчик Второв, Штикенкоры, Антропов и фон Тетеин. Пожалован 4 февраля дня безчелобитно.

1727 году апреля 5 день пожалован в юнкеры.

1729 год июня 12 числа пожалован ундер-лейенантом безчелобитно.

1731 году февраля 15 дня пожалован лейтенантом в первую роту. Июля 2 дня переписан в 3-ю роту.

1734 году генваря 28 пожалован капитаном в Кронштадтский гарнизон по старшинству без челобитной».

На обороте листа Фёдор Пущин приводит, ссылаясь на «Регламент», расчёты по расходу пороха в зависимости от веса и величины ядра при опробовании пушек. Другой экземпляр упомянутой книги (шифр П-42в) имеет владельческие надписи «Сия книга лейб-гвардии Измайловского полка фузилера Ивана Апраксина», ниже дру-

[15] Иван Яковлевич Гинтер (1670–1729) — генерал, фельдцейхмейстер русской службы. Служил по артиллерии в Голландии. Пётр I, будучи в 1698 г. в Амстердаме, пригласил Гинтера и брата его Якова в свою службу с тем, чтобы в России «им быть первыми бомбардирами и огнестрельными мастерами». Вступив капитаном в бомбардирскую роту Преображенского полка, Гинтер участвовал во всех войнах Петра Великого. В Полтавской битве ему поручены были войска, охранявшие укреплённый лагерь армии. В 1719 г. Гинтер назначен членом государственной военной коллегии; при Екатерине I ему, по случаю увольнения генерал-фельдцейхмейстера Брюса, поручено управление артиллерией. В 1728 г. Гинтер был утверждён в звании генерал-фельдцейхмейстера.

гим, более поздним, почерком «достались по наследству мне Илье Апраксину 1821 в декабре месяце».

Экземпляр П-42б — происходит из библиотеки Ивана Прокофьевича Коротаева.

Экземпляр П-42д — из Императорской Эрмитажной русской библиотеки.

Экземпляр П-42г содержит запись на припереплётном листе «Сия книга Артиллерия лейб-гвардии Преображенского полку бомбардира Петра Апухтина куплена в Санкт-Питербурхе в то время как пожалован в бомбардиры 1747 год марта 15 числа. Бомбардир Пётр Апухтин».

Всё сказанное выше доказывает, что поэкземплярное изучение книг петровской эпохи дает возможность исследователю получать сведения о путях распространения книги, её читателях, осуществлять наблюдения об их покупательной способности и духовных потребностях. Как писал в своё время крупный отечественный историк и книговед А.С. Мыльников, «систематическое выявление и изучение покупных записей на рукописных и старопечатных книгах с указанием стоимости данного экземпляра даёт дополнительные материалы для исследования истории экономики, в том числе движения цен соответствующей эпохи. Между тем до сих пор историки к подобным возможностям обращаются редко»[16]. В самом деле, такого рода материалы в своих исследованиях используют чаще всего историки книги, однако они представляют интерес и для других специалистов и могут существенно дополнить наши представления об изучаемой эпохе, а также ввести в научный оборот новые сведения, представляющие не только научный, но и общекультурный интерес.

[16] *Мыльников А.С.* О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса) // Исследования и материалы. Сб. 25. М., 1972. С. 14.

В.Я. Чернышёв (Муром)

Рукописный памятник петровской эпохи — копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы

Копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы — важный источник по изучению социально-экономической истории города XVII столетия[1]. Собранные в ней документы охватывают широкий спектр вопросов городской жизни. Сборник был составлен в самом конце XVII в., во время правления Петра I, на рубеже важных исторических преобразований.

До недавнего времени этот памятник не был опубликован[2].

Как следует из текста грамот, оригинал, присланный в Муром, следовало хранить в съезжей избе, а снятая с него копия передавалась муромскому земскому старосте «пред(ь) для иных <...> воевод и приказных людей и губных старост». Таким образом, копийная книга была частью муромского делопроизводственного архива.

В сборнике собрано 57 грамот. Самая ранняя датирована 9 ноября 1619 г. (лист 28), а самая поздняя — 8 августа 1692 г. (лист 124 оборот). Грамоты переплетены в отдельную книгу, размером 30,2х19,5 см. Переплёт кожаный. Количество листов — 141. Листы сборника с 28 по 105 оборот имеют постраничную нумерацию, выполненную церковно-славянским буквами. Листы 1–11, 18–27 и 125 оборот–141 — чистые. На листе12 вверху расположена надпись: «Оглавление грамот в книге сей положенных с них списков», выпол-

[1] МИХМ. Инв. № М-9976.

[2] Опубликовано: Копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы / *Чернышёв В.Я.* Владим. гос. ун-т. Владимир, 2011. С. 226 (Серия «Памятники истории Мурома». Вып. 5).

ненная почерком, идентичным почерку грамот. Каждая запись имеет проставленную дату (год от «сотворения мира», написанный церковно-славянскими буквами), порядковый номер грамоты, также выполненный церковно-славянским буквами, с указанием на конкретный лист. Оглавление занимает шесть с половиной листов (по лист 17 оборот включительно). В оглавление не включены заголовки двух грамот, вошедших в текст сборника (грамота от июля дня 1681 года /7189 года/ и 8 августа 1692 года. /7200 года/).

Рукопись имеет две пагинации: родную буквенную, расположенную вверху на полях (выполнена при составлении сборника в конце XVII в.), и вторую, более позднюю — XIX в., проставленную арабскими цифрами на нижних полях. Пагинации не соответствуют друг другу. При публикации настоящего сборника за основу нумерации страниц взята вторая сплошная пагинация.

Тексты представляют собой копии с царских грамот, выполненные двумя почерками скорописью конца XVII в. Первым почерком выполнены записи на листах 12–16 оборот, 28–103, 124 оборот – 125; вторым почерком — листы 17 оборот, 103–124.

Филиграни (львы, поддерживающие корону и литеры «PR») близки к знаку, воспроизведённому Н.П. Лихачёвым (№ 71)[3]. Исходя из чего, бумагу, имеющую голландское происхождение, следует датировать концом XVII в., что не противоречит общей датировке сборника.

В начале сборника, внизу на полях, имеются пометы более позднего происхождения, нанесённые светло-коричневыми чернилами в XIX в.[4] На основании этих помет следует, что копийная книга принадлежала предку известного муромского купца, краеведа и собирателя древностей Алексея Алексеевича Титова (1783–1848). Сам А.А. Титов неоднократно использовал в своём сочинении выдержки из царских грамот XVII в.[5] Между тем, в его труде нет прямых ссылок на рукописный сборник, в котором собраны эти важные документы, и подавляющая их часть не была известна членам Владимирской губернской ученой комиссии, предпринявших в конце

[3] *Лихачёв Н.П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.

[4] Пометы: «Муромского» (л. 12); «купца» (л. 13); «Гри-» (л. 14); «горья» (л. 15); «Алексе-» (л. 16); «ева» (л. 17); «Ти-» (л. 28); «то-» (л. 29); «ва» (л. 30); «при-» (л. 31); «обретена» (л. 32); «его» (л. 33); «пред-» (л. 34); «ка-» (л. 35); «ми» (л. 36).

[5] *Титов А.А.* Историческое обозрение города Мурома // Труды Владимирской ГУАК. Кн. IV. Владимир, 1902. С. 66–68.

XIX–начале XX столетий попытку опубликовать первоисточники по истории Владимирской губернии.

Из 57 грамот, входящих в состав копийной книги, исследователям до недавнего времени были известны лишь 10 документов, опубликованных в разные годы в ААЭ с последующей перепечаткой в сборнике «Материалы для истории Владимирской губернии» и других изданиях. Причем, грамоты, опубликованные в ААЭ, согласно комментариям, были изданы по рукописному конволюту конца XVII в., хранившемуся в то время в архиве Муромской ратуши.

Хронология грамот, вошедших в состав конволюта, такова:

1. 1619 год 9 ноября (л. 28)
2. 1620 год 10 августа (л. 29)
3. 1621 год 18 ноября (л. 30)
4. 1625 год 13 апреля (л. 31 об.)
5. 1632 год 26 сентября (л. 34)
6. 1634 год 14 февраля (л. 32 об.)
7. 1637 год 18 августа (л. 33 об.)
8. 1637 год 15 сентября (л. 35)
9. 1637 год 18 сентября (л. 36)
10. 1637 год 29 декабря (л. 36 об.)
11. 1640 год 4 января (л. 37)
12. 1640 год 16 января (л. 37 об.)
13. 1640 год 30 марта (л. 41)
14. 1647 год 9 февраля (л. 42 об.)
15. 1647 год 11 апреля (л. 43)
16. 1647 год 15 октября (л. 50)
17. 1648 год 31 июля (л. 51)
18. 1648 год 30 августа (л. 52 об.)
19. 1649 год 26 июля (л. 53 об.)
20. 1649 год 18 декабря (л. 55)
21. 1649 год 21 декабря (л. 55 об.)
22. 1650 год 27 декабря (л. 44)
23. 1654 год 18 февраля (л. 57 об.)
24. 1654 год 30 апреля (л. 58 об.)
25. 1654 год 10 марта (л. 61 об.)
26. 1655 год 10 августа (л. 62)
27. 1657 год 14 октября (л. 62 об.)
28. 1659 год 15 марта (л. 63 об.)
29. 1660 год апрель (л. 64 об.)
30. 1660 год 17 августа (л. 65)

31. 1662 год 30 августа (л. 69)
32. 1664 год 29 апреля (л. 66 об.)
33. 1666 год 29 марта (л. 70 об.)
34. 1666 год 5 апреля (л. 72)
35. 1666 год 4 июля (л. 74 об.)
36. 1670 год 13 октября (л. 76 об.)
37. 1671 год 17 февраля (л. 77 об.)
38. 1671 год 21 февраля (л. 78 об.)
39. 1676 год 14 марта (л. 80 об.)
40. 1677 год 24 ноября (л. 82)
41. 1678 год 21 февраля (л. 83 об.)
42. 1678 год 28 февраля (л. 84 об.)
43. 1678 год 10 (?) февраля (л. 85 об.)
44. 1680 год 16 февраля (л. 92)
45. 1681 год 15 апреля (л. 91 об.)
46. 1681 год 26 апреля (л. 94)
47. 1681 год 11 июля (л. 111 об.)
48. 1681 год 23 июля (л. 108)
49. 1681 год 9 августа (л. 94 об.)
50. 1681 год 27 декабря (л. 96 об.)
51. 1682 год, не ранее 18 июля (л. 114 об.)
52. 1682 год 20 июля (л. 122 об.)
53. 1683 год 8 августа (л. 100)
54. 1684 год 17 января (л. 100 об.)
55. 1686 год 23 апреля (л. 102)
56. 1691 год 29 сентября (л. 103)
57. 1692 год 8 августа (л. 124)

Анализируя хронологический список, несложно сделать вывод, что в составе конволюта сохранилась лишь малая часть грамот муромского официального делопроизводства XVII в. — по 3–4 грамоты за год, и только за 1681 г. зафиксировано наибольшее количество документов — 6. Безусловно, грамот, направляемых в Муром на протяжении столетия, было больше в разы, но, к сожалению, многие из них оказались утрачены с течением времени. Некоторые грамоты подшиты в конволют с нарушением хронологии[6]. Грамоты, представляющие собой беловые экземпляры конца XVII в., нередко содержат в тексте следы ошибок и описок. Например, в грамоте № 43 (л. 85 об.) копиист совершил явную ошибку, написав

[6] Например, грамоты № 7 (л. 34), № 53 (л. 108).

дату 30 февраля. Зафиксированы и ошибки в написании царского отчества — «Алексей Алексеевич», вместо «Алексей Михайлович» (л. 69 об.).

Из текста грамот узнаём, как предписывалось обращаться на местах с важными документами, имеющими первостепенное значение в жизни посада. Так, в грамоте № 27 (л. 63) содержится упоминание, что посадские люди имели списки с писцовых книг, которые в случае надобности могли предоставить на проверку. Из грамоты № 43 (л. 90 об.) следует, что, получив грамоту из Москвы, земский староста зачитывал её вслух перед всеми посадскими людьми. Далее текст её копировался, оригинал с распиской передавался на хранение земскому старосте, а копия поступала в распоряжение городской администрации. Земским старостам, вступавшим в должность, в обязательном порядке предписывалось принимать архив земской избы, который был достаточно обширным (упоминаются, в частности, писцовые книги, переписные, сводные, статьи уложений, грамоты великого государя, а также мирские дела и крепости, письма и платежные описи, стрелецкие и мирские платежи), и внимательно о нём заботиться.

С течением времени многие грамоты по разным причинам оказались утраченными. По прошествии многих лет уцелевшие грамоты переставали играть роль информационно-справочных или налоговых документов и оставались невостребованными. В XIX в. они зачастую становились предметом собирания и коллекционирования, что, в частности, и произошло в Муроме.

О существовании отдельных документов узнаём из дореволюционных публикаций. Так, например, в своё время была опубликована уникальная грамота 1635 г. — «Отписка муромского воеводы Степана Мертваго о числе подьячих в муромской съезжей избе и количестве расходов по содержанию съезжей избы», отсутствующая в конволюте[7].

В конволют также не попали грамоты 1654 г. («Память Владимиру Киселёву об устройстве перевозов для ратных людей в Муроме и в селе Лисенках») [8], 1662 и 1672 гг. («Грамоты в Муром воеводам о воспрещении брать подати с бобыльских дворов, взятых в Троиц-

[7] Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. № 37. С. 19–20. Перепечатка: Материалы для истории Владимирской губ. Владимир, 1903. Вып. 2. С. 29–31.

[8] Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. № 595. С. 373. Перепечатка: Материалы для истории Владимирской губ. Владимир, 1903. Вып. 2. № 193. С. 70–71.

кий девичий монастырь»)[9]. По всей видимости, в муромский рукописный сборник конца XVII в. должны были войти уникальные и ценные по содержанию грамоты 1695 г. («Челобитная царям Иоанну и Петру Алексеевичам муромских посадских людей на стольника и воеводу Скрипицына») [10] и 1699 г. («Приговор муромских посадских людей на избрание в земские старосты М.А. Мяздрикова и Т.А. Тагунова и целовальники А. Синицына, Я. Парийнова и И.А. Шилова»)[11]. Последний документ представляет значительную историческую ценность, поскольку в нём достаточно подробно регламентируется деятельность института земских старост.

Таким образом, составленная в конце XVII в. копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы представляет собой уникальный письменный памятник петровской эпохи.

[9] Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1898. № 34.

[10] Ежегодник Владимирского губ. стат. комитета. Владимир, 1878. Т. 2. С. 219–223. Перепечатка: *Титов А.А.* Историческое обозрение города Мурома // Труды Владимирской ГУАК. Кн. IV. Владимир, 902. С. 63–66.

[11] Ежегодник Владимирского губ. стат. комитета. Владимир, 1878. Т. 2. С. 223–225.

СОБИРАТЕЛИ И КОЛЛЕКЦИИ

Н.П. Копанева (Санкт-Петербург)

Первые коллекции Кунсткамеры: собрание Хр. Готтвальда[1]

Истории приобретения Петром I частных собраний, поступивших в Кунсткамеру, уделяется в научной литературе довольно пристальное внимание. Нельзя не отметить большую и плодотворную работу по выявлению и атрибуции таких предметов, проведенную научной российско-нидерландской группой, готовившей выставку «Пётр Великий и Голландия» (1997–1998) в Эрмитаже и Амстердамском историческом музее, и прежде всего Йозин ван хет Реве (Амстердам) и Олега Яковлевича Неверова (Санкт-Петербург). Однако до сегодняшнего дня остаётся нерешённой довольно серьёзная проблема: не всегда мы имеем возможность определить, что конкретно, попредметно, включали в себя эти коллекции. Дело в том, что не на все приобретённые собрания были составлены каталоги или списки и не все каталоги или списки сохранились до нашего времени.

В этом отношении исключение составляет собрание анатомических препаратов и гербарий Фредерика Рюйша. Анатомическое собрание было описано самим Рюйшем в изданных им «Tesaurus». В настоящее время Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН совместно с Библиотекой Амстердамского университета реализуют проект по атрибуции предметов анатомического собрания петербургской коллекции амстердамского анатома, приобретённой Петром I. Большая работа проведена по изучению состава собрания аптекаря Альберта Себы, кото-

[1] Есть два варианта транскрибирования имени Gottwald. В XVIII и XIX вв. писали «Готвальд», в современных работах используется написание «Готтвальд», которого придерживаюсь и я в настоящей статье. В цитатах же оставляю авторское написание.

рому посвящена книга Й. ван хет Реве, изданная в 2006 г. на нидерландском языке[2].

Собрание немецкого натуралиста Христофа Готтвальда (1636–1700) было приобретено Петром I у вдовы коллекционера в 1716 г. в Данциге[3]. Отметим, что Данциг в то время славился своими коллекционерами и собраниями раритетов (например, можно вспомнить богатейшее собрание естественнонаучных предметов отца и сына Брейнов), прежде всего естественнонаучных (Naturalia).

В одном из ранних описаний Кунсткамеры читаем: «В 1716 году прибыл к ней [в Кунсткамеру] <...> гданского доктора Готвальда минеральный кабинет»[4]. И. Бакмейстер коллекцию описывает так: в 1716 г. приобретено собрание «доктора Готвальда, которое большЫю частью состояло в минералах, раковинах и драгоценных камнях купно с великим числом всяких цветов и видов янтарей, между которыми во многих кусках заключаются насекомые или другие царств животных и растений предметы»[5]. Осип Петрович Беляев в путеводителе по Кунсткамере отмечал: «В сем же [1716] году доставлено из Данцига от доктора Готвальда изрядное собрание, состоящее по большей части в минералах, раковинах, драгоценных камнях и великом числе янтарей, содержащих внутри себя некоторые породы насекомых и предметы животных и растений»[6]. Но о составе коллекции из этих сведений по сути ничего не было известно.

Попробуем определить круг источников, которые позволят нам более конкретно документально представить собрание Готтвальда, приобретённое Петром и поступившее в Кунсткамеру.

---

[2] *Driessen van het Reve J.J.* De Kunstkamera van Peter de Grote. De Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumachet uit de jaren 1711–1752. Hilversum, 2006.

[3] Д.Д. Новгородова высказала предположение о приобретении коллекции Готтвальда не в 1716, а в 1714 г. См., например: *Новгородова Д.Д.* Флорентийские мозаики «Минерального каталога» в собрании Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // Словарь языка М.В. Ломоносова / Гл. ред. академик Н.Н. Казанский. СПб., 2010. С. 135–137.

[4] Палаты Санктпетербургской имп. Академии наук, библиотеки и кунсткамеры. СПб., 1744. С. 6.

[5] *Бакмейстер И.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии наук изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером подбиблиотекарем Академии наук а на российской язык переведенной Василием Костыговым. Напечатан в типографии морского шляхетного кадетского корпуса 1779 года. С. 109.

[6] *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Т. II. С. 4–5.

Как и многие коллекционеры, Готтвальд, врач по образованию, был довольно богатым человеком (он был торговцем). После смерти Хр. Готтвальда его сын Иоганн (1670–1713), тоже врач, продолжал пополнять коллекцию. Его наследники, вдова и дочери, продали собрание Петру I. Хр. Готтвальдом был составлен каталог коллекции[7] — «Museum Gottwaldianum», который собиратель готовил к изданию, сам вырезал гравюры с изображениями раритетов своей коллекции: анатомические препараты, медицинские инструменты, разнообразные моллюски, рыбы. Каталог был издан после смерти собирателя небольшим тиражом в 1714 г., но не был пущен в продажу. Нам известно лишь несколько экземпляров этого редкого издания. В 1782 г. Иоганн Шрётер (1735–1808), знаток конхилиологии и минералогии, переиздал таблицы Готтвальда, снабдив их текстом[8].

Доступные экземпляры издания «Museum Gottwaldianum», отличающиеся набором и расположением входящих в него гравюр, рассматриваются нами как один из источников для документальной попредметной реконструкции собрания Хр. Готтвальда. Издание осуществлено в двух томах. Всего известно 111 гравюр к изданию. Один из экземпляров «Museum Gottwaldianum» находится в Библиотеке Зоологического института РАН и описан в 1976 г. Кириллом Борисовичем Юрьевым[9]. Сначала исследователь атрибутировал книгу «Kupfern zum Museum Gottwaldianum» (Гравюры к музею Готтвальда), которая была без титульного листа и состояла из 48 гравированных таблиц с изображением раковин и других морских животных. К.Б. Юрьев нашёл описание этой книги в указателе зоологической литературы Энгельмана[10]. Но известно, что «Museum

---

[7] Museum Gottwaldianum continens tabulas mutas quarum anatomicae sexaginta & una, conchyliologicae quadraginta & novem, aliaque corpora marina experimentes, sculptж et ad edendum jam paratж. Gedani. 1714. – В 1714 г. был издан каталог для аукционной распродажи собрания Готтвальда: Museum Gottwaldianum, sive catalogus rerum variorum, tam naturalium, quam artificialium ... collectarum a ... C. Gottwaldio, & J.C. Gottwaldio. quas publica auctione 1714 divendet G. Mattern. Dantzic, 1714.

[8] Musei Gottwaldiani testaceorum, stellarum marinarum et coralliorum quae supersunt tabulae. Die Conchylien, Seesterne und Meergewдchse der ehemaligen Gottwaldtischen Naturaliensammlung, nach den vorhandenen 49 Kupfertafeln mit einer kurzen Beschreibung begleitet von Johann Samuel Schroeter. Nürnberg: Raspe, 1782.

[9] *Юрьев К.Б.* Христофор Готвальд, его коллекция и книга // Рукописные и редкие печатные книги в фондах библиотеки АН СССР. Л., 1976. С. 67–74.

[10] *Engelman W.* Bibliotheca historico-naturalis. Leipzig, 1846. Vol. 1. P. 5.

Gottwaldianum» был издан в 1714 г. в Данциге в двух томах, содержащих 49 и 62 таблицы[11]. И действительно, в Библиотеке Академии наук К.Б. Юрьев обнаружил второй том этого издания с 62 гравюрами. В первом томе была плохо читаемая надпись на форзаце: «Возможно, эти таблицы куплены Петром Великим с собранием Готвальда?»[12] Вряд ли в этом можно сомневаться.

Среди гравюр одного из изданий есть портрет Хр. Готтвальда и изображение его кабинета, то есть комнаты с расположенными там коллекциями. Это «просторная комната с двойным итальянским окном. Стены и потолок покрыты богатой резьбой. Под потолком развешены экзотические плоды и рога животных. Слева, за драпировкой, — дверца, в которую ведёт маленькая лесенка. На дверце надпись: «Museum Anatomicum». Справа от дверцы стоит монтированный скелет человека, слева висит таблица с изображением мочеполовой системы женщины. Ещё левее расположены зоологические экспонаты: черепа животных, тушки птиц, в том числе райских, омары, заспиртованные в банках ящерицы и т.д.»[13] На других гравюрах изображены анатомические препараты и инструменты, раковина, морские животные. Гравюры не подписаны, но рядом с каждым предметом, изображённым на них, проставлен номер. Следовательно, описания объектов собрания были.

Приобретённая Петром I и поступившая в Кунсткамеру коллекция Готтвальда отличалась от того, что демонстрировал напечатанный в 1714 г. каталог. В Петербург из собрания Готтвальда поступили не только раковины, но и коллекция минералов, которая не изображена на известных гравюрах. Однако в Отделе рукописей Библиотеки РАН мы находим другой источник для изучения приобретённого Петром собрания Готтвальда — «Musei Gottwaldiani Pars prima». Это описание минералов из собрания Готтвальда на немецком языке, составленное по шкафам и ящикам, в которых минералы находились уже в Петербурге, в Кунсткамере. Описание выполнено на семи листах с оборотами. Прерванное на седьмом номере образца минерала из одного из ящиков, оно явно не полное. Дальнейшее изучение минералогической коллекции и поиски привели к обнаружению продолжения этого описания. Оно находится

---

[11] Описание книги см.: *Cobres J.P.* Deliciae Cobresiana. Buchersammlung zur Naturgeschichte. Bd 2. Augsburg, 1781. S. 805–810. Иосиф Кобрес (1754–1823) — любитель естественной истории и естественнонаучной книги.

[12] *Юрьев К.Б.* Христофор Готвальд, его коллекция и книга. С. 69.

[13] Там же. С. 69–70.

в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана в Москве, облачено в переплёт XIX в. и начинается с номера 8. Изучением этой минералогической коллекции по полному рукописному каталогу занимается сотрудница Минералогического музея Дарья Дмитриевна Новгородова.

Другим источником для изучения собрания Готтвальда, казалось, должен был стать первый опубликованный каталог Кунсткамеры «Musei imperialis Petropolitani...». Но в каталожных описаниях крайне редки ссылки на источник поступления предметов в Кунсткамеру. Более того, известно, что каталог минералогического собрания Кунсткамеры в 1731 г. начал составлять И.Г. Гмелин. Вот что он писал по этому поводу: «<...> я пожелал написать минеральный каталог императорского музея, мне показалось целесообразным слить воедино имевшиеся различные коллекции»[14]. То есть до 1731 г. собрания, во всяком случае, минералов, хранились по коллекциям, по собирателям, пока И.Г. Гмелин не слил их воедино. А среди них, писал Гмелин, была «коллекция данцигского врача Готвальда», которая составляла к тому времени главную, хотя и, по мнению Гмелина, не самую замечательную часть минерального каталога Кунсткамеры. Таким образом, Гмелин перед написанием каталога рассортировал все имевшиеся минералы по выработанной им системе и описал их без указания на источник поступления. Обнаруженный нами полный рукописный каталог минеральной коллекции Готтвальда позволяет атрибутировать часть описанного в «Musei Imperialis Petropolitani...» минерального собрания Готтвальду.

В коллекции Готтвальда, о чём свидетельствуют некоторые из гравюр, были и «артифициалии», то есть сделанные из раковин и минералов разные предметы, отделанные золотом и серебром. Вряд ли Пётр I мог пройти мимо того, что сделано трудом и талантом человека. Свидетельством тому является описание предметов из золота и серебра, выполненное Академией наук по требованию двора в 1730-е гг. Это «Роспись Золотым и серебряным вещам и дорогим каменьям, которые хранятся при императорской кунсткамере».

Эта роспись использовалась при составлении латинского каталога Кунсткамеры с тем исключением, что в печатном каталоге имя собирателя не указывалось. В «Росписи» же на русском языке отмечалось и имя собирателя. Таким образом, мы узнаем, что вместе

[14] Замечание, необходимое для понимания минеральных каталогов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1954. Т. 5. С. 658–661.

с «натуралиями» коллекции Готтвальда были куплены и хранились в Кунсткамере: кубок из тёмноцветного агата, золотом оправлен; чашечка из сардоникса; ложка хрустальная с корольковою ручкою, золотом и камнями украшенная (к этому описанию добавлено примечание «Польши король Иоанн III оную употреблял»); ожерелье с пронизками сердоликовыми. Если соотнести эти описания с опубликованным каталогом Кунсткамеры на латинском языке, то мы можем выйти ещё на один источник изучения собрания Готтвальда. Это так называемый «Нарисованный музей» — коллекция акварельных рисунков, выполненных учениками Рисовальной палаты Петербургской Академии наук в 1730–1750-е гг.[15] На рисунках рядом с изображёнными предметами указан номер шкафа, в котором они хранились в музее. По этим номерам мы можем определить и указанные в «Росписи» предметы из собрания Готтвальда.

Выявленные нами в библиотеках и архивах опубликованные и рукописные сведения об «изрядном собрании» доктора Готтвальда позволяют проводить документальную попредметную реконструкцию этой коллекции, состоявшую из раковин, минералов, янтарей — Naturalia и художественных предметов, созданных из раковин и минералов, — Artificialia. Эта работа ещё не завершена, она будет продолжена усилиями разных специалистов.

Несмотря на то, что в XVIII в. собрание Готтвальда в составе Кунсткамеры оценивалось петербургскими учёными по-разному, его реконструкция является важным шагом в деле изучения истории Кунсткамеры как музея энциклопедического типа, чьи фонды использовались в деятельности Петербургской Академии наук.

[15] «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук.1725–1760. СПб., 2003. Т. 1; СПб., 2004. Т. 2.

И.Е. Барыкина (Санкт-Петербург)

Петровские реликвии в коллекции графа Д.А. Толстого

Граф Дмитрий Андреевич Толстой, государственный деятель второй половины XIX века, занимавший посты министра народного просвещения (1866–1880) и обер-прокурора Святейшего Синода (1865–1880), министра внутренних дел (1882–1889) и президента Императорской академии наук (1880–1889), являлся не только крупной фигурой консервативного лагеря, но был также известен как историк-любитель и библиофил. Сферой научных интересов этого влиятельного чиновника был XVIII век: история государственных учреждений и конфессиональная политика российского правительства.

По свидетельству современников, Д.А. Толстой вполне обладал способностями к кропотливой работе исследователя, даже его политический противник Д.А. Оболенский отмечал, что «все изданные им сочинения обличают усидчивость в труде», а сам он склонен к «сухому труду»[1]. Министр находил немалое удовольствие в работе с архивными документами, посвящая этому всё свободное время. Попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков вспоминал: «умственный труд, изучение занимающего его вопроса были для него не столько работой, сколько отдыхом от работы, развлечением и притом *единственным* [sic! — *И.Б.*] развлечением»[2].

Изучение архивных документов петровской эпохи Д.А. Толстой начал ещё в период учёбы в Царскосельском лицее, введя их в научный оборот в своём выпускном сочинении «О винной регалии

[1] *Оболенский Д.А.* Записки князя Оболенского Дмитрия Александровича, 1855–1879. СПб., 2005. С. 276.

[2] *Шестаков П.Д.* Граф Д.А. Толстой как министр народного просвещения // Русская старина. Т. 69. 1891. С. 396.

в России до времён Петра Великого». Оно было опубликовано в 1842 г. в июльском номере «Отечественных записок»[3] — самого распространенного литературного и общеполитического журнала. На протяжении четырёх лет после окончания Лицея молодой чиновник успешно сочетал свои служебные обязанности с учёными занятиями. Он продолжил изучение экономической политики российского государства, раздвинув хронологические рамки исследования, и включил в него XVIII столетие. Результатом стало сочинение «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II»[4]. В предисловии Толстой указал, что, не имея доступа в архивы, он был ограничен в привлечении документальных источников и пользовался, как и при подготовке первого сочинения, только изданными материалами — актами Археографической экспедиции. Из ссылок следовало, что он познакомился и с сочинениями иностранных историков — Брессона, Ренье, Гюльмана, Бальи и других, прочитал «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина и внимательно проработал вышедший труд Ю.А. Гагемейстера «Разыскание о древних финансах России».

Толстой пришёл к выводу, что податная система развилась из сборов дани варяго-русскими князьями и прошла через три стадии: подворная (подымная), поголовная и поземельная (посошная), черты которой автор проследил вплоть до XIX века. Он не шёл слепо за чужими утверждениями и сложившимися концепциями, оспорив правомерность введения подушной подати Петром I: по его мнению, эта мера привела с течением времени к истощению казны. Основанием для такого суждения начинающего историка послужило высказывание И.Т. Посошкова, что единица налогообложения должна иметь вещественное выражение, «понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижная и цены неимущая»[5]. Толстой считал, что в государственных интересах предпочтительнее было бы оставить посошную подать, заключавшуюся, по его мнению, в обложении земельной собственности.

Правительство решило использовать склонность графа Толстого к истории систематизации отраслей государственного управле-

---

[3] *Толстой Д.А.* О винной регалии в России до времён Петра Великого // Отечественные записки. 1842. № 7. С. 53–80.

[4] *Толстой Д.А.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848.

[5] Там же. С. 23.

ния и учло его готовность браться за новое дело. 5 января 1848 г. «по Высочайшей воле», то есть по распоряжению императора Николая I, Д.А. Толстому было поручено составить историю «постепенного появления и развития иностранных исповеданий в России, равно всех законодательных и распорядительных мер правительства по сему предмету»[6]. Помимо справочного значения, — для служебного пользования — подобное сочинение, будучи опубликованным, преследовало ещё одну, внешнеполитическую цель — склонить общественное мнение Западной Европы к положительной оценке подписанного Россией в 1847 г. конкордата с Ватиканом.

Выполнение «Высочайше возложенного» поручения заняло три года — они ушли на сбор материала. На этот раз возможностям, предоставленным Толстому, мог позавидовать любой историк: Министерство внутренних дел открыло ему доступ в архивы Департамента духовных дел, Святейшего Синода, католических и униатских монастырей. Исторический обзор охватывал период от X века до первой четверти XIX века, от крещения Руси до кончины императора Александра I[7].

Одновременно с историческими сочинениями Д.А. Толстой писал публицистические статьи, опираясь на изученные архивные документы. Так, в 1859 г. появилась статья «Об иезуитах в Москве и Петербурге»[8]. Это исследование, продолжая историю католической церкви в России, посвящено одному из её аспектов — деятельности ордена иезуитов, и притом было выполнено не отвлечённо-научно, а чисто полемически.

Автор рассматривал не только деятельность самого ордена, но и отношение властей к нему в царствование Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра I. Тема сочинения обусловила и его хронологические рамки — от появления первых представителей этого ордена в Москве в 1684 г. до высылки иезуитов из Петербурга (с запрещением появляться в обеих столицах) в 1815 г. по указу Александра I. Толстой выделил три ключевых, с его точки зрения, момента в отношении российских властей к деятельности иезуитов: ограничение их пропаганды в конце XVII века по просьбе патриарха Иоакима, высылка из России по указу императора Петра I в 1719 г. и запрещение ордена в 1815 указом императора Александра I.

---

[6] Отношение министра внутренних дел к обер-прокурору Св. Синода от 24 ноября 1848 года. № 2803 // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 186. Л. 9.

[7] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1–2. СПб., 1876.

[8] *Толстой Д.А.* Об иезуитах в Москве и Петербурге. СПб., 1859.

Особое внимание Д.А. Толстого привлёк петровский указ, который он процитировал в заключительной части сочинения как предупреждение будущим последователям иезуитов, на случай, если они решатся продолжить их политическую и религиозную деятельность в России: «Тогда мы скажем иезуитам то, что они уже слышали от нашего правительства более полутора века тому назад: «размножать у нас латинского учения не надобно и неудобно, потому что мы исстари имеем свою христианскую веру, непоколебимо ей преданы, и иностранных учений не принимаем...»[9]. Эти слова можно назвать и доктриной самого Д.А. Толстого: признавая общий ход исторического развития России и Западной Европы, по крайней мере, в сфере финансового управления, и обращаясь к европейскому опыту в области классического образования, он считал неприемлемыми для Российской империи сложившиеся на западе отношения церкви с государством.

«История финансовых учреждений России» и «Римский католицизм», написанные в конце 40-х–начале 50-х гг. XIX века, принеся их автору известность в учёном мире, составили первый этап в творческой деятельности Д.А. Толстого, в этот период целенаправленно изучавшего и описывавшего историю становления системы управления различными областями государственной жизни. Сюда также можно отнести ещё одно «сочинение на заданную тему» — статью «О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-коллегии», написанную для «Морского сборника» и затем изданную отдельным оттиском в 1855 г., во время службы Толстого в Морском министерстве[10]. По характеру это скорее докладная записка, основанная на документах министерского архива. Чиновник Морского министерства изложил историю возникновения, развития и современное состояние хозяйственного ведомства с особым акцентом на этапах его реорганизации, что, несомненно, было продиктовано надвигающимися реформами.

Изучение журналов Адмиралтейств-коллегии позволило Толстому воссоздать яркую картину деятельности управленческого аппарата петровского времени. В сочинении описывается, как вице-президент Корнелий Крюйс не мог справиться с делами ведомства, обижаясь, что члены коллегии занимают президентское кресло,

[9] Там же. С. 23.

[10] *Толстой Д.А.* О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-коллегии. СПб., 1855.

вступают с ним в споры. Д.А. Толстой приводит «простодушное» предписание Крюйса обер-секретарю И.А. Тормасову просматривать все бумаги, поскольку сам вице-президент не очень хорошо владел русским языком и был «приказному поведению незаобычаен». Так Крюйс сложил на Тормасова всю ответственность за принятие решений: обер-секретарь должен был следить, чтобы начальник-иностранец случайно не нарушил волю императора[11].

Толстой пришёл к заключению, что несовершенство первоначальной структуры Адмиралтейств-коллегии — широкий круг обязанностей, бюрократическая волокита, непонимание между президентами-иностранцами и членами коллегии, комплектовавшейся из «старых или увечных» или «мало удобных к воинской службе» офицеров — обусловило необходимость её реорганизации[12]. «В течение сорока лет [с 1700 по 1740 г. — *И.Б.*] Адмиралтейская коллегия четыре раза подвергалась существенным изменениям в своём устройстве: два раза вводился и уничтожался Регламент 1722 г. и два раза Положение 1732 г. получало практическое применение»[13]. Выводы, к которым пришёл Д.А. Толстой, в 1902 г. были процитированы С.Ф. Огородниковым в «Историческом обзоре развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования» при рассмотрении предыстории ведомства, правда, без указания авторства[14].

Государственная служба заставила Д.А. Толстого, занявшего в 1865 г. кресло обер-прокурора Святейшего Синода, а через год возглавившего Министерство народного просвещения, отложить на время учёные штудии. Дальнейшей работе с архивными документами XVIII века способствовала его отставка с этих постов в апреле 1880 г. И хотя в тот период она воспринималась и самим Толстым, и окружающими как крах карьеры, у опального министра появился необходимый для учёных занятий досуг. В течение двух следующих лет он всецело посвятил себя научному труду, изучая дела Канцелярии Академии наук, ведавшей административными делами Академии в XVIII веке. Эти архивные изыскания он продолжил и после своего назначения президентом Императорской Академии наук в апреле 1882 г., а через месяц — став министром внутренних дел.

---

[11] Там же. С. 6–8.

[12] Там же. С. 3.

[13] Там же. С. 19–20.

[14] *Огородников С.Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. СПб., 1902. С. 29.

Главным итогом работы Д.А. Толстого в академическом архиве и вершиной его научной деятельности стали сочинения 1883–1885 гг., посвящённые истории российских учебных заведений в XVIII веке: «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии», «Академическая гимназия в XVIII столетии», «Академический университет в XVIII столетии», составленные по рукописным документам архива[15]. На основании изученных архивных материалов Толстой пришёл к выводу, что Пётр I решился основать Академию наук по примеру европейских стран, невзирая на то, что в России ещё не сложилась базовая система среднего и высшего образования. Академические учреждения должны были, по замыслу императора, представлять неразрывную цепочку из среднего учебного заведения — гимназии, высшего — университета, и высшего учёного учреждения — Академии наук.

Эти три сочинения Д.А. Толстого появились в тот период, когда российское общество в очередной раз повернулось лицом к проблемам образования, взявшись за обсуждение их современного состояния и заинтересовавшись движением русского просвещения в XVIII веке в целом и Академии наук в частности[16]. Сведения о системе начального и среднего образования и роль в этом академических учреждений были в то время неполны и отрывочны, поэтому исследования Д.А. Толстого составили для следующих поколений историков важный вклад в науку, что было отмечено ещё в конце XIX века[17]. Его сочинения вводили в научный оборот новые источники, извлечённые из академического архива и до той поры неизученные.

Критическое отношение к работам «реакционного министра» не помешало советским исследователям Ю.Д. Марголису и Г.А. Тишкину использовать собранный Толстым материал для ар-

---

[15] *Толстой Д.А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года // Сб. ОРЯС. СПб., 1885. Т. 38. № 4. С. 1–100; *Толстой Д.А.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Сб. ОРЯС. СПб., 1885. Т. 38. № 5. С. 1–114; *Толстой Д.А.* Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Сб. ОРЯС. СПб., 1885. Т. 38. № 6. С. 1–67.

[16] См., напр.: *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870; Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 1–10. СПб., 1885.

[17] *Бороздин А.К.* Академический университет в XVIII веке // Исторический вестник. 1886. Т. 26. № 4. С. 120.

гументации своей точки зрения о том, что Петербургский университет был основан в начале XVIII века[18].

Новый всплеск интереса к истории Академии наук и её учреждений начался в конце 1990-х гг., напомнив в очередной раз об актуальности, по крайней мере, нескольких сочинений Д.А. Толстого[19], их прекрасной источниковой базе и приведённых им «отрицательных оценках» академической гимназии и университета[20]. Вопрос о роли академических учреждений в первой половине XVIII века до сих пор остаётся дискуссионным, что влияет и на отношение к сочинениям Д.А. Толстого. Но, как и прежние труды Дмитрия Андреевича, сочинения 1883–1885 гг. вводили в научный оборот неизвестные до того момента источники, позволявшие позднейшим историкам использовать их в качестве справочного материала и дающие возможность углублять изучение темы.

Непременный секретарь Академии наук К.С. Веселовский позднее описал приёмы работы Толстого с архивными материалами. Дела академической Канцелярии по распоряжению К.С. Веселовского доставлялись Толстому домой. Среди бумаг Веселовского в академическом архиве сохранились заметки непременного секретаря с перечнем выданных дел и их кратким содержанием[21]. Переписка Толстого и Веселовского по архивным делам продолжалась и после назначения Дмитрия Андреевича президентом Академии наук[22]. Работал он увлечённо и в скором времени просмотрел все интересовавшие его архивные дела. Веселовский сначала подумал, что Толстой как «барич-дилетант» ограничивается беглым просмотром документов. Однако, когда в 1882 г., уже, будучи президентом Академии наук, Толстой продемонстрировал ему результаты архивных изысканий, непременный секретарь убедился в основательности его учёных занятий.

Дмитрий Андреевич собственноручно делал из документов подробные выписки или снимал копии, затем систематизировал их и

---

[18] *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII–XIX веках. Л., 1988.

[19] См.: *Пономарёва В.В.* У истоков университета // Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1998. С. 49–50.

[20] *Панибратцев А.В.* Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб., 2002. С. 34.

[21] Письмо К.С. Веселовского от 9 марта 1882 г. — СПФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 153, Л. 10–10 об.

[22] Там же. Л. 12, 14, 16, 19, 20.

отдавал в переплёт. Переплетённые тома хранились в особом шкафу[23] в кабинете его петербургской квартиры на Моховой улице в доме № 30 и в библиотеке рязанского имения Маково. Таким же образом Толстой поступал со всеми попадавшими в его распоряжение архивными материалами, которые не мог приобрести. Веселовский присылал ему для прочтения и другие редкие документы из академического архива, с которых по просьбе Толстого переписчики (а иногда и сам Веселовский) снимали копии. Библиотека министра считалась одним из богатейших книжных собраний своего времени[24]. Работая в тиши своего кабинета, Д.А. Толстой составлял исторические сочинения, справочную книжку, помещал их в приложениях к своим сочинениям или «сообщал» в исторические журналы.

В 1881–1886 гг. Толстой сотрудничал с издателем «Русского архива» П.И. Бартеневым, который неоднократно помещал в своём журнале исторические документы с примечаниями «Сообщено гр. Д.А. Толстым». Это были рукописи, разными путями оказавшиеся в библиотеке графа. Так, в 1888 г. в «Русском архиве» появилось «Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого. 1697–1699»[25]. В предисловии к этому источнику Д.А. Толстой указал, что бумаги издаются по списку, сделанному с оригинала, находящемуся в библиотеке Казанского университета[26]. С августа по октябрь 1866 г. Д.А. Толстой, незадолго до того занявший министерское кресло, совершал инспекторскую поездку по Казанскому учебному округу. Он близко познакомился с начальником округа П.Д. Шевыревым, высоко отзывавшемся о министре. Копия рукописи могла быть сделана собственноручно Д.А. Толстым или, по его просьбе, переписчиками и хранилась в библиотеке Толстого в Макове. Краткое содержание сообщалось печати историками Н.А. Поповым[27] (подробно пересказавшим текст документа) и И.А. Артемьевым (давшим библиографическое описание рукописи)[28]. В 1887 г. Д.А. Тол-

[23] Отчёт Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1889 год. СПб., 1890. С. 2–3.

[24] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 6. СПб., 1891.

[25] Путешествие стольника П.А. Толстого. 1697–1699. С предисловием Дм. Анд. Толстого // Русский архив. 1888. Кн. 1, № 2. С. 161–204; № 3. С. 321–368; № 4. С. 505–552; Кн. 2, № 5. С. 5–62; № 6. С. 113–156; № 7. С. 226–268; № 8. С. 369–400.

[26] Русский архив. 1888. Кн. 1. № 2. С. 161–166.

[27] *Попов Н.А.* Путешествие в Италию и на о. Мальту стольника П.А. Толстого в 1697 и 1698 годах. М., 1859.

[28] *Артемьев И.А.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета. СПб., 1882. № 1572. С. 57–59.

стой счёл необходимым ввести в научный оборот полную версию исторического источника, имеющего отношение к биографии его знаменитого предка. Судя по ремарке в конце предисловия[29], Дмитрий Андреевич занимался подготовкой рукописи к изданию летом 1887 года в Маково. Весной 1888 г. текст путешествия с предисловием Д.А. Толстого появился в очередном томе «Русского архива».

Проводя лето 1888 г. в Маково, Толстой обратился в июле к помощнику директора Публичной библиотеки Л.Н. Майкову с просьбой прислать ему «для просмотра статейные списки» стольника П.А. Толстого[30]. Скорее всего, речь шла о публикации в «Русском архиве», — автор желал увидеть результат своей работы. Более полувека спустя опубликованный Д.А. Толстым документ стал предметом научного исследования: в середине 1950-х гг. академик Д.С. Лихачев изучил статейные списки, помещённые в «Русском архиве» в 1888 г., и дал их подробный литературоведческий анализ[31].

После 1917 г. бумаги Д.А. Толстого из его маковской библиотеки были перевезены в Рязанский губернский исторический архив, в ходе многочисленных реорганизаций которого были, к сожалению, утрачены. Однако, благодаря стремлению министра опубликовать имеющиеся в его распоряжении материалы, современные исследователи получили возможность работать с уникальными документами из коллекции графа Д.А. Толстого.

---

[29] Русский архив. 1888. Кн. 1. № 2. С. 166.

[30] Письмо Толстого Д.А. к неизвестному князю. 19 июля 1888 года // РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. Д. 424. Л. 1.

[31] *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII веков. Статейные списки. С. 319–346. О путешествии П.А. Толстого см.: С. 341–346.

М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург)

Реликвии петровской эпохи в Древлехранилище Александро-Невской Лавры

На протяжении XVIII–XIX веков несколько замечательных реликвий петровской эпохи (кровать, трость, маршальский жезл Петра Великого и ряд других) содержалась в Александро-Невской Лавре, первоначально, в основном, в ризнице монастыря. Сохранились две описи ризницы петровского времени — 1724 и 1725 гг. Согласно им, в ризнице хранились 80 образов, из которых некоторые были пожалованы фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым, великой княжной Натальей Алексеевной и другими известными фигурами петровского царствования. Из нескольких напрестольных Евангелий в драгоценных окладах одно было подарено лично Петром, из 13 драгоценных крестов, три жаловал император. Ризы были подарены императрицей Екатериной I, княгиней Д.М. Меншиковой, адмиралом Ф.М. Апраксиным, А.В. Кикиным, князем Я.Ф. Долгоруким, графиней Е.А. Шереметевой и другими[1].

Из особых достопримечательностей ризницы в описи 1724 г. была отмечена трость Петра Великого с рукоятью из слоновой кости и серебряным наконечником, изготовленная собственными руками императора и пожалованная архимандриту монастыря (позднее архиепископу) Феодосию (Яновскому). По завещанию архиепископа её подносили на Сретение новопоставленному архимандриту обители вместо настоятельского жезла, а в остальное время

[1] *Рункевич С.Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра 1713–1913. В 2-х кн. СПб., 2001. Кн. 1. С. 242–246.

хранили в ризнице «за хитростное дело рук Великого Императора и Самодержца Всероссийского». В ризнице хранились также серебряные шпоры и шпага фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, шпага генерала Адама Адамовича Вейде и другие реликвии петровской эпохи[2].

С начала XX века эти реликвии хранились в особом лаврском церковно-археологическом музее — Древлехранилище. Его образование связано с именами наместника обители, архимандрита Феофана (Тулякова) и послушника Ф.М. Морозова[3]. Морозов с первых лет своего пребывания в обители стал интересоваться разными вышедшими из употребления предметами и постепенно стал собирать их в одном помещении. После постройки нового здания в восточном дворе Лавры в первом и втором его этажах разместили архив и библиотеку, а в третьем — ризницу. В результате освободились помещения библиотечной башни, где остались предметы из Отделения древностей, и ризницы, где хранилась утварь, не используемая при богослужениях[4].

17 апреля 1909 г. по рапорту отца Феофана митрополит Антоний (Вадковский), наряду с назначением нового ризничего, утвердил предложение об образовании в Лавре археологического музея[5]. 28 июля 1909 г. был утверждён поданный наместником рапорт об окончании приведения в порядок здания бывшей библиотеки и приспособлении оставшихся здесь шкафов для хранения вещей, имевших церковно-археологическое значение. Отец Феофан просил назначить хранителем этого музея архимандрита Филарета, а его помощником — послушника Ф. Морозова.

Тогда же архимандрит Феофан обратился в учреждённый весной 1909 г. Устроительный комитет Всероссийского съезда художников с просьбой о помощи в организации лаврского музея. Комитет под председательством графа А.А. Голенищева-Кутузова, в ко-

---

[2] Там же. С. 247–248.

[3] Ф.М. Морозов — член императорского Археологического института. По заданию великого князя Николая Михайловича, готовившего фундаментальный труд «Петербургский некрополь», Морозов в 1909–1910 гг. составил топографическое описание лаврских кладбищ с фотоснимками надгробий, сделал описи лаврских архива и библиотеки. После 1917 г. — научный сотрудник Русского музея, в 1930-е гг. возглавлял Управление по учёту и охране памятников старины Ленинградской области.

[4] См.: *Алексеев А.А.* Древлехранилище Александро-Невской лавры. История создания и экспозиция // Музей в ансамбле Александро-Невской лавры. СПб., 1997. С. 44, 108.

торый входили художники-искусствоведы А.Н. Бенуа, А.А. Карелин, известнейшие архитекторы В.А. Покровский, И.А. Фомин, А.В. Щусев и чиновник Училищного совета при Синоде В.Т. Георгиевский, охотно взялся за предложенное дело.

В программной записке Комитета музей рассматривался как хранилище, где древности оберегались бы от расхищения, в том числе нечистоплотными коллекционерами, а также «многоценным откровением для ювелиров, резчиков, художников, фабрикантов парчей и тканей, вышивальщиц и др. профессионалов, постоянно черпающих в старых и древних образцах своё вдохновение для создания новых предметов церковного обихода». Главным создателем экспозиции Древлехранилища по поручению Комитета стал художник, фотограф, любитель старины и общественный деятель А.А. Карелин (1866–1928), которому помогали А.Н. Бенуа, В.Т. Георгиевский и иконописец М.В. Тюлин, а также редактор журнала «Старые годы» барон Н.Н. Врангель, его сотрудник П.П. Вейнер и сын знаменитого ювелира А.К. Фаберже.

По просьбе А.А. Карелина митрополит Антоний предоставил обширное помещение всей библиотечной (юго-западной) башни. Под наблюдением архитекторов А.В. Щусева, И.А. Фомина и В.А. Покровского в библиотечной башне был осуществлён ремонт, устроены световые потолки[6]. После этого в помещение перенесли часть предметов из северо-западной башни, некоторую богослужебную утварь XVIII века — из новой ризницы, из митрополичьего дома были переданы портреты высочайших особ, петербургских иерархов, некоторые личные вещи столичных Владык, представляющие художественную ценность (после окончания строительства нового здания ризницы музей перевели туда на первый этаж)[7].

22 января 1910 г. А.А. Карелин представил митрополиту Антонию печатный экземпляр краткой описи экспонатов, сообщив, что все работы по устройству окончены. В Древлехранилище находились: модель Свято-Троицкого собора Лавры, крест, найденный на Куликовом поле, и серебряный наконечник, по свидетельству епископа Иннокентия, «времен до Митридата», кровать Петра Великого, в которой он спал, когда говел на Страстной седмице в монастыре, трости Петра и Екатерины I (маршальский жезл императора Петра находился в ризнице). 16 марта 1910 г. Древлехранилище

[5] РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1909. Д. 68. Л. 14.

[6] *Алексеев А.А.* Древлехранилище Александро-Невской лавры. С. 36–38.

[7] РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1909. Д. 98. Л. 65 об; Оп. 11–1913. Д. 113.

посетила президент Академии художеств великая княгиня Мария Павловна. В своем письме митрополиту она указывала, что музей произвёл на неё «глубоко отрадное впечатление»[8].

Вскоре митрополит Антоний благословил расширить Древлехранилище. В 1912 г. Ф. Морозов составил новую краткую инвентарную опись. Она насчитывал свыше 1500 номеров, причём под одним номером числилось до десятка ценнейших предметов: иконы, картины, царские регалии, орденские знаки, кресты, церковная утварь, облачения, главным образом, времён императора Петра Великого, императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Здесь же числились коллекции старинных монет, рукописное собрание книг XV–XVI веков, царские жалованные грамоты, живописные полотна и различные серебряные и золотые изделия. В музейную опись не вошли драгоценные камни, так как хранились в «закрытом доступе».

Постепенно Древлехранилище пополнялось новыми ценными экспонатами. В 1910–1913 гг. Н.В. Бунаков пожертвовал 150 старинных иностранных монет, лаврский иеромонах Гавриил — старинное деревянное Распятие начальник архива Синода, историк К.Я. Здравомыслов — старинные оловянные сосуды (XIII–XIV веков). 10 июля 1912 г. настоятелем Николаевского Староладожского монастыря архимандритом Арсением была пожертвована греческая епитрахиль, относящаяся ко времени молдавского господаря Александра Автократора, по прозванию Добрый (XV века). 25 апреля 1913 г. по ходатайству Ф. Морозова в Древлехранилище из Академии Художеств были переданы на хранение цветные фотоснимки фресок афонских монастырей, негативы фотоснимков памятников Святой горы Афон, привезённые экспедицией П.В. Севастьянова; гипсовые слепки с древней резьбы по кости и виды священных сюжетов, хранившихся в музеях Западной Европы.

24 марта 1917 г. Духовный Собор Лавры постановил ввиду революционных потрясений закрыть Древлехранилище для посторонней публики и принять ключи от заведующего иеродиакона Лаврентия — эконому иеромонаху Афанасию. В ходе ревизии Лавры специальной синодальной комиссией летом того же года член комиссии С.П. Каблуков нашёл состояние музея далеко не образцовым: учётной документации, кроме вышеупомянутой «краткой опи-

[8] Там же. Оп. 11–1909. Д. 98. Л. 1, 5, 30, 65–66.

[9] Оставался на своей должности до начала 1920-х гг. Впоследствии архиепископ, новомученик, расстрелянный в 1937 г.

си», не было, некоторые экспонаты отсутствовали. В августе 1917 г. Древлехранилище передали в ведение иеромонаха Иннокентия (Тихонова)[9], который заведовал им около пяти лет[10].

В 1922 г. петровские реликвии, наряду с другими ценностями, были изъяты представителями советских властей Петрограда из Древлехранилища Александро-Невской Лавры и переданы в различные музеи города (кровать императора, на которой он спал в Александро-Невской Лавре, в настоящее время находится в музее Летний дворец Петра Великого в Летнем саду). Далеко не всё из них в дальнейшем сохранились в составе музейных коллекций.

[10] РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1917. Д. 69. Л. 58.

А.А. Севастьянова (Рязань)

Портреты и предметы петровской эпохи из коллекции купца Антонова в музеях Рязани

В фондах Рязанского художественного музея есть необычный мужской портрет. Экспрессивный облик и жгучий взгляд приковывают внимание. Кто это? Чтобы ответить на этот вопрос и вернуться к яркому незнакомцу, придётся многое выяснить из истории музейных рязанских коллекций и истории картины, как таковой.

Дело в том, что и этот портрет, и целый ряд других интересных вещей Рязанского художественного музея и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский Кремль» принадлежат коллекции, «собранию древностей», купцов отца и сына Александра Васильевича и Ивана Александровича Антоновых. Первый из них (1825–1893) – колоритнейшая личность и страстный собиратель, другой названный – его наследник, он был последним рязанским городским головой. Именно Антонов-сын и вынужден был в 1918–1919 гг. передать богатое отцовское, весьма причудливое по составу, собрание – более 6000 предметов – в организованный большевиками новый губернский музей[1]. Сохранился любопытный документ – «Опись предметам, принятым в Губмузей народного образования из собрания Антонова»[2]. Собрание Антоновых, как

[1] См. подробнее : *Крупин Е.Н.* Рождение музея. Рязань, 1991; *Кусова И.Г.* Предприниматели и коллекционеры Антоновы // Труды Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника / Отв. ред. Т.В. Ерошина. Рязань, 1998. С. 111–127.

[2] Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. № 48.

говорилось в постановлении губисполкома, передано в 1918–1919 гг. в фонды Рязанского музея, «с согласия владельца». Решение, принятое в сентябре 1918 г., когда был объявлен «красный террор», вряд ли можно назвать добровольным. Однако, по справедливому заключению современной исследовательницы, сотрудника музея-заповедника И.Г. Кусовой, «собрание древностей Антоновых» оказалось едва ли не более значимым для музея, чем коллекция Рязанской учёной архивной комиссии. В те революционные годы было принято, по подсчётам Кусовой, 257 единиц одних только «изделий из дерева» и 267 произведений изобразительного искусства. В коллекцию входили оригиналы и репродукции картин, а также акварели, карандашные рисунки, лубки, гравюры, литографии, хромолитографии и т.д. Сюжеты картин, в основном, имеют отношение к истории, среди них много батальных полотен, портретов политических деятелей и известных российских историков (Н.И. Костомаров, С.М. Соловьёв), поэтов и композиторов (А.С. Пушкин, М.И. Глинка, А.Г. Рубинштейн).

Петровская эпоха явно была предметом интереса коллекционера. В собрании А.В. Антонова несколько вещей и картин прямо связаны со временем Петра I. Из деревянной мебели укажем на бюро красного дерева, правда, его легенда оказалась, при ближайшем рассмотрении, недостоверной. Бюро «в стиле «жакоб», подаренное, по легенде, Петром I князю Александру Меншикову и вывезенное Антоновым из меншиковского имения в Раненбурге, никак не могло принадлежать ко времени Петра, «стиль жакоб» обнаруживает в нём предмет, который моложе петровского времени, по крайней мере, на полстолетия. Среди картин в описи 1918 г. указаны два портрета Петра I, раскрашенный лубок «Великий Пётр коронует Екатерину I», картина из известной серии по русской истории «Пётр Великий празднует Ништадский мир». Наконец, под номером 24 в описи Антоновых стоит: «Портрет Мазепы». Путём перекрестных сверок описей, карточек фондохранилищ двух музеев, портрет Мазепы нашёлся: им оказался тот экспонат из Художественного Музея, с которого я начала своё сообщение[3].

Портрет, недавно отреставрированный, предстает перед нами, очевидно, в том виде, в каком он пришёл к своему последнему владельцу, собирателю древностей А.В. Антонову, с ним и связана основная тема наших разысканий. Этот рязанский портрет маслом, скорее всего, оригинал, он неизвестен специалистам. Существую-

[3] Рязанский художественный музей. 1РХМ М7406.

щие сведения об иконографии Мазепы очень противоречивы. Всем известно, что в недавние годы на Украине Мазепа был представлен как национальный герой, там существует целая «мазепиана», анализ которой требует отдельного исследования[4]. Выделим из неё статью О. Ковалевской в «Украинском историческом журнале» в 2007 г., подробно рассмотревшей типологию всех известных ей изображений Мазепы. Проанализировав «визуальный образ Ивана Мазепы», она убедительно отвергла недостоверные изображения, включая всем хорошо известный «Портрет напольного гетмана» художника Ивана Никитина из Русского музея. Так называемый, «шведский портрет» Мазепы в латах и с булавой из коллекции в Грипсгольме, на самом деле, оказался изображением Яна Сапеги[5].

В том же 2007 г. И.В. Курукин в журнале «Отечественные записки» опубликовал статью «Гетман Мазепа — портреты в разной технике», где он подробно исследовал менявшиеся с течением времени подходы исследователей к этой фигуре, но И.В. Курукин обыгрывает слово «портрет», имея в виду биографию героя.

Самым полным биографическим исследованием Мазепы является книга Т.Г. Таировой-Яковлевой, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» в 2007 г. Судя по обложке, она видит своего героя таким, как он изображён на портрете XIX века из Всеукраинского исторического музея имени Тараса Шевченко. Что же касается рязанского портрета Мазепы или близких к нему по типу изображений, то в исследовательской литературе они пока не обсуждались. Между тем, судя по парсунной манере письма, именно этот портрет оказывается весьма ранним, и, следовательно, наиболее аутентично воспроизводит облик гетмана.

Отвлечёмся на минуту от изображений и вспомним характеристики Мазепы из письменных свидетельств. Сложная судьба Мазепы, подвергнутого церковной анафеме, привела к тому, что не только его изображения, но и словесные описания облика гетмана достаточно редки. Причём, если шведские современники времён Северной войны писали о Мазепе в комплиментарных тонах, то русские источники не жалели чёрной краски. Так, Карл XII записал после

---

[4] См., например: Матеріали міжнародної наукової конференції «Іван Мазепа і його доба: історія, культура, національна пам'ять» (15–17 жовтня 2008 р., Київ; Полтава).

[5] Ковалевська О.О. Нові підходи до пошуку достовірних зображень гетьмана Івана Мазепи // Український історичний журнал. Випуск 3. Київ, 2007. С. 152–166. (http://history.org.ua/JournALL/journal/2007/3/10.pdf).

первой встречи с Мазепой: «<...> *увидел человека, каждое движение которого свидетельствовало о высокой культуре и манерах*».

Историограф Карла XII Георг Нордберг писал о гетмане: «*Мазепа среднего роста, худощавый, ему около 70 лет, глаза быстрые и ясные, сберегли жизненный огонь; носит усы на польский манер. Разговаривает рассудительно*».

Принц Вюртембергский Максимилиан Эммануил, участник похода Карла XII, даёт ещё одно описание Мазепы: «*Мазепа был телом худощавый, невысокий, на голове имел кучери или польские косы, при этом, имея более 60 лет возраста, сохранял присутствие духа и ясный ум*»[6].

А русский современник, архиепископ Феофан Прокопович, напротив, нелицеприятно писал о скрытности и двуличии Мазепы. «*Был догадлив и мнителен паче меры, – во всех словах и делах чуждых усматривая, нет ли коея тайны. Но сие свое любопытство с великим и хитрым опасением хранил, так лице и очи в беседах управляя, будто он произнесенную от другого речь, хотя и была иносказательна, не больше разумел, только как слышал. Естьли же нечто ясно было предложено, тщился умно ответствовати, дабы его прочии имели за простосердечного, да не за глупого: хитростен же вельми был, как пристрастия людские познавать, и кто кому доброжелателен, или противен, и к чему преклонен уведать, различные способы прибирая*». Именно эта последняя характеристика Феофана стала позднее источником для историка Н.И. Костомарова, посвятившего гетману Мазепу наиболее ранний биографический очерк[7].

К сожалению, приведённые в письменных источниках характеристики мало помогают разгадать, которое из изображений действительно наиболее близко к облику настоящего гетмана Ивана Мазепы. Долгое время таковым считали уже упоминавшийся «Портрет напольного гетмана» художника Ивана Никитина, написанный в 1720 г. Традиция такого рассмотрения восходит ещё к Д.Н. Бантыш-Каменскому, который в 1818 г. заказал для своей «Истории Малой России», гравёру Алексею Осипову портрет гетмана Мазепы, очень схожий с картиной Никитина. (Хотя исследователи высказывают разные предположения, вплоть до того,

---

[6] Из дневниковых записей Каролингов. Стокгольм, 1992. С.6, 7; Зі споминів Максиміляна Емануїла, принца вюртемберзького, учасника походу Карла XII // *Січинський В.* Чужинці про Україну. Київ, 1992. С.151.

[7] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Вып.6. СПб., 1876. С.783–822.

что работа Ивана Никитина – это его автопортрет). Но в XIX веке есть ещё одно, очень важное для нас известие. В известном «Словаре русских гравированных портретов» Д.А. Ровинского (1872) встречаем упоминание о другой гравюре, изображающей Ивана Мазепу. Ровинский ссылается при этом на издание Платона Петровича Бекетова «Собрание портретов россиян знаменитых» 1821 г.[8]

Автором гравюры из книги Бекетова назван Афанасий Афанасьев — ученик Алексея Осипова, крепостной гравёр[9]. Издание Бекетова, историка, библиографа и коллекционера, опиралось на собственное его собрание. Гравюра, самым непосредственным образом передающая внешность человека, изображённого на рязанском живописном портрете, публиковалась дважды: в 1821 г. самим Бекетовым и в 1843 г. братьями Киреевскими, которые приобрели собрание медных досок с гравированными портретами после смерти Бекетова. В предисловии к их изданию читаем характеристику подвижнической собирательской и исследовательской деятельности Бекетова: «П.П. Бекетов был известен всем занимающимся Отечественной Историей, своей добросовестностью и знанием дела. Жизнеописания составлены им тщательно». А далее сказано о портретах, собиравшихся Бектовым для своего издания: оказывается, они «списаны большею частию с старинных *подлинников,* хранившихся в родах, и на приобретение их употреблены огромные суммы». Таким образом, едва ли мы ошибёмся, если предположим, что и живописный портрет Мазепы, как и все другие в его собрании, являлся оригинальным, он был разыскан и куплен Бекетовым, после чего гравёру Афанасьеву его хозяин приказал изготовить гравюру для своего «Собрания портретов».

Итак, подведём некоторые итоги. Сопоставив неизвестный рязанский портрет Мазепы и гравюру Афанасьева, мы увидим несомненные черты их сходства. Следовательно, портрет, оказавшийся у рязанских коллекционеров, скорее всего, происходит из коллекции Бекетова. Предположение это подтверждается ещё и тем, что у самого Бекетова были связи с Рязанской губернией, его род был включён в рязанскую дворянскую родословную книгу. Однако, скорее всего, история «бекетовского» Мазепы сложнее, ведь ко времени

---

[8] Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям, воинским и гражданским, по учёности, сочинениям, дарованиям или коих имена почему другому сделались известными свету, с приложением их кратких жизнеописаний. М., 1821–1824.

[9] *Собко Н.П.* Словарь русских художников. Т. 1. СПб., 1893. Стлб. 268–271.

смерти первого владельца будущему коллекционеру, рязанскому купцу Антонову, было всего 11 лет. Следовательно, в собрание рязанских купцов Антоновых портрет Мазепы попал более сложными путями. Какими точно, ещё предстоит выяснить.

Таким образом, приведённый пример показывает, что старейшие рязанские музейные заведения города и края, действительно, обладают интересными коллекциями и экспонатами, связанными с эпохой Петра Великого, великолепным примером их и является портрет Мазепы. Самые интересные из рязанских собраний складывались, в основном, из дореволюционных собирательских коллекций. Они по сей день, во многом, определяют историко-культурное гнездо рязанской провинции.

А.Т.Березнев (Липецк)

Деятельность М.П. Трунова и его последователей по сбору и сохранению реликвий эпохи Петра Великого

Важность поисков и сохранения реликвий, связанных с именем Петра Великого и его ближайших сподвижников, теперь ни у кого не вызывает сомнения. Однако так было не всегда.

В Липецке одним из первых подвижников этого важного дела стал Михаил Павлович Трунов (1867–1942) – человек сложной и трагической судьбы[1]. Он родился в Воронеже, окончил там классическую гимназию, поступил на медицинский факультет Московского университета. По окончании курса в 1891 г. Трунов начал работать в воронежской губернской земской больнице, однако вскоре выехал на борьбу с эпидемией сыпного тифа, свирепствовавшей в губернии, после чего остался работать в сельской больнице.

В 1902 г. полиция привлекала его к ответственности за оскорбление жандармского вахмистра. К этому же времени относится начало краеведческой деятельности Трунова, его первых археологических исследований.

В 1906 г. решением особого совещания его собирались выслать в Туруханский край, однако ссылка была заменена высылкой на два

[1] О Трунове см., напр.: *Вагина Е.С.* Неизвестные страницы биографии М.П. Трунова, основателя и первого директора Липецкого музея // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвящённой основателю Липецкого областного музея Трунову М.П. Липецк, 1995. С. 11; *Клоков А.Ю.* М.П. Трунов. Биографический очерк // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. 2. Липецк, 1999. С. 161–178; Трунов Михаил Павлович. К 135-летию со дня рождения // События и даты Липецкого края на 2002 год. Липецк, 2001. С. 36; *Мизис Ю.А.* Трунов Михаил Павлович // Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 616.

года с правом выбора места жительства. Трунов избирает Липецк, где начинает работать на курорте «Липецкие минеральные воды» и продолжает заниматься краеведением. В 1907 г. он вносит в Городскую думу предложение о создании в Липецке Народного дома имени Петра Великого с библиотекой, воскресной школой, музеем, лекторием и Обществом распространения научных и практических знаний имени Петра Великого[2]. Идея нашла отклик у многих членов местной Думы. Трунов разработал устав Липецкого Петровского общества распространения научных и практических знаний, и в 1909 г. Общество было зарегистрировано.

Петровское общество принимает участие в кустарных выставках, ведёт сбор информации о крае. Для этого создана Комиссия по историко-статистическому исследованию города Липецка и уезда. Библиотека Липецкого Петровского общества послужила началом Липецкой областной научной библиотеки.

Трунов открывает для себя и коллег-краеведов, что Пётр Великий посещал Липецкий край. Его поездки в Воронеж, как правило, сопровождались пребыванием в Раненбурге, Верхнем и Нижнем Липецких и Белоколодском железоделательных заводах, с его именем связывают открытие минеральных вод в городе.

Строительство крепости Раненбург (современный город Чаплыгин) было закончено в феврале 1703 г. Её план собственноручно начертал Пётр I, он же дал названия фортам. Царь подарил крепость князю А.Д. Меншикову, который создал в Раненбурге свою резиденцию[3].В 1727 г. Раненбург был местом ссылки опального Меншикова.

Пётр I уделял большое внимание развитию металлургической базы Липецка. На местных железоделательных заводах производились пушки и ядра не только для строящихся в бассейне реки Воронеж кораблей, но и для сухопутных войск. В механических мастерских при заводах изготовлялось огнестрельное и холодное оружие. На единственном (подчеркну) Кузминском якорном заводе изготовлялись якоря для боевых и транспортных судов. И хотя за всем этим бдительно следил адмиралтеец Фёдор Матвеевич Апраксин, царь желал лично убедиться в добротности продукции заводов.

---

[2] См.: *Трунов М.П.* К устройству в Липецке народного дома им. Петра Великого. Липецк, 1908.

[3] См., напр.: *Полежаев Н.* Ф. Чаплыгин. Липецк, 1963; *Рудаков Л.* По петровским местам // По следам легенд: Очерки по истории городов и памятников архитектуры Липецкой области. Воронеж, 1980. С. 99–105.

Липские заводы снабжали судоверфи региона надежным крепёжным материалом – гвоздями и скобами, а также инструментом самого различного назначения – топорами, пилами, напарьями (вид сверла), буравами. В крае работали канатная, парусная, шляпная и суконная фабрики.

Колыбелью регулярного военного флота России обычно называют город Воронеж. Действительно, вклад Икорецкой судоверфи и воронежского адмиралтейства в решение задачи создания флота велик и неоспорим. Однако нельзя забывать (а тем более сознательно замалчивать), что на территории современной Липецкой области, кроме названных выше предприятий, действовали судоверфи в Сокольске, Романове, Добром, Белоколодске, Данкове, Лебедяни. На них по воле Петра I строились боевые и транспортные суда российского флота.

Начавшееся как хобби, краеведение переросло в главное дело жизни М.П. Трунова. Он стал основателем Липецкого уездного народного музея, организатором архивного дела в Липецке, одним из руководителей Петровского общества по распространению научных и практических знаний. Так, Труновым была подготовлена и читалась лекция «Врачебное дело при Петре Великом».

В 1917 г. Трунов участвовал в выборах в Учредительное собрание от Трудовой народно-социалистической партии. Он вступил в неё «из необходимости определить своё отношение к предстоящим выборам». По мнению Трунова, эта партия «безусловно, отделяла трудящихся от буржуазии и капитала». Трунов признавался, что она «по своим программным и тактическим требованиям наиболее подходила к моей идеологии культурного работника и противника всякого насилия».

При советской власти Трунова арестовывали дважды. Если в 1925 г. его оправдали, то по известному «делу краеведов»[4] ему определили меру наказания в пять лет заключения, заменив её высылкой в Сибирь на тот же срок. В 1934 г. благодаря усилиям и хлопотам коллег он был досрочно освобождён.

Забрав из Липецка семью, Трунов переезжает под Ленинград в посёлок Лисий Нос и работает в больнице посёлка Лахта, однако не прерывает контакты с Липецком: переписывается с краеведами, даёт рекомендации по созданию экспозиций музея, комплектованию экспонатами, хлопочет о судьбе закрытой в Липецке Древне-Успенской церкви. М.П. Трунов умер в ноябре 1942 г. в больнице при станции Бадаево.

---

[4] См.: *Трунов М.П.* К устройству в Липецке народного дома им. Петра Великого. Липецк, 1908

Сегодня дело М.П. Трунова продолжают многие организации: Липецкое региональное отделение Петровской академии наук и искусств, Липецкое областное отделение Общероссийского Союза писателей «Воинское содружество», Липецкое областное отделение Российского общества историков-архивистов, Движение поддержки флота, а также краеведы, учёные, работники музеев, библиотек, любители истории. Среди них директор Государственного архива Липецкой области Ю.И. Чурилов, почётный архивист В.Б. Поляков, профессор В.Д. Коршиков, писатели В.М. Осипов, В.М. Попов, В.М. Колтаков и многие другие.

В Липецком областном краеведческом музее бережно хранятся экспонаты, собранные краеведами-энтузиастами. Пушки, отлитые на наших заводах, установлены в Нижнем парке Липецка, они встречаются и в других городах, в частности, в Воронеже.

Не только поиск новых экспонатов и документов, но и обязательная их публикация, сообщение о находках широкой публике в средствах массовой информации – такова наша основная задача. Публичные презентации проводились в связи с выходом целого ряда книг по истории Липецка и Липецкого края.

Наша деятельность имеют целью:

- Привлечение внимания к личности Петра I, его делам и свершениям.
- Активное использование реликвий времён Петра I в научно-краеведческой, учебной и патриотической работе.
- Пропаганда идеи о том, что и Липецкая земля является колыбелью российского регулярного военно-морского флота. Изучение документов по истории Липецких металлургических и оружейных заводов, Кузминского якорного завода, истории строительства и испытания пушек.

Начиная с 2006 г. в области ежегодно проводятся межрегиональные Петровские чтения. В них принимают участие не только липчане, но и исследователи из Москвы, Воронежа, Орла, Тамбова, Оренбурга и других городов. За эти годы на заседаниях было заслушано более двухсот докладов и научных сообщений. Материалы чтений публикуются.

Большое значение липецкие краеведы придают участию в конгрессах петровских городов, которые с 2009 г. ежегодно проходят в Санкт-Петербурге. Участвуют липчане и в описании памятников своего региона для готовящегося к изданию свода «Петровские памятники России».

Представляется целесообразным обсудить на конгрессе петровских городов возможность создания Ассоциации петровских городов. В эту Ассоциацию войдут Санкт-Петербург, Москва, Архангельск, Воронеж, Липецк, Чаплыгин и десятки других населённых пунктов, где побывал Пётр Великий. В создании Ассоциации должны принять участие не только руководители научных, архивных, музейных учреждений и общественных организаций, но и главы администраций этих городов.

Сотрудничество между петровскими городами может быть как двусторонним, так и многосторонним. Это позволит расширить формы и методы работы, сделает их более эффективными, существенно расширит работу конгрессов петровских городов. Ассоциация может сыграть позитивную роль в обмене научными, культурными, краеведческими и литературными достижениями, в совершенствовании и активизации патриотической работы.

Ассоциация петровских городов будет способствовать решению крупных проблем, например, воссозданию канцелярии Липского железоделательного завода, которая раньше размещалась на его территории.

Важной задачей является подготовка к 340-й годовщине со дня рождения Петра Великого. У липчан есть желание создать городской музей, который должен включить в себя три основные составляющие: наглядно представить историю создания и развития металлургической базы (куда логично вписываются экспонаты музея металла), деятельность по созданию флота (не только XVII–XVIII веков, но и современную), пребывание Петра Великого на Липецкой земле. Активистами Движения поддержки флота уже собрано около 500 экспонатов.

Пример подвижнической деятельности М.П. Трунова и его последователей вселяет надежду, что и нам удастся осуществить эти амбициозные планы.

Список сокращений

ААЭ	– Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук
АМЗ	– Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АСРИ	– Архивохранилище старопечатных и редких изданий
БМСТ	– Библиотека Московской синодальной типографии
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей
ГАВО	– Государственный архив Владимирской области
ГАНО	– Государственный архив Новгородской области
ГАСО	– Государственный архив Саратовской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
Гр. п.	– гражданская печать
ГУАК	– Губернская учёная архивная комиссия.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ЗИН	– Зоологический институт РАН
ИПБ	– Императорская публичная библиотека
КГКМ	– Карельский государственный краеведческий музей
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МИХМ	– Муромский историко-художественный музей
ОАД РНБ	– Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОХ СПМЗ	– Отдел хранения Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника
ПиБ	– Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи

РАН – Российская Академия наук
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская национальная библиотека
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
РО РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН
ТСМ – Троице-Сергиев монастырь
УрГУ – Уральский государственный университет им. А.М. Горького
ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив

Список авторов

Андреева Екатерина Александровна (*Санкт-Петербург*), старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа

Аристов Вадим Владимирович (*Кингисепп—Будапешт*), президент Исторического общества Ямбурга—Кингисеппа

Барыкина Инна Евгеньевна (*Санкт-Петербург*), доцент кафедры культурологического образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования

Березнев Анатолий Тихонович (*Липецк*), ведущий архивист Государственного архива Липецкой области

Вагеманс Эммануэль (*Лювен*), профессор Католического университета г. Лювен в Бельгии

Вибе Пётр Петрович (*Омск*), директор Омского государственного историко-краеведческого музея

Данков Михаил Юрьевич (*Петрозаводск*), научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея

Долгова Светлана Романовна (*Москва*), начальник научно-экспозиционного отдела Российского государственного архива древних актов

Егоров Вадим Игоревич (*Москва*), главный специалист Отдела обеспечения сохранности и государственного учёта документов Российского государственного военно-исторического архива

Конингсбрюгге Ханс ван (*Гронинген*), директор Нидерландско-Российского центра Гронингенского университета

Колышницына Наталья Валерьевна (*Санкт-Петербург*), ведущий научный сотрудник Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга

Копанева Наталья Павловна (*Санкт-Петербург*), старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Корепанова Светлана Анатольевна (*Екатеринбург*), заместитель генерального директора по научной работе Свердловского областного краеведческого музея

Кросс Энтони (*Кембридж*), профессор-эмерит Кембриджского университета

Леонов Валерий Павлович (*Санкт-Петербург*), директор Библиотеки Российской академии наук

Мазур Тамара Петровна (*Санкт-Петербург*), главный специалист Российского государственного архива Военно-морского флота

Материкин Александр Васильевич (*Волгоград*), директор Волгоградского областного краеведческого музея

Мезин Сергей Алексеевич (*Саратов*), заведующий кафедрой истории России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Назарцева Татьяна Михайловна (*Омск*), заместитель директора Омского государственного историко-краеведческого музея по научной работе

Наймарк Елена Александровна (*Санкт-Петербург*), преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики

Орлова Ирина Анатольевна (*Александров*), заведующая научно-экспозиционным отделом Государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Александровская Слобода»

Перепечаева Людмила Борисовна (*Азов*), заведующая первым историческим отделом Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника

Писарева Виктория Андреевна (*Дрезден*), сотрудник музея «Оружейная палата Дрездена»

Севастьянова Алла Александровна (*Рязань*), профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Сергеева Галина Ивановна (*Санкт-Петербург*), старший научный сотрудник филиала Государственного Русского музея «Летний сад – Летний дворец – Домик Петра I»

Славнитский Николай Равильевич (*Санкт-Петербург*), старший научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Слепкова Надежда Валентиновна (*Санкт-Петербург*), старший научный сотрудник Зоологического института РАН

Тарасова Нина Ивановна (*Санкт-Петербург*), заведующая сектором прикладного искусства отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа

Токарева Татьяна Юрьевна (*Сергиев Посад*), старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного музея-заповедника

Трифонова Анна Николаевна (*Великий Новгород*), старший научный сотрудник Государственного архива Новгородской области

Трофимов Юрий Викторович (*Омск*), заместитель директора Омского государственного историко-краеведческого музея

Фафурин Геннадий Александрович (*Санкт-Петербург*), научный сотрудник отдела редких книг Российской национальной библиотеки

Чернышёв Владимир Яковлевич (*Муром*), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Муромского института (филиал Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых)

Шварц Искра (*Вена*), профессор Института Восточноевропейской истории Венского университета

Шкаровский Михаил Витальевич (*Санкт-Петербург*), ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Щукина Евгения Семёновна (*Санкт-Петербург*), главный научный сотрудник отдела нумизматики Государственного Эрмитажа

Ямщикова Наталья Борисовна (*Переславль-Залесский*), заведующая филиалом «Музей-усадьба Ботик Петра I» Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Ястребинский Григорий Борисович (*Санкт-Петербург*), научный сотрудник отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа

ИЛЛЮСТРАЦИИ

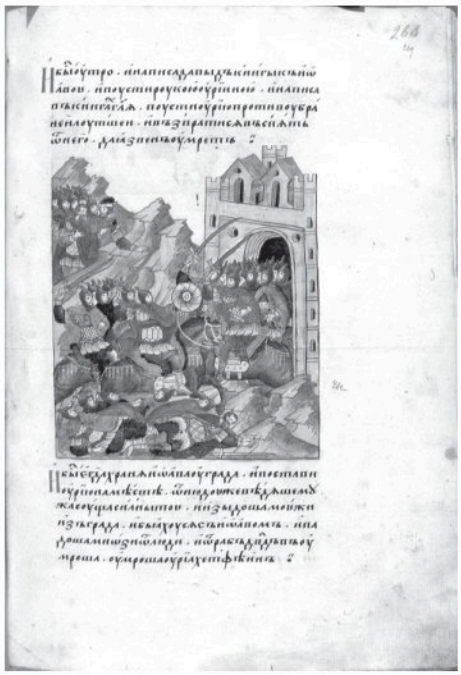
В.П. Леонов. **Книги как реликвия петровской эпохи: книжное собрание Петра I в Библиотеке Академии наук**

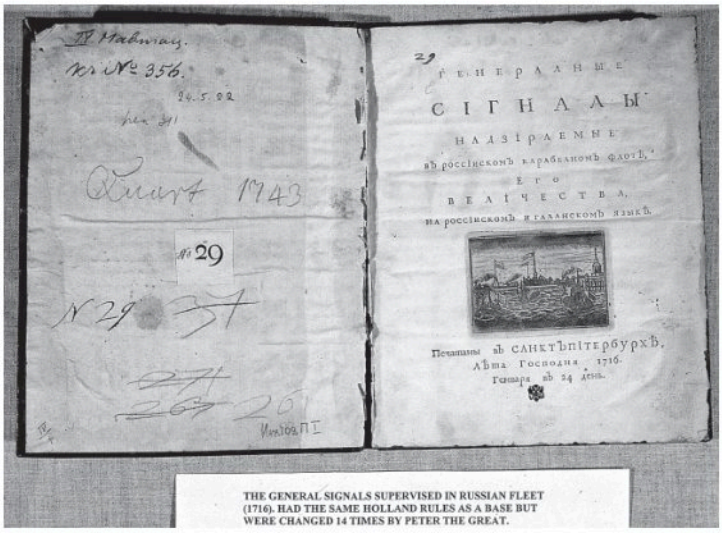
Илл. 1. Книги из личной библиотеки Петра I

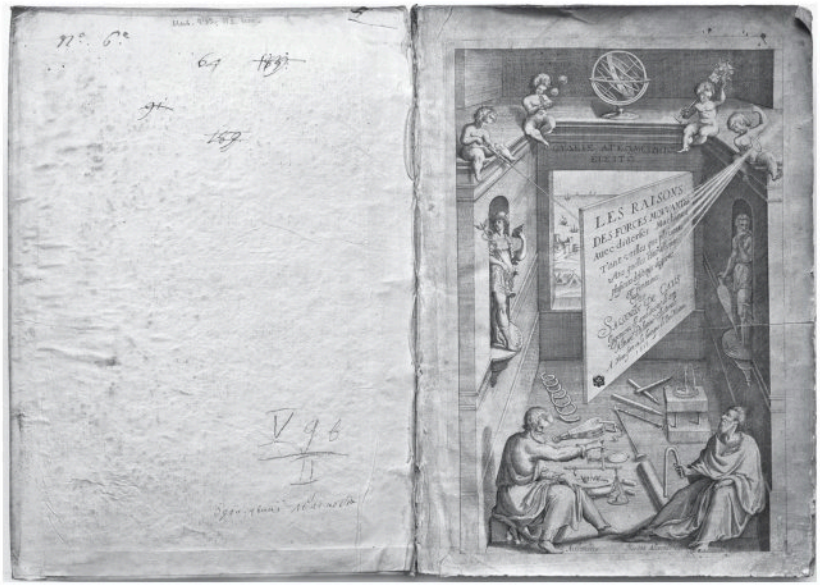
Илл. 2. Псалтирь рифмотворная (т.е. переложение Псалтири силлабическими виршами) Симеона Полоцкого

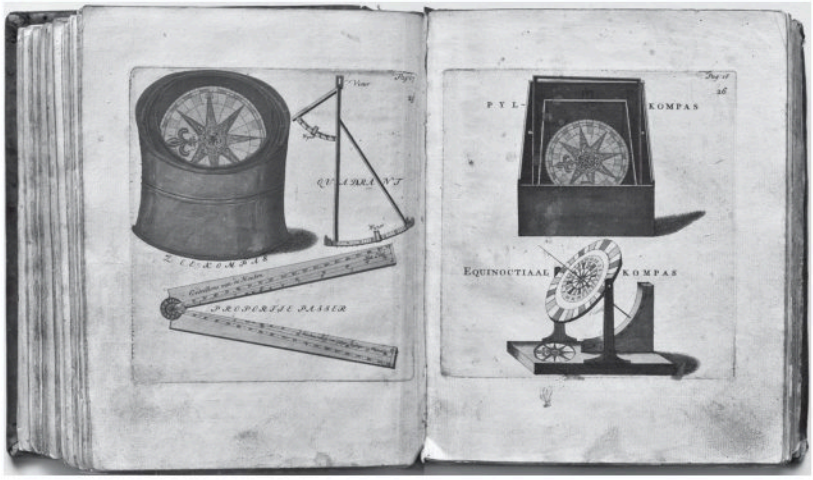
Илл. 3. Фрагмент Хронографического тома Лицевого летописного свода Ивана Грозного (60–70-е годы XVI века)

Илл. 4. Генеральные сигналы в Российском корабельном флоте

Илл. 5. Саломон де Ко. Причины движущих сил...
Frankfurt am Main, 1615

Илл. 6. Allard Karel. NIEWE HOLLANDSE SCHEEPS-BOUW...
Amsterdam, 1705. Гравюры на меди, раскрашенные вручную

Н.И. Тарасова. **Коллекция «Гардероб Петра I» в собрании Государственного Эрмитажа**

Илл. 1. Рубашка детская. Принадлежала Петру I. Государственный Эрмитаж

Илл. 2. Кафтан Петра I бархатный с отделкой плетеным генуэзским кружевом. Государственный Эрмитаж

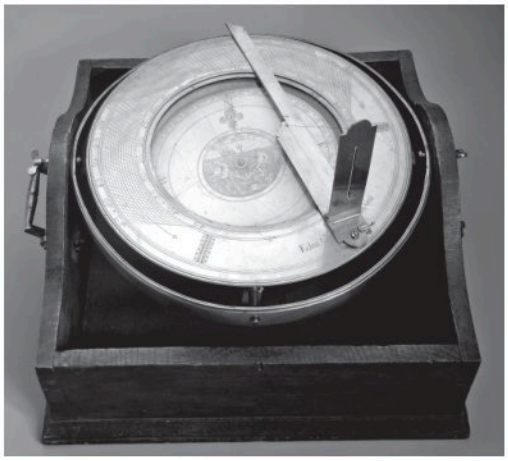

Илл. 3. «Полтавский» мундир Петра I: кафтан, шляпа, офицерский шарф, шейный знак. Государственный Эрмитаж

Илл. 4. Б.-К. Растрелли. Восковая фигура Петра I. Костюм парадный, исполненный к торжествам коронации Екатерины I в 1724 году. Фотография до 1995 года. Государственный Эрмитаж

Г.Б. Ястребинский. **«То мореплаватель, то плотник…» (мемориальная коллекция приборов и инструментов Петра Великого в Государственном Эрмитаже)**[1]

Илл. 1. Компас азимутальный корабельный. Инв. № ЭРТх-1306

Илл. 2. Походная аптечка Петра I. Инв. №№ ЭРТх-1389-1425

[1] © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011
© Ю.А. Молодковец, В.С. Теребнин, Л.Г. Хейфиц, фотографии

Илл. 3. Стоматологические инструменты.
Инв. №№ ЭРТх-1117, 1118, 1120

Илл. 4. Часы астрономические
со звёздным и земным глобусами.
Инв. № ЭРТх-1303

Илл. 5. Астролябия геодезическая.
Инв. № ЭРТх-1256

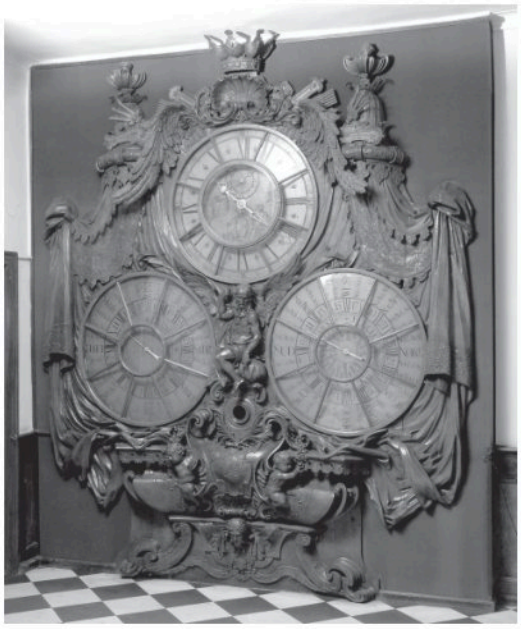

Илл. 6. Станок токарно-копировальный боковой.
Инв. № ЭРТх-649

Г.И. Сергеева. **Из истории коллекции Летнего дворца Петра I. 1934–1940 годы**

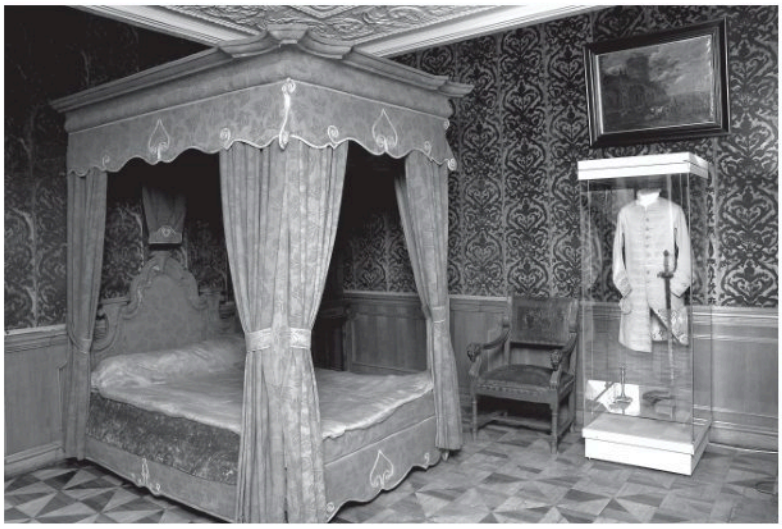
Илл. 1. Г. Гзель. Плафон «Триумф России». 1719 г.

Илл. 2. Ветровой прибор. Германия. Дрезден. 1714 г.

Илл. 3. Напольное зеркало.
Россия. Начало XVIII в.

Илл. 4. Кровать Петра I. Начало XVIII в.

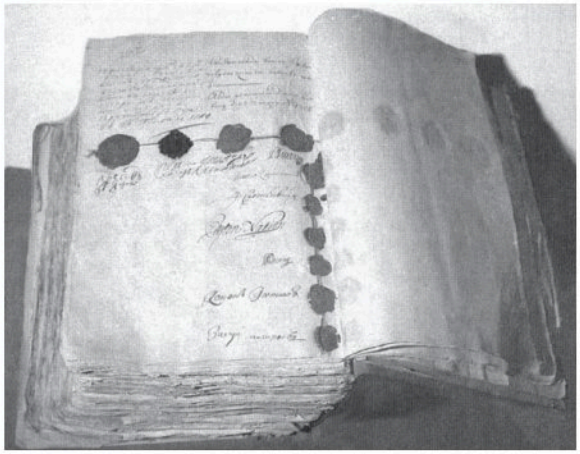
Илл. 5. Комод карамандельского лака. Франция. Начало XVIII в. На обратной стороне этикетка «Петровская выставка» с номером

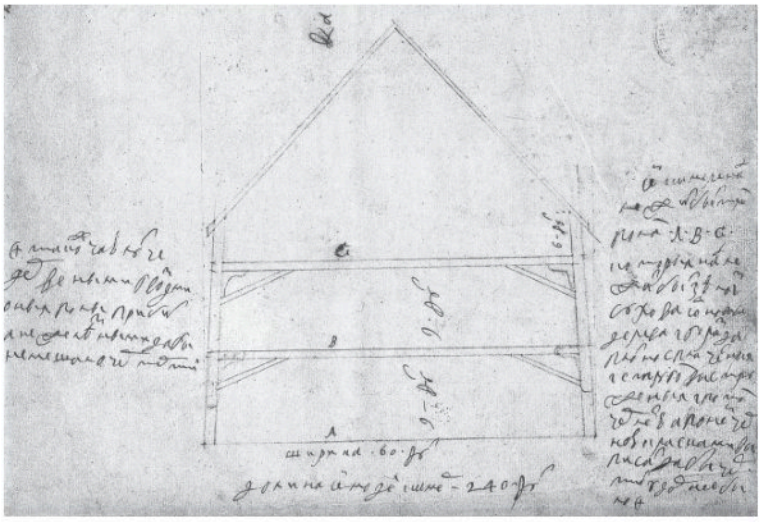

Илл. 6. Этикетки на вещах: об участии в «Петровской выставке» 1903 года и о принадлежности Дворцу («Дворец Императора Петра I в Летнем саду»)

Т.П. Мазур. **Автографы Петра Великого в собрании Российского государственного архива Военно-морского флота**

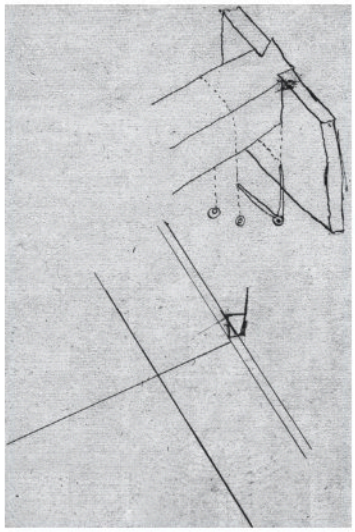

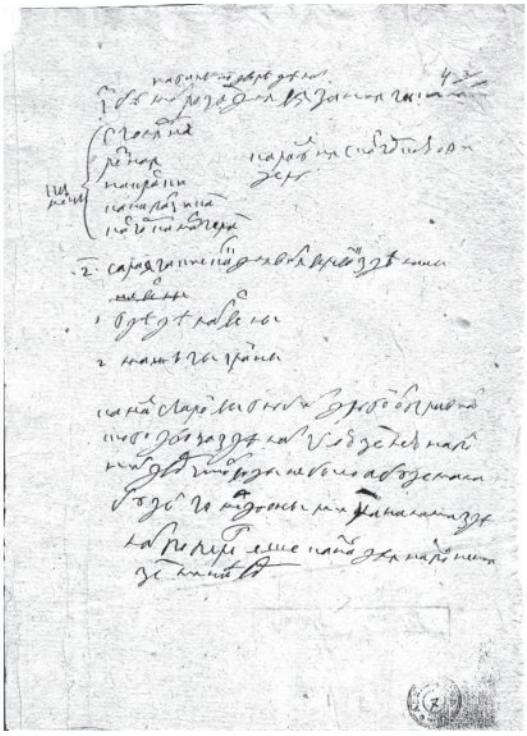
Илл. 1. 22 января 1714 года. Приговор кригсрехта по делу вице-адмирала К. Крюйса, капитан-командоров В. Шельтинги и А. Рейса, капитана Ю. Дегрейтера. Заверены личными печатями и подписями Ф.М. Апраксина, Петра Михайлова (Петра I), А.Д. Меньшикова и др. РГАВМФ. Ф. 223. ОП. 1. Д. 18. Л 784 об.

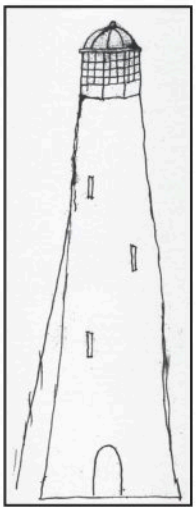
Илл. 2. 1715 год. Чертеж «модель-коморы для изготовления чертежей». Собственноручные надписи Петра I. РГАВМФ. Ф. 223. ОП. 1. Д. 19. Л 19

Илл. 3. 1719 год. Петр I. Рисунки крепления деталей корабля. Собственноручные. РГАВМФ. Ф. 223. ОП. 1. Д. 2. Л 22

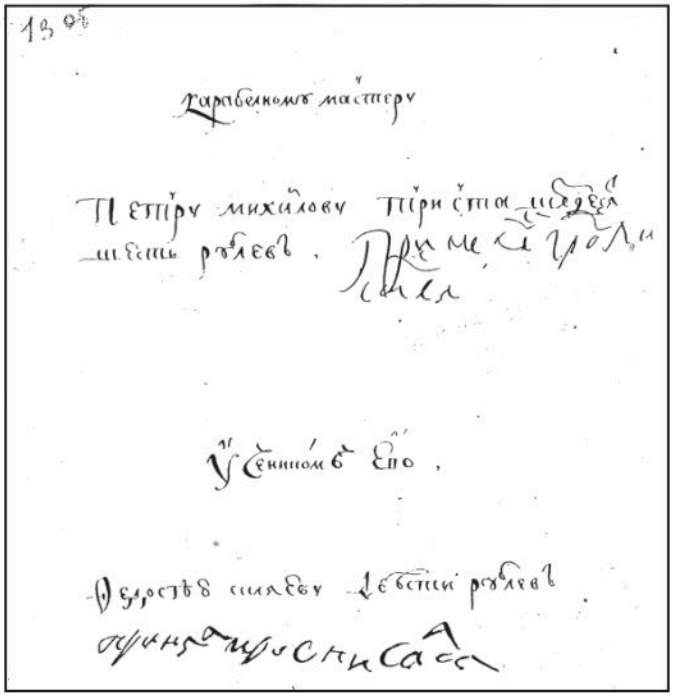

Илл. 4. 1719 год. Указ Петра I о постройках на Галерном дворе. РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 25. Л 7

Илл. 5. 13 ноября 1718 год.
Собственноручный рисунок Петра I
маяка на Котлинской косе (Толбухин маяк).
РГАВМФ. Ф. 234. ОП. 1. Д. 34. Л 78

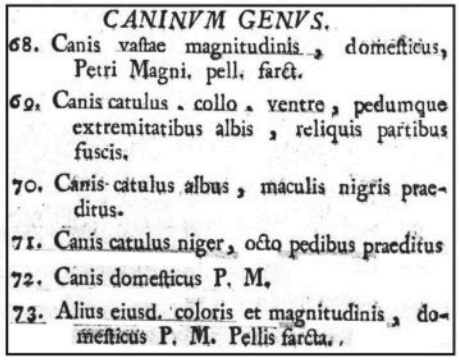

Илл. 6. 13 февраля 1704 год. Собственноручная подпись Петра I
в получении жалования. РГАВМФ. Ф. 223. ОП. 1. Д. 6. Л 13 об.

Н.В. Слепкова. **Петровские реликвии в коллекции Зоологического музея Зоологического института РАН**

Илл. 1. Мемориальная экспозиция, посвященная животным Петра, в Зоологическом музее ЗИН РАН

CANINVM GENVS.

68. Canis vaſtae magnitudinis, domeſticus, Petri Magni, pell. farct.

69. Canis catulus, collo, ventre, pedumque extremitatibus albis, reliquis partibus fuscis.

70. Canis catulus albus, maculis nigris praeditus.

71. Canis catulus niger, octo pedibus praeditus

72. Canis domeſticus P. M.

73. Alius eiusd. coloris et magnitudinis, domeſticus P. M. Pellis farcta.

Фрагмент первого Каталога Кунсткамеры 1742 года с записями о собаках Петра

Илл. 2. Тиран

Илл. 3. Лизетта со следами бывшего когда-то на ней обруча с надписью

Илл. 4. Собаки Петра. Гравюра, изготовленная у Клаубера по рисунку Мейцера

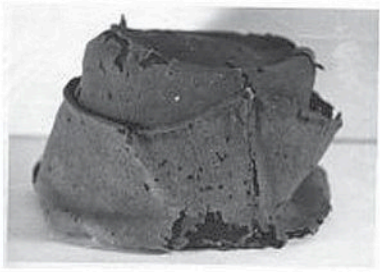
Илл. 5. Лошадь Петра. Гравюра, изготовленная у Клаубера по рисунку Мейцера

А.В. Материкин. **Петровские реликвии (картуз и трость) из фондов Волгоградского областного краеведческого музея**

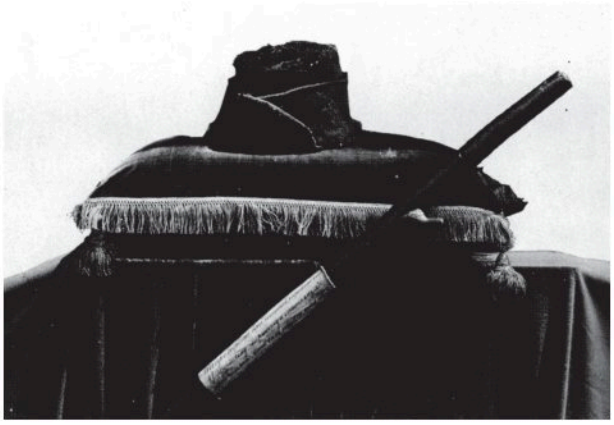
Илл. 1. Картуз и трость Петра I. Фотографический снимок. 1901 г.

Илл. 2. Картуз из фондов ГУК ВОКМ (до реставрации) 60-е годы XX в.

Илл. 3. Современный вид картуза после проведенной реставрации

Илл. 4. Картуз и трость Петра I.
Фото П.Пятницкого, конец 70-х годов XIX в.

Илл. 5. Современный показ петровских реликвий
в зале дореволюционного прошлого края
в Волгоградском областном краеведческом музее

Е.С. Щукина. **Памятники первых лет истории Петербурга в собрании медалей Государственного Эрмитажа**

Илл. 1. Ф. Алексеев. Наградная медал
за взятие двух шведских судов.
1703 год. Л. с. и о. с.

Илл. 2. Ф.Г. Мюллер. Медаль в память взятия
Шлиссельбурга в 1702 году. 1714 год. Л. с. и о. с.

Илл. 3. Ф.Г. Мюллер. Медаль в память
взятия Ниеншанца, 1703 год.
1714 год. Л. с. и о. с.

Илл. 4. Ф.Г. Мюллер. Медаль в память основания Петербурга, 1703 год.
1713 год. (первоначальный дизайн). Л. с. и о.с.

Илл. 5. Ф.Г. Мюллер. Медаль в память
строительства Кронштлота, 1704 год.
1713 год. Л. с. и о. с.

Илл. 6. Неизвестный медальер. Медаль в память смерти
принцессы Брауншвейг-Люнебургской Шарлотты Софии,
супруги царевича Алексея. 1715 год. Л. с. и о. с.

Е.А. Андреева. **Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге**

Илл. 1. Кабинет из прихожей

Илл. 2. Предспальня. Плафон. Плитки I и VIII композиционного типа

Илл. 3. Варварин покой. Десюдепорт.
Плитки III типа: «Большой круг»

Илл. 4. Кабинет из прихожей. Плафон.
Плитки I, VIII и X типа

Илл. 5. Варварин покой.
Плитки VI типа

Илл. 6. Спальня Меншикова.
Плитки IX типа:
«Роза на стебле»

М.Ю. Данков. **О коллекции предметов петровского времени в собрании Карельского государственного краеведческого музея**

Илл. 1. Монета 1 рубль, серебряная. 1718 год. Вес 28,44 гр. Инициалы модельера «ОК» (Осип Калашников). КГМ 21006

Илл. 2. Багинет, штык с трубкой для фузии. Продукция Петровского завода. Начало XVIII в. КГМ 6010

Илл. 3. Било чугунное «1706» использовалось на верфях, казенных заводах, каменоломнях для сигнала о начале и окончании работы. Изготовлено на Шуйском (Петровском) заводе. КГМ 41794

Илл. 4. Памятная плита из чугуна о постройке в 1718 году Г.В. Гениным дворца для Петра I в с. Марциальные воды. КГМ 39202

Илл. 5. Подсвечник напольный из убранства Петровской церкви в с. Дворцы (Марциальные воды). По легенде подсвечник изготовлен Петром I. КГМ 8039

Илл. 6. Стол из дуба, принадлежал княгине С.Д. Мышецкой (по преданию сестре братьев А. и С. Денисовых, основателей Выговской обители). Конец XVII в. КГМ 10739

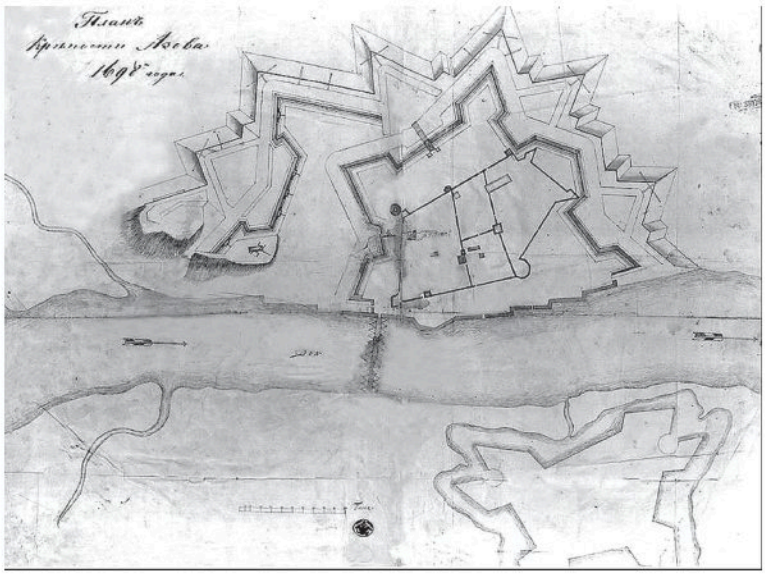

Илл. 7. Вериги, чугунный пояс для «умерщвления плоти».
Начало XVIII в. (?). КГМ 7250

Илл. 8. Монета альбертусталер (талер), серебряная, 1698, вес 24,65 гр., имела хождение в испанских Нидерландах. На аверсе изображен косой бургундский крест св. Андрея, на реверсе испанский герб. КГМ 9865/2

Л.Б. Перепечаева. **Реликвии петровской эпохи в Азовском музее-заповеднике**

Илл. 1. План бастионной крепости Азов 1698 г.

Илл. 2. Валы Алексеевского гонверка с воротами. Фото. Азов. 2009 г.

Илл. 3. Памятные медали на взятие Азова в 1696 г.

Илл. 4. Икона «Богоматерь Азовская».
Конец XVIII– начало XIX вв.

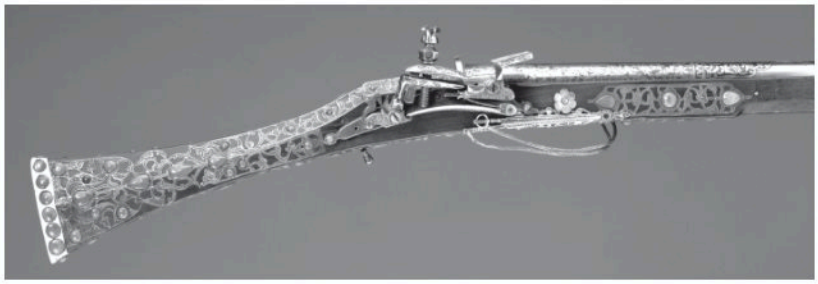
Илл. 5. Колесо от точильного станка из мастерской Петра I. Конец XVII – начало XVIII вв.

Илл. 6. «Петр I». Вышивка 1856 г.

В.А. Писарева. Подарки Петра I в Государственных художественных собраниях Дрездена

Илл. 1. **Ружье.** Алжир. Конец XVII в. Кремнево-ударный замок англо-голландского типа. Ствол: железо, таушировка серебром; ложа: дерево, слоновая кость, инкрустация серебром и кораллами. Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № Y 341

Илл. 2. **Шпага.** Западная Европа. 1697–1698. Клинок: DG PRINC AUR CON FRIDERICVS HEINRICVS. Сталь, латунь, серебро; травление, литье, позолота, шлифовка. Дл. общая 100,5 см; дл. клинка 83,5 см, вес 650 г. Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № XIV 5

Илл. 3. **Офицерская пехотная шпага.** Германия (?). Начало XVIII века. Надпись на клинке: ROMA. Сталь, латунь, дерево; ковка, травление, золочение. Дл. общая 106,9 см; дл. клинка 88,9 см; вес 1072 г. Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № VIII 32.

Илл. 4. **Кортик.** Япония (для европейского рынка), клинок — Европа, последняя четверть XVII века. Сталь, бронза, золото, дерево, кожа акулы. Общая длина 82,5 см; длина клинка 69 см; вес 750 г (без ножен). Оружейная Палата (Rüstkammer), инв. № X 438

Илл. 5. **Чарка.** Дерево (джакаранда), токарная обработка. Высота 5,6 см; вверху 6,3 см; диаметр ножки 6 см, вес 40 г. Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № P 125

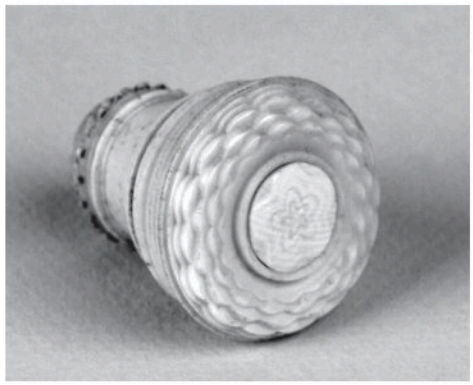
Илл. 6. **Компасная коробка с бумажной картушкой.** Слоновая кость, металл, бумага, латунная оправа для стекла, токарная обработка. Диаметр 13,3 см; высота с крышкой 7,4 см. Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № Р 122

Илл. 7. **Табакерка с крышкой.** Слоновая кость, токарная обработка. Длина 8,5 см; ширина 6,7 см; высота 7,1 см; вес 40 г. Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № Р 123

Илл. 8. **Табакерка с крышкой.** Моржовая кость, токарная обработка. Длина 7,9 см; ширина 5,3 см; высота 1,6 см. Оружейная палата (Rüstkammer), инв. № P 124

Илл. 9. **Набалдашник для трости.** Моржовая кость, токарная обработка. Высота 3,3 см; диаметр вверху 3 см; диаметр внизу 1,4 см. Зеленые Своды (Grünes Gewölbe), без инв. №

Илл. 10. **Сапфир.** Вес 547,71 карат. Зеленые Своды (Grünes Gewölbe), инв. № VIII 162

И. Шварц. **Неизвестный портрет молодого Петра I**

Илл. 1. Картина Яна Купецкого

Илл. 2. Ф.-Х. Вебер. «Преображенная Россия»

В.В. Аристов. **Петровские реликвии и памятники в Венгрии**

Илл. 1. Венгерский князь Ференц II Ракоци

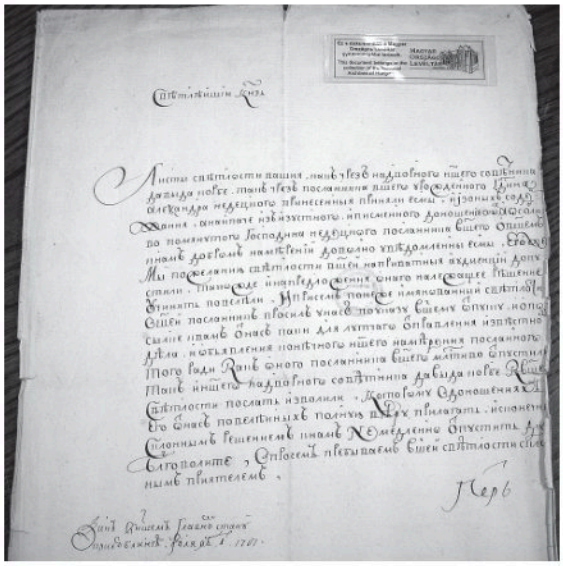
Илл. 2. Портрет Ференца II Ракоци на 500-форинтовой купюре выпуска 2003 года

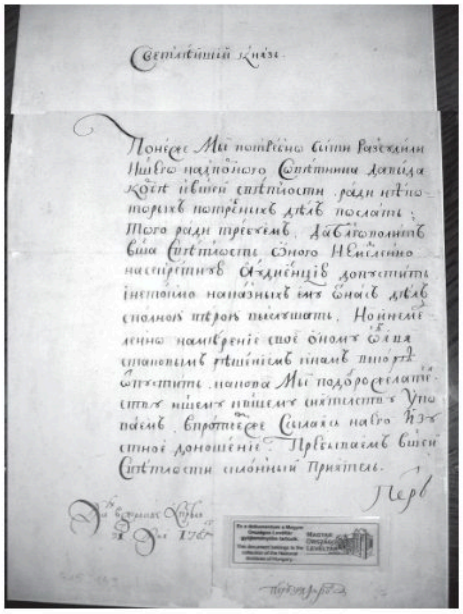
Илл. 3. Буда в 1868 г.

Илл. 4. Мемориальная доска Емельяну Украинцеву на стене сербской церкви в Эгере

Илл. 5. Письмо Петра Великого к Ракоци. Написано в Главном стане при Люблине 1 июля 1707 года. Венгерский государственный архив. Фото В. Аристова. 2011

Илл. 6. Письмо Петра Великого Ференцу II Ракоци, написанное в Жолкиеве 21 апреля 1707 года. Венгерский государственный архив. Фото В. Аристова. 2011

Илл. 7. Эгер в XVII в.

Илл. 8. Мемориальная доска Карлу XII в Будапеште

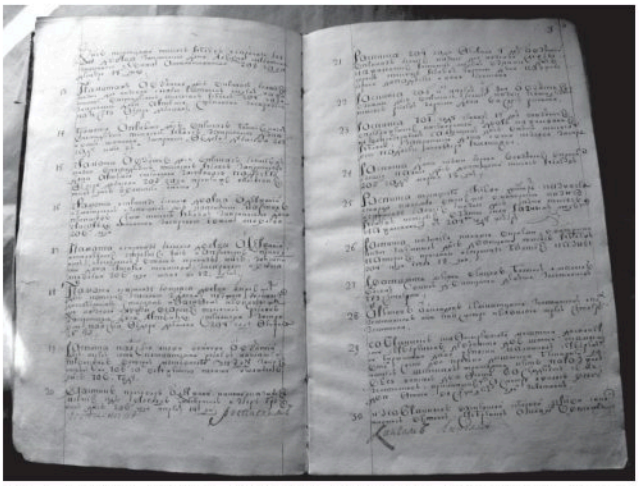

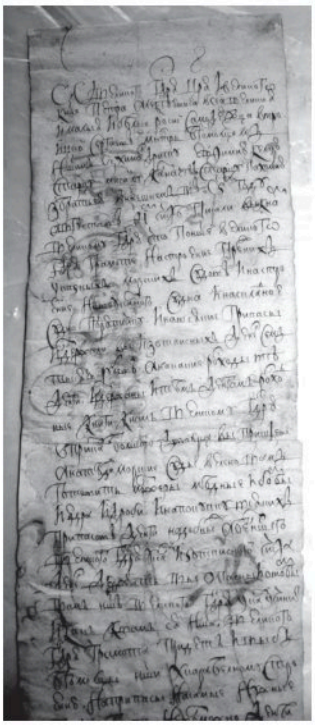
Илл. 9. Конная статуя Ференца II Ракоци в Будапеште

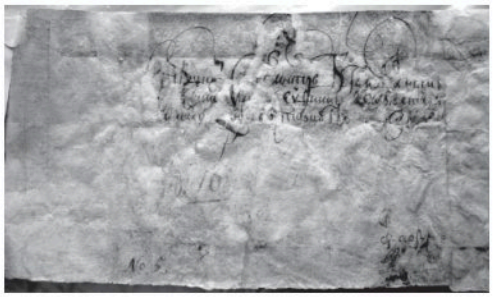
Илл. 10. Русская улица с греко-католической церковью Св. Николая. Токай. Февраль 2012 г.

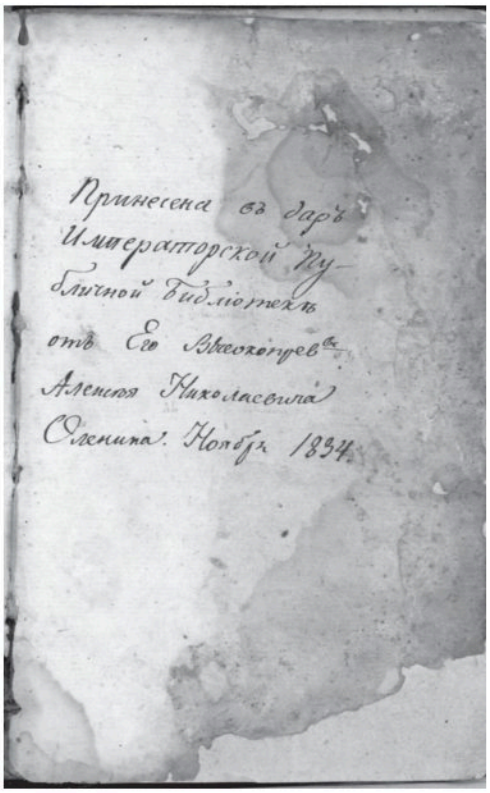
Илл. 1. Опись казны. 1744 год. Л. СПМЗ. инв. № 59–66 рук.

Илл. 2. Грамота от 26 августа 1698 года. СПМЗ. Инв. 200-рук. Л. 1. Фрагмент

Илл. 3. Грамота от 26 августа 1698 года. СПМЗ. Инв. 200-рук. Л.1 об. Фрагмент

Илл. 1 Надпись на книге «Приклады како комплименты пишутся». (М.,1709) из библиотеки А.Н. Оленина

Илл. 2. Суперэкслибрис графа Э. Гуттен-Чапского на верхней крышке переплета «Книги Устава воинского о должности генералов...» (СПб., 1719)

НОВОЕ ГАЛАНСКОЕ

КАРАБЕЛНОЕ СТРОЕНІЕ

ГЛАШАЮЩЕЕ

СОВЕРШЕННО ЧІНЕНІЕ КАРАБЛЯ,

Со всѣмі его вышнімі частмі, чіслами объявлено; какъ спускаютъ карабль; на которомъ Галанскої Адмірал въ разныхъ вѣдахъ; еще одінъ

ПРОРѢЗАНОЇ КАРАБЛЬ

Отъ перваго ранга: купно съ нѣкоторымі прорѣзанімі карабелнімі частмі [адмиралтейцкая яхта] ботік, шлюпкі, і въ мімохожденіі, между собою англинского і французского адмиралов, і какъ повалитъ корабль, якорі, галерки, ранніе компасы, квадрантъ, нахтвехтеръ, градъ і шпигельбоогъ; тутъ же всякіе

КАРАБЕЛНЫЕ ФЛАГІ,

Со своімі гербамі, цвѣтамі і съ началами.

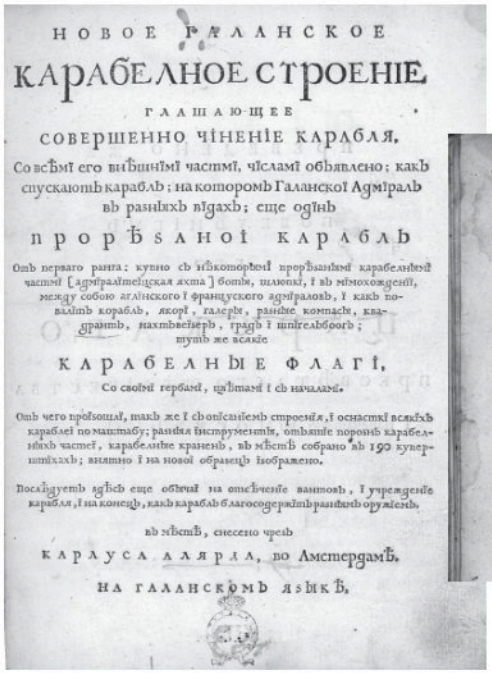
Отъ чего произошлі, такъ же і съ описаніемъ строенія, і оснастки всякихъ кораблей по маштабу; ранніе інструментів, отъ чіе поронъ карабелнихъ частей, карабелніе кранены, въ мѣстѣ собрано въ 190 купертішкахъ; внятно і на новой образецъ изображено.

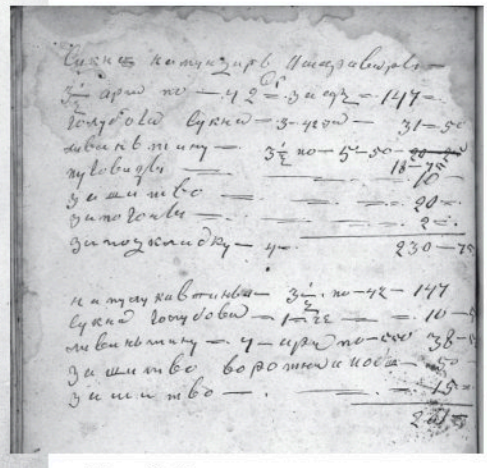
Послѣдуетъ здѣсь еще обычай на отсѣченіе вантовъ, і учрежденіе корабля, і на конецъ, какъ корабль благосодержитъ ранніе оружем.

въ мѣстѣ, снесено чрезъ

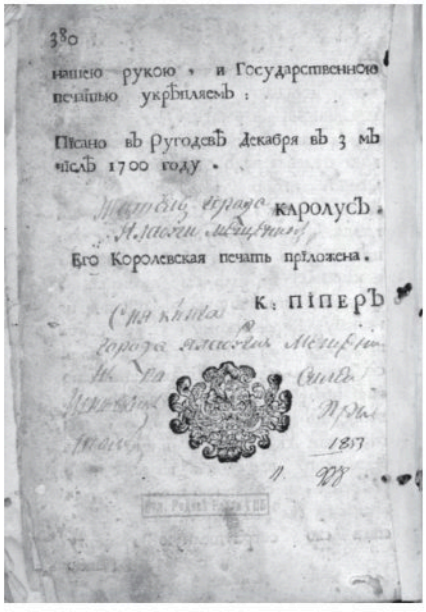
КАРАУСА ДАЛАРДА, во Амстердамѣ.

НА ГАЛАНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

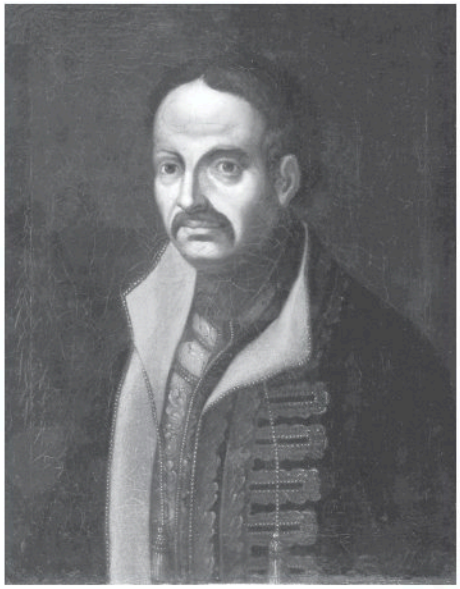

Илл. 3. Владельческая запись – расчет материалов на шитье мундира и полукафтана в книге «Новое галанское карабелное строение» (М., 1709)

Илл. 4. Владельческая надпись «Сия книга города Елабуги мещанина Василия Шишкина» на книге «Разсуждения какие законные причины его величество Петр великий... к началу войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел» (СПб., 1722)

А.А. Севастьянова. **Портреты и предметы петровской эпохи из коллекции купца Антонова в музеях Рязани**

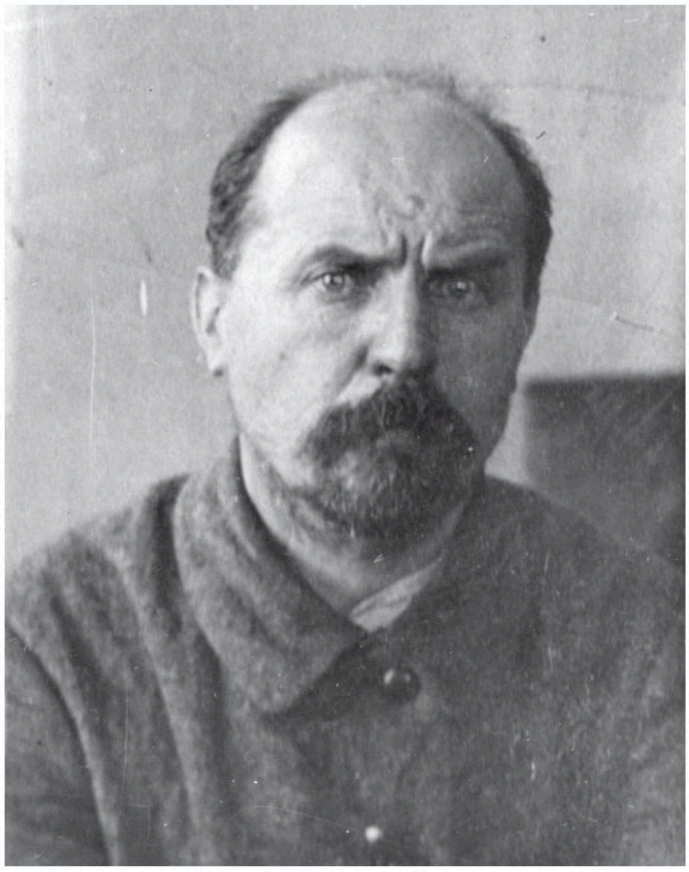

Илл. 1. Портрет гетмана Мазепы из фондов Рязанского художественного музея

Илл. 2. Гравюра А. Афанасьева

А.Т.Березнев. **Деятельность М.П. Трунова и его последователей по сбору и сохранению реликвий эпохи Петра Великого**

Михаил Павлович Трунов

Издания Института Петра Великого

- Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. — СПб.: Европейский Дом, 2012. — 304 с., илл.
- *Юркин И.Н.* Пётр Железный. Петр Великий и Тульский край: факты, гипотезы, документы. — СПб.: Европейский Дом, 2012. — 352 с., илл.
- *Андреева Е.А.* Рождение Петербурга. — СПб.: Лик России, 2011. — 184 с., илл.
- Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. — СПб.: Европейский Дом, 2011. — 294 с., илл.
- Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть I: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы. / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. — СПб., Издательский дом «Міръ», 2011. — 416, 453, 464 с.
- *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский дом, 2011. — 178 с., илл.
- Петровские памятники России: Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. Часть 1. Ред.-сост. А.В. Кобак, Н.Л. Корсакова. — СПб.: Европейский дом, 2010. — 440 с., илл.
- Петр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. — СПб.: Геликон Плюс, 2009. — 552 с., ил.
- *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 696 с.
- *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. Науч. ред. Э. Вагеманс. — СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. — 912 с.

Сайты

- Энциклопедия «Санкт-Петербург»: http://www.encspb.ru/
- Свод петровских памятников России и Европы: http://spp.lfond.spb.ru/

ПЕТРОВСКИЕ РЕЛИКВИИ В СОБРАНИЯХ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Материалы
III Международного конгресса
петровских городов

Санкт-Петербург
8–10 июня 2011 года

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

978 5 8015 0291 5

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x88/16.
Бумага офсетная Печать офсетная.
Печ.л. 22. Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
Тел. (812) 279-0285
E-mail: evrodom2006@list.ru